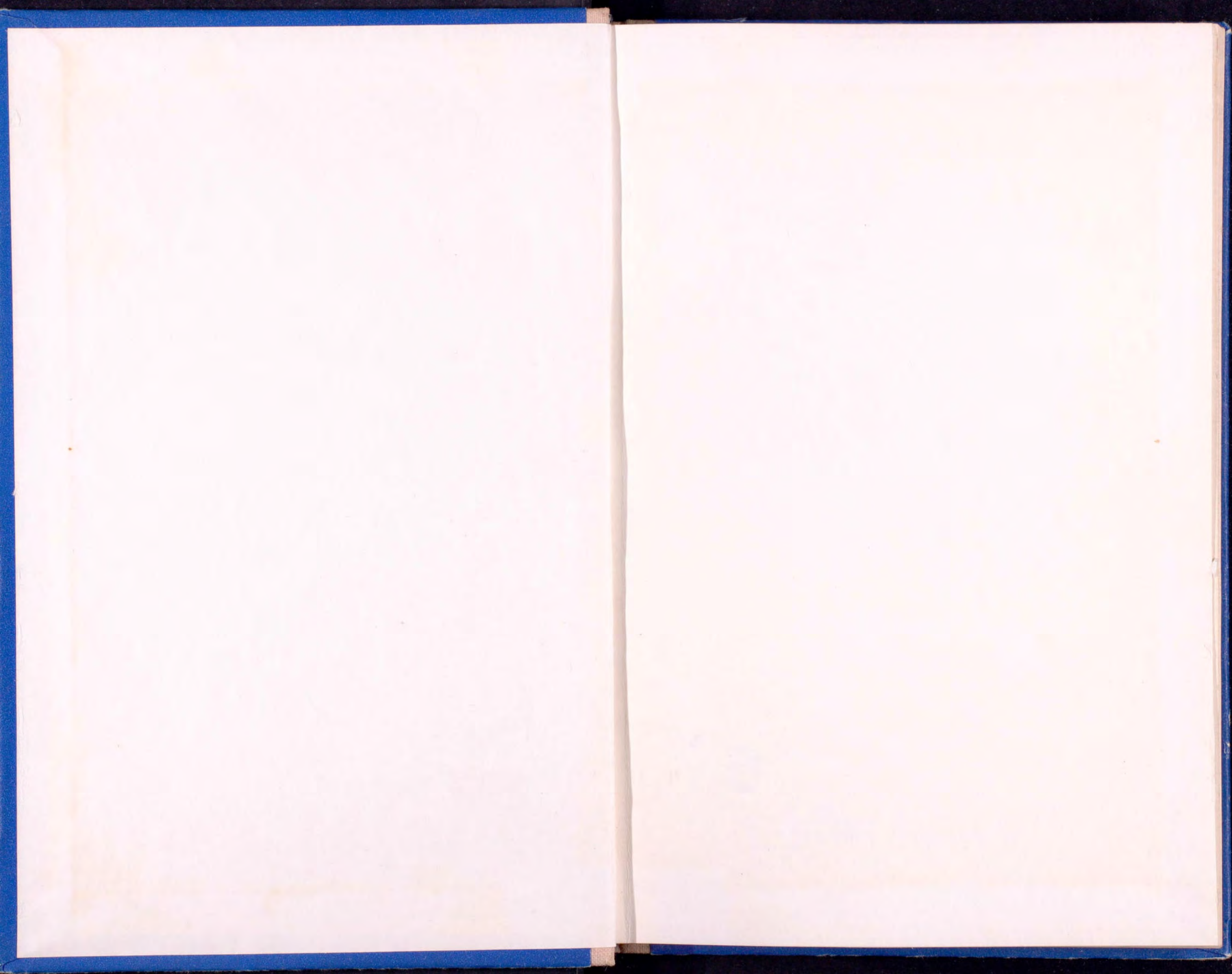

АГРАРНЫЕ СТРУКТУРЫ СТРАН ВОСТОКА

ГЕНЕЗИС,
ЭВОЛЮЦИЯ,
СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АГРАРНЫЕ СТРУКТУРЫ СТРАН ВОСТОКА

*Генезис, эволюция,
социальные преобразования*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
В. Г. РАСТЯННИКОВ

В сборнике освещается ряд важнейших проблем аграрной эволюции развивающихся стран Востока (характер традиционных социальных структур и их трансформация; аграрное перенаселение и капиталистическое развитие помещичьих хозяйств; пути аграрных преобразований; соотношение традиционного и современного в деревне в условиях НТР и др.).

А 11104-062
013(02)-77 — 1-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ОТ РЕДАКТОРА

В последние годы значительно возрос интерес к познанию процессов, происходящих в аграрной экономике развивающихся стран. Объясняется это не только тем объективным обстоятельством, что деревня здесь постепенно все активнее втягивается в водоворот бурных событий общественной жизни, но и тем, что формирующиеся в сфере марксистских общественных наук новые подходы к исследованию социальных и экономических процессов позволяют по-новому увидеть и объяснить «старые», казалось бы уже изученные, аграрные проблемы или выявить те «нервные центры» аграрной проблематики, которые были скрыты от взора ученого в прошлом.

Авторский коллектив настоящего сборника не ставит (и не может ставить) задачу всестороннего освещения общественно-экономического процесса в деревне развивающихся стран Азии и Африки. Свое внимание он сосредоточивает лишь на нескольких, однако узловых, проблемах аграрной эволюции.

В поле его зрения прежде всего находятся традиционные социально-экономические структуры. И это не случайно. Сущность, роль, динамика данных структур остаются одним из наиболее слабых звеньев наших исследований по аграрной эволюции в новейший период. Недоучет силы сохранившихся традиционных отношений, их живучести иногда приводил в прошлом к неоправданно завышенной оценке зрелости процесса формирования современных общественных классов в деревне.

Аграрное население стран Востока оказалось включенным во множество социально-экономических форм, напластовывающихся одна на другую, что диктует необходимость значительного расширения пределов видения его социальных связей. Нынешнему исследователю-аграрнику, например, тесно в рамках столь привычных понятий, как «бедное», «среднее», «богатое» крестьянство, — понятий, отражающих структуру крестьянства при доминировании его капиталистического расслоения на базе свободных рыночных отношений. Этого исследователя сейчас все более волнует вопрос: о какой социальной общности, включающей крестьянство, идет речь — об общности, в основе своей традиционной (племенной, кастовой и т. п.), или об общности, интенсивно освобождающейся от пут традиционных отношений, интегрирующейся с «внешним» миром на основе регулируемого государством развития товарного производства и обмена, формирующей принципиально новые целевые установки социально-экономической деятельности? Каковы законы, управляющие социальным организмом традиционных структур, определяющие общественное поведение связанных с ними групп населения? Вызывается ли распад этих структур их предшествующим саморазвитием по своим внутренним законам (как это было в Европе в XVI—XIX вв.), или он происходит под влиянием появившегося не из их недр, а извне капитализма? Какую роль в разложении традиционных структур в особых условиях освободившихся стран играют общемировые процессы становления новой системы производительных сил — эпохи научно-технической революции? И, конечно, одна из важнейших проблем — общественные пути преодоления традиционных структур, и прежде всего преобразование этих структур в условиях социалистической ориентации.

Детальное изучение сохраняющихся традиционных институтов позволяет понять многие «скрытые пружины» аграрных движений, а также лучше осознать те грандиозные задачи, которые объективно стоят перед демократическими силами, спланивающими эксплуатируемые группы сельского населения в борьбе за экономическое и духовное возрождение деревни развивающихся стран Востока.

Ряд статей сборника посвящен исследованию «вечно новой» для этих стран проблемы — проблемы аграрной реформы. Ведь ликвидация феодаль-

ного землевладения образует одно из главных направлений перемен во многих освободившихся странах за последние годы [см. 7, 13].

Радикальное изменение структуры собственности на один из основных факторов общественного труда — землю — составляет необходимое условие социального прогресса развивающихся стран. Не только и не просто чисто экономические задачи решает здесь реформа земельных отношений. В освободившихся странах Востока земельная собственность пока в большой степени сохраняет черты «устаревшей надстройки» [6, 230], т. е. представляет собой такой социальный институт, которому, говоря словами Ф. Энгельса, «сопутствует общественная и политическая власть» [5, 524] (в зависимости от конкретных обстоятельств власть, опирающаяся на землевладение, может проявляться на разных уровнях общенациональной иерархии власти: от низших ее звеньев — власти в сельских местностях, до самого высокого звена — власти в масштабах всего общества) и в котором непосредственно фиксируется внеэкономическое отношение господства и подчинения. В конкретной действительности данных стран проявления социально-политического бытия землевладения весьма многообразны. Это и непосредственное насилие крупных землевладельцев над производителями (например, их массовый сгон с земли); и выжимание чрезмерного прибавочного труда на основе внеэкономических отношений господства и подчинения; и узурпация верхушкой деревенского общества (представленной, как правило, богатыми землевладельцами) части национального дохода, перемещаемой государством в деревню в форме материально-денежных ресурсов (средства для кооперации, предметно-вещественные элементы производительных сил); и развитие реакционных тенденций в общественно-политической жизни, оказывающих отрицательное воздействие, помимо прочего, на самый экономический рост; и задержка процессов духовного раскрепощения народа, и т. п.

Значение глубокой аграрной реформы в развивающихся странах Востока состоит именно в том, что с уничтожением крупного землевладения она существенно подрывает весь институт внеэкономических отношений господства и подчинения, в большой степени связанных с этим землевладением, его тлетворное влияние на ход общественной эволюции. Тем самым такая реформа, ликвидируя основу власти самого реакционного класса общества — крупных землевладельцев, снимает мощный внутренний внеэкономический барьер, стоящий на пути социального прогресса.

В фокусе исследования аграрной реформы в отдельных странах находится проблема ее социальной направленности, путей развития данной страны в целом. Авторами при этом выявляется одна из наиболее характерных тенденций современной аграрной эволюции в освободившихся странах Востока — существенное усиление роли государства в социально-экономической трансформации деревни. Становление этой тенденции определяется тем, что на основе стихийного процесса, управляемого законами развития частной собственности, как свидетельствует исторический опыт этих стран, не могут быть решены назревшие задачи национального возрождения (устранение диспропорций экономического развития, вытекающих из отставания сельского хозяйства, ускорение темпов экономического роста, ликвидация голода, нищеты, пауперизма огромных масс населения и др.).

Правящие слои данных стран ныне стремятся решительнее идти по пути углубления аграрной реформы, осуществляют массированное вторжение (через различные государственные институты) в общественную и экономическую жизнь деревни. Касается это не только стран социалистической ориентации, но и многих стран капиталистической ориентации. Главной причиной возрастающей самостоятельности правящих слоев в решении аграрного вопроса во второй группе стран является не только внутренняя общественная борьба (давление «снизу»), но и усиливающаяся императивная потребность устранения острейших противоречий, вытекающих из факта включенности развивающихся государств в мировую капиталистическую систему в качестве подчиненного, зависимого от мирового капитала звена. В результате в деревне освободившихся стран Востока нарастает тенденция к становлению различных «огосударствленных» форм производства, ко все более жесткому

регулированию государством (посредством применения как экономических, так и — еще больше — внеэкономических методов) общественно-экономического развития (в том числе и его капиталистической формы). Короче говоря, от стихийной эволюции аграрной экономики вообще и отдельных ее подразделений в частности интенсивно осуществляется переход к направляемому их развитию.

Как и во всякой другой области науки, в изучении аграрных проблем развивающихся стран существует немало спорных, дискуссионных вопросов. Об одном из них хотелось бы сказать здесь. Иногда подвергается сомнению правомерность использования понятий «традиционные структуры», «традиционные отношения» применительно к развивающимся странам как якобы понятий «неклассовых», «несоциальных». С таким подходом вряд ли можно согласиться. Понятия, содержащие термин «традиция», «традиционный», — неотъемлемая часть марксистского категориального аппарата, их широко применял гениальный создатель «Капитала» (например: «традиционные придатки», присущие добуржуазным формам земельной собственности [2, 167]; «традиционные отношения земельной собственности» [1, 734]; «традиционные отношения различных земельных владений» [3, 257]; просто «традиционные отношения», в борьбе с которыми утверждается господство «капиталистического способа производства» [3, 258]; «традиционные земледельческие порядки», с которыми «так беспощадно» расправлялось «капиталистическое производство» в Англии начиная с эпохи Генриха VII [3, 256]; «старые, традиционные отношения народонаселения и производства, все прежние экономические отношения» [4, 464]; «решающая роль» «традиции» при господстве такого «общественного производственного отношения», как отработочная рента [2, 356]).

Ряд дискуссионных проблем рассматривается и в статьях данного сборника. Авторский коллектив при этом исходит из того, что уже сама по себе постановка спорных вопросов сообщает мощный импульс развитию творческой мысли ученых, способствуя прогрессу теоретических исследований; потребность же в таких исследованиях весьма остро ощущается в области науки, объектом изучения которой является аграрный вопрос в освободившихся странах.

Статьи сборника сгруппированы в разделы. Распределение по разделам не носит строгого проблемно-последовательного характера. Более того, читатель несомненно обнаружит перекрещивающиеся линии исследования в статьях, помещенных в разных разделах. Специфический угол видения проблемы (процесса), свойственный тому или иному автору, и был той основой, на которой осуществлялась эта группировка.

Сборник подготовлен коллективом Отдела общих проблем современного развития стран Азии и Северной Африки Института востоковедения АН СССР совместно с научными сотрудниками страноведческих отделов Института, а также исследователями из Института мировой экономики и международных отношений, Института истории СССР и Института Африки АН СССР и Владимирского педагогического института.

ЛИТЕРАТУРА *

1. Маркс К. Капитал, т. I. — Т. 23.
2. Маркс К. Капитал, т. III, ч. II. — Т. 25, ч. II.
3. Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. II. — Т. 26, ч. II.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Т. 46, ч. II.
5. Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. — Т. 22.
6. Ленин В. И. И. И. Скворцову-Степанову. 16 декабря 1909 г. — Т. 47.
7. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976.

* Здесь и далее труды К. Маркса и Ф. Энгельса даны по Сочинениям, изд. 2; В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

ТРАДИЦИОННЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ,
РАЗЛОЖЕНИЕ

*В. П. Данилов, Л. В. Данилова,
В. Г. Растянников*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ
КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Крестьянское производство — основа всех послепервобытных докапиталистических социальных структур. Даже в современных условиях крестьянство составляет свыше половины населения земли. Начав формироваться как особый социальный слой в ходе разложения первобытнообщинного строя и зарождения классовых антагонизмов, крестьянство проходит через всю историю классового общества. Наряду с общими чертами, вытекающими из положения крестьян как мелких сельскохозяйственных производителей, ведущих индивидуальное хозяйство своей семьи на доиндустриальном базисе труда, крестьянству разных исторических стадий присущи специфические черты, определяемые господствующими отношениями той формации, в недрах которой оно существует. В классовых обществах крестьянство — подчиненный и эксплуатируемый, социально приниженный слой. Только социализм принципиально и коренным образом перестраивает крестьянское хозяйство и соответственно изменяет социальный облик крестьянства как класса. Мелкое индивидуальное хозяйство заменяется крупным кооперированным, т. е. общественным хозяйством. С этого момента крестьянство становится совокупностью членов сельскохозяйственных кооперативов, совместно владеющих средствами производства и ведущих коллективное хозяйство.

Настоящая статья содержит анализ крестьянского хозяйства как исторически определенной формы производства. Она посвящена выяснению того, что собою представляет крестьянское хозяйство как экономическое явление, как и когда оно возникает, каковы черты естественных и исторически созданных, в частности социальных, элементов производительных сил, присущих этой форме производства и определяющих ее положение в об-

щественно-экономической системе. В центре исследования — механизм и формы включения крестьянского хозяйства в общественную связь на разных этапах исторического развития.

При рассмотрении проблемы разложения и исчезновения крестьянского хозяйства в условиях аграрно-капиталистического развития и его трансформации в ходе социалистических преобразований основное внимание уделяется факторам, имеющим решающее значение в эволюции крестьянства развивающихся стран — огромной массы непосредственных производителей, ведущих мелкое хозяйство, перед которыми история с такой остротой поставила вопрос о будущем. Особо важную задачу составляет выявление укладной принадлежности непосредственных производителей, занятых в сельском хозяйстве (в частности, выделение мелкотоварного уклада в деревне), ибо без этого затруднена выработка строгих и точных научных критериев, позволяющих определить основу, на которой осуществляется воспроизводство в сельском хозяйстве, и тенденции его развития.

* * *

В послепервобытных докапиталистических обществах парцеллярное хозяйство было необходимой, исторически обусловленной формой производства. Соответствуя определенному уровню развития производительных сил и общественного разделения труда, оно явилось материальной предпосылкой возникновения и существования крестьянства как особого социального слоя. Функционирование парцеллярного хозяйства в качестве господствующей формы организации производительных сил на докапиталистических стадиях обусловило роль крестьянства как главного производящего класса, чей труд создавал основную массу материальных ценностей, а тем самым формировал условия общественного прогресса. Выделение и развитие парцеллы, развязывающие инициативу и творческую энергию трудящегося индивида, создавали базу для появления в дальнейшем крупного производства, перехода к общественно-концентрированным условиям труда. В то же время парцеллярность производства в докапиталистических обществах предопределяла ту или иную степень несвободы непосредственных производителей, их положение как подчиненного и эксплуатируемого класса. В послепервобытную докапиталистическую эпоху парцеллярное хозяйство — основной объект эксплуатации и извлечения прибавочного продукта. Такую же роль оно играет в большинстве современных развивающихся стран.

Формирование мелкого семейного хозяйства началось еще в недрах первобытнообщинного строя. Но на той стадии такое хозяйство было нежизнеспособно вне общины, являвшейся производственным и социальным организмом. Прогресс в разви-

тии средств производства, резко ускорившийся со времени неолитической революции (прежде всего появление металлических орудий труда и простых механизмов и использование тягловой силы животных), рост общественного разделения труда вели к индивидуализации производства. По мере развития этого процесса парцеллярное хозяйство превращалось в источник частного присвоения, в результате чего закладывались основы для возникновения классового общества. С обособлением и укреплением семейно-индивидуального хозяйства, становящегося элементарной экономической ячейкой, приобретением им хозяйственной самостоятельности место кровнородственной общины с присущим ей коллективизмом производства и распределения постепенно, через ряд переходных ступеней занимает территориальная община, состоящая из отдельных домохозяйств (больших и малых семей). Параллельно происходит разложение архаической коллективной собственности, складывается мелкое семейно-индивидуальное владение, а затем и мелкая частная собственность, что порождает имущественную, а позднее и социальную дифференциацию общинников. Часть их вливается в состав господствующего класса¹, а подавляющее большинство оказывается в положении зависимых и эксплуатируемых людей. Именно с этого исторического момента можно говорить о крестьянстве как об особом общественном слое. По определению К. Маркса, мелкое крестьянское хозяйство (как и независимое ремесленное производство) образует экономический базис феодального, а также античного общества в пору его расцвета, пока рабство не овладело производством; известное время оно существует и наряду с капиталистическим производством [5, 346].

Парцелла обретает свою адекватную, классическую форму там, где работник является свободным частным собственником условий труда [5, 771]. Однако в классовом обществе свободная крестьянская собственность преобладает лишь в исторически ограниченные периоды. (В древности — это период, непосредственно последовавший за разложением архаических форм собственности и социальности; в более близкое к нам время — канун капиталистической эры в некоторых западноевропейских государствах.) Рост социальных антагонизмов, почва для которых создается с индивидуализацией производства, ставит предел развитию частной собственности трудящихся индивидов. Выделяющаяся из общины парцелла подпадает под власть государства и иных органов принуждения, которыми располагает господствующий класс. В рабовладельческих и феодальных об-

¹ Так, из групп бывших состоятельных общинников, возникших в ходе имущественной дифференциации общины в доколониальный и колониальный периоды, сформировался нижний, наиболее многочисленный, слой нынешнего класса крупных землевладельцев, образующих главную опору докапиталистических форм эксплуатации во многих развивающихся странах Азии.

ществах парцеллярная собственность неизбежно поглощается крупным землевладением.

При всем сходстве в принципах организации производительных сил и ведения хозяйства, а также в непосредственно связанных с производственной деятельностью сторонах материальной и духовной культуры парцелльные крестьяне древнего мира, средневековья, нового и новейшего времени существенно разнятся между собой. Роль крестьянства в экономике и в целом в общественной жизни, его социальный и духовный облик на разных стадиях исторического развития зависят от господствующего способа производства. Им определяется и общий строй социальных отношений крестьянских хозяйств, и направленность их расслоения. Господствующие на докапиталистических стадиях производственные отношения обуславливали положение крестьянства как класса-сословия, для которого характерны зафиксированные традицией либо законодательством объем прав и обязанностей, социально закреплённый вид производственной и всякой другой деятельности, место в общественно-политической системе, юридический статус [см. 19, 311]. Конкретные формы сословности крестьянства менялись не только при переходе от одной докапиталистической формации к другой, но даже в пределах каждой из этих формаций².

Парцеллярный характер производства определил двойственность социального облика крестьянства: это и непосредственные производители, труженики, и мелкие частные собственники, владельцы собственных условий и средств производства. Имманентные мелкому производству общественные связи, весь образ жизни крестьян изолируют их друг от друга. Отсюда специфические черты идеологии крестьянства и его классового самосознания. При всей многоликости крестьянства разных эпох и регионов, различия места в общественной системе ему свойственны такие черты, как приверженность традиции в производстве, быту, узость интересов, местная замкнутость, раздробленность. Характеризуя эти особенности крестьянства как общественного слоя, К. Маркс писал: «Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцелльными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой националь-

² Особенно велика социальная пестрота крестьян в раннеклассовых обществах. Наряду с правами и обязанностями, свойственными всем свободным общинникам, отдельные группы крестьянства либо обладают привилегиями, либо, напротив, характеризуются утратой первоначального полноправия. Градуированность свободы — отличительная черта общества, переходного от первобытнообщинного строя к классовому. В известной мере она сохраняется и в зрелых классовых докапиталистических обществах.

ной связи, никакой политической организации,—они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени...» [4, 208].

В ходе общественного прогресса натуральная система производительных сил сменяется индустриальной, парцеллярное хозяйство претерпевает процесс разложения. «Этот способ производства,—отмечает К. Маркс,—предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества... Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения» [5, 771]. Окончательное уничтожение мелкого крестьянского хозяйства происходит в эпоху развитого капитализма. С утверждением капитализма крестьянство утрачивает роль основного общественного класса, подвергаясь постоянному расслоению на социально неоднородные группы, в итоге,—на пролетариат и буржуазию. Однако в силу присущих мелкокрестьянскому хозяйству особенностей оно длительное время сохраняется, сосуществуя с развитыми, индустриальными формами производства. Даже в эпоху монополистического капитала капиталистическое производство не сразу и не везде вытесняет семейно-индивидуальное хозяйство³. В развитых капиталистических странах интенсивное размывание слоя мелких производителей в сельском хозяйстве по существу лишь с 50-х годов XX в. вступило в завершающую стадию. В развивающихся странах, напротив, разложение крестьянства происходит крайне медленно, «застывая» на длительное время на промежуточных стадиях.

* * *

В своей наиболее типичной форме крестьянское хозяйство характеризуется универсальностью хозяйственной деятельности, сочетанием земледельческого производства с домашней промышленностью, натурально-потребительской направленностью. К. Маркс писал о таком хозяйстве: «Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом» [4, 207].

³ Крестьянство перестало существовать как специфический общественный слой лишь в Великобритании. Применительно к началу 20-х годов XX в. В. И. Ленин отмечал: «...Почти во всех капиталистических странах,—может быть, за исключением Англии,—существует класс мелких производителей и мелких земледельцев» [28, 41].

В марксистской политэкономии под натуральным хозяйством имеется в виду хозяйство, базирующееся на натуральной системе производительных сил, т. е. такой системе, при которой естественно возникшие средства производства доминируют над исторически приобретенными [об их различии см.: 13, 65; 5, 188—192 и др.]. Главное средство производства при этой системе — земля со всеми относящимися к ней естественными факторами и процессами⁴. Будучи включенными в производство, они выступают как производительные силы. Несмотря на вложение овеществленного труда, такие средства производства остаются природными не только по происхождению, но и по характеру⁵. И человек как рабочая сила при натуральной системе производительных сил предстает прежде всего со своей природной, физической стороны, в качестве мускульной, энергетической силы, хотя само существование земледелия и вообще производящего хозяйства немыслимо без определенного производственного опыта человека, его навыков и знаний. Исторически созданные средства труда (земледельческие орудия, ирригационные сооружения, одомашненные животные, ремесленные инструменты, здания, дороги и пр.) наряду с производственным опытом служат средствами включения природных факторов в трудовой процесс. Неизбежное следствие господства натуральной системы производительных сил — потребительский характер производства, сращенность непосредственного производителя со средствами производства и условиями труда.

Преобладание естественно возникших производительных сил над исторически приобретенными и соответственно живого труда над овеществленным, являющееся главной чертой натуральной системы производительных сил, предопределило внутренний строй крестьянского производства, его цель и направленность, характер трудовой кооперации, его осуществляющей, возможности и границы его развития и в итоге его место в общественной системе. С этой системой производительных сил тесно свя-

⁴ Развернутую характеристику натуральной системы производительных сил как принципиально отличной от последующих систем (индустриальной и научно-технической) не только по количественным (степень развития труда), но и по качественным (соотношение структурных элементов и их функциональная зависимость) признакам см. [43, гл. II; 52, гл. I].

⁵ Такова, например, пашня, т. е. земля, в которую уже вложен человеческий труд. Ее включение в производство в качестве фактора человеческого труда предполагает использование исторически созданных средств производства, высокого развития рабочей силы. Сказанное о земле относится также к культурным растениям, домашнему скоту и другим природным факторам и процессам [5, 189—192]. Само собой разумеется, что для каждого из естественных факторов производства существует свой предел вложения овеществленного труда. В земледелии, например, имеются более широкие возможности изменения изначального физического характера средств производства, нежели в животноводстве [Специальное исследование этого вопроса см. 60, гл. I]. С этим обстоятельством связана одна из причин того, что без контакта с земледельческими обществами общества кочевников не выходят из раннеклассового состояния.

зано существование крестьянской семьи как трудового объединения, производственной кооперации, являвшейся существенным производственным фактором. Семейная кооперация представляла собой дополнительную производительную силу, увеличивала эффективность использования имеющихся в крестьянском хозяйстве средств производства, а при определенных благоприятных условиях служила источником расширенного воспроизводства [о роли кооперации как особой производительной силы см. 5, 337 и сл.].

В парцеллярном хозяйстве осуществляется поло-возрастное, естественно возникшее распределение трудовых функций. «...Индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи», труд выступает в своей специфической конкретной форме, а продукты труда — как потребительная стоимость [5, 88]. Состояние семейной кооперации в крестьянском хозяйстве (численность семьи, возрастной состав, внутренние взаимоотношения), направленность ее эволюции определяются господствующими общественными отношениями. Конкретные формы крестьянской семьи как трудового объединения широко варьировались в зависимости от социальной среды, а также от природных условий, прямо отражавшихся на естественно возникших производительных силах, формой организации и использования которых было крестьянское хозяйство. В свою очередь численность и возрастной состав семьи воздействовали на развитие и функционирование крестьянского хозяйства, находились в определенном соотношении с мощностью крестьянского хозяйства, влияли на характер его сношений с внешним миром.

В экономической литературе на материалах о европейском крестьянстве выявлена следующая интересная и важная закономерность: с ростом численности крестьянского двора при прочих равных условиях, как правило, растут норма земельного надела, величина посева, количество скота и инвентаря (в расчете на двор и на душу населения), т. е. повышается мощность хозяйства⁶. Учет этой закономерности, порожденной

⁶ Эта закономерность частично проявляется и в современных развивающихся странах. Норма земельного надела с ростом численности двора здесь также нередко увеличивается в большей пропорции, чем растет сама численность двора. Так, в Индии, по данным 16-го национального выборочного обследования (1960/61 г.), безземельные деревенские семьи насчитывали в среднем только 3,86 человека; средний численный состав семей лиц, ведущих хозяйство, был таков [63, 77]:

Хозяйственная площадь на двор, акры	Число членов семьи
Менее 2,5	4,88
2,5—5,0	5,46
5,0—7,5	6,04
30—50	7,51
50 и более	8,35

семейной кооперацией как дополнительным производственным фактором, совершенно необходим для различения имущественного расслоения, выраставшего на натурально-потребительской основе, и расслоения, возникавшего под воздействием развития товарного производства и обмена. Различия в имущественном положении крестьянства, как о том свидетельствуют исторические источники, выявляются на весьма ранних стадиях исторического развития, задолго до сколько-нибудь значительного вторжения товарно-денежных отношений в мелкое производство⁷. На этих стадиях неравенство в отношении хозяйственной мощности проистекало в основном из различий в численности и структуре крестьянской семьи как трудовой кооперации, а также из неоднородности конкретных условий хозяйствования, вызванных особенностями местных естественно-географических условий. На процесс имущественной дифференциации крестьянства в огромной степени влияли различия в методах внеэкономического принуждения, величине изымаемого прибавочного продукта и форме его отчуждения.

Традиционность крестьянского хозяйства, господство в нем простого воспроизводства ведут к тому, что его рост происходит по преимуществу вширь и находит выражение прежде всего в значительном увеличении численности крестьянского двора. Во всех странах, где сохраняется система парцеллярного хозяйства, наблюдается бесконечно повторяющийся процесс дробления крестьянских дворов в результате возникновения молодых семей и распада «материнских» семей на самостоятельные «дочерние». Этот процесс является следствием не только демографических, но и взаимодействующих с ними социально-экономических факторов. Дробление порождает тенденцию к

Однако при увеличении нормы земельного надела мощность хозяйства отнюдь не всегда повышается. В подразделениях аграрной экономики, опирающихся на натуральные производительные силы, нередко действует такая закономерность: традиционная общественная психология (обусловленная, например, кастовым сознанием) препятствует семейным работникам непосредственно участвовать в трудовой деятельности, побуждая хозяев прибегать к использованию чужого труда, как правило, на условиях кабалы; в результате крупное по площади хозяйство весьма часто ведется гораздо хуже и получает валовой продукт с единицы площади значительно меньший, чем более мелкое хозяйство, семейные работники которого собственным трудом участвуют в процессе производства.

⁷ В 47-й главе «Капитала» при характеристике продуктовой ренты К. Маркс писал: «Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд» [8, 359]. В приведенном отрывке речь идет о такой форме ренты, которая, как пишет К. Маркс, «по-прежнему предполагает натуральное хозяйство, то есть предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает, далее, соединение сельской домашней промышленности с земледелием...» [8, 359].

измельчению хозяйства. В нынешних развивающихся странах, деревня которых перенасыщена «избыточным» населением в результате весьма медленного оттока из сельского хозяйства рабочей силы в прочие сферы общественного производства, с одной стороны, и продолжающегося высокого демографического давления — с другой, этот процесс выражает главным образом дальнейший рост аграрного перенаселения, увеличение массы крестьянских хозяйств, неспособных осуществлять простое воспроизводство.

В крестьянском хозяйстве докапиталистической эпохи производимый продукт, как правило, был результатом совместного труда семьи и выступал как общая собственность (или владение). Соответственно двор являлся носителем имущественных прав — права на землю, на постройки и инвентарь, на продукцию и предметы домашнего обихода. Практически только личные вещи (одежда, обувь и т. п.) признавались собственностью отдельных членов двора. Однако патриархальная власть главы семьи во многих случаях достигала больших масштабов (он мог прогнать члена семьи со двора, лишить его наследства и т. д.). Права членов двора при этом резко ограничивались или даже уничтожались. Патриархальная эксплуатация внутри двора часто принимала весьма грубые формы.

Крестьянская семья перестает быть трудовым объединением лишь на стадии развитого капитализма, когда исчезает мелкое крестьянское хозяйство как специфическая форма производства, а функции хозяйствующего субъекта целиком сосредоточиваются в руках частного собственника — чаще всего главы семьи. Мелкая семейная собственность крестьянского двора превращается в частную собственность домохозяина. В период товарно-капиталистической перестройки сельского хозяйства семейная кооперация становится исходным пунктом, базисом капиталистической кооперации⁸: рабочая сила семьи заменяется наемной рабочей силой.

* * *

Парцеллярный, семейный характер крестьянского производства обусловил наличие многих общих черт, присущих крестьянству на всех стадиях его развития до перехода к социализму, сущностное единство его социально-экономической природы. Со стороны организации производства и характера предметно-вещественных факторов производительных сил крестьянское хозяйство традиционно на всем протяжении его существования до момента перестройки его воспроизводственного процесса на то-

⁸ На материалах России конца XIX в. В. И. Ленин установил, что «наиболее состоятельное крестьянство наилучше обеспечено и семейными рабочими. Семейная кооперация и здесь является базисом капиталистической кооперации» [17, 99].

варно-денежной основе. Это своего рода продолжение примитивной экономики в классовом обществе, трансформированная первобытность [см. 15, 495—518]. Однако, будучи замкнутым и самодовлеющим в своей основе, крестьянское хозяйство не способно существовать вне более широкой трудовой кооперации и социальной общности. Многие работы (подъем нови, строительство ирригационных и мелиоративных сооружений, прокладка дорог и строительство мостов, постройка крупных зданий, использование простых механизмов и хозяйственных приспособлений, а в ряде регионов и некоторые сельскохозяйственные операции, например уборка урожая) диктовали неизбежность объединения крестьян в различные общности, и прежде всего в сельские общины, служившие гарантом нормального функционирования и воспроизводства их хозяйств. Отдельные хозяйственные функции оказывались под силу лишь системе общин. С возникновением классового общества важнейшие из этих функций берет на себя государство. Последнее, как и предшествующие ему социальные общности (племена, союзы племен), обеспечивало также защиту от внешнего врага, потребности обмена, помощь в случае стихийных бедствий. Вместе с тем государство выступало орудием присвоения прибавочного труда классом эксплуататоров. В феодальном обществе место общины как низшего социально-экономического организма постепенно занимает крупное поместье, а крестьянское хозяйство превращается в его составную часть. Феодальное владение — не только организационный аппарат присвоения феодальной ренты, как это иногда изображается в литературе [см., например, 51, 23—33, 105—112], но и социально-экономическое целое, куда крестьянское хозяйство входит как элементарная хозяйственная ячейка, эксплуатируемая земельным собственником⁹.

Отдельное крестьянское хозяйство, а равно и ремесленное производство — это лишь низшая хозяйственная ячейка, необходимо включенная в более крупные социальные общности — сельскую общину, феодальное владение и т. д. Общественное производство, помимо собственно процесса производства, охватывает также распределение, обмен и потребление, т. е. такие фазы воспроизводства, которые реализуются лишь в целостном социально-экономическом организме. Как само выделение семейно-индивидуального крестьянского хозяйства, так и его развитие имело своим базисом разделение труда в обществе. Отпочковывая одну за другой сферы и отрасли общественного производства, процесс общественного разделения труда вел к существенным изменениям в формах включения крестьянства в общественную связь. Сдвиги в процессе общественного разде-

⁹ Обстоятельное теоретическое обоснование этого содержится в трудах С. Д. Сказкина и Ф. Я. Полянского [см. 57; 49; 50].

ления труда — отделение скотоводства от земледелия, а затем выделение ремесла и торговли, концентрация их в городе, дальнейшая специализация внутри обособившихся отраслей, смена способов производства — являлись вехами и в развитии крестьянского хозяйства. Уровень и характер общественного разделения труда, господствующие производственные отношения определяли положение крестьянского хозяйства в общей экономической системе.

В качестве элементарной экономической клеточки крестьянское хозяйство всегда подчинено господствующему способу производства, находится под его влиянием. Характер воспроизводства в крестьянском хозяйстве, направление его развития зависят от природы социально-экономической и политической системы в целом. На эту обусловленность социальных параметров мелкого (в том числе крестьянского) производства законами господствующего способа производства, когда первое оказывается в сфере влияния второго, К. Маркс обращает особое внимание. Так, касаясь положения мелкого производителя при капиталистическом способе производства, он пишет: «Независимый крестьянин или ремесленник подвергается раздваиванию. В качестве владельца средств производства он является капиталистом, в качестве работника — своим собственным наемным рабочим...

Разъединение выступает в нынешнем обществе как нормальное отношение. Поэтому там, где это разъединение не имеет места в действительности, оно предполагается... законом является то, что в процессе экономического развития эти функции¹⁰ разделяются между различными лицами и что ремесленник — или крестьянин, — производящий при помощи своих собственных средств производства, либо мало-помалу превращается в мелкого капиталиста, уже эксплуатирующего чужой труд, либо лишается своих средств производства... и превращается в наемного рабочего. Такова тенденция развития в той общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства» [9, 417, 419].

Изменение социального строя крестьянского хозяйства в соответствии с законами доминирующего способа производства К. Маркс выявляет и при докапиталистических формациях, например при «переносе» феодальной системы «в готовом виде» из одной страны в другую, в результате чего «в феодальном обществе приобрели феодальный облик даже и такие отношения, которые весьма далеки от существа феодализма» [9, 417].

В древневосточных государствах, являвшихся первыми известными классовыми обществами, крестьянство было объединено в общины, выступавшие в качестве низших социально-эко-

¹⁰ К. Маркс имеет в виду «функцию капитала» и «функцию рабочей силы» [9, 419].

номических организмов [7, 366; 11, 463—464. См. также 59]. Крестьянское хозяйство здесь — органическая часть общины как производственного и социального коллектива. Технологически отделившееся от земледелия ремесло в масштабах общества в целом здесь еще не обособилось в сколько-нибудь значительной мере; ремесленный труд составлял часть совокупного труда общинников, и обмен между земледельцами и ремесленниками был преимущественно натуральным (прямой обмен продуктами производства и взаимной деятельностью) [5, 369—370; 11, 456—457, 461—485; 12, 445; и др.]. Связуя общины в единое целое, государство присваивало часть их прибавочного продукта и подчиняло в форме, которую К. Маркс охарактеризовал как «поголовное рабство» [11, 485]. Со временем господствующие сословия, организованные в государство, все более эксплуатировали общины через налогово-повинностную систему. Крестьяне платили денежные и натуральные оброки, выполняли большой объем общественных работ (строительство ирригационных сооружений, храмов, дворцов, военных укреплений и т. д.) и несли различные повинности по обслуживанию хозяйств царей и знати. Постепенно образовался значительный слой крестьян, попавших в зависимость от частных лиц, храмов и других корпораций господствующего класса (в силу долговых обязательств, кабального найма и т. д.).

Та или иная степень невычлененности семейно-индивидуального хозяйства из общины как экономического и социального организма оставалась характерной для многих стран Востока в средние века и в новое время, а частично свойственна им даже на современном этапе. В Европе с переходом к классовому обществу процесс превращения ремесла (в том числе и тех его видов, которые работали на сельскую округу) в особую сферу общественного производства сопровождался концентрацией его в городе и выделением городских ремесленников в особое сословие. Само собой разумеется, что при этом сохранялось и деревенское ремесло, в том числе общинное. Но если вести речь о главной, ведущей линии прогресса в области производства, то она проходила через город. На Востоке длительное время сохранялись натуральные формы обмена, основанные на соединении земледелия и ремесла в рамках деревенской или более широкой сельской общины. Развитие ремесла, рост дифференциации внутри отдельных видов промышленного производства в несравнимо меньшей степени вели к выходу ремесленников за пределы низших производственных и социально-экономических организмов, каковыми являлись общины. В Индии, например, ремесленники, обслуживающие нужды сельского населения, оставались членами деревенских и более крупных сельских общин, были подчинены высшим кастам, управляющим общинными делами [44, 99—166].

В отличие от первобытных коллективов, в рамках которых

ремесленная специализация имела лишь чисто технологическое значение, в сельских общинах восточных государств уже на самом раннем этапе их существования профессиональное разделение труда перерастало в социальное. Но этот процесс имел место в границах низших социальных организмов и нередко протекал в формах кастовой стратификации. Консервация кастового строя, вызванная рядом конкретно-исторических причин, замедлила и усложнила процесс выделения парцеллы из недр общины, а соответственно и формирование крестьянства как особого общественного слоя. Общинник, ведущий земельное хозяйство, далеко не полностью превратился в парцелльного крестьянина.

Традиционная кооперация труда, натуральные формы обмена продуктами и трудовой деятельностью сдерживали дифференциацию земледельцев, разрушение общинного землевладения и становление крупного землевладения. Эти процессы, конечно, развивались, но оставались далекими от своего завершения. Накануне порабощения афро-азиатских стран колониальными захватчиками вычленявшееся крупное землевладение еще в огромной степени было обременено формами отношений, присущих общинной организации. Развитие крупного землевладения и частнособственнической эксплуатации происходило без существенного изменения самой организации общественного труда. Ряд важнейших функций общины как целостной системы, связанных с воспроизводством, распространялись и на крупное землевладение. Так, во многих развивающихся странах Азии до наших дней сохраняется натуральный обмен между земледелием и ремеслом, происходит перемещение части воспроизводимого в крестьянском хозяйстве продукта в фонд коллективного потребления — страховые резервы общины на случай недородов, фонд на отправление различных диктуемых традицией ритуалов и т. д.

Существенным фактором, замедлявшим вычленение парцеллярного хозяйства из общины и становление на этой основе крестьянства как особого общественного слоя, явились отмеченные К. Марксом особая роль и специфические особенности государства на Востоке [подробнее об этом см. 59]. Организация государственной властью общественных работ и развитая система государственных налогов и повинностей способствовали консервации общинного строя. В тех же странах Востока, где общинная система разрушилась на сравнительно ранней стадии, узурпировавшее функции и институты этой системы государство сдерживало свободное развитие крестьянской парцеллы. Наиболее яркий пример в этом смысле — история аграрных отношений в древнем и средневековом Китае. В результате неоднократных земельных реформ, проводимых государственной властью, на обширных территориях ликвидировалось крупное частное землевладение, устанавливалось первоначальное равен-

ство в наделах, т. е. процесс дифференциации крестьянства отбрасывался к исходному пункту [см., например, 39; 40].

Более свободное развитие крестьянской парцеллы происходило в условиях античного общества. Крестьянин греческих и римских полисов, сохраняя членство в общине, являлся частным собственником своего надела. Однако сила общинной организации была еще такова, что только принадлежность к общине, права гражданства обуславливали самую возможность обладать земельной собственностью — как обрабатываемым наделом, так и долей в общественных землях (*ager publicus*) [11, 465—467]. До самого конца существования Римской республики общинные начала были еще достаточно прочны, чтобы в определенной мере сдерживать социальную стратификацию крестьянства, предотвращать процесс утраты общинниками земельных наделов, а отчасти и личной свободы. По отношению к иноплеменникам и рабам полисная организация выступала еще как единая ассоциация свободных [13, 21—23; 11, 465]. Подвергаясь эксплуатации со стороны государства и привилегированных господствующих слоев, античное крестьянство в то же время присваивало часть прибавочного продукта, создаваемого рабами и покоренными народами. Утверждение рабовладельческого способа производства и рост частной собственности в конечном итоге подорвали экономическую базу свободного крестьянства. Конкуренция со стороны производства крупных землевладельцев, основанного на труде рабов, а также дешевизна хлеба, поступавшего из покоренных областей, разоряли непосредственных производителей. В поздних античных обществах крестьянство заметно дифференцируется. Растет контингент не-свободных людей, получает распространение колонат, непосредственно предшествовавший феодальным формам зависимости.

При феодализме крестьянство — один из двух основных общественных классов, главный антагонист господствующего социального строя. Эксплуатация крестьянства, отчуждение у него прибавочного продукта (или труда) осуществлялись через монополию на основное средство производства — землю. Крестьяне выступали как держатели обрабатываемых ими наделов. Поскольку крестьянин оставался фактическим владельцем не только орудий труда, скота и построек, но и земли, был органически сращен с ними, постольку изъятие прибавочного продукта могло происходить лишь путем внеэкономического принуждения, через экспроприацию личности непосредственного производителя. Личная и поземельная зависимость неразрывно связаны между собой как разные стороны основного производственного отношения при феодализме. Отношения земельной собственности по необходимости, диктуемой характером производства, выступали в качестве прямых отношений господства и подчинения, отношений политических [2, 301 и сл.; 3, 403; 5, 87—89; 10, 415].

Наиболее типичной, выражающей самую сущность феодальных производственных отношений, являлась частновладельческая зависимость. Однако крестьянство могло быть зависимо и от класса феодалов в целом в лице феодального государства. Формы личной зависимости крестьян широко варьировались в связи с различиями в степени зрелости феодального способа производства, в естественно-географических и исторических условиях. Зависимое положение крестьянства закреплялось обычным и публичным правом, долговыми обязательствами должников. На иерархической лестнице феодальных сословий крестьянство занимало низшую ступень, являясь самым неполноправным сословием. Вместе с тем происшедшее с переходом от рабовладения к феодализму изменение формы отношений господства-подчинения и принуждения к труду означало улучшение положения непосредственного производителя, его частичное освобождение. И раб, и крепостной приравнивались к предметно-вещественным факторам производства. Но если у раба отчуждались все связи, какими он включался в общественную систему, то при феодализме экспроприация личности крестьянина оказывалась не столь всеобъемлющей. Крестьянин был зависим прежде всего от своего сеньора (земельного, судебного, военного), в сношениях же с внешним миром и даже в вещном (товарно-денежном) обмене с господином он пользовался известной свободой. Только при условии подобного прогресса в положении трудящегося индивида был возможен переход к капиталистическому обществу, к замене внеэкономического принуждения принуждением экономическим — через куплю-продажу рабочей силы.

Отчуждаемый у феодально-зависимого крестьянина прибавочный продукт взимался в виде докапиталистической земельной ренты — отработочной, продуктовой и денежной. Совершившийся к исходу средних веков в западноевропейских странах переход от натуральных форм ренты к денежной, явившийся результатом роста в недрах феодального общества товарно-денежных отношений, сопровождался смягчением феодальной зависимости. В этих условиях крестьянское хозяйство получило более широкие возможности для своего развития, активизировались его связи с рынком. В тех странах и районах, где крестьянство не подверглось экспроприации, товаризация парцеллярного хозяйства в дальнейшем стала источником аграрно-капиталистической эволюции. В Восточной Европе начало капиталистической эры, напротив, ознаменовалось усилением барщины и крепостничества. Происходившее под влиянием развивающегося в передовых центрах капитализма становление новой системы потребностей у господствующего эксплуататорского класса способствовало втягиванию феодального поместья в рыночные отношения, развитию собственного владельческого хозяйства. Прямым следствием этого явился рост отработочной

ренты и усиление внеэкономического принуждения. Непосредственная связь крестьянского хозяйства с рынком и сопутствующая ей имущественная и социальная дифференциация крестьянства были заторможены. Таким образом закладывались основы для возобладания в будущем консервативной формы аграрно-капиталистической эволюции [подробнее см. 56; 57; 62; 30; 35].

Особую трансформацию претерпело крестьянское хозяйство в обществах, поработанных колониальными захватчиками и насильственно включенных в мировую капиталистическую систему в качестве зависимого, эксплуатируемого капиталом метрополий звена. Разрушающее воздействие колонизаторов на крестьянское хозяйство шло по нескольким направлениям. Во-первых, массовые экспроприации земли, происходившие прежде всего там, где природные факторы при прочих равных условиях обеспечивали лучшее воспроизводство и большую массу прибавочного продукта (захват наиболее плодородных земель в ряде стран Африки и Азии), сокращали фронт распространения крестьянского хозяйства. Во-вторых, усиление действия налогового-повинностной системы, выражавшееся в увеличении колониальной дани, и одновременно использование методов насильственного приспособления производства в крестьянском хозяйстве к потребностям метрополий (например, введение системы принудительных культур в некоторых странах Азии), или, говоря иначе, внеэкономическое принуждение, реализовавшееся не просто в большей массе продукта, изымаемого из крестьянского хозяйства, но и в превращении этого продукта из натуральной формы в денежную, вело к прямому разрушению производительных сил в крестьянском хозяйстве, к созданию ситуации, когда значительно возросшая часть крестьян (по сравнению с доколониальной эпохой) могла поддерживать производство лишь в хиреющем состоянии [см., например, 42].

Крестьянское хозяйство поработанных стран было, следовательно, включено в новую систему общественного разделения труда: оно стало первичной производственной ячейкой не только в пределах отдельного, экономически, как правило, изолированного подразделения «своего» общества, или даже всего «своего» общества в целом, но и в пределах мирового рынка, где господствовал капитал метрополий. Монополия этого капитала на местных рынках, опиравшаяся на политическое господство колониальных захватчиков, перекрывала каналы для становления свободных рыночных отношений в поработанных странах и вызвала такие деформационные процессы, при которых действие закона стоимости не могло играть в полной мере революционизирующую роль в разложении крестьянства, ибо не преобразовывало воспроизводственный процесс в крестьянском хозяйстве, остававшийся натуральным по своему характеру, а лишь способствовало по преимуществу перемещению части

фонда необходимого продукта этого хозяйства к эксплуататорам различных рангов. Деформация крестьянского хозяйства проявилась и в том, что оно становилось средоточием аграрного перенаселения, гигантским резервуаром возрастающей «избыточной» рабочей силы.

Таким образом, товарный продукт крестьянского хозяйства порабощенных стран, отчуждаемый в значительной своей массе внеэкономическими методами, включался в мировой кругооборот промышленного капитала [подробнее см. 6, 126], становился фактором расширенного воспроизводства капитала в «центрах» мировой капиталистической системы. Стагнация и упадок производительных сил в крестьянском хозяйстве колониальной «периферии» были оборотной стороной этого процесса¹¹.

В специфических формах личная зависимость производителя проявляется в современной деревне развивающихся стран Востока. Это прежде всего зависимость групповая, основывающаяся на отчуждении воли одного социального коллектива другим через механизм традиционных институтов. В Индии, например, данная зависимость вытекает из фактически сохраняющейся до сих пор кастовой стратификации общества, которая возникла в древности как социальная форма, закрепившая еще весьма незрелое общественное разделение труда. Для положения социально наиболее приниженного слоя — «неприкасаемых» — характерна неполноправность не только по отношению к эксплуатирующему его труд собственнику или традиционной административной элите, но и по отношению к любому представителю других сословных групп общества. В рамках такой групповой личной зависимости и вне их широко развилась в странах Востока индивидуальная зависимость, проявляющаяся в прикреплении данного конкретного работника к данному конкретному эксплуататору через механизм долгового закабаления работника (это закабаление «неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полукрепостническую» [16, 510])¹².

¹¹ Именно в результате влияния деформационных процессов, вызванных колониальным порабощением, складывание в деревне многих «периферийных» стран элементов общественного разделения труда на национальной основе (например, в форме становления торгового земледелия), охватывающее крестьянское хозяйство, сильно запоздало и протекало в целом весьма медленно.

¹² Одним из центральных моментов «экономической программы из 20 пунктов», провозглашенной правительством Индиры Ганди в середине 1975 г., было полное уничтожение крепостнических отношений в деревне, в какой бы форме они ни проявлялись. С этой целью стали приниматься не только административные меры (например, введение наказаний за использование крепостного труда), но и меры социально-экономического характера: предоставление безземельным участков для устройства жилищ и осуществление программы сельского жилищного строительства для бедноты (то обстоятельство, что деревенские бедняки, особенно «неприкасаемые», не имели собственных участков для устройства жилищ и вынуждены были селиться на землях эксплуатирующих их труд земельных собственников, автоматиче-

* * *

Увеличение овеществленного труда в составе предметных производительных сил сопровождалось изменением их качественной структуры (переход от примитивных систем земледелия к более эффективным, усовершенствование орудий труда, расширение и улучшение ассортимента возделываемых культур, выведение новых пород скота и др.). Этот процесс, связанный с поступательным ростом общественного разделения труда и товарного обмена, постепенно подтачивал натуральность и замкнутость парцеллы, вовлекая ее в более широкую общественную связь. Но даже капитализм не сразу разрушает автаркизм крестьянского хозяйства, уничтожает его натурально-потребительскую направленность. Сращенность производителя с естественными производительными силами, возможность в силу этого предельно сократить обмен с обществом, низвести потребности до минимального уровня — до уровня нищеты объясняют длительное сохранение крестьянского хозяйства в изменившихся общественно-экономических условиях. (Именно этим прежде всего и были порождены многочисленные теории устойчивости мелкого крестьянского хозяйства.)

Как бы тесна ни была связь крестьянского хозяйства с рынком, сколь бы высокой ни оказалась доля производимой им товарной продукции, пока товарно-денежные отношения не разовьются настолько, чтобы вторгнуться в воспроизводство средств производства, это хозяйство в основе своей остается натуральным. В докапиталистическую эпоху крестьянское хозяйство сохраняет потребительскую направленность не только вследствие того, что оно базируется на натуральной системе производительных сил, но и из-за общего характера докапиталистических способов производства, экономической целью которых является потребление. Специфические закономерности эволюции классовых докапиталистических обществ, элементарной экономической ячейкой которых было крестьянское хозяйство, ставили границы его развитию, в том числе и проникновению в него товарно-денежных отношений.

При определении масштабов охвата сельского хозяйства товарными отношениями исследователи чаще всего оперируют данными об удельном весе натуральной и товарной частей валового продукта хозяйства. Установление процентного соотношения этих частей, безусловно, необходимо. Вместе с тем одни лишь количественные показатели недостаточны для решения проблемы. Гораздо важнее качественный анализ, выявление того, какие именно части продукта и почему становятся товар-

ски вело к воспроизводству личной зависимости работника); организация государством региональных сельских банков специально для кредитования мелких и мельчайших производителей деревни и др. [51а, 25.XII.1975; 64, 23.VIII, 26.VIII, 2.IX, 8.IX, 25.X, 28.X.1975].

ными. Подобный анализ должен быть проведен применительно к различным группам и категориям крестьянства. Не всегда связь крестьянского хозяйства с рынком, участие в торговле означают наличие товарного производства. Продукт, произведенный как потребительная стоимость для самого производителя, временно может принимать форму меновой стоимости, возвращаясь затем в исходный пункт своего движения, т. е. здесь имеет место ситуация, при которой товарная форма продукта выступает лишь как момент простого товарного обращения, исходная и конечная точки которого совпадают. Например, бедный крестьянин нередко продает часть своего зерна вскоре после уборки урожая с тем, чтобы вновь купить его в начале следующего цикла сельскохозяйственных работ. Такого рода обращение к рынку — типичный пример товарного обращения без товарного производства, т. е. производства, которое в своем наивысшем развитии «во всем его объеме захвачено и определено меновой стоимостью», когда *«все продукты выступают как продукты для торговли»* [12, 446, 447]. Господство же докапиталистических способов производства ставит известные пределы развитию товарного хозяйства в рамках всей общественно-экономической системы, подчиняет его собственным законам¹³.

В условиях господства докапиталистических способов производства товарной частью валовой продукции обычно является прибавочный продукт [применительно к стадиям раннего и зрелого феодализма обоснование этого положения см.: 31, 49, 50, 51, 57]. Степень и конкретные формы вовлечения прибавочного продукта в сферу рынка зависят не только от общего уровня развития товарно-денежных отношений в обществе, но и от преобладающей формы земельной ренты¹⁴. Фонды возмещения средств производства и рабочей силы на этой стадии в минимальной мере втянуты в рыночный оборот (в Европе это чаще всего покупка металлических частей земледельческих орудий), т. е. воспроизводственный процесс характеризуется господством натуральных отношений. При наблюдающемся в пе-

¹³ Анализируя производство патриархальной крестьянской семьи, производящей хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и другие продукты для своего потребления, К. Маркс указывал, что «эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда» [5, 88].

¹⁴ У барщинных крестьян вовлечение прибавочного продукта в рыночную связь опосредствовано господским хозяйством. При оброчной ренте земельный собственник также является главным агентом рыночных отношений. Но при денежной ренте положение меняется: крестьянское хозяйство непосредственно реализует на рынке прибавочный продукт, выплачивая его в форме ренты земельному собственнику.

риод позднего феодализма возрастании удельного веса овеществленного труда в структуре производительных сил (хотя живой труд и на данной стадии безусловно преобладает) натуральный базис воспроизводства средств производства начинает подтачиваться: последние постепенно вовлекаются в рыночные отношения. Поэтому принципиальное значение приобретает различие крестьянина, выходящего на рынок с продуктом, чтобы выплатить феодальную ренту или приобрести предметы личного потребления, и товаропроизводителя, связанного с рынком и по линии возмещения основных фондов. Охват товарно-денежными отношениями воспроизводства средств производства означает качественно новую ступень в товаризации сельского хозяйства, действительную подготовку почвы для развития капитализма. В определенных исторических условиях этот процесс — крупный (иногда решающий) шаг по пути индивидуализации производства, вычленения парцеллы из общины.

При выделении стадий товаризации крестьянского производства необходимо, на наш взгляд, учитывать, какая именно фаза воспроизводственного процесса охвачена товарно-денежными отношениями. Первоначальная стадия товаризации связана в основном с реализацией на рынке прибавочного продукта. На этой стадии меновая стоимость еще не затрагивает всей системы крестьянского производства. На второй стадии имеет место опосредование товарно-денежными отношениями сферы воспроизводства рабочей силы (личного потребления). С этой стадии начинается товарное производство в собственном смысле слова. На третьей стадии товарно-денежные отношения охватывают воспроизводство средств производства, что подрывает самые основы натурального хозяйства.

Отмеченная последовательность вовлечения отдельных частей воспроизводимого продукта крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения объясняется структурой его производительных сил. Неразвитость исторически созданных предметно-вещественных производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития обуславливала ту или иную степень сохранения коллективных форм труда. Естественно, что в процессе выделения парцеллярного хозяйства индивидуализация производственного потребления значительно отставала от индивидуализации личного потребления (хотя последнее в определенной части — например, общинные страховые резервы — имело коллективный характер). Поэтому объективные предпосылки для превращения в товар элементов фонда личного потребления закладывались раньше, чем для превращения в товар элементов фонда производственного потребления. Кроме того, и это существенно важно, внедрение товарно-денежных отношений в данную фазу воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве могло происходить под влиянием исключи-

тельно экономических стимулов, а не внеэкономического принуждения. Более того, чем интенсивнее был гнет, давивший парцеллярное хозяйство, тем сильнее подчас мелкие производители цеплялись за традиционные формы воспроизводства средств производства. История стран Востока в новое и новейшее время эту закономерность наглядно подтверждает [см., например, 41, гл. I].

Окончательный распад натуральных отношений в крестьянском хозяйстве происходит, как правило, лишь на стадии перехода к индустриальным производительным силам, при которых овеществленный труд занимает место доминирующего элемента в рамках человеческой деятельности. Вторжение товарно-денежных отношений в сферу воспроизводства средств производства, свойственное этой стадии, порождает «раскрестьянивание», т. е. последовательную утрату парцеллярным производством комплекса присущих ему черт, как они сложились на докапиталистической стадии развития. Это длительный исторический процесс. Форма товарно-капиталистической трансформации мелкого парцеллярного хозяйства и изменения социальной природы крестьянства зависят от конкретно-исторической среды, от характера экономического развития данной страны и расстановки в ней классовых сил, при которых совершается становление и развитие капитализма.

Преобразование крестьянского хозяйства под влиянием капиталистического способа производства и процесс разложения крестьянства как класса добуржуазного общества может происходить на почве, свободной (или очищенной посредством революции) от докапиталистической эксплуататорской частной собственности и ее социальных представлений. На такой почве развитие свободных рыночных отношений, в сферу которых попадает крестьянское хозяйство, получает наибольший размах и силу. Крестьянское производство при этих условиях приобретает мелкобуржуазный характер с начальных этапов его вовлечения в систему товарно-капиталистических отношений. Парцеллярное хозяйство все более оказывается во власти законов капиталистической конкуренции. Если на первых порах, будучи вынужденным увеличить долю реализуемой на рынке продукции, мелкий производитель мог достигнуть этого путем интенсификации собственного труда и труда членов семьи, крайнего ограничения потребления, то со временем императивы законов свободной конкуренции ставят его перед необходимостью изменения технического базиса производства (замена примитивного инвентаря более совершенными орудиями, внедрение средств механизации и электрификации и т. д.). В конкурентной борьбе выживают в конечном счете относительно немногочисленные группы крестьян, превращающиеся в сельскую буржуазию. Наибольшая же часть крестьянских хозяйств постепенно утрачивает свою самостоятельность, поставляя кадры

наемного труда и для города, и для деревни. Разорение одних групп крестьянства, как и переход других его групп в ряды капиталистических эксплуататоров, осуществляется при данной форме разложения (взятой в ее чистом виде) через свободное действие закона стоимости.

При консервативной капиталистической эволюции, происходящей в условиях, когда еще не изжиты или даже господствуют докапиталистические общественные порядки, старые отношения собственности — внеэкономические отношения господства и подчинения, принуждения и кабалы искажают действие закона стоимости, в результате чего процессы разложения крестьянского хозяйства протекают в худших формах. (В зависимости от конкретных исторических условий степень деформации этих процессов по разным регионам, странам и даже отдельным районам тех или иных стран различна.) Господствующие классы, опираясь на прежние отношения собственности, осуществляют и прямое насилие над крестьянами. О капиталистической эволюции данного типа В. И. Ленин писал, что она «характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодалные черты» [20а, 129]. Данное ленинское определение замечательно тем, что здесь четко выделяется прямая и обратная связь между старыми отношениями собственности и капитализмом в период становления последнего.

При консервативном, «полуфеодалном» [21, 6] капитализме мы имеем дело с незавершенной формой капитала, когда капитал «сам еще ищет опору в прошлых или исчезающих с его появлением способах производства», еще не может отбросить «эти костыли» [12, 155]. Внеэкономические методы принуждения при такой форме применяются не только господствующим классом, но и рождающейся в процессе дифференциации крестьянства его верхушкой. В первоначальном накоплении капитала последняя активно использует старые отношения собственности — экспроприирует производителя через денежную кабалу, угнетает его методами торгового посредничества, присваивает часть фонда жизненных средств эксплуатируемых работников на основе традиционного механизма господства и подчинения, сдает часть земли в кабальную аренду и т. д. На нижнем полюсе крестьянства вследствие этого развиваются процессы пауперизации, «непролетариатского обнищания», представляющие «низшую и худшую форму разложения крестьянства» [18, 56]. Часть пауперизированного населения превращается в сельскохозяйственных рабочих, при эксплуатации которых широко используются внеэкономические методы. В целом консервативный путь перехода к утверждению капиталистического способа производства «создает больше пауперов, чем пролетариев» [20, 370], «осуждая крестьян на десятилетия самой му-

чительной экспроприации и кабалы» [20, 216]. Пауперизация крестьянства в этих условиях есть разорение мелкого производителя на натуральной основе.

Становление предпринимателя при консервативном типе аграрно-капиталистической эволюции, когда во главе капиталистического развития оказывались крупные латифундии, было сопряжено с насильственной экспроприацией parcelльного крестьянства, выступавшей в различных формах. В Англии и Шотландии, например, лендлорды, опираясь на внеэкономические рычаги своего господства, в течение XVI—XVIII вв. практически ликвидировали крестьянскую parcelлу и крестьянство как особый социальный слой. О таких районах, где «феодалы отношения были отменены постепенно», Ф. Энгельс писал: «...превращение феодальной собственности в буржуазную, сеньеральной власти в капитал всякий раз является новым вопиющим обманом несвободного в пользу феодала. Несвободный должен каждый раз *выкупать* свою свободу и выкупать дорогой ценой. Буржуазное государство поступает по принципу: даром — только смерть» [14, 327—328]. В Пруссии в XIX в. перерождение юнкерского поместья породило значительные массы пауперизированного крестьянства, которое образовало слой сельских полупролетариев, привязанных земельным наделом к небольшому хозяйству, но в основном работавших по найму, зачастую несвободному. «Закабаленный кнехт» с земельным наделом был дешевой и к тому же постоянной рабочей силой капитализирующихся латифундий. Из крестьянства лишь небольшая часть смогла подняться до уровня мелких капиталистических предпринимателей — «гроссбауеров», широко эксплуатирующих труд своих обедневших соседей. В России до 1917 г. шла борьба двух путей аграрно-капиталистической эволюции. Наличие помещичьих латифундий и сильных пережитков феодально-крепостнических отношений в сочетании с политикой самодержавия создавали почву для утверждения прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Крестьянство же боролось за полное уничтожение помещичьих латифундий и всех пережитков феодально-крепостнических отношений¹⁵, что объективно означало борьбу за американский путь аграрно-капиталистического развития.

Особенно интенсивен процесс утраты parcelлярным хозяйством самостоятельности в развитых капиталистических стра-

¹⁵ По коренному для себя вопросу — о земле — российское крестьянство выступало в целом как класс феодального общества. Характеризуя классовую структуру дореволюционной русской деревни, В. И. Ленин писал: «Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется „современным“ (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, — постольку „крестьянство“ продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества» [19, 312].

нах на современном этапе. Под влиянием научно-технической революции сельское хозяйство этих стран переводится на индустриальный базис общественного труда. Семейные фермы в этих условиях все в большей мере становятся низшей ячейкой крупных высокомеханизированных предприятий, аграрно-промышленных комплексов, а владельцы ферм фактически превращаются в наемных работников. В связи с этим в развитых капиталистических странах резко падает удельный вес крестьянства как особого общественного слоя. Технический переворот в сельском хозяйстве, который влечет за собой научно-техническая революция, логически завершает длительный процесс вытеснения крупным капиталистическим производством сохраняющегося в этой отрасли экономики мелкого индивидуального хозяйства.

* * *

Коренным образом изменяются условия развития крестьянского хозяйства и крестьянства как особого общественного слоя в результате социалистической революции, ликвидации помещичьих латифундий и крупного капиталистического землевладения, передачи основного фонда сельскохозяйственных угодий трудящимся крестьянам.

В России само крестьянство требовало уничтожения частной собственности на землю, что и было сделано Великой Октябрьской социалистической революцией, осуществившей национализацию земли. В условиях диктатуры пролетариата это означало наиболее решительную ломку старого аграрного строя и первый шаг к социализму. Однако крестьянство еще не было готово к обобществлению собственного производства. Поэтому государственная собственность на землю сочеталась с единоличным ее использованием. Конфискованные у прежних господствующих классов земли, а затем постепенно и все земли, перешедшие в пользование крестьянства, подверглись уравнилельно-му перераспределению.

В зарубежных социалистических странах также был осуществлен принцип: «Земля тем, кто ее обрабатывает». Земля перешла главным образом в мелкую трудовую частную собственность крестьян (в Монгольской Народной Республике, где она была национализирована, — в пользование трудящихся арапов). Установление предельного максимума владения землей серьезно ограничило крупные крестьянские хозяйства предпринимательского типа.

В результате первых аграрных преобразований произошли существенные сдвиги в социальной структуре крестьянства. В СССР основной фигурой в деревне стал середняк. «...Деревня нивелировалась, выравнилась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ров-

нее, крестьянство стало в общем в положение середняка» [25, 60]. В европейских социалистических странах кулацкие слои также были ослаблены и уменьшились численно, резко сократилось батрачество, возросло среднее крестьянство, особенно в результате образования слоя «новых середняков» — мелких хозяев из бывших безземельных крестьян и батраков, а частично и из промышленных рабочих, не полностью порвавших с земледелием. Во всех социалистических странах, несмотря на различия в степени перераспределения земли, поначалу преобладающим в сельском хозяйстве стал мелкотоварный уклад. Двойственность социально-экономической природы крестьянского хозяйства сохранялась, что делало возможным как капиталистический, так и социалистический путь развития деревни. Борьба названных путей аграрной эволюции составляет характерную черту переходного от капитализма к социализму периода.

Для понимания природы крестьянского хозяйства и его социально-экономических связей в условиях перехода к социализму нужно учитывать характер и уровень аграрно-капиталистического развития разных стран ко времени установления власти рабочего класса. В странах Европы, вступивших на путь социализма после второй мировой войны, крестьянские хозяйства в основном уже были глубоко и разносторонне втянуты в рыночный обмен, в значительной части приобрели фермерский облик. Более пестрым и сложным был состав крестьянских хозяйств в дореволюционной России. Стадиально ранний характер аграрно-капиталистической эволюции обусловил здесь наличие и переплетение в общей массе крестьянских хозяйств и капиталистического, и мелкотоварного, и натурально-патриархального укладов, сосуществовавших в рамках всей экономики страны с аналогичными «городскими», а также феодально-крепостническим и государственно-капиталистическим укладами.

Октябрьская революция уничтожила феодально-крепостнический уклад и наиболее развитые формы капиталистического уклада, лишила последний командных высот в народном хозяйстве страны, изменила условия развития и роль натурально-патриархального, мелкотоварного и государственно-капиталистического укладов, создала уклад социалистический, определивший перспективы общего экономического развития. Широко известна ленинская характеристика послеоктябрьской экономики России как многоукладной, как сложного сочетания и взаимодействия пяти различных социально-экономических укладов: патриархального («когда крестьянское хозяйство работает только на себя»), мелкотоварного («когда оно сбывает продукты на рынок»), капиталистического, государственного капитализма и социализма [26, 158].

Патриархальный и мелкотоварный уклады были представлены преимущественно крестьянскими хозяйствами и поэтому

оказались связанными между собою всеми степенями перехода, практически сливались в единый мелкокрестьянский уклад. «Что в мелкокрестьянской стране преобладает „уклад“ мелкокрестьянский, то есть частью патриархальный, частью мелкобуржуазный,— говорил В. И. Ленин,— это само собой очевидно» [27, 221]. Наличие общей обстановки товарного производства и обмена оказывало определяющее влияние на характер и направление развития крестьянского хозяйства [23, 304; 27, 221]. Именно поэтому В. И. Ленин пришел к выводу, что в мелкокрестьянской России «преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители» [22, 296]. В этих условиях даже патриархальное крестьянское хозяйство не могло оставаться чисто натуральным. В. И. Ленин не случайно определял его как «в значительной степени натуральное» [22, 296], т. е. в какой-то мере все же связанное с рынком. Различия между патриархальными, во многом натуральными, хозяйствами и мелкотоварными хозяйствами состояли главным образом в разной степени связи с рынком.

Понятие «патриархальность» применительно к крестьянскому хозяйству отмечает его характерную натурально-потребительскую организацию и автаркизм, его опору на естественные производительные силы, его тесную связь с организацией и функционированием семьи. В той или иной мере эти черты мелкое крестьянское хозяйство сохраняет на протяжении всего своего существования. О патриархальных отношениях и «вековых традициях патриархальной жизни» в российском земледелии В. И. Ленин писал, например, в 1899 г. в связи с характеристикой происходивших тогда социальных сдвигов [17, 541]. Четверть века спустя, в 1922 г., на IV конгрессе Коминтерна, говоря уже о послереволюционной России, он вновь счел необходимым отметить патриархальность сельского хозяйства страны как выражение его отсталости и примитивности: «...мы отнюдь не рассматривали хозяйственный строй России как нечто однородное и высокоразвитое, а в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т. е. наиболее примитивную форму земледелия наряду с формой социалистической» [29, 280].

Патриархальный уклад не был всеобщим в сельскохозяйственном производстве в послереволюционной России. Однако патриархальщина пронизывала еще жизнь деревни, определяя многие стороны организации и функционирования крестьянских хозяйств, к каким бы укладам они ни принадлежали. Освобождение от буржуазно-помещичьего гнета даже усилило натурально-потребительские черты крестьянского хозяйства, поскольку была резко ограничена «вынужденная товарность» — продажа продукции, необходимой для собственного потребления. В этом же направлении на крестьянское хозяйство воздействовало

уравнительное землепользование и связанное с ним возрождение и оживление общины [подробнее см. 34; 61].

Периодическое перераспределение земли между крестьянскими хозяйствами в соответствии с меняющимся составом членов двора (осуществлявшееся чаще всего по душам) сделало более непосредственной и заметной роль семейной кооперации в производственной и социальной жизни. В развитии крестьянских хозяйств усилилось влияние процессов, происходивших в сфере семьи, в частности возросла интенсивность дробления хозяйств на почве семейно-имущественных разделов¹⁶. При этом на отдельных этапах размеры крестьянского хозяйства могли даже возрастать (например, как в первые годы Советской власти благодаря резкому увеличению землепользования), но в длительной перспективе неизбежным было бы его измельчение и как следствие ослабление производственной базы, сокращение товарности производства, обострение проблемы аграрной перенаселенности.

Аграрная политика Советского государства была направлена на ограничение отрицательных последствий дробления крестьянских хозяйств. Совсем исключить их было невозможно, пока сельскохозяйственное производство сохраняло мелкокрестьянский характер. Введение недробимости крестьянских хозяйств означало бы своеобразное «огораживание» внутри крестьянского двора и пролетаризацию значительной части сельского населения. В некоторых странах Западной Европы недробимость крестьянских хозяйств и майорат сыграли не последнюю роль в становлении капитализма. Характерно, что эти меры, как правило, вводились сверху и встречали упорное сопротивление крестьян¹⁷.

Передача в Советской России земли в пользование крестьянству, возраставшая из года в год государственная помощь (в форме кредита, снабжения сельскохозяйственной техникой и т. д.), освобождение от эксплуатации со стороны помещиков и крупного капитала способствовали росту производительных

¹⁶ Аграрные преобразования Великой Октябрьской революции привели к демократизации внутрисемейных отношений. Согласно Земельному кодексу РСФСР 1922 г., все члены крестьянского двора «независимо от пола и возраста» имели равные имущественные права, домохозяин являлся лишь «представителем двора по его хозяйственным делам», любой член двора, достигший 18 лет, мог требовать выдела своей доли имущества или раздела двора (при условии личного трудового участия в хозяйстве на протяжении двух севооборотов) [55, 162]. Ослабление патриархальной власти домохозяина и демократизация отношений внутри крестьянского двора усилили семейно-имущественные разделы в деревне, что послужило основным фактором роста численности крестьянских хозяйств. На территории страны в 1916 г. их насчитывалось 21 млн., а в 1927 г. — 25 млн., причем средний состав двора уменьшился с 5,8 человека до 5,1 [46а, 2—3].

¹⁷ Социально-экономические результаты ограничения разделов крестьянских хозяйств были раскрыты К. Марксом на материалах жизни крестьян примозельского края Германии [1, 203—204].

сил крестьянского хозяйства: к концу 20-х годов соха, например, повсеместно была заменена плугом, шире стали использоваться сеялки, молотилки, жнейки. Крестьянские хозяйства не только освоили бывшие помещичьи земли, но и увеличили общий объем посевных площадей. Выросла, хотя и незначительно, урожайность зерновых и большей части технических культур. Однако радикальных сдвигов в производственной структуре хозяйств не произошло. И в 20-х годах их основой оставались традиционные, естественные производительные силы. По бюджетным данным, на долю предметно-вещественных факторов труда приходилось 2—3%, редко до 10% стоимости материальных издержек производства в крестьянских хозяйствах. В 1927 г. только 15,2% из них имели те или другие сельскохозяйственные машины [подробнее см. 33, 34, 37—40]. Когда в конце 20-х годов страна вступила на путь индустриализации, система мелких крестьянских хозяйств оказалась не в состоянии удовлетворить колоссально возросшие потребности в товарном хлебе и сырье. Коллективизация сельского хозяйства и его техническая реконструкция стали объективной необходимостью.

Отставание сельскохозяйственного производства от роста общественных потребностей было важнейшим фактором производственного кооперирования мелких крестьянских хозяйств и в других социалистических странах [см., например, 45; 46; 47; 48 и др.].

Экономические диспропорции между городом и деревней в странах, приступавших к строительству социализма, усугублялись социальными противоречиями буржуазного расслоения крестьянства. Мелкотоварное крестьянское хозяйство продолжало рождать «капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [24, 6]. Аграрная структура в переходный от капитализма к социализму период резко ограничила возможность мобилизации земли сельской буржуазией (благодаря национализации в СССР и МНР, установлению земельного максимума в других странах). Земельная аренда имела место, но в узких рамках. Основную роль в социальном расслоении крестьянства стали играть концентрация рабочего скота, машин и орудий труда в кулацких хозяйствах и их недостаток или отсутствие в бедняцких¹⁸. Бедняки, а отчасти и середняки вынуждены были арендовать (зачастую на кабальных условиях — под отработки и т. д.) рабочий скот и инвентарь у кулаков и зажиточных середняков или сдавать землю в аренду и отправляться на работу по найму у тех же кулаков, в отхожий промысел и т. д. В советской доколхозной деревне отношения аренды средств производства являлись наи-

¹⁸ В СССР среди 614 тыс. обследованных в 1927 г. крестьянских хозяйств 3,8% кулацких хозяйств владели 7,5% рабочего скота, 21,7% машин и орудий, тогда как 26,1% бедняцких — 6,5% рабочего скота, 1,6% машин и орудий, имевшихся во всех обследованных хозяйствах [32, 109].

более распространенным видом капиталистических отношений [подробнее см. 32]. В Чехословакии, ГДР и ряде других стран Европы преобладали отношения свободного найма рабочей силы.

Условия переходного от капитализма к социализму периода существенно изменили формы и направление классовой борьбы в крестьянской среде. Борьба трудящихся крестьян против кулацкой эксплуатации сливалась с борьбой государства за вытеснение капиталистических элементов из экономики страны. Государство оказывало помощь беднякам и середнякам, ограничивало развитие кулачества, используя налоговую политику, землеустройство, снабжение инвентарем, кредит и т. д. Процесс стихийного расслоения единоличных крестьянских хозяйств сталкивался благодаря этому с процессом их осереднячивания. В целом социальное развитие крестьянских хозяйств в СССР характеризовалось в тот период сокращением полупролетарских слоев, ростом и укреплением среднего слоя и некоторым увеличением численности мелкокапиталистического и пролетарского слоев¹⁹. В других социалистических странах поддержка государства также позволила основной массе мелких и средних хозяйств продержаться до перехода к социалистическим формам производства, не допустила их разорения и торжества капитализма.

С самого начала строительства социализма развернулся процесс кооперирования крестьянских хозяйств, сперва преимущественно в сфере товарно-денежного обращения. Мелкие частнособственнические хозяйства крестьян в производственном отношении были замкнуты в себе, изолированы друг от друга. Даже наличие общины с присущими ей элементами кооперации и взаимопомощи не прорывало изоляции крестьянских хозяйств в сфере производства. Каждое отдельное хозяйство вступало в экономические отношения с другими хозяйствами и с другими отраслями общественного производства лишь в сфере товарообмена. Рыночные отношения были не только наиболее распространенным, но и наиболее понятным и приемлемым для крестьянина — мелкого собственника видом экономических связей. Именно поэтому осуществление ленинского кооперативного плана начиналось с обобществления рыночных связей, товарообменных операций и функций крестьянских хозяйств посредством развития торгово-кредитных форм кооперации. Последние не требовали от крестьянина отказа от мелкого индивидуально-хозяйства, но вносили в его экономическую деятельность и общественные отношения элементы коллективизма, элементы общественной собственности и совместного труда, накопление

¹⁹ За 1924/25—1926/27 гг. доля средних крестьянских дворов возросла с 61,1 до 62,7%, кулацких — с 3,3 до 3,9%, батрацких — с 9,7 до 11,3%, а доля бедняцких дворов снизилась с 25,9 до 22,1% [55а, 154—155, 162—163].

которых вело к образованию производственного кооператива, где индивидуальное мелкое хозяйство утрачивало самодовлеющее значение и постепенно низводилось до положения личного подсобного хозяйства. Первичные формы кооперации и послужили ступенями перехода крестьян от мелкого хозяйства к крупному коллективному хозяйству. В СССР в 1929 г. торгово-кредитные формы сельскохозяйственной кооперации объединяли 50—55% крестьянских хозяйств, простейшие производственные товарищества (машинные, мелиоративные, семеноводческие и др.) — около 25%, колхозы — 3,9% [58, 228, 250]. В европейских социалистических странах, особенно в Болгарии и Чехословакии, торговые формы кооперации накануне социалистического преобразования охватывали практически все крестьянские хозяйства. Одновременно получили развитие и простейшие производственные товарищества. Повсюду процесс кооперирования крестьянских хозяйств развивался в тесной связи с индустриализацией экономики страны и культурной революцией.

Производственное кооперирование крестьянских хозяйств — основное звено социалистического преобразования деревни, глубочайшая революция в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства — совершается путем добровольного объединения группы мелких индивидуальных хозяйств (чаще всего в рамках селения) в крупное коллективное хозяйство, ведущееся совместным трудом его членов. Мелкотоварный уклад в деревне уступает место социалистическому. Индивидуальный труд сменяется коллективным. Развертывается процесс коренной технической реконструкции сельского хозяйства, создаются условия для его перевода на индустриальную основу. В ходе социалистического преобразования сельского хозяйства был ликвидирован последний эксплуататорский класс — кулачество. Деревня была избавлена от классового расслоения, от кулацкой эксплуатации. Крестьянство стало социально однородным классом, жизнь которого связана прежде всего с общественной собственностью на средства производства и коллективным трудом в общественном хозяйстве, оплачиваемым в зависимости от его количества и качества.

Крестьянство социалистического общества — новый класс, всеми основными признаками отличающийся от крестьянства предшествующих стадий исторического развития. Однако генетически они связаны. Эта связь находит свое выражение прежде всего в характере труда, лишь постепенно эволюционирующего от ручного к индустриальному, поскольку первоначально материальная база производственных кооперативов (в СССР — колхозов) создавалась преимущественно путем сложения живого и мертвого инвентаря крестьян, вступающих в кооператив.

Момент перехода мелкой частной собственности в одну из форм социалистической собственности представляет собой революционный скачок, принципиально меняющий сущность от-

ношений собственности и, следовательно, весь социальный облик крестьянина. Тем не менее историческая связь производственного кооператива с объединенными в нем крестьянскими хозяйствами наглядно проявляется в специфике колхозно-кооперативной формы собственности как собственности групповой. Непосредственные отношения собственности крестьянина ограничены рамками отдельного кооператива. Уровень развития последнего определяет, в частности, размеры получаемой его членами доли общественного богатства [подробнее см. 58, 534—535].

Наконец, в сельскохозяйственном производственном кооперативе мы находим и прямой дериват крестьянского хозяйства — крестьянский двор, который входит в состав кооператива как целое, т. е. как семейно-трудовое объединение. (В СССР — это колхозный двор²⁰.) В качестве такового он и ведет личное подсобное хозяйство. Колхозный двор выступает коллективным субъектом имущественных отношений с особым порядком налогового обложения, семейно-имущественных разделов и т. п. Специфика экономического и правового положения колхозного двора по сравнению с положением семей рабочих и служащих преодолевается по мере изживания личного подсобного хозяйства. С исчезновением последнего исчезнет и колхозный двор как социально-экономическое явление.

На первых этапах производственного кооперирования недостаточное развитие сельскохозяйственного производства, прежде всего его материально-технической базы, преобладание живого труда обусловили широкое применение натуральных форм оплаты внутри кооперативов и в их экономических отношениях с государством. Повсеместно была введена система обязательных государственных поставок сельскохозяйственной продукции кооперативами по твердым ценам. Оплата труда членов кооперативов производилась преимущественно натурой; размер оплаты определялся после расчетов с государством и отчислений в неделимые и производственные фонды. Подсобное личное хозяйство играло крупную роль в трудовой деятельности и бюджете крестьянина. Чтобы форсировать техническое перевооружение сельского хозяйства, государство первоначально сохраняло в своих руках собственность на тракторы и машины, сосредоточив их в машинно-тракторных станциях (МТС), которые на договорных началах за натуральную плату обслуживали кооперативы. В МТС и районных управлениях сельского хозяйства были собраны кадры квалифицированных специалистов. Через

МТС осуществлялось непосредственное государственное руководство кооперативами.

Рост сельскохозяйственного производства и укрепление кооперативов как социалистической формы хозяйства создали предпосылки для дальнейшего совершенствования и развития системы социально-экономических отношений кооперированного крестьянства, для выравнивания экономических условий в государственном и кооперативном секторах народного хозяйства, в частности для денатурализации отношений внутри кооперативов и между ними и государством. Обязательные поставки были постепенно заменены плановыми закупками сельскохозяйственной продукции по ценам, которые значительно повышались и дифференцировались по зонам. Система МТС была реорганизована, а сельскохозяйственная техника стала продаваться кооперативам. Механизаторы и другие специалисты сельского хозяйства непосредственно вошли в состав членов кооперативов. Изменение порядка планирования производства существенно расширило рамки хозяйственной самостоятельности и инициативы кооперативов. Была введена гарантированная государством денежная оплата по тарифным ставкам не реже одного раза в месяц с дополнительными выплатами деньгами по итогам года и натурой в сроки получения продукции. Значительно выросла роль общественного хозяйства в жизни крестьянина; нагляднее выявилось подчиненное место личного подсобного хозяйства. Все это привело к укреплению и расширению объема кооперативно-групповой формы собственности, повысило материальную заинтересованность крестьянства в развитии общественного хозяйства, усилило его трудовую активность.

Выдающимся достижением социализма является интенсивно развивающийся процесс постепенного преодоления существенных различий в социально-экономическом положении и материальном благосостоянии кооперированного крестьянства и рабочих. Развитие производительных сил ведет к постепенному преобразованию сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального и в конечном счете к преодолению социально-экономических различий между городом и деревней. Крупным шагом на этом пути являются образование межкооперативных, а также смешанных государственно-кооперативных объединений, формирование аграрно-промышленных комплексов для производства определенных видов продукции на современной технической основе с применением индустриальных методов и прогрессивной технологии. В СССР практический опыт последних полутора-двух десятилетий показал высокую эффективность новых форм экономического сотрудничества колхозов, совхозов и связанных с ними предприятий промышленности. Принятое в развитие директив XXV съезда КПСС постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной коо-

²⁰ Особое экономическое и правовое положение колхозного двора зафиксировано Конституцией СССР (ст. 7), Примерным уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. (ст. 2, 5), Примерным уставом колхоза 1969 г. (ст. 42—44), гражданскими кодексами союзных республик (в ГК РСФСР ст. 126).

перации и агропромышленной интеграции» [см. 51а, 2.VI.1976] придает этому процессу «планомерный характер» и тем самым кладет начало новому этапу в развитии колхозного строя и всего социалистического сельского хозяйства. В постановлении указывается, что наступающий «качественно новый этап творческого применения ленинского учения о кооперации в практике коммунистического строительства является исторически закономерным, назрел объективно, его нельзя игнорировать или обойти стороной».

Специализация и концентрация сельского хозяйства в условиях социализма как по характеру, так и по последствиям принципиально отличается от аналогичного процесса в условиях капитализма. «При капитализме,— говорится в рассматриваемом документе,— усиливаются кризисные явления в сельском хозяйстве, господство монополий в этой отрасли и разорение миллионов мелких и средних крестьян. В социалистическом сельском хозяйстве, основанном на общественной собственности на средства производства, специализация и концентрация — планомерно организуемый процесс, направленный на ускорение роста производительных сил в интересах повышения благосостояния всего народа». Объединение усилий колхозов и совхозов в деле создания крупных высокотоварных предприятий индустриального типа обеспечивает ускорение технического прогресса и роста производства сельскохозяйственных продуктов, ведет к возникновению новых форм межотраслевых связей, к коренным изменениям в структуре и характере производства, способствует «решению большой социальной задачи: повышению уровня общественного колхозного производства, совершенствованию общественных отношений, сближению двух форм социалистической собственности, постепенному устранению существенных различий между городом и деревней». Межхозяйственная кооперация и агроиндустриальная интеграция интенсифицируют процесс стирания социальных различий между рабочим классом и колхозным крестьянством, создают материальные условия и организационно-хозяйственные формы слияния их в социально однородную общность тружеников коммунистического общества.

* * *

Рядом особенностей отличается эволюция крестьянского хозяйства в развивающихся странах, где крестьянство — главный и самый массовый представитель традиционных социально-экономических структур, находящихся в различных странах на разных стадиях разложения и распада. Магистральные направления этой эволюции определяются здесь всемирно-исторической борьбой двух мировых систем — социализма и капитализма, той ориентацией общественно-экономического развития, которую избирает та или иная освободившаяся страна.

В обществах, включенных в мировую капиталистическую систему в качестве подчиненного, эксплуатируемого мировым капиталом звена, динамику парцеллярного хозяйства, его общий социальный облик, место в многоукладной структуре аграрной экономики необходимо оценивать прежде всего в свете того факта, что доминирующий элемент этой системы, оказывающий решающее воздействие на движение укладных комплексов «периферийных» обществ, находится за пределами самих этих обществ, будучи представлен зрелой стадийальной формой капитала — капиталом «центра» капиталистической системы, в связи с чем эволюции крестьянского хозяйства таких обществ (как и всей их аграрной экономики в целом) присуща особая группа противоречий, а именно противоречия, развивающиеся на почве *зависимого капиталистического развития* [об этом понятии см. 43, гл. 1; 52, гл. 1].

Разложение традиционных способов производства, с одной стороны, консервация мировым капиталом продуктов их распада — с другой, есть имманентное следствие и результат данного типа развития. В итоге на «периферии» мировой капиталистической системы формируются такие общественные условия, при которых включенное в нее в качестве зависимого звена общество «по своей внутренней структуре завершено капиталистическим так и не становится» [43, 34]. В сфере крестьянского хозяйства это диалектическое противоречие наиболее разительно проявляется именно в том, что различные фазы его воспроизводственного процесса (производство, распределение, обмен, потребление) выступают не как последовательно связанные фазы в пределах одной укладной формы, а как отдельные фазы различных укладных форм. Тем самым парцеллярное хозяйство включается в систему общественных связей не как единое целое, а как раздробленный между социально разнокачественными звеньями системы объект. Разорванность фаз воспроизводственного процесса в парцеллярном хозяйстве развивающихся стран с вытекающей отсюда «многоликостью» его представителей — феномен, отличающий эволюцию этого хозяйства от развития парцеллярного хозяйства в его классической форме.

Втягивание различных фаз воспроизводства крестьянского хозяйства Востока в разные укладные формы вызвано влиянием ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов.

Колониальное порабощение афро-азиатских стран, как отмечалось выше, превратило их натуральное крестьянское хозяйство в элементарную производственную ячейку мировой капиталистической системы, эксплуатировавшуюся колонизаторами внеэкономическими методами через систему национальных «приводных ремней» (торгово-ростовщическая, рентальная, налоговая эксплуатация и т. д.). Результатом огромных неоплачиваемых изъятий продукта из крестьянского хозяйства была задержка развития товарных форм в его воспроизводственном

процессе. Например, в Индии даже в середине 60-х годов лишь 30% всего потребляемого в сельскохозяйственном воспроизводстве продукта поступало с рынка, причем подавляющая часть этой товарной доли формировалась за счет средств существования, а не средств производства; в потреблении же товарных средств производства господствующее место занимали традиционные их виды (тягловый скот и корм для него, примитивный земледельческий инвентарь и т. д.) [подробнее см. 53, гл. III].

Более того, товарное производство и, соответственно, товарный обмен в афро-азиатских странах складывались в колониальный период и складываются ныне в таких условиях, при которых закон стоимости проявляется в искаженном виде. Раньше свободному развитию рыночных отношений в аграрной экономике препятствовали монополии колонизаторов на внутреннем рынке поработанных стран и действовавшие в ее рамках и усугублявшие их влияние низшие и худшие формы местного капитала. Теперь в деревне, освобожденной от прежней, колониальной монополии, все интенсивнее развивается особая форма вностоймостных отношений и обмена, являющаяся результатом утверждения в сфере обращения монополии национального государства, в зависимости от конкретных обстоятельств — при устранении с рынка частного капитала или при опоре на него. Но во всех этих случаях на внутридеревенском рынке доминируют монопольные цены — как правило, ниже стоимости при монополии «покупателя» (представители различных форм частного капитала или государство) на уходящий из деревни товарный продукт и выше стоимости при монополии «продавца» (те же силы) на поступающий в деревню товарный продукт. Поэтому типичнейшей чертой товарного обмена там, где он уже сложился, было и остается именно нарушение его стоимостных пропорций, действующее, как правило, в ущерб сельскохозяйственному товаропроизводителю, особенно мелкому²¹.

В итоге по характеру отношения к рынку крестьянские хозяйства в развивающихся странах можно разделить на ряд качественно различных подразделений. Одно из них представлено хозяйствами, где воспроизводимый продукт целиком расходуется на нужды производителя и его семьи, минуя какие-либо товарные метаморфозы. Таких полностью замкнутых в себе на-

²¹ В последнее десятилетие, однако, в ряде стран, переживающих «зеленую революцию», вследствие образования крупнейших диспропорций в национальной экономике, вызванных отставанием сельского хозяйства, характер обмена претерпевает существенные изменения: через государственные монополии безвозмездно перемещается часть продукта, созданного в других секторах, в некоторые узкие подразделения богатых (в том числе — богатых крестьянских) хозяйств с целью их расширенного воспроизводства на базе индустриальных производительных сил. В некоторых странах политика субсидирования цен на современные средства производства для сельского хозяйства осуществлялась еще до начала «зеленой революции».

туральных комплексов в развивающихся странах сохранилось сравнительно немного. Полярное данному подразделению — то, в котором продукт с самого начала производится как товар, предназначенный для обмена на рынке. Зоны двусторонних связей производителя с рынком уже сложились и продолжают складываться в ряде развивающихся стран (особенно там, где в процессе специализации земледельческого хозяйства выделились значительные районы производства специфических продовольственных или технических культур, продукция которого предназначена для реализации на внутреннем или мировом рынке). Мощный импульс становлению двусторонних связей производителей с рынком сообщает «зеленая революция» в районах своего распространения. Но такие связи еще, как правило, не заняли господствующего положения в воспроизводстве хозяйственного организма деревни в целом.

Здесь нужно подчеркнуть, что в существующей обстановке мелкое товарное производство обычно не образует на доиндустриальной стадии труда базис для процессов свободного крестьянского разложения. Закон стоимости действует в собственно мелкокрестьянском товарном хозяйстве, как упоминалось выше, под «колпаком» монополии — частнособственнической (местного капитала или международного монополистического) или государственной (национального государства). Поэтому сам процесс товарного обмена сопряжен, как правило, с присвоением части стоимости обмениваемого мелким товаропроизводителем продукта социальными силами, утвердившими данную монополию. В результате доминирующая общественная тенденция мелкого товарного хозяйства в подавляющей части его ареалов состоит не в обогащении производителя, не в производстве им меновых стоимостей ради их увеличения, а лишь в получении производителем потребительных стоимостей для самого себя (произведенный продукт обменивается на рынке на предметы первой необходимости). В этой форме мелкого товарного производства, выделяющегося из системы традиционных отношений, обычно действует закон: «Производство... всюду подчинено потреблению, являющемуся его заранее данной предпосылкой...» [11, 504].

Наконец, следующее подразделение — оно-то и есть наиболее распространенное — образуют такие хозяйства, которые осуществляют воспроизводство на натуральном или полунатуральном (т. е. с вкраплением отношений товарного обмена) базисе и функционируют почти исключительно ради получения средств к жизни, однако под воздействием различных форм внеэкономического принуждения расстаются с той или иной частью своего (главным образом — необходимого) продукта; последняя принимает форму меновой стоимости, реализуется на рынке, воплощая односторонний, безвозмездный отток продукта из крестьянского хозяйства. Поэтому характернейшей чертой аграр-

ной экономики развивающихся стран является разительная диспропорция (сложившаяся еще в колониальный период и не устраненная и поныне) между уровнем товаризации результатов производства (превращение продукта в товар в фазе выхода его из процесса производства) и уровнем товаризации воспроизводственного процесса (потребление товарного продукта во всем потребляемом в производстве продукте): первый намного выше второго²².

На доиндустриальной стадии труда крестьянское хозяйство представляет собой, следовательно, такой производственный организм, у которого фаза производства остается принадлежностью традиционных укладов, в то время как фазы распределения и обмена включены в орбиту движения доминирующих укладов (мирового капитала вообще и его различных национальных подразделений в частности или такой национальной государственной собственности, при которой общественные интересы подчиняют себе частнособственнические, пока не устраняя их целиком) и обеспечивают расширенное воспроизводство этих доминирующих укладов: существенная часть товарного продукта крестьянского хозяйства — и мелкотоварного, и натурального — втягивается в процесс обращения во внедеревенских (национальных и вненациональных) сферах экономики и оседает в них. Такой природой воспроизводства в крестьянском хозяйстве определяется и одна из важнейших целей нынешней борьбы развивающихся стран за новый международный экономический порядок: обеспечить такую систему распределения и обмена вовлекаемого в кругооборот мирового капиталистического рынка крестьянского продукта, при которой максимально возможная его часть возвращалась бы обратно, в развивающиеся страны, органически входя в воспроизводственный процесс все более крепнущих здесь государственных секторов.

Зависимое капиталистическое развитие определяло и определяет и социальный облик крестьянского хозяйства. Процесс первоначального накопления в развивающихся странах отличался и отличается рядом особых черт, главная из которых — внутренняя (стадиальная) незавершенность. Этот процесс устремлялся как бы вширь, втягивая в свою сферу все новые сегменты аграрной экономики, все новые группы крестьянских хозяйств, разлагая традиционные структуры, но он не реализовывался в равноценной степени в становлении капиталистического производства и соответствующих ему классовых образований. Иначе говоря, результаты интенсивной экспроприаторской миссии, осуществлявшейся эксплуататорами всех рангов

²² Например, удельный вес товарного продукта, изымаемого из крестьянского хозяйства внеэкономическими методами, составлял на территории нынешнего Пакистана в начале 60-х годов до 1/2 общей массы товарного сельскохозяйственного продукта, в рисопроизводящих районах Лусона на Филиппинах в конце 50-х годов — до 4/5 такой массы [37, 53—54].

на протяжении многих десятилетий колониального гнета и впоследствии в эпоху независимости, не были адекватно «сняты» капиталистической формой социально-экономического процесса. Итогом такого развития было огромное разрастание промежуточных социальных структур, принимавших застойный характер²³.

Отсюда — формирование гигантской массы пауперизированного населения, превращавшегося в устойчивый социальный конгломерат «периферийных» обществ. Пауперизированный производитель — мелкий хозяин — становится одной из центральных фигур данного социального конгломерата: это мелкий арендатор-издольщик, мелкий земельный собственник, имеющий вследствие ростовщического закабаления только «призрачную собственность» [11, 502], и прочие подобные категории крестьян. На другом полюсе крестьянства оказывается зажиточный хозяин, активно использующий, помимо капиталистических, старые способы присвоения.

Таким образом, в «периферийных» обществах, включенных в орбиту мирового капитализма, развивается наиболее консервативная форма капитала, проявляющаяся именно в неспособности последнего преобразовать на свой лад аграрную экономику и самый массовый ее элемент — крестьянское хозяйство — во всех их пластах и звеньях.

Крестьянское хозяйство существенно трансформируется под влиянием «зеленой революции», знаменующей становление в сельском хозяйстве индустриальной формы капитала. Как процесс, предполагающий в качестве своей основы производство исключительно меновой стоимости, «зеленая революция» интенсивно разрушает еще сохраняющиеся традиционные натуральные отношения в деревне; тем самым она на всей глубине индивидуализирует крестьянское хозяйство как элементарный производственный организм, завершает процесс его вычленения из остаточных форм общинного, «коллективного производства» (уничтожение натуральных фондов, предназначенных для содержания вовлекаемого в производство беднейшего населения, и в частности страховых резервов, выделяемых для этой цели на неурожайные годы; распад отношений натурального обмена между земледелием и ремеслом и др.).

В зонах «зеленой революции» (10—15% сельскохозяйственных земель Азии к началу 70-х годов) крестьянское хозяйство постепенно включается в принципиально новые общественные связи. Оно интегрируется через посредство государства и его социальных институтов в промышленно-капиталистические эко-

²³ Такие традиционные структуры «периферийных» обществ, задержавшиеся в фазе «полураспада», ученый из ГДР Клаус Эрнст метко характеризует как «деформированный продукт» и «функциональный элемент колониальной и неоколониальной эксплуатации» [см. 36, 161—164].

номические комплексы с урбанистическими центрами в качестве основных «нервных узлов» этих комплексов.

В развитии крестьянского хозяйства все большую роль начинает играть рыночный механизм в противовес системе внеэкономических отношений господства-подчинения. Данный механизм здесь может «работать» лишь при мощной поддержке государства, при его направляющем и регулирующем воздействии. Государство стремится установить жесткий контроль над фазами распределения и обмена в воспроизводственном процессе, порою весьма существенно ущемляя интересы действующих здесь частных собственников — эксплуататоров различных рангов (создание протекционистского «зонтика» над анклавом «зеленой революции», защищающего возникающую здесь новую систему хозяйств от разрушительного влияния мирового капиталистического рынка; контроль над движением товарных потоков при создании государственно-кооперативных институтов сбыта и снабжения; огосударствление кредитных средств; покрытие части стоимости внедряемого основного капитала безвозмездными субсидиями и др.).

Формирование новой системы потребностей, порождаемое импульсами, идущими из внедеревенских экономических комплексов, существенно изменяет структуру потребления в части крестьянских хозяйств. Главная тенденция, порождаемая «зеленой революцией», — полностью «осовременить» эту структуру, хотя на первых этапах становления индустриальной формы аграрного капитала структура потребления принимает «лоскутный» характер, испытывая воздействие со стороны различных укладных форм (так, потребление современных средств производства может соседствовать с типично традиционными формами личного потребления, определяемыми, например, требованиями престижа традиционного типа²⁴).

Весь этот экономический прогресс охватывает, однако, преимущественно группу богатых крестьянских хозяйств, выделившихся в ходе длительной предшествующей имущественной дифференциации, в частности, в результате эволюции аграрной экономики по пути консервативного капиталистического развития. Социальная трансформация основной массы крестьянских хозяйств идет по принципиально иному направлению.

«Зеленая революция» является мощным катализатором процессов экспроприации мелкого хозяйствующего крестьянства (неимущим крестьянам перекрывается доступ к земле вследствие роста ренты; происходит «чистка» помещичьей земли от арендаторов; мелкие собственники лишаются своей земли под

²⁴ Так, в конце 60-х годов в самом развитом в Индии районе «зеленой революции» — Пенджабе у крупных крестьянских хозяйств (с землепользованием 15—27 акров) престижные затраты (на свадьбы, религиозные обряды и др.) составляли 27% их совокупных расходов на личное и производственное потребление [38, 35].

воздействием торгово-ростовщической эксплуатации). В ходе «зеленой революции» традиционное мелкое производство превращается в лишенное потенций саморазвития «болото», куда экспроприаторы сбрасывают «избыточную» рабочую силу. Таким образом, крестьянство не просто дифференцируется, сама социальная дифференциация одновременно выступает как процесс «осовременивания» по преимуществу лишь его эксплуататорской верхушки при удержании трудящегося населения деревни (массы мелкого крестьянства в том числе) в рамках традиционного производства с его доминированием внеэкономических отношений господства-подчинения в частнособственнической эксплуатации над экономическими.

Подобному закрепляющему многоукладность аграрной экономики типу капиталистической эволюции крестьянского хозяйства противостоят иные (общественные) формы его социальной трансформации, складывающиеся ныне в ряде развивающихся стран. Одна из этих форм реализуется посредством утверждения государством своей монополии в сфере товарного обращения в деревне, откуда выбивается частный капитал независимо от его национальной окраски. В результате может возникнуть такая система товарного обмена, при которой мелкий производитель — владелец собственных средств производства возмещает лишь фонд своей заработной платы, но не в состоянии присваивать создаваемый им прибавочный продукт. Это происходит при установлении монопольно низких цен на товарную сельскохозяйственную продукцию. Иначе говоря, в данном случае мелкая собственность фактически отчуждается государством, но номинально сохраняется за производителем. Тем самым мелкий производитель превращается в рабочего, отличающегося от наемного пролетария двумя основными признаками: индивидуальным характером производства, сохраняющего видимость самостоятельного производства, и наличием в таком производстве средств производства, которые выступают как предметно подчиненные производителю факторы труда. Здесь мы имеем дело с тенденцией к образованию гигантской рассеянной мануфактуры, в пределах которой оказывается все мелкое производство сельскохозяйственной отрасли [подробнее см. 43, 168—170].

Именно социальной природой непосредственно правящего слоя определяется то, становится ли возникающая в деревне форма государственной собственности простым придатком частной эксплуататорской собственности или она превращается в инструмент создания такой экономической системы, в которой общественные интересы начинают подчинять себе частнособственнические, пока не устраняя их до конца. И именно это «внешнее» для крестьянского хозяйства обстоятельство предопределяет его место и роль в общественной структуре.

При утверждении примата общественных интересов над

частносопственническими государство призвано выступать основным организатором процесса воспроизводства в сельском хозяйстве, в первую очередь в секторе мелких производителей, перераспределяя часть аккумулируемого самим государством продукта в пользу этой отрасли экономики. Тем самым общественная форма накопления постепенно приходит на смену частнохозяйственной. В данной ситуации процесс общественного воспроизводства расчленяется на два социально различных потока: функции воспроизводства жизненных средств осуществляет само индивидуальное крестьянское хозяйство; функции воспроизводства предметно-вещественных (средства производства, как правило, индустриального типа) и духовных (прежде всего — наука) производительных сил в интересах расширенного воспроизводства всей аграрной хозяйственной системы берет на себя государство, использующее в выполнении этих функций и ресурсы, поступающие извне.

Естественно, что процесс такой общественной трансформации аграрной экономики может развиваться тем активнее, чем глубже осуществляется реформа земельных отношений как предпосылка становления «самостоятельного» крестьянского хозяйства, с одной стороны, и чем прочнее утверждаются в деревне различные социальные институты (кооперация, организации снабжения, пункты технического обслуживания и др.), контролируемые государством и образующие систему его «приводных ремней» по отношению к индивидуальному хозяйству, — с другой.

В ходе аграрных преобразований нарастает тенденция к становлению различных форм непосредственного коллективного труда и коллективной собственности (в виде, например, различных кооперативов по совместной обработке земли, объединяющих мелкое крестьянство). Эта тенденция наиболее ярко проявляется, естественно, в странах социалистической ориентации; напротив, в странах капиталистической ориентации ее развитию препятствуют эксплуататорские классы, а возникающие здесь элементы коллективной трудовой крестьянской собственности попадают в подчиненное частносопственническим интересам положение.

Только учет всей совокупности разнонаправленных общественных процессов, в которые включено крестьянское хозяйство развивающихся стран Востока, позволяет избежать преувеличения степени развития мелкотоварного уклада и, соответственно, завышения степени мелкобуржуазности крестьянства и увидеть, что в наибольшей массе своей крестьянство этих стран объективно питает не капиталистическую, а *антикапиталистическую тенденцию общественного развития*, уже частично реализуемую либо, напротив, пока подавляемую (в зависимости от социально-политической ориентации непосредственно правящих в той или иной стране слоев).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента.— Т. 1.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права.— Т. 1.
3. Маркс К. К еврейскому вопросу.— Т. 1.
4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8.
5. Маркс К. Капитал, т. I.— Т. 23.
6. Маркс К. Капитал, т. II.— Т. 24.
7. Маркс К. Капитал, т. III, ч. 1.— Т. 25, ч. I.
8. Маркс К. Капитал, т. III, ч. 2.— Т. 25, ч. II.
9. Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. 1.— Т. 26, ч. I.
10. Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. 3.— Т. 26, ч. III.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов, ч. 1.— Т. 46, ч. I.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов, ч. 2.— Т. 46, ч. II.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
14. Энгельс Ф. Дебаты по поводу действующего законодательства о выкупе.— Т. 5.
15. Энгельс Ф. Франкский период.— Т. 19.
16. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.— Т. 1.
17. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3.
18. Ленин В. И. Рецензия. Р. Гвоздев. Кулачество-ростовщичество; его общественно-экономическое значение.— Т. 4.
19. Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии.— Т. 6.
20. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Т. 16.
- 20а. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века.— Т. 17.
21. Ленин В. И. Землеустройство и деревенская беднота.— Т. 24.
22. Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности.— Т. 36.
23. Ленин В. И. Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г.— Т. 40.
24. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41.
25. Ленин В. И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом 15 марта [X Съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.].— Т. 43.
26. Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г.— Т. 43.
27. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия).— Т. 43.
28. Ленин В. И. Доклад о тактике РКП 5 июля [III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня—12 июля 1921 г.].— Т. 44.
29. Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября [IV конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября—5 декабря 1922 г.].— Т. 45.
30. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969.
31. Бессмертный Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1969.
32. Данилов В. П. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации.— «Исторические записки», т. 55. М., 1956.
33. Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957.
34. Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России.— «Ежегодник по аграрной истории». Вып. VI (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976.
35. Данилова Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г.». М., 1970.

36. «Дискуссия в Институте востоковедения АН СССР о роли общины и перспективах ее эволюции в развивающихся странах». — «Советская этнография», 1975, № 6.
37. «Зарубежный Восток и современность», т. 1. М., 1974.
38. «Зеленая революция» (Реферативный сборник). М., 1974.
39. Илюшечкин В. П. Аренда в системе частнособственнической эксплуатации древнего и средневекового Китая. — «Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае». М., 1974.
40. «История Китая с древнейших времен до наших дней». М., 1974.
41. Колонтаев А. П. Разложение сельского ремесла и возникновение новых отраслей мелкой промышленности в Индии. М., 1968.
42. Комаров Э. Н. Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в. — «Ученые записки Института востоковедения», т. XVIII, М., 1957.
43. Крылов В. В. Производительные силы развивающихся стран и формирование их социально-экономической структуры. М., 1974 (канд. дисс.).
44. Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971.
45. Марьяна В. В., Мурашко Г. П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму. М., 1972.
46. «Общие закономерности и особенности перехода к социализму в различных странах». М., 1962.
- 46а. «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923—1927 гг.». М., 1930.
47. «Победа ленинского кооперативного плана в странах социализма». М., 1963.
48. Покивайлова Т. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. М., 1974.
49. Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954.
50. Полянский Ф. Я. Товарное производство в условиях феодализма. М., 1969.
51. Поршнева Б. Ф., Феодализм и народные массы. М., 1964.
- 51а. «Правда», М.
52. «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы». М., 1974.
53. Растянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
54. Рыбаков Б. А. Ремесло в древней Руси. М.—Л., 1948.
55. «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954». М., 1954.
- 55а. «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928». М., 1929.
56. Сказкин С. Д. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Европы. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.». М., 1961.
57. Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
58. «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1970)», изд. 2, М., 1973.
59. Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине. — «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1973.
60. Толыбеков С. К. Кочевое общество казахов в XVIII — начале XX в. (Опыт политэкономического анализа). Алма-Ата, 1972.
61. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1, изд. 2, М., 1974.
62. Яцунский В. К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.». М., 1961.
63. «The National Sample Survey. 16th Round, July 1960 — June 1961. № 122. Tables with Notes on Agricultural Holdings in Rural India». Calcutta, 1963 (draft).
64. «Patriot». New Delhi.

Ю. М. Кобищанов

ОБЩИНА ИЛИ КЛАСС? (ФОРМИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ КЛАНОВ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ)

Изучая аграрные отношения в странах Африки (и не только в них), мы сталкиваемся нередко с парадоксальным на первый взгляд явлением. Внутри того, что мы считаем классом крестьянства, существуют четкие социальные градации сословного и кастового типов. В то же время феодальные элементы объединены в общинах с теми деревенскими жителями, которые не являются потребителями феодальной ренты. Между тем феодальная эксплуатация мелких производителей африканской деревни — это реальность, хотя система классов феодального общества замерла в процессе ее становления и начала деградировать в колониальный и послеколониальный периоды.

Африка — это, очевидно, самая обширная территория ойкумены, где еще сравнительно недавно (в XIX — первой половине XX в.) можно было одновременно наблюдать все стадии перехода от классического первобытного строя (бушмены) к позднему феодализму (арабские страны) и колониально-капиталистическому обществу в его различных вариантах, а в последние десятилетия — даже варианты некапиталистического развития. В данной работе мы попытаемся на близком нам по времени африканском материале проследить зарождение и начальные этапы развития классового общества, точнее — возникновение и становление классов феодальной формации в ходе разложения первобытнообщинного строя¹.

Общинно-кастовые системы

В условиях господства общинно-родовых структур, характерных в том или ином виде для значительной части Африки, классовые (или «протоклассовые») градации имели несомненную тенденцию принять общинно-кастовую форму. Впервые кастовое общество на Африканском континенте, как известно, зародилось в Египте эпохи фараонов. Под влиянием Египта кастовый строй, по-видимому, развился в древней Нубии и под влиянием Южной Аравии — в Северной Эфиопии. Имеются отрывочные данные о развитии каст в Северной Африке и Сахаре уже в античное время и в раннее средневековье. Возможно, ка-

¹ Опыт исследования на материале Африки закономерностей перехода от первобытного к феодальному обществу, а также многих общих законов феодального способа производства уже предлагался автором [3; 4; 5].

ство-племенной строй Сахары оказал известное влияние на формирование социальных структур суданского пояса Африки. В позднее средневековье элементы кастовой системы мы находим в ряде обществ Восточного и Западного Судана, Сахары, Эфиопии, восточного побережья материка и прилегающих к нему островов, а также в соседней Южной Аравии. В новое время на всех этих обширных территориях, протянувшихся почти непрерывным поясом от океана до океана через весь Африканский материк, господствовал общинно-кастовый строй в сочетании с сословным в очагах государственности. Примеры сложного взаимодействия общинно-родовых структур с кастовыми, а всех их вместе — с государственно-сословными дает Эфиопия XIX — начала XX в. К югу от этого пояса, в районе Великих африканских озер, расположен изолированный «остров» общинно-кастового строя. Кроме того, отдельные элементы кастовых (или, лучше сказать, «протокастовых») систем мы находим в доклассовых обществах на южной периферии Эфиопии, Судана, Межозерья, например у нилотских и южнокушитских народов, у части восточноафриканских банту, а также в государствах пояса южных саванн, между Центральной и Южной Африкой. Очень своеобразные кастовые и «протокастовые» структуры существовали на Мадагаскаре и Коморских островах. И даже в лесном поясе Центральной и Западной Африки «симбиоз» земледельческих общин с локальными группами пигмеев, а также расселение отдельных семей ремесленников, сохраняющих принадлежность к экстерриториальным «кланам», среди родовых общин земледельцев можно рассматривать как один из начальных этапов формирования общинно-кастовой системы.

Основой развития общинно-кастового строя явился прогресс в разделении труда между общинами и отдельными семейными хозяйствами внутри общин. Этот же процесс обусловил и развитие других социальных институтов, в том числе политического характера. Таким образом, имеется косвенная связь между развитием общинно-кастовых систем и государственных, политических систем.

Кроме того, между ними существовала и прямая связь, поскольку государственная власть законодательными средствами нередко закрепляла или, напротив, разрушала кастовые градации. Одной из привилегий государя в африканских обществах была привилегия менять социальный, в том числе и кастовый, статус своего подданного, по крайней мере в сторону его повышения. Так, в сомалийском султанате Миджуртини богор (султан) мог поднять любого представителя одной из низших каст до статуса полноправного члена племени миджуртинов. В Руанде мвами (царь) имел право нобилизации (включения в высшую касту тутси) членов более низких каст хуту и тва, если доверял им важные государственные посты. Руандийский

«опыт» можно рассматривать и как частный случай следующего распространенного в феодальных обществах явления: монархия, реформируя или создавая заново государственный аппарат, включала в него лиц различной кастовой принадлежности, даже различного этнического происхождения. Подобным образом создавался государственный аппарат, например, в «королевстве» матебеле (Родезия). С другой стороны, феодальный гнет порождал тенденцию нивелировки кастовых градаций внутри класса мелких производителей: он попросту «спрессовывал» массу земледельцев в одно зависимое податное сословие. Так, в Южной Эфиопии конца XIX в. объединение разных кастовых групп в деревнях в единое сословие личностнозависимых крестьян — геббаров способствовало некоторому размытию кастовых граней.

Характерно, что политика феодальных африканских государств касалась в основном кастовых градаций внутри двух главных классов феодального общества: господствующего класса рентополучателей и главной категории производителей — непосредственных тружеников в земледелии и скотоводстве. Ремесленники и купцы, хотя и делились на множество этносоциальных групп кастового типа, все же были малочисленны (не более 1—1,5% населения государств)² и находились где-то на обочине данного социального организма (или, по выражению некоторых исследователей, даже вне общества). Однако, говоря о кастовом характере того или иного африканского общества, социологи и этнографы обычно имеют в виду прежде всего данные низшие ремесленные касты, являющиеся незначительным, подчиненным и не самым динамичным элементом в африканских общинно-кастовых системах, и уделяют меньше внимания полноправным и высшим кастовым группам, которые составляют подавляющее большинство населения в любом сельском округе. Возможно, такая «односторонность» вызвана трудностью выделения полноправных и высших кастовых групп.

С точки зрения семиотики, социальные противоречия внутри африканской кастовой общины можно представить в виде ряда бинарных оппозиций:

- «братья» (сублинги и их супруги) — «чужаки»;
- земледельцы (и скотоводы) — ремесленники (и музыканты и пр.);
- полноправные общинники — неполноправные;
- «деревенская аристократия» — «простонародье»;
- «княжичи» — «простолюдины», и т. д.

В этом ряду каждая следующая пара может полностью или частично включать в себя предыдущую. С известным допуском можно считать, что каждый первый (левый) элемент следую-

² В этом одно из отличий традиционных африканских обществ от индийских, где к низшим ремесленным кастам принадлежит, как известно, до 25—30% населения [7, 32].

щей пары включает в свой состав социально более узкие категории лиц, чем первый элемент предшествующей пары, а каждый второй (правый) следующей пары — более широкие категории, чем второй элемент предшествующей пары. Так, в категории «простонародья» объединяются столь различные элементы населения общины, как представители отдаленных ветвей господствующей родовой (патронимической) группы, представители иных родовых групп, ремесленники разных каст, невольники и их потомки и пр. В категории «деревенская аристократия» бывают объединены «княжичи», духовенство, «родовая знать» и пр. В конечном счете весь этот ряд бинарных оппозиций сводится к главной, классовой противоположности: эксплуататоры — эксплуатируемые.

Важно отметить, что этот ряд грубо отражает определенную историческую эволюцию, в начале которой находятся сиблинги в общинах более примитивного типа, а в конце наиболее «аристократизированные» и кастово замкнутые социальные группы. Условно мы называем их княжескими и царскими кланами. С их появлением кастовая (или протокастовая) структура общества принимает вполне пирамидальный вид, причем вершину социальной пирамиды образует аристократический царский, княжеский или жреческий род. Его глава является объектом религиозного почитания, которое в большей или меньшей степени распространяется и на других членов данного рода. Поэтому члены аристократического рода выполняют помимо других функций жреческие функции (неодинаковые в разных африканских обществах) и при исполнении этих функций имеют штат потомственных религиозных служителей — иеродулов. Последние могут принадлежать к одной из низших каст.

В ряде обществ, тяготеющих к исторически менее развитым южным и западным районам Африки, аристократический род монополизировал наиболее прибыльные ремесла: металлургию, кузнечное дело, изготовление деревянных скульптур, ткачество. Здесь, как и у древних скандинавов, правитель государства обязан был овладеть искусством кузнеца-металлурга. Наконец, члены аристократического рода обладали рядом привилегий экономического характера, которые обеспечивали им уже в молодые годы положение старейшин и вождей.

В Африке можно найти почти все основные разновидности аристократических родов, представляющие собой таксономические стадии развития этой социальной группы, а именно экстерриториальные роды «заклинателей (вызывателей) дождя», князьков в примитивных «сегментных» и «номовых» государствах, правящие кланы в царствах и т. д. Однако процесс нобилизации родовых групп такого типа начинается на еще более ранних стадиях социального развития, когда лишь выделяются старшие ветви в родовых общинах и когда пришлая, чужеродная часть общины не адаптируется в нее, а противопоставля-

ется основной части, образующей родовую группу. Последняя сохраняет преимущественные права землевладения, причем считается, что она имеет мистическую связь с землей и лишь одна может совершать магические обряды плодородия. Имеет она и другие привилегии, которыми не делится с «чужаками», или «припущенниками», не полностью адаптированными в общинную структуру.

Таким образом, деревенская территориально-родовая община разделяется на две части: полноправных «господ земли» и неполноправных «чужаков», напоминающих метеков древней Греции. «Господа земли» обычно (но не всегда!) многочисленнее «припущенников», однако их привилегии, особенно право землевладения, и некоторые характерные черты их системы моральных ценностей (понятия о родovitости, воинственности, чести, допустимых и недопустимых занятиях и т. д.) роднят эту социальную группу с аристократией раннефеодальных обществ. В ходе дальнейшего развития общинно-кастовой системы из массы «господ земли» выделяется сравнительно более нобилизованная «деревенская аристократия», более родовитая и привилегированная, чем большинство членов привилегированной родовой группы. Это, как правило, старшая ветвь родовой группы.

Старшая ветвь клана

Право первородства, известное многим африканским народам, сыграло важную историческую роль в развитии имущественного неравенства внутри общин, особенно у скотоводов (кушитов, нилохамитов, нилотов, восточных и южных банту, фульбе и др.). Вместе с тем постепенное перенесение права старшинства из сферы наследования титулов и привилегий внутри феодализирующихся родо-племенных общностей привело к обособлению старшей ветви клана и ее противопоставлению другим ветвям. Так внутри племен образовались аристократические колена, монополизировавшие власть наследственных вождей, а также отдельные жреческие функции.

У мондари Южного Судана внутри каждого клана выделялась старшая ветвь (или колено), старший представитель которой является «отцом земли» (моньекак), выполняющим обычные для этого жреца ритуальные обязанности, а один из его ближайших родичей — вождем клана (мар). У мондари-боронга мар, несмотря на наличие трех различных «ритуальных экспертов» (в том числе моньекак), выполнял некоторые ритуальные функции, в частности касающиеся общинных земель; некогда он выступал и в роли «заклинателя дождя». (У «речных» мондари мар не выполнял никаких ритуальных функций.) Но главные обязанности мара — это председательство в совете старей-

шин и ответственность за все вопросы, касающиеся войны. В совете старейшин мар являлся «законоговорителем», объявлявшим решения совета. Объединившись со своими приспешниками, он мог выступить против решений совета, даже вынести кому-либо смертный приговор, который исполнялся членами совета старейшин. Ритуал инаугурации мара включал всеобщий пир, танцы и присягу общинников новому вождю [27, 64].

У динка, нуэров, луо имелись наследственные вожди-жрецы, одновременно являвшиеся главами племен, духовными руководителями общин и «заклинателями дождя», а также верховными арбитрами в спорах, возникавших внутри племени. Они принадлежали к генеалогически старшей агнатной группе внутри «аристократической» родовой общины, входившей в состав соседско-родовой общины — волости. Кроме знатности и старшинства такой вождь-жрец должен был обладать определенными личными качествами [40, 142; 16, 125—130; 21, 176; 18, 122—126, 132].

У банту лигуру в Восточной Танзании при билатеральном счете родства старшая ветвь матрилинейного «субклана» (вождь и его племянники, т. е. сыновья его сестры, являющиеся потенциальными наследниками «должности» вождя), по выражению Дж. Л. Брейна, «образуют нечто вроде аристократии внутри субклана» [17, 130]. В общем такой порядок характерен и для большинства других народов банту.

Главы кланов (как патрилинейных, так и матрилинейных) у большинства народов банту — это старейшие мужчины генеалогически старшей ветви клана. Хотя власть их носит, как правило, главным образом или исключительно ритуальный характер, она тем не менее дает некоторые «житейские» преимущества, в том числе экономического характера. «Господа земли» (у большинства земледельческих народов Африки), «господа леса» (у ачоли и др.), «господа вод» (у сорко и бозо), «господа моря» (у суахилийцев, лебу и др.) — все эти категории наследственных старейшин-жрецов получают ритуальную власть в общине по праву старшинства внутри привилегированной родовой группы. Одна категория вождей-жрецов, а именно «вызыватели дождя», ввиду исключительной важности их «сферы деятельности» для земледельческо-скотоводческого хозяйства, приобрела в ряде африканских обществ особенно большое влияние, «перешагнувшее» пределы их родных общин, подчинила своей ритуальной власти значительные территории и сформировала жреческие династии.

Такие династии появляются в обществах, находящихся накануне рождения наиболее примитивной государственности. В Африке к их числу относятся нилохамитские, часть нилотских, южные кушитские, некоторые бантуские общества на востоке материка, голо и некоторые другие — в его самых западных областях.

Династии и роды «заклинателей дождя»

У нилохамитских народов сан «заклинателя дождя» передавался по наследству, ибо сама способность «вызывать» дождь представлялась наследственной. Умершему жрецу наследовал его сын, брат или племянник. Так, у локоя церемония возведения в этот сан имела характер всенародного «помазания»: в тыкву собиралась слюна воинов, старейшин и престарелых, которой затем смазывали тело «заклинателя», после чего устраивались пир и пляски [27, 78].

Во второй половине XIX в. Сэмьюэл Бейкер описал «заклинателя дождя» по имени Легге у локоя «дождевого округа» Лирия. Он охарактеризовал Легге как «великого вождя» и «величайшего в Центральной Африке мошенника». Этот жрец в конечном счете был убит своими «прихожанами» за неспособность вызвать дождь.

У бари «клан» Бекат в XVII—XVIII вв. имел святилище с «дождевым камнем» в «столичном» округе Шиндиру. В середине XVIII в. местный «вызыватель дождя», поссорившись со своими «прихожанами», переселился в округ Белинья, где возник второй центр «дождевой» магии. «Вызывателя дождя» у бари окружал целый штат наследственных ритуальных помощников: знахарь-бунит (его генеалогия уходит в глубь веков), обладавший магическим жезлом из железа, и иеродулы-дупи. Тем не менее вождь-жрец у бари, как и у локоя и других нилохамитских народов, могли убить при первой же неудаче в вызывании дождя [27, 38].

У лотуко «вызывателями дождя» были как мужчины, так и женщины, причем этот сан не только передавался по наследству, но и требовал «чистоты крови»: «заклинателем дождя» становился лишь человек, у которого и отец, и мать были подобными же вождями-жрецами. Все «заклинатели дождя», кроме двух, принадлежали к субклану Лоцелели Игаго; еще один был из клана Ловудо и другой — из клана Ломья. В 1918 г. у лотуко было не менее трех женщин-жриц — «заклинательниц дождя». Вся страна была разделена на несколько «дождевых округов», в каждый из которых входило от двух до шести крупных деревень (не считая мелких). «Заклинатель дождя» председательствовал на инициациях, ежегодно совершал магические церемонии открытия охоты и плодородия, раз в 16 лет добывал новый огонь, от которого зажигались все очаги в «дождевом округе». За эти благодеяния вождь-жрец получал первые плоды, грудь и правую ногу дичи, шкуры львов и леопардов, слоновую кость. В 1936 г. наиболее могущественный вождь-жрец властвовал над двумя крупнейшими «дождевыми округами» (включавшими в себя соответственно 5 и 6 больших деревень), где он выполнял некоторые функции и светского вождя. Этот «вызыватель дождя» получал примитивную дань, судил и вы-

носил приговоры. В начале XX в. один из местных вождей-жрецов собрал вокруг себя вооруженную винтовками дружину и фактически превратил свой «дождевой округ» в небольшое княжество [27, 85].

У куку, западных соседей лотуко, «вызыватели дождя» имели весьма значительную власть и регулярные доходы, выполняли не только ритуальные, но и политические, и судебные функции. Эти вожди-жрецы (в большинстве из клана Касура) жили на территории других кланов. Каждый из них стоял во главе большой группы домочадцев и слуг-посланцев. Кроме того, в некоторых деревнях «вызыватели дождя» имели своих агентов, которые сообщали им обо всех деревенских событиях. «Дождевые округа» у куку превращались в «сегментные» княжества [27, 48—49].

У бари великие «вызыватели дождя» почти превратились в феодальных князьков [27, 15].

У маджангир юго-западной Эфиопии многие, хотя и не все, жрецы принадлежат к одному и тому же «клану» Меланир, кушитскому по происхождению [42, 3].

У масаев «вожди-чародеи» [14, 111] — так называемые лаибоны — передают свой сан по наследству от отца к сыну. По преданию, первый из лаибонов сошел с вершины горы Нгонг за девять поколений до XX в., т. е. где-то в конце XVII в. Лаибон, резиденцией которого была гора Нгонг (ныне живет в Лоитаи), был самым главным среди старших масайских лаибонов. Дж. Фосбрук, один из первых исследователей масаев, классифицировал всех лаибонов следующим образом: наиболее многочисленная категория «частнопрактикующих» гадателей и знахарей, пользующихся влиянием среди ограниченного круга своих «клиентов», преимущественно соседей по территориальной общине; более высокая категория лаибонов, пользующихся более широкой известностью, занимающихся «частной практикой» в нескольких волостях и помимо гадания и знахарства «заклинающих дождь»; старшие лаибоны, официальные вожди-чародеи, по одному на каждое племя. Что касается лаибона с горы Нгонг, то он был известен и пользовался авторитетом среди всех масайских племен, от озера Рудольф до Центральной Танзании.

Главными функциями старших лаибонов были: 1) прорицание и гадание; 2) санкционирование войны (лаибон указывал направление похода) и изготовление защитных магических снарядов для участников похода и поимки вражеских лазутчиков; 3) освящение церемоний, связанных с инициациями и прохождением воинами возрастных рангов; 4) магическое обеспечение плодородия и процветания племени; 5) «закливание дождя». Кроме того, многие старшие лаибоны, как и «частнопрактикующие», занимались знахарством [28, 121—122; 13, 111—112]. Старший лаибон, по выражению Дж. Хантингфорда, — это

«мистический фокус публичной и ритуальной деятельности», а не феодальный князь [27, 15; 28, 122]. Его авторитет целиком зависит от его «магической силы». Раз или два в год он должен возобновлять свою силу приемом специального снадобья, состав и способ приготовления которого является родовой тайной лаибонов. В то же время особа лаибона была окружена священным ореолом, а власть его над членами племени простиралась до того, что он имел право распоряжаться их жизнью и смертью, в случае необходимости собственноручно убивая виновного специальным жезлом. Хотя лаибонам было запрещено участвовать в походах, они получали значительную долю военной добычи. Власть лаибонов была еще догосударственной, однако они уже начали выделяться в высшую кастовую группу: все лаибоны страны масаев принадлежали к субклану Кидонги клана Айсер, поэтому считались сородичами [28, 122; 14, 111—112].

«Заклинатели дождя» пользовались огромным влиянием у банту Восточной Уганды и Западной Кении, где они (за исключением сога) были единственной категорией вождей надобщинного ранга. Что касается «заклинателей дождя» сога, то, по свидетельству Дж. Роско, они распространяли свою деятельность до Кавирондо включительно [18, 117].

У банту Северного Кавирондо есть и собственные «заклинатели дождя», и некоторые из них пользуются влиянием далеко за пределами своего племени (банту Кавирондо подразделяются на несколько больших и малых племен). У северных племен в 30—40-х годах нашего века имелся один общий вождь-жрец, у центральных племен — четверо, у южных — один, обслуживавший также отдельные соседние племена луо. Общины вознаграждают «заклинателя дождя» дарами, которые приносятся раз в год перед началом сезона дождей, в декабре, и напоминают ежегодную дань [45, 249 и сл.].

«Дождевые округа», во главе которых стояли «заклинатели дождя», представляли собой самое крупное территориальное объединение у народов ила-тонга в долине реки Замбези. Вожди-жрецы этого типа распространяли свое влияние на целые группы соседних деревень, принадлежащих разным «кланам». Однако границы «дождевых округов» у тонга не отличались устойчивостью, а «светская» власть «вызывателей дождя» была еще незначительна. Наиболее известный из них — некий Монзе — не был правителем даже в своей родной деревне [19, 90].

Как показали на примере ачоли и алуоров британские исследователи (особенно Э. У. Саутхолл), «вызыватель дождя» у части нилотов превратился в феодального князька, а «дождевой округ» — в его «домен», или княжество [40, 130; 41, 92, 94—95, 119, 197, 203—209, 285, 367 и сл.; 25, 97 и сл.].

На данной стадии «аристократическая» родовая группа монополизирует известные жреческие функции и соединяет их с

функциями управления обществом. Превратившись в наследственную группу «специалистов», она расселяется по многим общинам своего и даже соседних этносов, подобно ремесленным кастам. Параллельно этому кровнородственные группы вождей-жрецов превращаются в феодальные княжеские кланы.

Изучая институт «заклинателей дождя» в его историческом развитии, от ранних ступеней, представленных у ила, тонга и некоторых других народов банту, а также маджангир и пр., до поздних ступеней — у нилохамитских народов, мы видим развитие двух взаимосвязанных явлений: во-первых, появление начальных элементов государственности, во-вторых, — феодальной и рабовладельческой эксплуатации.

Элементы государственности следующие: 1) «дождевые округа» — обширные территориальные единицы нового, надобщинного типа, как бы находящиеся в наследственном владении жреческих семей; 2) династия, вокруг которой группируются все остальные элементы государства (зачатки государственного аппарата, постоянного войска, представление о княжеском владении и его границах и т. д.) и которая, таким образом, является как бы фокусом, сосредоточивающим «протогосударственные» начала; 3) «люди вождя» — а) его слуги, которые подразделяются на личных «клиентов» и потомственных «ритуальных специалистов», составляющих как бы низшее жречество при особе «вызывателя дождя»; б) воины, живущие в усадьбе вождя-жреца, охраняющие ее и выполняющие по его приказу полицейские функции; в) слуги и родственники «вызывателя дождя», выступающие его гонцами, посланцами и т. п.

«Воздаяние», которое «вызыватель дождя» или лаибон получали за свою деятельность от общинников, представляло собой зачаточную форму ренты. Впрочем, величина ренты была ничтожна, а ее регулярность сомнительна. Тем не менее «воздаяние», получаемое вождями-жрецами в пределах их «округов» и составлявшее часть продукта, производимого в ячейках мелкого натурального производства, явилось одним из отправных пунктов в развитии феодальной эксплуатации, которая есть не что иное как эксплуатация мелкого производителя путем внеэкономического принуждения [5, 233—258].

Феодально-аристократические кланы

С течением времени феодализировались и такие общинные вожди, как военачальники и др. Возглавляемые ими родовые группы также имели тенденцию превращаться в аристократические роды. В случае иноземного завоевания пришельцы, опираясь на свою родовую организацию, покоряли родовые, территориально-родовые или кастовые общины аборигенов и обосновывались в их среде аристократическими общинами. Аналогич-

ный эффект имело мирное проникновение скотоводов (например тутси, хума и нилотов в Озерном районе Африки), за которым следовало подчинение и закабаление земледельческих общин вождями скотоводов.

Общинно-родовой вид социальной организации господствующего класса оказался чрезвычайно живучим, что объясняется не какими-то специфически африканскими условиями, а законами социального развития при феодализме, особенно на ранних и средних этапах феодальной формации. Родовые связи отмирают или уничтожаются прежде всего в среде угнетенного и эксплуатируемого населения; функционально они частично заменяются отношениями личной зависимости членов общины от общего для них господина. Вместе с тем родовые связи продолжали и продолжают играть социальную роль в среде господствующего класса или высших каст. В результате образуются многочисленные и сегментированные привилегированные общины, которые можно назвать феодально-аристократическими кланами и которые имеют тенденцию монополизировать феодальную власть и феодальную ренту.

Начало этого процесса мы наблюдаем у ануаков. Юго-восточные ануаки, пограничные с юго-западными эфиопами, имеют аристократический клан Ватнийе. Нийе, «благородным», считается лишь тот ануак, кто, во-первых, принадлежит по рождению к этому клану, а, во-вторых, прошел специальное посвящение, в котором главную роль играют вещественные символы знатности: пять ожерелий из бус, четыре копыя, две скамейки (или табуретки) и барабан. Посвящение производит дядя по матери посвящаемого. Если член «царского» клана не пройдет посвящения, он остается ватонгом, «полужнатным», членом сословия джаватонг, к которому относятся целые патринии «царского» клана.

Порядок передачи символов знатности не был неизменным на всем протяжении истории ануакского народа. В ранний период (XVII—XVIII вв.) эти инсигнии, или регалии, передавались от отца к сыну после смерти первого. Начиная с XIX в. родичи князя начали подвергать его ритуальному убийству, причем убийца захватывал символы власти и становился князем. Поэтому князь, правивший в деревне Умар, изгонял из нее своих братьев, сыновей и других сородичей. Претендент на престол с помощью «простолюдинов» — родичей по матери — нападал на Умар и старался убить князя, который тогда был не более чем главой деревенской общины. В то время члены аристократического клана начали расселяться по деревням юго-восточных ануаков, вытесняя местных деревенских вождей — глав «простых» кланов. Затем наступил период, когда князь начал добровольно передавать инсигнии некоторым из своих ближайших сородичей, причем порой кое-кто из них более одного раза становился временным обладателем священных ре-

ликвий. В этот период ватнийе широко расселились как деревенские вожди, подчиненные князю.

В конце XIX в. появление огнестрельного оружия привело к возвышению трех вождей из клана Ватнийе: Аквеи ва Кам из субклана Нийндола, Улими вар Агаанья из субклана Нийгоч и Удиэль ва Куат из того же субклана. Вооружив ружьями членов организации неженатых мужчин, эти вожди совершали набеги на отдельные общины ануаков, а также нуэров и бейров и подчинили себе каждый по три-четыре деревни, образовав небольшие княжества, первоначально независимые, а затем сохранявшиеся под контролем британских колониальных властей. Эти три князька монополизировали регалии знатности, а следовательно, и посвящение в полноправные нийе, заставляя своих сородичей получать посвящение за плату и из рук одного из князей. Появилось множество знатных, не посвященных в нийе, пополнявших ряды джаватонгов.

В 1921 г. колониальные власти фактически ликвидировали княжества ануаков и установили порядок, согласно которому регалии передавались каждому члену клана сроком на один год. Этим был сделан дальнейший шаг по пути превращения Ватнийе в правящий клан, объединяющий преимущественно общинную знать, среди которой вожди деревенских общин были не более чем «первыми среди равных».

В период существования независимого «царя-жреца» ануаков (до «турецкого»³ завоевания в середине XIX в.) Ватнийе был почти таким же «царским» кланом, как Кварет у соседних шиллуков, но господствовавшим не над всем народом, а лишь над небольшой группой деревенских общин. После свержения «турецкого» владычества и затем при англичанах территория, где правили ватнийе, значительно расширилась, но и тогда не охватила всей страны ануаков. Несомненно, объединись ануаки в независимое государство, ватнийе с течением времени могли бы монополизировать в своих руках все должности деревенских старост.

Э. Э. Эванс-Притчард проследил пути, которыми происходило вытеснение аристократами клана Ватнийе деревенских вождей из «простых» кланов. Наиболее обычный путь состоял в том, что сыновья аристократов-нийе переселялись в деревни своего дяди и других родичей по матери, которая всегда происходила из простонародья в силу экзогамии кланов. Так в деревне появлялся свой аристократ, который с помощью деревенской общины (движимой соображениями престижа и суевериями) начинал добиваться регалий, т. е. посвящения в нийе [20, 44—79].

У алуров еще до переселения на нынешнюю их территорию

³ Осуществлявшегося с 1821 г. в Судане разноплеменными выходцами с Кавказа, Восточной и Западной Европы и пр., принявшими ислам («турки»).

к западу от Верхнего Нила, т. е. когда они жили в стране ачолы и в Нйоро, сложились аристократические кланы, представители которых стали вождями на новых местах, где были образованы первые алурские княжества. Подобно джаватонгам, алурские вожди уговаривали прежде независимые общины принять их братьев и сыновей в качестве вождей и создавали таким образом новые вассальные княжества, которые со временем могли получить независимость. Так было образовано старое княжество Атьяк, а затем и целая группа княжеств Атьяк (Укуру, Паида и др.), в которых все независимые и вассальные вожди принадлежали к феодально-аристократическому клану Атьяк. Внутри каждого из княжеств атьяки составляют независимую генеалогическую линию, главой которой является правящий князь. Другие феодально-аристократические кланы страны алуров — Учибу, Рагем-Коч, Юкот — также делятся на генеалогические линии, или «царствующие дома», соответственно занимаемым княжествам.

В социальном отношении члены аристократического клана весьма отличались друг от друга. Верхушку составляли независимые князья и вассальные князьки, назначаемые первыми, а также их жены. По обычаю, князь после того, как та или иная его жена рожала ему сына, отправлял ее в какую-нибудь отдаленную часть своих владений, обычно в родовую общину, образуемую коленом крестьянского клана, дабы она надзидала за порядком, предотвращая межобщинные войны, и кормилась от подарков, штрафов и главное — трудовой повинности, выполняемой в ее пользу общинниками⁴. Более многочисленный слой у алуров составляли братья, сыновья и племянники князя, постоянно жившие при его дворе его милостями. Наконец, более отдаленные родичи князей и князьков жили отдельными деревнями почти как простые крестьяне и даже несли повинности в их пользу. Так, «царствующий дом» княжества Ангаль «клана» Учибу подразделялся на несколько «колен», численностью от 50—150 до 200—300 человек каждое. Такая масса «аристократов» не могла вести паразитический образ жизни. «Колено» Аньола клана Атьяк в княжестве Укуру оказалось в сходном положении. Оно не имело власти, хотя и гордилось своим знатным происхождением. Члены этого «колена» несли повинности в пользу своего родича — князя Укуру, обрабатывая его поля, охраняя его резиденцию и т. д. [41, 57—61, 77 и сл.].

У занде все князья, вассальные вожди и «бедные аристократы» принадлежат к клану Вонгара, основатель которого, легендарный Нгура, жил во второй половине XVIII в. Этот феодально-аристократический клан подразделяется на семь генеалогических линий, или «царствующих домов» (Занде-Мбому, Занде-

⁴ Сходный обычай существовал и у шиллуков, у которых царская жена с новорожденным сыном отсылалась в общину своего отца [18, 49].

Нунга, Занде-Ауро, Занде-Подийе, Занде-Мокума, Занде-Абеле и Занде-Эмбили), члены каждого из которых жили в основном на территории своего княжества, хотя порой несколько недавно образовавшихся княжеств имели правителей из одного «царствующего дома». Так, в 1885 г. члены «дома» Занде-Нунга были разделены между пятью княжествами, присоединенными к Египетскому Судану [22; 23, 140]. Социальные различия между членами клана Вонгара стали возрастать с конца XIX в., когда «турецкое» завоевание положило конец экспансии занде на земли соседних с ними догосударственных обществ и сделало все население княжеств объектом грабежа и порабощения. В. В. Юнкер отмечал в княжестве Земио много обедневших аристократов, членов «княжеского рода», которые через посредников пытались сватать дочерей вождей [16, 431]. Иногда социальные различия ассоциировались с принадлежностью к той или иной ветви клана Вонгара. Так, в суданской части страны Занде вонгара делились на «дома» Занде-Ауро, которые первыми пришли сюда с Запада, и Занде-Мбому, которые завоевали первых. С течением времени пришельцы в значительной части ассимилировали своих покоренных сородичей, однако у мбому обычно было больше жен и другого богатства, чем у ауро, они чаще назначались на доходные должности — предмет честолюбия каждого вонгара, чаще совершали визиты ко двору князя, где получали угощение [22; 23, 123, 125—126].

В наиболее примитивных из доколониальных государств банту, близких по уровню развития к описанным выше нилотским государствам, мы находим большее или меньшее совпадение господствующего социального слоя с «царским» родом. Таково, например, государство Шамбала на востоке Танзании. Оно зародилось около середины XVIII в., когда родовая группа Килинди во главе с охотником Мбега переселилась от народа загуа к шамбала и вместе с примкнувшими к ним людьми основала небольшое княжество Вуга. Мбега и его спутники возглавили общины Шамбалы в их борьбе с народом паре. Своих сыновей Мбега сделал правителями «дочерних княжеств», образовавшихся вокруг его «великого княжества» благодаря походам войска Вуги и высокому престижу правления Килинди. Сыновья Мбеги старались приобрести для своего потомства новые княжения, подчиняя прежде независимые пограничные общины. Все князья и князьки в клане Килинди придерживались традиционных взаимоотношений родовой общины: сыновья повиновались отцам, младшие братья — старшим, а потомки первых — потомкам последних. Правитель Вуги возглавлял весь клан Килинди и вместе с тем — феодальную иерархию царства Шамбала. В сословном отношении (т. е. по отношению к государству) члены клана Килинди делились на четыре части. Самое высокое место в пирамидальной структуре общества занимал симбамвене, или великий князь. Его вассалами были

князья, или зумбе-мкуу, правившие областями, а вассалами последних — князьки, или зумбе-мдодо, правившие волостями в составе нескольких небольших деревень и обычно одного значительного села. В 1957 г. зумбе-мкуу было полтора десятка, зумбе-мдодо — в десять раз больше, но основную часть клана Килинди составляли «рядовые» аристократы. Структура феодальной иерархии тем не менее ассоциировалась в сознании шамбала с родовой структурой царского клана. Считалось, что зумбе-мкуу повинуются симбамвене как главы младших ветвей клана главе старшей ветви и в то же время главе всего клана, а зумбе-мдодо повинуются зумбе-мкуу как младшие члены родовой общины ее главе, аристократы же «рядовые» видели в князьях и князьках прежде всего глав своих патронимий. В сущности, весь клан Килинди являлся господствующей группой и в той или иной мере все его члены участвовали — прямо или косвенно — в эксплуатации крестьян-шамбала. Князья и князьки не только получали и потребляли ренту, производимую трудом «простонародья», но и перераспределяли часть ее среди «рядовых» аристократов. Князья не могли отказать в материальной помощи и моральной поддержке «бедным аристократам» прежде всего потому, что последние были их родственниками и на них распространялся принцип родовой взаимопомощи. Характерной чертой «монархии» Шамбала были функции «заклинателя дождя» и некоторые другие жреческие обязанности, связанные с саном симбамвене [48, 95—96].

Сходное политическое устройство мы находим в государствах доколониальной Замбии, Заира, Конго и Малави у народов мамбве [46, 18, 55, 74 и сл., 90 и сл., 159], ньякьюса [33, 93 и сл.], нгонде, бемба, ламба, амбо, лала, свака, биса, причем у амбо, лала и свака все князья и князьки принадлежали к роду Ньендва [47, 16, 25—27, 48, 60—62], у луба, куба, пенде, лоанго, народов Нижнего Конго [8, 139; 10, 201—202, 251—252; 9, 52], а также в Западной Африке, в государствах Ком, Нсау, Бали-Ньонг центрального и южного Камеруна [32, 32—33, 41—42, 69, 74; 29, 355—371], в княжествах народа марги на северо-востоке Нигерии [44, 75 и сл., 86 и сл.], в царстве Нупе (Нигерия) и империи Сокото, возглавляемых «царскими» родами пришельцев-фульбе [34; 12], в государстве Тибести (Восточная Сахара) [13, 80], в царстве Дагомея и других государствах, существовавших на территории нынешней Народной Республики Бенин, в многочисленных государствах северного Того, северной Ганы, Верхней Вольты и прилегающего района Берега Слоновой Кости [43; 26].

В империи Сокото, с ее сравнительно сложной феодальной организацией, основную часть привилегированного сословия составляли члены царского рода, захватившего власть в начале XIX в. Сюда входили: султан, эмиры, правители отдельных областей и округов [12, 180]. Но и в других больших государст-

вах Западного Судана мы видим тот же социальный элемент, хотя и не в качестве монополющего господствующей группы. Так, у моси высший слой феодалов составлял царский род, следующие — кланы, возводящие свое происхождение к царям прежде правивших династий [43]. У сонгаев, которыми прежде правили две династии: царей — ши до XV в. и императоров — аския в XV—XVI вв., каждая из них образовала особый клан, численностью в несколько тысяч человек [6, 82, 227]. В Дагомее, Бамуме, Баротсе члены царского рода составляли высший слой аристократии и наиболее многочисленную привилегированную группу.

Характерные особенности «сегментных» государств такого типа определяют направления социальной мобильности господствующих групп: вверх, в лестничном порядке престолонаследия; вниз, по мере удаления от прямой и старшей мужской или женской (последнее — у бемба, ламба, амбо, свака, лала, пенде, части тикаров и др.) линии; вширь — на общины, еще не управляемые «царским» родом; вглубь — на все большее число ступеней иерархии власти и феодального рентовладения. Лестничная система приобретения титулов и занятия уделов, хорошо известная на примере Киевской Руси и Тюркского каганата, существовала и в государствах банту: Конго, Лоанго, Бемба и др. При направлении социальной мобильности «царского» рода вглубь этносоциального организма князьки и деревенские вожди, принадлежащие к другим кланам, либо вытесняются со своих постов, либо роднятся с «царским» родом посредством браков. При матрилинейном счете родства могут возникнуть «полузнатные» группы «княжеских сыновей» (как у бемба, ганда и др.). Но господствующей тенденцией было объединение знатных родов с царским родом посредством уз брака и свойства. Так было в средневековом королевстве Конго [10, 202, 229], в королевстве Баротсе XIX—XX вв. [11, 70—71], в царстве Бамум и др.

В Африканском Межозерье, а также в Северной Замбии мы наблюдаем процесс объединения царских кланов разных народов и государств в более или менее фиктивный «суперклан», настоящую высшую касту целой группы родственных по культуре обществ. В Замбии таким «суперкланом» был Ньендва, в северной части Межозерья — клан Бито, а в прошлом — клан Чвези. Династия Хинда в Анколе выводит свое происхождение от Чвези, тогда как хайя считают свою правящую династию Хинда ответвлением известного царского клана Бито, нилотского по происхождению. У зинза местная династия Хинда также считается родственной Бито. В настоящее время в юго-восточной части Межозерья Хинда является особым княжеским кланом, менее многочисленным и знатным, чем клан Бито. В тех областях, где правители не были из клана Хинда (а чаще всего из Бито и отчасти Нканго), члены клана Хинда объединя-

лись с другими знатными кланами, стремясь удержать остатки прежних привилегий [38; 39; 36, 31, 38, 43, 130—131, 147—148, 180—182, 197—208].

В Буганде дети царя принадлежали к кланам своих матерей, поэтому здесь не было «царского клана» [37; 24, 69]. В соседнем же царстве Ньоро многочисленные члены рода Бито составляли привилегированный «царский клан», «считали себя „рожденными властвовать“ и вполне дифференцировались от простонародья» [35, 143]. Здесь бито могли быть и близкими родичами царя, владельцами обширных имений, правителями областей и округов, могли быть и бедными аристократами. Главой этого клана считался не царь, а его брат, носивший титул оквири [37; 24].

У ха имелось множество независимых княжеств, правители которых назначали своих сыновей и братьев правителями отдельных областей, с течением времени выделявшихся в независимые княжества. Поэтому правящие династии ряда княжеств принадлежали к двум-трем аристократическим кланам, заключавшим браки между собой и составлявшим как бы одну родственную группу — высший слой внутри господствующей касты туси [36, 212—216].

Обязательное соединение статуса феодала и члена правящего клана не составляет африканской специфики. Оно вообще характерно для раннефеодальных обществ различных историко-географических регионов. Поэтому было бы неправильным отрицать классовую, феодальную сущность власти знатных родов (или «родовой знати») в примитивных государствах на том основании, что привилегированный клан находится в «социальном симбиозе» с остальными кланами [26, 381], или, ссылаясь на известное высказывание Ф. Энгельса: «Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и порабощения» [1, 159]. Совершенно ясно, что Ф. Энгельс под «родовым строем» подразумевал не общинно-кастовую структуру с господством привилегированных родов, а первобытнообщинную формацию на стадии ее расцвета.

На социальные структуры племенных и раннефеодальных обществ, во главе которых стоит аристократический клан, уже обращали внимание многие исследователи, в том числе Н. А. Бутинов. Он писал: «Тот род, с которым связана господствующая агнатная группа, становится господствующим, аристократическим... У нуэров вся деревня носит название аристократического рода, хотя семей, связанных с этим родом, в данной общине может быть меньшинство... Выделяются роды „высшие“ и „низшие“. Родовые деления начинают постепенно принимать сословно-кастовый характер. В государстве Бемба, например, род Крокодил считался высшим, король всегда был из этого рода. У маршалльцев вождь всегда избирался из рода

Идьирик. У куки-чин отмечена иерархия родов. У коньяк (Ассам) род вождя (анг) настолько обособился от всех остальных родов, что даже исключил браки с ними и тем самым приобрел один из признаков касты — эндогамию. У лушеев (группа чин) все вожди поставляются только одним родом Сайло. У батаков привилегированный род носит название „род — основатель деревни“ [2, 154]. Строго говоря, здесь вместе перечислено несколько ступеней «аристократизации» отдельных агнатных групп, от нуэрской до маршалльской моделей, которые следует различать таксономически. Об «аристократических» родовых группах у нуэров и бембе уже говорилось выше; у первых знатная родовая община составляет, как правило, основную часть внутри соседско-родовой общины, а у вторых «царский клан» Крокодила весьма напоминает «царский клан» Идьирик у маршалльцев (причем оба они матрилинейны); есть у маршалльцев и характерная для бемба прослойка «сыновей царя». У коньяк социальная структура, по-видимому, приближается к той, которая существует у более развитых народов Ассама. Что касается привилегированного рода в общине батаков, то он, с одной стороны, напоминает «аристократический» род в нуэрской волости, а с другой — родовые группы «господ земли», потомков первопоселенцев, основателей деревенской общины у многих народов Африки, особенно Западной и Северо-Восточной.

Привилегии членов «царской» или «аристократической» родовой группы зависели от уровня развития данного общества. У динка противопоставление патронимий боевого копья и патронимий рыболовного копья почти не имело экономического или правового значения. Все родовые группы внутри соседско-родовых общин у динка были равны, и лишь ремесленники, принадлежавшие к родам Гумбель и Нйокер, занимали менее выгодное положение и имели тенденцию к эндогамии [40, 179]. У нуэров «знать» в соседско-родовой общине имела незначительные привилегии; у ануаков и ачоли даже рядовые представители «княжеского» клана могли выгодно жениться и обзавестись хозяйством, они были также свободны от несения ряда повинностей в пользу князька. В еще большей степени эти привилегии имели сородичи князей у алуров, сородичи царя-жреца — у шиллуков. У занде, бакуба и некоторых других народов Центральной Африки только члены княжеского клана могли иметь более одной жены. Так как в этой части Африки женщины выполняли основные земледельческие работы, а у занде члены рода Вонгара вообще не занимались физическим трудом, многоженство «сородичей князя» было важной экономической привилегией, позволявшей рядовым аристократам в праздности и почете вести тот наиболее привлекательный для общинников образ жизни, которым среди простолюдинов пользовались лишь старейшины. Что касается верхушки княжеских кла-

нов, она в примитивных государствах (типа «сегментных» и «номовых») монополизировала ренту. При перераспределении ренты князьками и царьками кое-что перепало и рядовым членам княжеских кланов. Так, у занде вонгара группируются главным образом при дворах князей, наместников провинций и округов, где живут и угощаются на правах сородичей. Каждая такая группа вонгара составляет как бы привилегированную общину внутри местной территориальной (деревенской) общины. Подобно членам любой другой локализованной части клана, внутри такой общины вонгара господствовали отношения родственной взаимопомощи и взаимной поддержки. Это вообще характерно для княжеских кланов в раннефеодальных обществах. Внутри таких кланов взаимоотношения между членами строились в первую очередь по модели родовой общины.

Согласно наблюдениям Э. У. Саутхолла, следствием экономических преимуществ княжеских кланов у ачоли и алуров были более высокие, чем у других родовых групп, темпы роста их численности. Однако ускоренное (в исторической перспективе) размножение аристократии, в сочетании с преимущественной адаптацией в их группу различных чужеродных элементов, создавало тенденцию превращения всего населения племени или княжества в однородную и равноправную массу, что означало победу первобытнообщинных традиций. Например, у ачоли, алуров и занде различались княжеские кланы, кланы пришельцев, сопровождавших князьков при переселении на соответствующие территории (луо у ачоли и алуров, «чистые» занде у занде), и группы аборигенного происхождения, в значительной части даже сохранившие особые языки (в большинстве лингвистической группы мору-мади). При этом вторые считали себя, как, например, у алуров, аристократией по отношению к последним [41, 14 и сл.].

Создавалась довольно динамическая система, внутри которой более высокие социальные группы постепенно вытесняли и поглощали низшие. Это приводило общества к кризисной ситуации, которая могла разрешиться (и разрешалась на практике) одним из следующих четырех способов: 1) аристократы во главе с ближайшими родственниками князя устремлялись на новые земли, мирным или насильственным путем подчиняя себе другие общины и народы (так было у ачоли, алуров, ануаков, банту Межозерья, тубу и др.), т. е. кризис разрешался путем экспансии в пространство; 2) князья-жрецы ограничивали членство в своих кланах, устанавливая предел поколений, далее которого потомки князей теряли привилегированный статус (у тикаров, канури и др.), либо лишали отдельные ветви княжеского рода этого статуса (у ануаков, алуров и пр.); 3) для ненавливания ограничения роста аристократических кланов устанавливались ограничения социально смешанных браков, что было связано также с тенденцией к эндогамии привилегирован-

ных родовых групп; 4) с развитием государства «царские люди» — невольники и клиенты царя — оттесняли его сородичей от участия в управлении и в то же время — от источников ренты. Однако последний путь предполагает далеко зашедшее развитие княжеского клана по пути денобилизации младших его ветвей. Уже на стадии «сегментных» государств княжеский род дифференцируется: его верхушка настолько обособляется от младших ветвей, что эксплуатирует не только инородцев и простолудинов, но и часть своих сородичей. Таким образом, внутри княжеского клана отношения, характерные для родовой общины, переплетаются с отношениями, присущими феодальному домену. Для рядового аристократа ачолы его князь был не только сородичем, но и государем. У алуоров и тикаров наиболее отдаленные родичи князей подвергались со стороны последних феодальной эксплуатации в такой же форме и степени, как и простые крестьяне. Это диалектическое противоречие между двумя противоположными видами социальности — первобытнообщинной и феодально-классовой — органически присуще «царским родам» на ранних этапах их развития, когда они еще сохраняют черты родовой общины. Оно прослеживается и в основных других типах традиционных африканских общин, за исключением наиболее примитивных.

Однако аристократический (княжеский) клан — это не простая, а привилегированная «родовая община». Ее глава, поднимаясь над обществом и превращаясь в государя-законодателя, мог учредить для себя и своих сородичей привилегию агамности своего клана, резко противоречащую обычаям родовой экзогамии. При матрилинейном счете родства и наследования женитьба на родной сестре обеспечивала князю сохранение престола за его потомством, а женитьба на прочих близких и дальних родственниках помогала ему избавиться от возможных соперников в борьбе за престол. Это облегчало развитие тенденции к эндогамии, вообще характерной для социальных групп в эпоху феодализма в его становлении и развитии. Так, у бемба все девушки царского рода Крокодила считаются потенциальными женами «верховного вождя», или царька, а у ганда (баганда) принцессы, если не становились женами царя-кабаки, оставались в безбрачии. В Руанде царский клан называется Аба-Нйигинья, клан царицы — Аба-Коно; старшие ветви этих двух кланов имели тенденцию замкнуться в эндогамную группу [30, 33 и сл.]. На известной ступени развития члены царского клана считают себя «рожденными для власти» и презируют занятие физическим трудом. Род превращается в привилегированную касту либо (как у народов Центрального Межозерья) в высшую и основную подкасту привилегированной касты (соответственно хума, тутси и т. д.).

Вместе с тем по мере развития феодальных отношений и феодальной государственности родовые формы классовой

структуры постепенно уступают место сословным. И хотя высшую феодальную аристократию составляют члены «царствующей фамилии», следующие ступени социальной пирамиды занимают иные знатные роды. Ранние стадии этого процесса мы наблюдаем в некоторых «номовых» княжествах, городах-государствах и примитивных царствах южной части Западной Африки и области расселения банту.

В сравнительно более развитых феодальных государствах, таких, как Руанда, Бурунди, Казембе (в Замбии), в империи Лунда, царствах Дагомее, Бенине, сородичи царя составляли уже меньшую часть господствующего класса, а в еще более развитых феодальных государствах монарх уже настолько высоко поднимался над всеми своими подданными, включая клановых сородичей, что мог, пренебрегая священными узами родства, как император Эфиопии, заключать всех принцев крови в специальную тюрьму или даже, как царь-кабака Буганды, предавать их смерти, принося в жертву богам [37, 331 и сл.].

Разумеется, на этой стадии царский род уже не имел почти ничего общего с родовой общиной. У эфиопов-амхарцев и у баганда принцы составляли особое сословие. Каста или подкаста превращалась в законченную феодальную «фамилию», династию и семью одновременно⁵.

Но на ранних этапах генезиса и формирования феодального общества царский, или княжеский, клан — это все же нечто иное. Социальная природа его сложна и противоречива. С одной стороны, он имеет черты родовой общины (или суперобщины, от которой отпочковались дочерние общины). Членство в нем определяется кровным родством, члены его должны помогать друг другу как собратья по общине. Сила родовых уз настолько велика, что привилегии глав клана в отношении расширяющегося и феодализирующегося общества распространяются в той или иной степени и на остальных членов клана. Поднимаясь над массой мелких производителей, клан (или группа кланов) становится высшей кастой, тогда как другие родовые группы, опускаясь ниже уровня свободных мелких производителей, превращаются в низшие касты общества. Общинно-кастовая система, характерная для значительной части африканских обществ, это не первобытнообщинный строй, и в этом социологи более или менее единодушны. Разногласия вызывает вопрос, является ли эта система классовой в марксистском смысле слова.

Буржуазные ученые часто противопоставляют касту классу. Так, Ж. Маке, много сделавший для изучения феодального общества Руанды, утверждает, что тутси, высший из трех глав-

⁵ В известной мере родовой принцип сохраняется и на этой стадии, так как легитимность почти приравнивается к наследственности. Поэтому было возможно и необходимо такое явление, как фиктивные династии Римской империи, мамлюкского Египта, фиктивные родословные и т. п.

ных слоев традиционного руандийского общества, составляли «правлящую касту», а не «правлящий класс» [31, 116—117]. Он предлагает «называть кастой закрытую социальную страту, а классом — открытую» [31, 110]. Данное определение класса, игнорирующее экономические и политические моменты, для нас неприемлемо, но что касается закрытости касты, то это действительно характерная ее черта. Но ведь она типична и для большинства других социальных групп феодального, а также первобытного обществ. Правда, отдельные социальные группы внутри некоторых феодальных обществ отличались значительной степенью открытости, как, например, христианское и буддийское монашество (наиболее яркий пример), китайские шэньши, византийские чиновники, египетские мамлюки, запорожские казаки и др., а также — и в первую очередь — рабы правителей всех рангов! Но рядом с ними, вернее ниже них, находились социальные группы, составлявшие основную часть общества, — крестьянские массы, а также ремесленные объединения, — которые фактически были наследственными и закрытыми (не обязательно «в принципе», но на деле!).

Каста — это более примитивный и более закрытый тип организации, чем сословие, хотя в общем оба они относятся к той классовой формации, которую мы называем феодальной. В кастовой организации общества проявляются как общинные (о которых говорилось выше), так и классовые черты. К числу последних относятся, во-первых, связь кастовой принадлежности с определенным кругом занятий и, следовательно, местом в общественном производстве и системе производственных отношений, во-вторых, связывающие отдельные касты между собой отношения господства и подчинения. И если порой лишь часть членов одной касты эксплуатирует членов других каст, это говорит лишь о неполном совпадении кастовых градаций с классовыми, а не о противоположности между ними.

Каста, сочетающая в себе черты родовой общины и класса, является одним из показателей раннефеодальной социальной природы большой группы традиционных африканских обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21.
2. Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). — «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968.
3. Кобищанов Ю. М. Раннеклассовые общества на периферии феодальных государств (на примере Северо-Восточной Африки). — «Конференция „Возникновение раннеклассового общества“. Тезисы докладов». М., 1973.
4. Кобищанов Ю. М. Пространственно-временные структуры истории Африки. — «Африка: возникновение отсталости и пути развития». М., 1974.

5. Кобищанов Ю. М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. — «Африка: возникновение отсталости и пути развития».
6. Куббель Л. Е. Сонгайская держава. М., 1974.
7. Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971.
8. Львова Э. С. Социальная структура государств Куба и Луба. — «Социальные структуры доколониальной Африки». М., 1970.
9. Ольдерогге Д. А. Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки. — «Социальная организация народов Азии и Африки». М.—Л., 1974.
10. Орлова А. С. История государства Конго. XVI—XVII века. М., 1968.
11. Сванидзе И. А. Сельское хозяйство и поземельные отношения у народов баротсе. — «Советская этнография», 1961, № 5.
12. Следзевский И. В. Хаусанские эмираты Северной Нигерии. М., 1974.
13. Фукс П. Народы Сахары. — «Сахара». М., 1971.
14. Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической Африки. М., 1964.
15. Юнкер В. В. Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886). М., 1949.
16. Bedri I. Notes on Dinka Religious Beliefs in Their Hereditary Rein-makers. — «Sudan Notes and Records». 1939, vol. 22, № 1.
17. Brain J. L. Ancestors as Elders in Africa — Further Thought. — «Africa». 1973, vol. XLIII, № 2.
18. Butt A. The Nilots of the Anglo-Egyptian Sudan and Uganda. London, 1952.
19. Colson E. Marriage and Family Among the Plateau Tonga of Northern Rhodesia. — «African Studies». 1948, June—September.
20. Evans-Pritchard E. E. The Political System of the Anuak of the Anglo-Egyptian Sudan. Lund, 1940.
21. Evans-Pritchard E. E. The Nuer. A Description of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, 1940.
22. Evans-Pritchard E. E. A Historical Introduction to a Study of Zande Society. — «African Studies». 1958, vol. XVII.
23. Evans-Pritchard E. E. The Zande State. — «Journal of the Royal African Institute». 1963, vol. XCIII.
24. Fallers M. C. The Eastern Lacustrine Bantu. London, 1960.
25. Girling F. K. The Acholi of Uganda. London, 1962.
26. Hinter J. M. The Clans of Nangodi. A Geographical Study of the Territorial Basis of Authority in a Traditional State of the West African Savannah. — «Africa». 1968, vol. XXXVIII, № 4.
27. Huntingford G. W. The Northern Nilo-Hamites. London, 1953.
28. Huntingford G. W. The Southern Nilo-Hamites. London, 1953.
29. Kamerry P. M. and Chilver E. M. An Outline of the Traditional Political System of Bali-Nyong, Southern Cameroons. — «Africa». 1961, vol. XXXI, № 4.
30. Maquet J. L. The Promise of Inequality in Ruanda. A Study of Political Relations in a Central African Kingdom. London — Ibadan — Accra, 1961.
31. Maquet J. L. Rwanda Castes. — «Social Stratification in Africa», ed. by A. Tuden and L. Plotnikov, New York — London, 1970.
32. McCulloch M., Littlewood M., Dugast I. Peoples of the Central Cameroons: Tikar, Bamum, Bamileke, Bafia and Balom. London, 1954.
33. McKenny M. G. The Social Structure of the Nyakyusa: a Re-evaluation. — «Africa». 1973, vol. XLIII, № 2.
34. Nadel S. F. The Black Bysantium: the Kingdom of Nape in Nigeria. London, 1942.
35. Perleman M. L. The Traditional Systems of Stratification among the Ganda and Nyoro of Uganda. — «Social Stratification in Africa».

36. Richards A. I. [ed.]. East African Chiefs. A Study of Political Development in Some Uganda and Tanganyika Tribes. London, 1959.
37. Roscoe J. The Baganda. London, 1911.
38. Roscoe J. The Bakitara or Banyoro. London, 1923.
39. Roscoe J. The Banyankole. London, 1923.
40. Seligman C. G. and Pagan B. Z. Tribes of the Nilotic Sudan. London, 1932.
41. Southall A. W. Alur Society. A Study of Processes and Types of Domination. Cambridge, 1953.
42. Stander J. Notes on the History of the Majangir and Their Relations with Other Ethnic Groups of Southwest Ethiopia. Addis Ababa, 1966.
43. Jauxier L. Le Noir de Yatenga. Paris, 1937.
44. Vangan J. A. Caste System in the Western Sudan.—«Social Stratification in Africa».
45. Wagner G. The Bantu of North Kavirondo, vol. I. London—New York—Toronto, 1949.
46. Watson W. Tribal Cohesion in a Money Economy. Manchester, 1958.
47. Whiteley W., Stefaniszyn B. and Slaski J. Bemba and Related Peoples of Northern Nigeria. London, 1951.
48. Winans E. V. Shambala. The Constitution of the Traditional State. Berkeley, 1962.

В. В. Трубецкой

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

К числу сложных и важных проблем общественной жизни развивающихся стран Азии и Африки относятся судьбы многочисленного населения кочевых и полукочевых племен, архаичный уклад которых, сочетающий элементы феодализма с остатками патриархально-родовых отношений, быстро исчезает, деградирует и изменяется, воспринимая капиталистические черты в процессе приспособления к новым социально-экономическим условиям.

В районах, ставших наиболее ранним объектом колониальных захватов развитых капиталистических стран, признаки этих изменений обнаруживаются уже к середине XIX в. В дальнейшем, по мере вовлечения стран Азии и Африки в орбиту мирового рынка и развития в них элементов капитализма, разрушение кочевого уклада усиливается и постепенно становится в той или иной степени повсеместным явлением. В зонах, где на протяжении многих столетий кочевой уклад и присущая ему родо-племенная организация существовали в почти неизменном виде, с недавнего времени наблюдаются нарастающие процессы вынужденного перехода к оседлости, дробление и распад племенных объединений, утрата племенами их прежнего общественно-политического и военного значения. Одновременно серьезные перемены происходят в хозяйственной жизни, быту и общественной организации скотоводческих племен, еще продолжающих кочевать, в их взаимоотношениях с государственной властью, с оседлым земледельческим и городским населением.

Важность изучения положения современных кочевников и полукочевников трудно переоценить. Происходящее на наших глазах разрушение многовекового кочевого уклада и его социальной организации означает крутой перелом в исторических судьбах кочевых народов, знаменательное явление в жизни стран Азии и Африки, существенную веху в развитии человеческого общества в целом. Кризис кочевого уклада и племенной организации отражает глубокие социально-экономические перемены в современном мире, представляя в то же время составную часть общественного переустройства многих развивающихся стран. Процессы национальной и государственной консолидации, возникшие в этих странах в ходе борьбы с засильем колониализма и империализма, наблюдающиеся в них хозяйственные и социальные сдвиги в корне подрывают племенной сепаратизм и феодальную власть вождей, стирают межплемен-

ные грани, языковые, культурные и бытовые различия. Задачи экономического, культурного и социального развития освободившихся от колониальной зависимости стран не могут быть успешно решены без перестройки кочевого образа жизни¹, номадизма, серьезно мешающего хозяйственному и общественному прогрессу этих стран.

Экономический аспект проблемы традиционного номадизма заключается в том, что отсталое кочевое скотоводство племен не в состоянии удовлетворить потребности в продукции животноводства, которая в ряде стран Азии и Африки становится все более дефицитной в связи с ускорением прироста населения, усиленной урбанизацией, увеличением спроса внешнего рынка². Несмотря на некоторые «преимущества» кочевого хозяйства (в частности, малые затраты труда и капитала на содержание стада), оно остается малопродуктивным вследствие огромной зависимости от капризов природы, а также низкотоварным в результате потребления значительной доли животноводческого продукта самой кочевой семьей³. Следует учесть и низкое качество животноводческой продукции кочевых племен, что ставит ее в невыгодные конкурентные условия на внешнем рынке.

В свете научно-технической перестройки высокотоварного животноводства развитых стран становится особенно очевидной экономическая несостоятельность традиционного номадизма, проявляющаяся в первую очередь в непродуктивном использовании громадных территорий и людского труда при сохранении нищеты и культурной отсталости основной массы скотоводческого населения.

Общественно-политический аспект проблемы номадизма состоит прежде всего в том, что сама специфика кочевого уклада и быта кочевников и особенности племенной организации во многом определяют обособленное положение кочевых племен внутри общества, сдерживая процессы социальной и культурной интеграции. Централизованное суверенное государство нетер-

¹ В развернутой и, на наш взгляд, верной формулировке В. В. Грайворонского понятие «кочевой образ жизни» означает «исторически сложившуюся и устойчивую совокупность особенностей производственной, общественной и личной жизни скотоводов-кочевников, выражающуюся в своеобразии предмета, орудий и характера труда, приемов ведения хозяйства, общественных отношений, материальной и духовной культуры и быта, обусловленных спецификой кочевого скотоводства как типа хозяйства» [4, 23].

² По данным ФАО, во многих странах традиционного номадизма (Сирия, Ливия, Египет, Иран и др.) потребление мяса на душу населения в среднем не превышает 10—12 кг в год, что составляет $\frac{1}{2}$ потребления мяса в странах Южной Европы, $\frac{1}{3}$ — в Бразилии и Чили, $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ — в странах Северной Европы и $\frac{1}{10}$ потребления мяса в Аргентине и Уругвае [38, 224].

³ Попутно отметим, что продукция животноводства составляет менее $\frac{1}{4}$ сельскохозяйственного валового продукта Сирии, $\frac{1}{3}$ — Египта, Иордании, Ливана, тогда как в США животноводство обеспечивает 56% национального дохода от сельского хозяйства [24, 74].

пимо к остаткам трайбализма, в котором оно усматривает потенциальный источник политических неурядиц.

Имеются приблизительные данные о быстром сокращении кочующего населения в отдельных регионах и странах. По оценке французского географа П. Гуру, соотношение кочевого и оседлого населения в странах Юго-Западной Азии резко изменилось в пользу последнего и кочующие скотоводы уже к 50-м годам составляли не более 5 млн. человек [5, 52]. В странах Арабского Востока, по мнению М. Авада, к этому времени осталось лишь около 750 тыс. «истинных номадов». Число полукочевников он определяет в 2 млн., а перешедших к оседлости, но сохраняющих родо-племенную организацию — в 5 млн. [25, 27]. Даже в Саудовской Аравии, где насчитывалось до 3,5 млн. кочевников, уже к 30-м годам нашего века «не осталось ни одного кочевого племени, не перешедшего в той или иной степени к земледельческой оседлости» [14, 46].

В ряде стран оседание кочевников и распад племенных объединений стали массовым, происходящим в ускоренном темпе процессом. Обширная область Джезира между Тигром и Евфратом, находившаяся лет 50 назад в почти безраздельном владении кочевых племен, стала зоной развитого земледелия, насчитывающей около 1600 населенных пунктов [36, 50]. В районах Синайского полуострова, оккупированных Израилем, кочевой уклад насильственно ликвидируется оккупантами. Остатки кочевого уклада исчезают и в других районах Египта. Быстро сокращается кочевой уклад в Турции, где перекочевки племен формально запрещены. Лишь в восточных районах страны еще существуют разрозненные полукочевые племена юрюков и курдов численностью менее 50 тыс. человек [13, 113]. В Иране, где к началу XX в. кочевое население составляло свыше 20% всех жителей, к 60-м годам его удельный вес понизился до 10—12%; в основном это полукочевники [33, 561].

Быстро исчезает и трансформируется кочевой уклад в странах африканского присредиземноморья. Трагическая судьба постигла в этом районе многие кочевые народы, утратившие пастбища и скот в ходе колониальных захватов. С конца XIX в. земледельческая колонизация североафриканского побережья оттесняла все далее к югу кочевое скотоводство, которое к середине 60-х годов лишилось свыше 5 млн. га прежней территории. Здесь, по образному выражению В. Монтейля, «зерно ест баранов» [35, 196].

Даже в самой Сахаре и на ее окраинах, где оседание кочевых групп — «явление сравнительно недавнее», уже не осталось крупных племен, насчитывающих свыше 1 тыс. шатров [10, 158].

Не следует, однако, преувеличивать степень разложения кочевого уклада, который все еще оказывает значительное влия-

ние на хозяйственную и общественную жизнь ряда стран Востока. Проблема номадизма содержит две противоположные тенденции. Одновременно с сокращением ареала кочевого хозяйства кое-где наблюдаются признаки его стабилизации и даже территориального расширения. Его жизнестойкость объясняется как особыми географическими условиями засушливых зон, в которых кочевое скотоводство представляет собой наиболее приспособленную форму хозяйственной деятельности при существующем уровне хозяйственного развития страны, так и устойчивостью спроса мирового и местного рынка на продукцию животноводства. Непрерывно растущий спрос на эту продукцию ведет к тому, что в отдельных случаях полукочевники порывают с подсобным земледелием, переходя к специализированному скотоводству. Так, в хозяйстве афганских кочевников, связанных с рынком, «все более теряют прежнее значение посевы зерновых, производимые ими в местах летних и зимних стоянок» [6, 36]. Кочевое скотоводство стабилизируется в саванно-сахельской зоне Африки, куда оно оказалось вытесненным в ходе развития земледелия в северной приморской зоне. С другой стороны, в Северной Африке (Тунис, Алжир, Марокко, Ливия) сами правительства принимают меры к улучшению положения кочевников, оказывая им помощь в освоении новых земель под пастбища.

Необходимо, однако, отметить, что стабилизация кочевого уклада — явление локальное. Преобладающими по-прежнему остаются процессы оседания кочевников. Следует также подчеркнуть, что относительное расширение сферы кочевого уклада в целом означает лишь количественные сдвиги. За исключением немногих быстро развивающихся районов, хозяйственная основа кочевого скотоводства меняется крайне медленно, оставаясь в основном на средневековом уровне.

Несмотря на низкую производительность, кочевое скотоводство является жизненно важной отраслью народного хозяйства ряда стран. В Афганистане, например, животноводство, с которым связано около 16% в основном кочевого населения, обеспечивает ежегодно до 50% всей стоимости экспорта страны [6а, 52]. Более половины всей животноводческой продукции Ирана поставляют племена [39, 291]. В отдельных странах Африки (Мавритания, Сомали) животноводство обеспечивает до 80—90% национального дохода и составляет главную статью экспорта [35, 180].

Кочевой уклад особенно устойчив в аридных зонах полупустынь и каменистых гор, где он остается основным способом утилизации обширных пространств, источником существования и главной сферой применения труда для местного населения⁴.

⁴ По оценке видного исследователя проблемы номадизма Ф. Беннета, «из всего населения Сахары, которое исчисляется в 4 730 000 чел. ... — 1 220 000 считаются кочевниками; они составляют 90% населения Сахары

Далеко не везде отпало и военно-политическое значение племен, социальная организация которых в таких странах, как, например, Саудовская Аравия и княжества побережья Персидского залива, продолжает оставаться составной частью государственного устройства. Здесь функции государственного управления зачастую поделены и закреплены как наследственные за знатными семьями шейхов, представителями могущественных племенных группировок, от лояльности и поддержки которых государственная власть еще во многом зависит. Территории шейхств еще часто становятся ареной племенных войн и вторжений соседних племен, не признающих их государственных границ.

Консервации племенного уклада и феодальной власти вождей в немалой степени содействует политика империализма, использующего племенные и этнические различия для противодействия укреплению национальной независимости. В молодых африканских государствах агентура неоколониализма всячески разжигает трайбализм, поощряя и провоцируя федерализм и сепаратизм отдельных провинций. Империализму, выступающему в союзе с местными феодалами, еще нередко удается поднимать отсталые племена на защиту интересов иностранных монополий.

Наиболее радикальное и безболезненное решение проблемы кочевничества до сих пор было осуществлено лишь в рамках социалистической системы народного хозяйства, для которой кочевой уклад представляет, в сущности, уже пройденный исторический этап. Благодаря Октябрьской революции возникли благоприятные возможности для вовлечения кочевых народов, населявших окраины царской России, в социалистическое строительство, минуя мучительную стадию капиталистического развития. Перевод на оседлость кочевников осуществлялся в плановом порядке одновременно с организацией коллективных скотоводческих и земледельческих хозяйств, ликвидацией эксплуататорских классов и оказанием государственной помощи кочевникам. Подобные процессы происходили после Народной революции и в Монгольской Народной Республике.

Разумеется, опыт Советского Союза и Монголии не может служить единым рецептом для решения сложных проблем кочевничества в конкретных условиях каждой отдельно взятой страны. Однако для развивающихся стран Востока этот опыт служит доказательством принципиальной возможности корен-

в пределах Мали, 60% в Нигере и Рио де Оро и 40% в Алжирской Сахаре. Эти цифры еще увеличиваются в областях сахеля и саванны в суб-сахарском тропическом поясе... Степи и пустыни Ближнего Востока являются колыбелью бедуинского комплекса, а в Иране, Анатолии, Афганистане, Белуджистане и в горах Пакистана кочевая жизнь горцев остается прочно укоренившейся системой, которая накладывает отпечаток на жизнь нескольких миллионов» [27, 10—11; цит. по 8, 8—9].

ного преобразования патриархально-феодалного кочевого уклада племен на некапиталистической основе при условии проведения демократических социальных и земельных реформ, государственного планирования и материального содействия трудящейся массе кочевого населения.

Каковы же характерные особенности современного номунизма?

При всем разнообразии форм кочевой и полукочевой уклад племен стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки содержит много общих черт как в способах ведения хозяйства, быте и социальной организации, так и в процессах их преобразования. Это сходство отмечено многими авторами. В частности, В. В. Бартольд писал, что «существенной разницы между кочевниками тюрками и монголами в их быте нет... Даже у кочевых арабов мы находим те же черты быта» [3, 128]. Это сходство, обусловленное во многом схожими условиями существования кочевников, дает определенные возможности для выявления общих закономерностей хозяйственного и общественного развития кочевого уклада. Но надо иметь в виду, что, хотя разложение кочевого уклада в различных странах зарубежного Востока и происходит вследствие воздействия на них в общем одних и тех же факторов, процессы перестройки различных типов скотоводческих хозяйств неодинаковы. В этой связи представляется необходимой хотя бы самая общая классификация существующих типов кочевых и полукочевых скотоводческих хозяйств.

По степени развития кочевого уклада выделяются две основные группы племен скотоводов, внутри которых имеются различные варианты хозяйства и быта: 1) племена или роды, не имеющие постоянных жилищ и мест обитания, круглый год совершающие перекочевки для прокорма скота; 2) племена или роды, имеющие постоянные стойбища и совершающие регулярные сезонные перекочевки. При этом встречаются такие варианты, как уход в кочевье всего племени на определенный сезон и возвращение его на место постоянного обитания или же пребывание на месте части племени, рода и даже семьи и кочевание другой их части при сохранении хозяйственного единства.

Для того чтобы сберечь скот и держать его в продуктивном состоянии, кочевник должен умело чередовать пользование различными видами сезонных пастбищ, передвигаясь по мере их оскудения. Кочевание — это регулярное хозяйство, но ведущееся не на одной определенной площади, а на нескольких, расположенных в разных зонах. Весь уклад жизни кочевников предполагает непременно использование наиболее благоприятных для хозяйствования условий [см. 17, 126].

Преобладающую часть современных кочевников, в основном полукочевников, составляют племена, населяющие горные системы от Загроса до Гиндукуша в Азии и отроги Великого Ат-

ласа в Северной Африке. Характерная черта хозяйства горных племен — его комплексность, т. е. сочетание в той или иной пропорции скотоводства и земледелия.

Наиболее распространенная отрасль скотоводческого хозяйства племен — разведение мелкого рогатого скота, в особенности овец, которые имеют значение главного товарного скота в зоне кочевий. Это объясняется тем, что спрос на продукцию овцеводства наиболее устойчив.

При кочевом скотоводстве, особенно если оно слабо связано с земледелием, требуется значительное поголовье скота на семью. Выход продукции с одной овцы или козы относительно невелик. К тому же основную продукцию — молоко, ежедневно потребляемое семьей, дает лишь маточное поголовье, не превышающее 60—75% стада. Поэтому для существования средней кочевой семьи, и прежде всего если ее рыночные связи ограничены, необходимый минимум составляет стадо, насчитывающее не менее полусотни овец, а в отдельных районах и больше. В Сомали, например, семья из четырех человек обеспечивает свои насущные потребности, имея 50 овец и коз и одну молочную верблюдицу. Стадо в сотню голов дает уже «изобилие» [35, 54]. По подсчетам Ф. Барта, в Южном Иране кочевая семья из восьми человек, если у нее менее 60 овец (коз), уже не может жить исключительно скотоводством. Лишь стадо в сотню голов, принося в год 3—5 тыс. туманов дохода от продажи шерсти и молочной продукции, позволяет семье покрыть текущие расходы, превышающие 3 тыс. туманов [26, 17].

Особую, хотя и не однородную в отношении хозяйства и типа кочевий, группу составляют племена, разводящие крупный мясо-молочный и рабочий скот. Основные районы этих племен — заболоченные дельты и низменности (Судан, Египет, Ирак, Иран), холмисто-равнинные предгорья Загроса и Гиндукуша и саванно-сахельская зона Африки. За небольшим исключением, общим для этой группы полукочевых племен является существенное земледельческое дополнение к скотоводству, наличие постоянных жилищ, а также укрытий для скота, короткие дистанции сезонных перекочевок.

У скотоводов, имеющих регулярные связи с рынком, разведение крупного рогатого скота превратилось в высокотоварное мясо-молочное производство, в условиях которого классовое расслоение и капиталистические методы эксплуатации фактически почти не оставили места родо-племенной организации и ее атрибутам. Так, в скотоводческих хозяйствах Мазендерана (Иран) уже прочно утвердилось денежное вознаграждение пастухов и наемных рабочих, которых владельцы предпочитают нанимать не среди односельчан, а со стороны [20, 242]. Подобного рода «интенсивное, несмотря на примитивную технику», товарное хозяйство существует в некоторых провинциях Афганистана (Хазараджат) в виде отгонно-пастбищного скотоводства

с заготовкой кормов и стойловым содержанием скота [6, 37—38].

Совершенно иной тип общественных отношений сохраняется у полукочевников, обитающих в камышевых зарослях заболоченных низменностей южной Месопотамии и иранского Сеистана. Они разводят крупный рогатый скот, обрабатывают небольшие земельные участки, занимаются охотой на водоплавающую птицу. Земельные участки, места выпаса и охотничьи угодья периодически перераспределяются между родственными группами, а в этих группах — между семьями. Здесь еще сохраняются большие патриархальные семьи, признается власть родовых старшин и полуфеодалных вождей — посредников между племенами и государственной администрацией. Внутри племен преобладает натуральный обмен, а денежное обращение играет роль главным образом в торговых сношениях с соседними деревнями. Такого же типа полунатуральное хозяйство и общинно-родовые пережитки продолжают существовать в Судане среди полукочевников баккара, составляющих большесемейные группы с нераздельным владением скотом и земельными угодьями. Товарно-денежные отношения здесь развиты слабо, и меновой единицей нередко служит скот [29, 38].

В наибольшей степени кочевой уклад сохраняется среди верблюдоводческих племен засушливых зон. Однако классическое хозяйство бедуинов, основанное исключительно на разведении верблюдов, отходит в прошлое.

Степень кочевничества тех или иных племен определяется численностью имеющегося у них поголовья верблюдов. Чем оно больше, тем обширнее территория выпаса и длительнее период кочевки. Отдельные племена Хиджаза и Неджда находятся в пути 9—10 месяцев в году, преодолевая расстояние до 1200 км [14, 32].

Верблюдоводство бедуинского типа тесно связано с оазисным хозяйством, обычно специализированным на выращивании фиников и зерновых культур. При этом до последнего времени сами бедуины редко занимались земледельческим трудом; основная тяжесть его приходилась на долю зависимых арендаторов, рабов и вольноотпущенников.

Среди кочевых арабских племен «истинно» бедуинскими (бадави) считаются племена, занятые исключительно или преимущественно верблюдоводством и постоянно кочующие, имеющие к тому же «чисто» бедуинское происхождение, фиксированное в устных преданиях и генеалогиях. Бедуины-верблюдоводы четко отделяют себя не только от оседлых земледельцев (райа), но и от кочевников-овцеводов (швайа).

Как и прочие отрасли кочевого скотоводства, верблюдоводство никогда не было полностью натуральным и самообеспечивающимся. Уже само разделение труда и хозяйственная специализация предопределяют тесные экономические связи меж-

ду кочевым и земледельческим укладами, составляющими в целом единый экономический комплекс в зонах их сосуществования. Внутри самих верблюдоводческих племен всегда имелись зависимые, «низшие» группы земледельцев и ремесленников, обеспечивающие привилегированные слои кочевников необходимой продукцией на условии дани-налога или аренды. Например, в обитаемых районах Сахары во время сбора фиников верблюдоводы появляются в оазисах для получения своей доли урожая. Однако происходящее освобождение зависимых данников и рабов из-под власти знатных родов и их массовый отход в города влекут за собой вместе с запустением оазисного хозяйства и обнищание привилегированных племен, верблюдоводство которых также оказывается в состоянии глубокого кризиса.

Значение верблюда как источника денежного дохода неуклонно снижается, причем снижение это происходит в условиях, когда роль денег в жизни бедуинов чрезвычайно возрастает. Еще недавно бедуин, продавший верблюда, мог в течение года считать себя относительно обеспеченным. Ныне же выручки от продажи едва хватает на покрытие неотложных расходов ближайших месяцев. Продажа верблюда всегда ощущалась даже для состоятельной семьи. Поголовье восстанавливается медленно. Невелик и объем молочной продукции. Для обеспечения скудного прожиточного минимума средней семьи требуется не менее 10 верблюдов [15, 240].

Распространение современных видов транспорта быстро сокращает караванную торговлю и перевозку грузов, без чего «верблюдоводство рискует стать, а в некоторых случаях действительно стало, бездоходным накоплением капитала» [10, 197]. Караванные грузоперевозки вытесняются с транзмагистралей в зоны бездорожья, где связывают местные рынки с основными торговыми трассами.

Верблюд обесценивается и как тягловая сила, которой прежде кочевники обеспечивали земледельческие хозяйства на условиях аренды или продажи. Употребление верблюдов при пахоте, обмолоте, орошении уменьшается по мере распространения механизированных средств.

В результате всего этого происходит сокращение верблюдоводческого хозяйства и его частичная натурализация. Верблюд остается ценен прежде всего как источник разнообразной продукции для самой кочевой семьи, не имеющей денежных средств для приобретения необходимых товаров.

Как видно уже из изложенного выше, наиболее устойчивым в зонах племен остается полукочевой или полuosедлый уклад, в котором скотоводство и земледелие сочетаются в едином хозяйственном комплексе.

С точки зрения генезиса данного уклада существуют племена, у которых этот хозяйственный комплекс исторически сло-

жился и упрочился в благоприятной географической среде, и племена, у которых подобное сочетание может представлять временную, переходную стадию на пути к прочной оседлости или возврату к кочеванию.

Устойчивые полукочевые или полуоседлые хозяйства испокон веков существуют во многих горных районах, в заболоченных низменностях, в дельтах, на окраинах великих пустынь, в саванно-сахельских зонах.

Для стабильно полуоседлых племен характерно относительно прочное сохранение натуральных черт хозяйства и общинных патриархально-родовых пережитков. Это обусловлено как географической изолированностью отдаленных районов обитания этих племен, так и самой комплексностью их хозяйства, включающего также и домашние ремесла, что ограничивает потребности в регулярном торговом обмене.

У полуоседлых горных племен, в особенности у племен, сочетающих отгонное скотоводство с поливным земледелием, обнаруживаются остатки древней формы общины — патриархально-родовой. Они существуют в виде замкнутых родственных групп и разросшихся патриархальных семей, у которых обычай земле- и водопользования, как и методы ведения скотоводства, еще носят отпечаток родовой собственности. Среди многих полукочевников Ирана еще сохраняется представление о земле как о родовой собственности, подлежащей периодическим переделам между семьями одного рода без права передачи участков «чужакам». У иранских туркмен чередование полива участков нередко соответствует родовому делению [23, 33]. В бахтиарском племени бамади, ведущем полуоседлое хозяйство на поливных землях к западу от Исфагана, роды расселены компактно и в зоне их обитания фактически нет собственников из других племен. Землей владеют и пользуются большие патриархальные семьи, хотя нередко она юридически закреплена за одним лицом [22, 35].

Более прочное, чем у кочевников, сохранение архаичных общинных пережитков у полукочевников и полуоседлых объясняется особенностями хозяйственной деятельности тех и других. Комплексное хозяйство, особенно если оно включает поливное земледелие, требует коллективных усилий и строгого соблюдения общинных правил как в водопользовании и поддержании ирригационной сети, так и в отгонно-кочевом выпасе стад (при устройстве и содержании загонов, овчарен, водопоев, пользовании пастбищами и т. п.). Разумеется, сильные родовые пережитки не исключают имущественного и классового неравенства и различных форм эксплуатации, прикрытых патриархальными традициями и обычаями.

У не традиционно стабильных, а, так сказать, переходно полуоседлых и полукочевых племен соотношение между скотоводством и земледелием весьма неустойчиво, что объясняется

исключительной зависимостью примитивной экономики от природных условий, при которых специализация в одной хозяйственной отрасли сопряжена с большим риском. Для племен с резко выраженной хозяйственной специализацией характерно постоянное чередование периодов относительного благополучия и крайней нищеты, связанное с географическими и биологическими факторами. Например, в горах Белуджистана в среднем раз в пять лет происходит массовый падеж скота вследствие резких климатических перемен и эпизоотий [28, 571]. Поэтому для основной массы скотоводов гарантией от полного разорения служит земледелие, которое при утрате скота становится основным источником существования.

Однако и этот источник в условиях засушливых зон не столь уж надежен. Случается, что длительные засухи и неурожай заставляют даже оседлых крестьян обзаводиться скотом и переходить к полукочевому состоянию. В Южном Иране, например, пересыхание оросительной сети не раз вынуждало жителей деревень переходить к отгонному скотоводству [9, 148].

Относительная неустойчивость скотоводства и земледелия как самостоятельных отраслей и обуславливает преобладание в зонах племен полукочевых уклада, масштабы которого с начала XX в. заметно возросли. Происходят встречные процессы перехода кочевников к полуоседлому земледелию и одновременно увеличение доли отгонного и полукочевых скотоводства в хозяйствах крестьян, населяющих окраины пастбищных пространств. Сельское скотоводство, прежде ограниченное скудостью кормовой базы, с установлением более мирных отношений между племенами стало быстро развиваться за счет освоения ранее недоступных пастбищ. Важную роль в этих хозяйственных сдвигах играет увеличение спроса на продукцию скотоводства.

Таким образом, в зонах соприкосновения кочевого скотоводства и земледелия происходит образование смешанных хозяйств с различным и неустойчивым соотношением обеих хозяйственных форм. В странах Аравийского полуострова при этом заметно стираются очень четкие в прошлом социально-экономические грани между бадави, швайа и райа. Ныне нередко в рамках единой племенной группы или рода встречаются две, а то и все три хозяйственные категории. Однако во встречных процессах, ведущих к образованию комплексных хозяйств, преобладающей является тенденция неуклонного роста и стабилизации оседлого земледелия в результате массового оседания кочевников, отражающего глубокий кризис традиционного кочевого уклада. Развитие земледелия в зонах племен — не только следствие этого кризиса, но в то же время важнейшая причина дальнейшего территориального ограничения экстенсивного пастбищного скотоводства.

Вопросы, касающиеся общественной структуры традицион-

ного нomaдизма и особенностей ее эволюции в различные исторические эпохи, издавна привлекали внимание исследователей. В буржуазной историографии еще нередко утверждения о существовании «особого кочевого общества», находящегося в состоянии многовековой застойности, имеющего «врожденную и неизменную» родо-племенную структуру и особые законы общественного развития. Родо-племенная организация и прочие институты, присущие кочевому укладу, рассматриваются не как пережитки, а как живые реликты патриархально-родового строя. Современное общество кочевников часто характеризуется как общество социально аморфное, лишенное классовых противоречий, в котором якобы господствует патриархальный демократизм и социальное равенство. Отрицая целесообразность перевода кочевников на оседлость, некоторые авторы рисуют идиллическую картину беспечного существования «свободолюбивых нomaдов», живущих в извечной экологической гармонии с природой.

Советская историческая наука, рассматривая общества кочевников не изолированно, а во взаимодействии с оседло-земледельческими обществами, доказывает, что и в кочевой среде происходили естественноисторические процессы развития и смены общественных формаций. Кочевое общество последовательно проходило путь от доклассового родового строя к его разложению, становлению патриархально-феодальных и сословно-классовых феодальных отношений, ныне вступающих в ряде стран Востока в мучительную стадию капиталистической перестройки.

Вместе с тем советские историки отмечают известное отставание и замедленность темпов общественного развития кочевых обществ, что в конечном счете обусловлено особенностями производственной базы кочевого уклада [см. 11]. Традиционное кочевое хозяйство не требовало постоянной и полной занятости мужчин, не нуждалось в сложных и разнообразных орудиях труда и не стимулировало их совершенствование. Ремесло почти не развивалось выше уровня домашнего, и хозяйство кочевников во многом зависело от регулярных экономических связей с оседлыми обществами. Обстановка хронических племенных войн, а также большая зависимость кочевого хозяйства от природных условий определяли замедленность и неравномерность процессов воспроизводства и накопления прибавочного продукта. Основа богатства — скот — всегда была легко подвержена уничтожению при стихийных бедствиях или отчуждению в ходе военных действий. В своей технической основе кочевое скотоводство всегда было весьма консервативным. На протяжении столетий оставались почти неизменными и методы ведения хозяйства и породный состав скота. Все это определяло и замедленные темпы развития общественных отношений у кочевых народов.

Социальные отношения в кочевых обществах складывались под большим воздействием извне, со стороны более динамичных в своей эволюции оседло-земледельческих обществ. При этом заимствование и специфическое развитие новых общественных отношений в кочевой среде, так сказать, всегда запаздывало, что выражалось в длительном одновременном и многообразном сосуществовании самых различных переходных форм, сохранявших как пережитки социальные нормы, господствовавшие в предшествующих формациях.

Данное явление остается характерной особенностью и современных кочевых и полукочевых племен, стоящих на различных стадиях общественного развития. Их социальная структура содержит самые различные комбинации элементов патриархально-родовых, феодальных и в той или иной степени капиталистических отношений, сосуществующих до тех пор, пока классовое расслоение на основе развития частной собственности и товарно-денежных отношений не превратит в фикцию родо-племенные связи, не приведет к их окончательному распаду и забвению.

Одним из наиболее устойчивых пережитков родового быта остается разветвленная родо-племенная организация кочевников, ставящая их в обособленное положение внутри государства и в массе сельского населения. Причина живучести этой организации заключается в соответствии ее форм и хозяйственно-общественных функций особым условиям кочевого быта и специфическим методам ведения скотоводческого хозяйства. До тех пор пока эти условия и методы существенно не меняются, формы родо-племенной организации успешно приспособляются не только к феодальным, но до известной степени и к капиталистическим отношениям. Однако при относительной неизменности внешних организационных форм общественно-политические функции и само содержание родо-племенной организации значительно трансформируются. Борьба за сохранение патриархально-демократических черт родо-племенной организации, с одной стороны, и стремление превратить эту организацию в орудие эксплуатации и господства — с другой, всегда определяли классовые противоречия внутри кочевого общества.

На основе обширного материала советскими исследователями доказано, что сложная многоступенчатая родо-племенная организация (род, ветвь, подплемя, племя, союз племен и т. п.) современных кочевников, кроме внешних структурных признаков и отдельных традиций, по своему социально-экономическому содержанию не имеет ничего общего с классическим устройством патриархально-родового общества (род, фратрия, племя), основанного на реальных кровнородственных связях. В отличие от древнего «рода» с его подлинным общественно-экономическим равенством более поздние «родовые объединения» представляют собой совокупность различных по своему мате-

риальному и социальному положению хозяйственно самостоятельных семей, владеющих скотом на правах частной собственности. В таких объединениях определяющим фактором являются уже не кровнородственные связи, во многом превратившиеся в фиктивные, а единство хозяйственных и общественно-политических интересов, система управления племенных вождей и различные формы зависимости кочевой бедноты от имущих скотоводов.

Среди кочевых и полукочевых скотоводов даже в условиях глубокого социального расслоения довольно устойчива родо-племенная структура, представляющая ряд последовательно входящих друг в друга звеньев. Там, где процессы распада племенных объединений зашли далеко (например, у юрюков в Турции), сохраняются лишь два-три первичных звена. Но во многих случаях родо-племенная структура состоит из множества звеньев, число которых колеблется в зависимости от размеров племени и степени централизации управления. Так, племенные группы бедуинов Омана и ряда других районов Аравии содержат 9—12 звеньев, начиная от лагерной группы и кончая союзом племен.

Номинально организационная структура большинства племен соответствует генеалогической (зачастую мифической или фиктивной) схеме, восходящей к единому предку и фиксированной в устных преданиях. Так, в знатных бедуинских племенах Аравийского полуострова все звенья связаны единой генеалогией, уходящей в глубокую древность, к родоначальнику данного объединения. Этому делению в принципе должна соответствовать и система управления, представленная иерархией вождей во главе с верховным правителем племени (шейх-аш-шух) — прямым потомком родоначальника племени. Положение в генеалогическом древе формально определяет степень зависимости, место и соотношение различных племенных группировок, часто носящих имена сыновей и внуков родоначальника-эпонима, хотя сами подразделения это уже не столько кровнородственные, сколько смешанные, конгломератные группы. Родословные, во многом утратившие свою подлинную кровнородственную основу, в классовом обществе служат средством установления социальной и административной субординации между «старшими» и «младшими» ветвями, знатными и незнатными родами, а в конечном итоге между имущими и неимущими слоями населения. Процессы постоянного смешения, дробления и воссоединения племен и в прошлом превращали в фикцию генеалогический принцип построения племенной организации, главное назначение которого заключалось в искусственном оформлении сословно-иерархического управления. В современных условиях этот принцип быстро теряет свое значение в связи с процессами распада племенных объединений, утратой влияния старой племенной аристократией и приходом к власти

новых лиц, влияние которых основано не на знатности происхождения, а на реальном богатстве.

При всем разнообразии многоступенчатых форм родо-племенной организации ее первичную ячейку составляет лагерная группа, состоящая из одной разросшейся семьи или нескольких родственных семей.

У ряда племен еще встречаются пережиточные большесемейные группы — отцовская семья и семьи женатых отпрысков, сообща владеющие имуществом. Глава семьи имеет решающий голос в семейных и хозяйственных делах и представляет группу в ее внешних сношениях.

Характерное явление в общественных отношениях современных племен — заметное ослабление внутриклановых связей в среде крупных патриархальных семей. Снижается неоспоримый в прошлом авторитет патриархов и старейшин семей, ослабевает их право распоряжения общесемейной собственностью, распределения продукта и денежных поступлений. Происходит явное утверждение хозяйственной и личной самостоятельности индивидуальной семьи, что является неизбежным следствием развития товарно-денежных отношений и результатом растущего культурного воздействия города на быт и семейные отношения кочевников.

Большесемейные группы сохраняются обычно в среде зажиточных скотоводов. Чем крупнее стадо, тем больше требуется рабочих рук, и владельцы не только не заинтересованы в дроблении группы, но и привлекают обедневших дальних сородичей, используя их труд.

Развитие в племенах товарно-денежных отношений, рост отходничества, укрепление принципа частной собственности влекут за собой распад большесемейных и кровнородственных лагерных групп. Более типичной становится группа, в которой определяющую роль играют уже не кровнородственные связи, а хозяйственные интересы и различные формы зависимости ее членов от зажиточного главы. У курдов и шахсенов распространены сезонные или относительно постоянные лагерные группы (оба) с неустойчивым составом. Такого рода группы подчас представляют собой соседскую общину, объединяющую различные как по происхождению, так и по классовому признаку семьи [17, 159—160].

С распространением частной собственности на пастбища и источники воды лагерные группы чаще возникают как сезонные коммерческие предприятия, образуемые под главенством состоятельного скотовода для совместной аренды пастбища.

Следующей ступенью традиционного родо-племенного деления считается «род», представляющий собой в его классическом виде объединение нескольких семей или лагерных групп, связанных единством происхождения по мужской линии. Характерный пример — организация суданских арабов баккара, в кото-

рой еще сохраняются объединения нескольких патриархальных семей, имеющих не слишком отдаленного общего предка.

В настоящее время, когда почти повсеместно ослабевает власть общеплеменных вождей и процессы распада племен становятся необратимыми, родовые объединения, а подчас и лагерные группы превращаются в основные и наиболее устойчивые звенья племен. Государственная власть, поощряя дробление крупных племенных объединений, нередко признает «роды» административными единицами, которые получают права «кочевых деревень» (Иран, Турция). В этих случаях уже не общеплеменные вожди, а главы «родов», признанные старостами деревень, являются главными посредниками в отношениях с государственной властью. Помимо этого к ним переходят и функции хозяйственного руководства. Наблюдается укрепление самостоятельности глав мелких подразделений, причем в их роли чаще выступают лица не «родовитые», а наиболее состоятельные. Принцип наследственности власти все более нарушается, и уже не степень знатности, а имущественный ценз становится определяющим фактором при выдвижении главы кочевой группы.

Последующие звенья родо-племенной организации вплоть до племени и союза племен имеют реальное содержание лишь в тех случаях, когда группы спаяны традициями общинно-племенного землепользования и общим иерархическим управлением, осуществляемым вождями различных рангов. Эти звенья наиболее сохранились в бедуинском обществе, где группа родов, объединенных по генеалогическому или политическому признаку, образует подплемя или ветвь. Из них в свою очередь составляются племена, существующие как самостоятельные единицы или входящие в союзы и конфедерации. Подплемена и племена — это уже административно-политические объединения территориально и хозяйственно обособленных родов и семей, сплоченность которых зависит от эффективности общеплеменной системы управления и степени сохранения традиционного пастбищного землепользования.

До недавнего времени единство племенных групп, как и само их существование, определялось необходимостью военно-политической сплоченности в условиях феодально-племенных усобиц и отсутствия государственного правопорядка. Относительная безопасность личности и имущества могла быть обеспечена лишь в рамках сплоченной родо-племенной организации с ее обычаями родственной взаимопомощи и взаимозащиты. Племенные объединения строились на своеобразных отношениях патроната, с самого начала определявших социальное неравенство внутри племен. Вне племени и родственной группы кочевник оставался совершенно бесправным и беззащитным перед любым произволом, что в конечном счете во многом определяло его зависимость от своих родовых вождей.

Кроме того, сплоченность родо-племенных групп обуславливалась особыми, присущими кочевому и полукочевому укладу формами землевладения и землепользования, как и методами ведения хозяйства. Обычно члены племени считали себя совладельцами территории независимо от того, была ли она «извечным» местом их обитания, завоеванной землей или государственным ленным пожалованием всему племени или его главе. Совместный выпас, при котором скот богатых и бедных скотоводов находился в едином стаде, создавал иллюзию общинной собственности на пастбища, несмотря на то, что принадлежащие племенной знати права руководства кочевым хозяйственным циклом, включая распределение пастбищных угодий между родами, ставило ее в положение фактического феодального собственника.

У племен, до недавнего времени сохранявших общинное землепользование, пастбищные земли закреплялись в постоянное или временное (на сезон выпаса) пользование между подразделениями племен, внутри которых участки распределялись между родами и семьями. Кочевник мог пользоваться лишь пастбищем, закрепленным за определенной группой в целом, и только как член данной группы.

Родо-племенное единство в ряде случаев определялось отношениями господства всего кочевоего племени над земледельческим населением, обитавшим на его территории. В арабских странах, Турции, Иране и Афганистане группы, входящие в господствующее племя, имели различные — в зависимости от их социального положения — доли в феодальной ренте-налоге, уплачиваемой зависимыми земледельцами, которую племенная знать вынуждена была частично уступать в пользу племеннотружеников. Жители деревень были наследственными арендаторами и данниками отдельного рода или кочевой семьи, в свою очередь несших определенные (главным образом военные) повинности в пользу верховного главы племени. Так, в племенах Западного Ирана рядовые кочевники — нукеры — нередко являлись держателями земель, полученных от главы племени, одна деревня предоставлялась нескольким нукерам в наследственное владение на условии несения военной службы хану.

Важным элементом единства племени была целесообразность хозяйственной кооперации в скотоводстве. Было бы ошибкой рассматривать обычаи родовой взаимопомощи лишь как замаскированную форму патриархально-феодальной эксплуатации, хотя, безусловно, значение этой формы нельзя отрицать. Эти обычаи давали известные преимущества и рядовым кочевникам, поскольку кровно-родственные объединения имели и определенные черты производственной кооперации. Скотовод мог всегда рассчитывать на помощь сородичей в трудных перекочевках, в сезонном настриге шерсти и обработке животноводческих продуктов, при всякого рода материальных и правовых

затруднениях. Во многих племенах еще сильны такие родовые традиции, как складчина в пользу лица, утратившего скот, помощь сородичей в затратах на семейные праздники и т. д. [см. подробнее 18, 151].

Большую роль в поддержании сплоченности родо-племенных групп, особенно первичных звеньев, всегда играли эндогамные внутриродовые браки, заключаемые преимущественно между членами семей, состоящих в родстве по отцовской линии. У многих племен до сих пор распространены ортокузенные и взаимообменные браки, возобновляемые в каждом поколении, что объясняет относительную устойчивость родственных объединений. Родовая эндогамия связана прежде всего с заинтересованностью в сохранении родового или семейного имущества, т. е. в наименьших затратах семьи на выкуп невесты, размеры которого обычно обратно пропорциональны степени родства.

Родовая эндогамия, как правило, имеет ярко выраженный сословно-кастовый характер. У бедуинов верхушка племени составляет две-три сословные группы разной степени знатности. За ними следуют сословия воинов, ремесленников, потомков вольноотпущенников и рабов. Довольно четкое сословное деление еще можно найти в племенах Южного Ирана, где правящую верхушку составляют (по нисходящей степени знатности, определяемой генеалогией и местом в системе иерархического управления) привилегированные сословия ильханов, ильбеги, калантаров, ханов и кедхода. Ниже следуют сословия нукеров и райатов и, наконец, презируемые в сословно-кастовой структуре племен сословия слуг и ремесленников. Считается допустимым брать замуж из нижестоящего сословия, но предосудительна выдача девушек в семью более низкого ранга. Особенно осуждается родство с семьями ремесленного сословия [19, 9—10].

Среди знати сословные браки до последнего времени были важным средством сплочения племени и даже создания племенных союзов. С развитием капиталистических отношений роль сословных браков неуклонно снижается. Преобладающее значение приобретает установление путем браков родства с имущими семьями, семьями влиятельных чиновников и городской буржуазии.

Единство племенных объединений еще недавно имело прочное идеологическое основание, связанное с представлениями об общем происхождении, этническом родстве и племенными преданиями. У бедуинов все члены не только рода, но и племени и даже объединения племен признают себя состоящими в кровном родстве как потомки единого предка, нередко называя друг друга «двоюродными» сородичами. Эти представления о «родовой» общности подкрепляли обычаи кровной мести, устанавливавшие четкое деление на «своих» людей и «чужих». В различной степени идеологическое единство проявляется в таких тра-

диционных общественных реликвиях племенного быта, как культ предков, родовые и племенные кладбища, общинные мечети и гостевые дома, родовая и племенная тамга, особые детали одежды и пр.

Однако в условиях нарастающей общественной интеграции племен рушатся и идеологические основы племенного единства. Расширение представлений о внешнем мире ведет к тому, что укоренившееся у кочевников сознание собственной исключительности и превосходства сменяется (в особенности у молодежи) чувством неудовлетворенности, сознанием своей отсталости.

До последнего времени важнейшей цементирующей силой родо-племенных объединений была власть вождей племен, связанная с выполнением обширных хозяйственных, военно-административных и общественных функций. Эта власть исторически складывалась из элементов, относящихся к различным общественным эпохам, и представляет собой сложный комплекс прав, основанных на патриархально-родовых традициях в совокупности с феодальными и зачатками капиталистических отношений. Сочетание этих элементов весьма различно в каждом конкретном случае и определяется уровнем общественного развития племени. Встречаются самые различные градации власти вождей, начиная от власти, ограниченной патриархальными обычаями, и кончая авторитарным деспотизмом магнатов племени, нередко соединяющих власть патриархального главы и одновременно духовного наставника племени со всей суммой прав феодального земельного собственника. Ныне родовая верхушка уже нередко выступает и в роли капиталистических предпринимателей, пайщиков акционерных компаний, ростовщиков и монополистов торговых связей племени, приспособлявая при этом патриархально-родовые пережитки к капиталистическим методам эксплуатации.

В наиболее архаичном виде власть вождя племенной группы выглядит как власть патриархально-родовая, основанная на общинно-демократических традициях, что, впрочем, и в древности едва ли исключало элементы деспотизма, обусловленные спецификой кочевого быта. Родо-племенные традиции и представления определяли положение вождя как старшего представителя родственной группы, прямого потомка легендарного или реального ее основателя. Идеология господствующего класса определяла живучесть представлений о вождях как об «отцах» или «старших братьях», по праву рождения призванных быть опекунами и распорядителями племени, его представителями во внешних сношениях⁵.

⁵ В описании иранского автора (довольно идеализированном) среди бедуинов «каждый раис считает себя отцом племени и племя относится к нему как к отцу... Вождь племени — его неоспоримый начальник, судья, военный предводитель, сборщик налога и даже лекарь (хабиб)...» [21, 153].

Опираясь на традиции, вожди могут оказывать огромное влияние на общественную жизнь и даже на семейные отношения внутри племени. Вокруг шатра бедуинского шейха сосредотачивается вся общественная жизнь племени, здесь обсуждаются дела, вершится суд, принимаются гости. Престиж и популярность вождя во многом зависят от соблюдения им племенного кодекса чести, предписывающего ему широкое гостеприимство, великодушие и щедрость.

Важнейшую роль в кочевом укладе всегда играли функции хозяйственного руководства. Кочевое скотоводство, особенно когда оно ведется в больших масштабах, требует четкого упорядочения и регулирования хозяйственного цикла на основе накопленного опыта. Главы племен и родов определяют сроки отхода в кочевье, места стоянок, кочевые пути, распределяют пастбища между лагерными группами. Права руководства всегда давали вождям возможность обеспечивать лучшие условия для личного скотоводческого хозяйства.

Кризисные явления в современном номадизме в большой степени проявляются и в своего рода кризисе хозяйственного руководства. Это связано как с уменьшением влияния традиционных вождей, так и с растущим вмешательством в распорядок кочевки чиновной власти, часто не компетентной в специфических вопросах пастбищного скотоводства. Имеет значение и ослабление преемственности хозяйственного руководства, остающегося уделом опытных стариков, поскольку молодежь из правящих семей неохотно наследует их функции, предпочитая городскую жизнь тяготам перекочевков.

Громадное цементирующее воздействие на племена оказывала административно-политическая власть вождей, включавшая обширные судебные и фискальные функции, военное предводительство, а также посредничество в отношениях с государственной властью. Вожди племен находились в вассальной зависимости от султанов и шахов, но степень этой зависимости определялась соотношением сил обеих сторон. С целью подчинения племен государственная власть нередко включала вождей в состав администрации в качестве губернаторов, правителей областей, военачальников, возлагая на них ответственность за поступление налогов и спокойствие в крае. Одновременно за вождями признавались права феодальных собственников обширных племенных земель, включая пастбища и обрабатываемые земли вместе с деревнями, на условии уплаты налогов и поставки вооруженных племенных ополчений. Колониальная власть в зонах своего господства во многом следовала практике феодальных правительств в отношении вождей племен, устанавливая так называемую «систему косвенного управления» на захваченных территориях.

Если в условиях патриархально-родового быта объединение племен в значительной мере происходило на добровольных на-

чалах и при этом большую роль играла личность вождя, его популярность, то в процессе феодализации племенных верхов и их сближения с администрацией воссоединение чаще становится результатом различных видов экономического и внеэкономического принуждения. До недавнего времени территории, заселенные скотоводческими племенами, почти повсеместно представляли собой «район огромного развития родовой аристократии, „князей“, обращавших свой народ в подданных, район деспотизма царьков, упорно сопротивлявшихся централизации» [17, 46].

Кризис традиционного номадизма, признаки которого обнаружились в ряде стран с середины XIX в., являлся составной частью процесса разложения феодальной системы, ускоренного колониальной экспансией европейских держав. К числу важнейших факторов, вызывавших сокращение номадизма, относится постепенное установление в зоне племен государственного правопорядка. Последнее означало большей частью военное покорение племен, сопровождавшееся разорительными контрибуциями, конфискациями скота и земель. Подобное умиротворение «оказалось для кочевников равноценным революции, растянувшейся на десятилетия. Изменились скотоводческие миграции, торговые связи стали поддерживаться по новым направлениям, были оставлены многие вековые традиции» [10, 258]. Замирение дало толчок массовому оседанию кочевников и в то же время вызвало вытеснение кочевое скотоводства из прежних районов, где оно соседствовало с земледелием, в более засушливые районы. Менялся и самый характер перекочевков, в которые скотоводы выступали уже не всем племенем, а небольшими группами. Падало военно-политическое значение племен, распадалась и дробились крупные объединения. Уменьшалась численность дружин и ополчений племен и одновременно занятость мужского населения. У многих племен происходило сокращение источников дохода, связанных с набегами и получением дани с деревень и торговых караванов. Более того, с развитием товарно-денежных отношений нередко в роли «покровителя» кочевников выступает уже оседлый элемент в лице сельского лавочника, ростовщика, коммерческого посредника, подчас и ходатая по делам племени перед властями. С упадком власти и престижа племенной аристократии, не сумевшей приспособиться к новым условиям, влияние представителей этой категории быстро растет. Обедневшие вожди племен часто сами ищут покровительства влиятельного чиновника, купца или помещика.

В конечном итоге перелом в судьбах кочевников выразился в утрате ими в сравнительно короткий исторический срок многовекового доминирующего положения по отношению к оседло-земледельческому и городскому элементу, который в лице имущих классов и государственной власти успешно подчиняет свое-

му влиянию и господству хозяйственную и общественную жизнь племен.

Большие перемены в традиционном укладе племен вызвала почти повсеместная замена племенных ополчений на службе государства регулярной армией. В прошлом военная служба феодальным правителям и колониальным властям составляла существенный источник дохода жителей племен, определяла привилегированное положение кочевников как сословия воинов. Охрана границ и другие военные обязательства часто были главным условием владения племенными землями, номинально считавшимися государственными. С упомянутой заменой это условие, естественно, отпало.

Если говорить о Северной Африке, то здесь последствия политики замирения были особенно тяжелыми для воинственных «благородных» племен туарегов и бедуинов. Их хозяйство и общественный уклад оказались полностью дезорганизованными. Быстро разрушалась сословно-кастовая система, основанная на разделении занятий между кочевниками-воинами и низшими социальными группами земледельцев, рабов и вольноотпущенников. С замирением начался массовый исход зависимых клиентов и рабов из зоны кочевий, что повлекло за собой подлинное разорение хозяйств знатных племен. Многие бывшие рабы и вольноотпущенники становятся владельцами земель и пальмовых плантаций своих обнищавших хозяев.

Существенный урон доходам и общественному престижу знати племен нанесло ограничение и ликвидация ее административно-посреднических функций. Примерно с середины XIX в. во всех странах с кочевым укладом происходит процесс перехода от феодального самоуправления вождей к системе косвенного управления племенами с помощью легализованных государством вождей-посредников и, наконец, к полной их замене органами государственной власти. Подчиняя племена, власти устанавливали регулярное, преимущественно денежное обложение, лишая вождей посреднических фискальных функций. Во многих случаях установление государственной власти означало введение двойного налогового бремени, так как оставались в силе традиционные платежи и повинности вождям племен.

Однако и в условиях утвердившегося централизованного государства и развития капиталистических отношений остатки племенного сепаратизма проявляют необычайную живучесть. Даже в сравнительно развитых странах (Турция, Иран и др.), несмотря на официальную отмену власти и титулов племенных верхов, контроль государственных органов над племенами еще во многом остается формальным и чиновники подчас вынуждены прибегать к негласному содействию ханов и шейхов, сохраняющих авторитет среди местного населения не только в силу традиций. Ограничивая административно-политические функ-

ции вождей, буржуазное законодательство, как правило, слабо затрагивает экономическую основу их влияния — частную собственность на землю, скот и прочие средства производства.

Умиротворение племен было объективным следствием и в то же время необходимым условием торгово-экономической экспансии колониализма, для которого безопасность коммуникаций имела первостепенное значение в освоении местных рынков и сырьевых ресурсов. С развитием путей сообщения между метрополией и колониальными регионами в последних быстро развивались внутренние рыночные связи, в которые вовлекалось и население племен. Так, открытие в 1869 г. Суэцкого канала необычайно форсировало развитие товарно-денежных отношений среди бедуинов Аравии, племен Месопотамии и Южного Ирана. Города, примыкающие к зоне племен, быстро превращались в центры оживленной торговли с кочевниками и одновременно в транзитные пункты экспорта продукции местного животноводства на внешние рынки. Эта продукция, и прежде всего шерсть, стала во все растущем объеме вывозиться за границу, где она благодаря своей дешевизне первоначально успешно конкурировала с продукцией, поставляемой Австралией, Новой Зеландией, Аргентиной и др. [1, 492].

Увеличение спроса на мировом рынке вызвало заметный рост местных цен на овечью и козью шерсть, что в свою очередь стимулировало в племенах тенденции перехода от комплексного скотоводства к отраслевому, специализированному на разведении шерстных пород овец и коз. Так, шахсевены Ирана, стада которых прежде содержали помимо овец также верблюдов, коров и лошадей, к 20-м годам полностью перешли к разведению овец, составивших 98% их стад [16, 24]. Подобные явления отмечаются и среди других племен, в той или иной степени втянутых в орбиту внешних рыночных связей.

Одновременно развивалась и такая отрасль скотоводства, как разведение транспортного скота, спрос на который быстро возрастал до появления моторизованных средств сообщения. Караванный извоз и отдача внаем транспортного скота стали доходным занятием многих племен, обитавших вдоль торговых путей. Участвуя в караванном извозе, кочевники и сами активно вовлекались в торговую деятельность в качестве посредников в товарообмене между городом и отдаленными сельскими районами. Если до конца XIX — начала XX в. лишь небольшая группа восточноафганских кочевников («повинда») участвовала в транзитной караванной торговле между Ираном и Индией, то затем посредническая торговля широко распространяется среди западноафганских племен (гильзай, дурани), которые во время сезонных перекочевов со скотом скупали сельскохозяйственную продукцию в северных районах страны, доставляя туда городские товары, приобретенные на юге [2, 207]. Подобного рода «челночные» торговые операции распространи-

лись среди многих племен Сахары, осуществлявших посредничество между городами Средиземноморья и глубинными районами Африки. Развитие трансаравийской транзитной торговли повлекло за собой специализацию отдельных районов Аравии почти исключительно на разведении и продаже лошадей и верблюдов [14, 118].

Расширение торговых связей необычайно оживило и в то же время товаризировало домашнее ремесленное производство в племенах. Особенно процветало ковроткачество, рассчитанное на внешние рынки. К началу XX в. европейские фирмы создали развитую сеть по скупке ковроткацких изделий в зонах племен Восточной Турции, Ирана, Ирака, Сирии и др. Одновременно развились в племенах и рассчитанные на местные рынки домашние производства (выделка бурнусов, хурджинов, седел, сбруи, посуды и т. п.). Изделия этих производств становились преимущественно предметами денежного обмена. Роль денег непрерывно росла во всех сферах общественной и семейной жизни населения племен, благосостояние которого все более зависело от рыночной конъюнктуры.

Стимулированный приобщением хозяйства племен к мировому рынку и внутренним торговым связям, рост кочевого скотоводства происходил, однако, в основном в тех же рамках докапиталистических отношений и не сопровождался существенными качественными изменениями в технической основе кочевого хозяйства. В дальнейшем, по мере быстрого развития высокотоварного капиталистического ранчевого хозяйства в других частях света, примитивное кочевое скотоводство стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки стало испытывать затруднения в сбыте, особенно ощутимые в годы мировых сельскохозяйственных кризисов.

Наиболее тяжелый урон кочевое скотоводство понесло в период мирового кризиса 1929—1933 гг. Тогда пострадали все типы скотоводческих хозяйств, но в особенности хозяйства, уже совершившие переход от полунатурального производства к товарному, специализированному производству и находившиеся в большой зависимости от рыночных связей. Падение спроса на животноводческое сырье сопровождалось и резким снижением цен на скот. В отдельных районах Среднего Востока за 1928—1933 гг. стоимость овец снизилась на 45—50% [12, 162].

Мировой кризис ускорил разорение бедуинских и других племен, занимавшихся караванным извозом, для которых начавшееся после первой мировой войны широкое распространение современных транспортных средств явилось подлинной катастрофой. Резкое обесценение выючного скота сделало невозможным для многих племен переход к более товарным отраслям скотоводства.

Развитие новых средств транспорта, а также активное вторжение в зону племен торгово-ростовщического капитала — го-

родских перекупщиков и посредников — приводило к тому, что торговля постепенно стала уходить из рук кочевников. Если в Афганистане в условиях бездорожья посреднические операции торговых племен «повинда» по-прежнему процветали, то в Сахаре и Аравии они быстро пришли в упадок. «Челночные» торговые связи между приморскими городами и внутренними районами становятся монополией городских торговцев, пользующихся автомобильным транспортом. Во многих случаях одновременно ограничивались непосредственные связи кочевников с местными рынками. Если в прошлом кочевники сами гнали гурты овец и везли шерсть в присахарские города, где процветали сезонные ярмарки, то ныне многие такие торговые пункты пришли в запустение в связи с вторжением перекупщиков, посредников и других представителей торгового капитала в саму зону кочевий местных племен.

Ремесленное производство племен, развивавшееся по мере расширения местных торговых связей, в дальнейшем приходит в упадок в результате распространения фабричных изделий. Особенно ощутимым было сокращение ковроткачества вследствие сосредоточения коврового производства в городах. В 30-х годах шахсевены Ирана в связи с падением спроса почти прекращают домашнее производство ковров и одежды из верблюжьей шерсти. Курды, ранее употреблявшие шерсть на изготовление одежды в самих племенах, стали по дешевке сбывать ее на местные рынки.

Фабричное производство оказалось не в состоянии вытеснить лишь некоторые виды традиционных ремесел, связанных с особенностями кочевого быта или национально-специфических (производство бурнусов, папах, архалуков, палаточной ткани, кошм, циновок и т. п.).

Предметы обихода, которые в прошлом кочевники в значительной доле выделяли сами или получали в виде дани от зависимых ремесленных групп, сменяются покупными изделиями фабричного производства. В быт кочевников внедряются и технические новинки: изделия из пластмасс, алюминиевая посуда, керогазы, синтетика и даже транзисторы и велосипеды. Там, где благосостояние племен подорвано особенно сильно, жители по необходимости употребляют в быту «отбросы цивилизации» в виде жестянок, старых канистр, изношенной авторезины, заменяя ими кованую медную посуду, амфоры, хурджины и т. п.

Положение племен осложнялось тем, что сокращение прежних источников их денежного дохода происходило в условиях, когда значение денег в повседневной жизни кочевников быстро возрастало. Росла заинтересованность в покупке предметов, ранее неизвестных, но ставших необходимыми в быту (спички, сахар, металлоизделия и т. п.). Среди знати распространялись предметы роскоши. Верхушка племен, тяготеющая к городской

жизни, стремилась увеличить денежные поступления с племен в виде всякого рода налогов и поборов. По мере укрепления государственной власти росло и денежное налоговое обложение кочевников. Все это создавало благоприятные возможности для расширения деятельности среди племен торгово-ростовщического капитала. Если прежде его представляли главным образом городские скупщики, то в новых условиях в среде самой верхушки племен выделилась торгово-ростовщическая прослойка, которая посредничала или конкурировала с городским купечеством, нередко завязывая прямые связи с иностранным торговым капиталом.

В трансформации традиционного кочевого уклада особую роль сыграло формирование частной собственности на общинно-племенные земли и продвижение оседлого земледелия в зону кочевий. Уже сам по себе «безличный характер» общинного землепользования (отсутствие у большинства племен документально фиксированных земельных прав) облегчал земельные захваты. С ослаблением племенной организации и патриархальных традиций слабело и сопротивление общин земельным захватам и конфискациям.

В процессе замирения племен и быстрого развития товарного земледелия, связанного в первую очередь с расширением посевов технических культур, земельные захваты усиливались, распространяясь и на пригодные к обработке пастбища.

С конца XIX в. характерным явлением во многих племенах становится продление сроков периодических переделов участков общинных земель, находящихся в наследственном пользовании семей, и даже их окончательная отмена. Одновременно ослабляются или отменяются запреты на куплю-продажу общинных участков как для членов общины, так и для посторонних владельцев. Это отмечается среди иранских шахсеев, туркмен, арабов Хузестана, белуджей и др. В Иране и Турции еще до введения аграрного законодательства 20-х годов пахотные земли в зонах племен уже в значительной степени потеряли общинный характер, что было следствием развития товарного земледелия и усилившегося процесса оседания кочевников. Законы об обязательной регистрации земельной собственности, проводившиеся в 20-х годах в Иране и Турции, ускорили ликвидацию остатков общинной собственности на пашни и в то же время активизировали захваты в частную собственность общинных пастбищ.

Еще более содействуют ликвидации остатков общинно-племенных и феодальных форм землевладения государственные программы перевода кочевников на оседлость, проводимые в странах, сохраняющих кочевой уклад (Турция, Ирак, Иран, Афганистан, Иордания, Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Тунис, Алжир, Сомали, Ливия и др.). При переводе на оседлость кочевые семьи обычно объявляются собственниками обрабатыва-

емых ими участков земель или площадей, предоставленных для поселения [37, 53—59]. В отдельных странах перевод кочевников на оседлость осуществляется одновременно с ликвидацией архаичных патриархально-феодальных форм землевладения, основанных на принципе патроната и клиентала. Закон, принятый в 1960 г. в Сомали, отменял различные формы зависимости родов и семей, находившихся в положении клиентов правящей верхушки знатных племен. Закон отменял права собственности знатных племен на земли, обрабатываемые данниками-арендаторами, признавая последних владельцами участков [37, 57]. Эти меры содействовали упадку могущества вождей племен и ослаблению племенного единства.

Важнейшим следствием развития товарного земледелия в зонах племен было превращение многих вождей племен в оседлых помещиков и их постепенный отход от интересов кочевых групп, а также появление в зонах племен новых собственников из числа городской и сельской буржуазии, отношения с которыми рядового населения племен строились уже на совершенно иной основе.

Типична в этом смысле эволюция шейхов кочевого племени бедуинов бени-сахр в Иордании. До начала XX в. шейхи кочевали с племенем, собирая дань с феллахов — арендаторов племенных земель. Упадок верблюдоводства в начале 30-х годов вызвал отход от кочевья прежде всего шейхов племени, которые селились в деревнях своих арендаторов на правах феодальных помещиков. Но сохранялись и кочевые скотоводческие хозяйства шейхов, в которых возросла доля овец. При этом к выпасу стад привлекались не соплеменники шейхов, а наемные пастухи, набранные со стороны [32, 223].

Социальная пропасть между «верхами» и «низами» племени ширится на последующих стадиях ограничения соплеменников в средствах производства и превращения шейхов в земельных магнатов, обладающих властью, фактически не ограниченной патриархальными традициями. Данный этап в развитии помещичьего землевладения и отношений внутри племени характеризовало, например, к началу 60-х годов хозяйство шейха Наифа Шаалана, владевшего долиной Вади-эль-барде в Сирии, являвшегося полновластным хозяином племени численностью около 3 тыс. шатров. Неимущие бедуины пасли скот шейха и работали на его полях. Жизнь шейха охраняли наемные суданцы, вооруженные автоматами. Шейх мог согнать с земли и даже изгнать из подвластного племени любого человека, приговорить его к любой мере наказания вплоть до смертной казни. В то же время шейх являлся посредником и ходатаем по делам племени перед властями. «Если дело его подвассального попадает в суд, шейх подкупает судей и адвокатов и делает это не только из-за престижа „попечителя“ племени, но и в целях сохранения рабочих рук в хозяйстве» [15, 148—149]. На этом этапе остат-

ки патриархальных традиций полностью подчинены интересам шейхов, которые из политических соображений еще нередко апеллируют к «племенным чувствам» населения, создавая перед властями декорум «племенного единства».

В трансформации племенных пережитков общая тенденция выражается в том, что наибольшую живучесть проявляют те пережитки, которые не препятствуют становлению капиталистических отношений и представляют для них удобную камуфляжную форму. Однако на более высокой стадии развития капиталистического хозяйства от патриархально-племенных пережитков фактически уже ничего не остается. Так происходит, например, в Восточной Анатолии, которая с конца XIX в. являлась зоной оседания многих кочевых племен. Здесь до середины XX в. процветало помещичье хозяйство полуфеодалного типа. Переходя к оседлости, кочевники селились на землях своих вождей наряду с пришлыми земледельцами в качестве наследственных арендаторов. Элементы патриархальности до недавнего времени еще сохранялись в отношениях помещиков с арендаторами, и отголоски былых племенных связей были еще живы в памяти населения. Положение изменилось с начала 50-х годов, когда помещики стали приобретать на льготных условиях тракторы и приступили к широкой замене посевов зерновых более выгодными посевами технических культур. Повышение ценности земли побудило помещиков к сгону наследственных арендаторов и замене их наемными рабочими. Для того чтобы расширить посевы под хлопком, сносились бульдозерами дома и даже деревни наследственных арендаторов [30, 47]. Подобные случаи сгона наследственных арендаторов капитализирующимися помещиками наблюдались и в Иране до проведения аграрной реформы 60—70-х годов.

Ослабление племенной организации и патриархальных пережитков в сфере кочевого скотоводства является в громадной степени результатом экспроприации общинных пастбищ в частную и государственную собственность и неизбежного развития на основе этой собственности арендных отношений в зоне кочевков. До начала XX в. многие скотоводы-кочевники свободно пасли стада на определенных обычаями «ничейных» пастбищах, уплачивая, как правило, традиционные пастбищные сборы натурой в пользу вождей. Натуральная аренда существовала при использовании пастбища, принадлежащего чужому племени. В этих случаях аренда имела общественный, коллективный характер и способствовала единению кочевых групп.

В процессе перехода пастбищ в собственность частных лиц, государства или колониальных властей развивались денежные формы аренды, размеры которой неуклонно повышались, и арендные отношения все более приобретали характер индивидуальных связей между собственниками земли и владельцами скота. Рост арендных платежей происходил в прямой связи с

ограничением зоны выпаса стад в результате запашки пастбищ, закрытия государственных границ для перекочевки скотоводов.

Ограничение пастбищной территории означало более интенсивное использование остающихся пастбищ, а следовательно, их угрожающее истощение. Во многих странах Востока оскудение и эрозия пастбищ стали подлинно национальным бедствием.

В засушливых зонах проблема пастбищ обострилась также и в связи с распространением частной собственности на колодцы и другие источники воды. Освобождение оазисных поселений из-под власти кочевых племен во многих случаях означало установление платы за пользование как пастбищами, так и водными источниками. В Саудовской Аравии кочевники платят за воду шейхам и прочим состоятельным лицам, создавшим на свои средства колодцы и артезианские скважины.

В тех случаях, когда частными владельцами пастбищ становились ханы и шейхи племен, традиционные натуральные пастбищные сборы дополнялись или заменялись денежной арендой, которую платили не только пришлые скотоводы, но нередко и соплеменники владельца пастбища. Условия аренды во многом зависели от степени сохранения племенных традиций и самой племенной организации, но они всегда были тяжелее, когда скотоводу приходилось иметь дело с владельцем, стоящим вне племени.

Большинство современных кочевников вынуждено арендовать пастбища (причем зачастую свои прежние владения) у государства, помещиков или деревенских общин. В местах наиболее острой нехватки пастбищ, например в Турции, распространилась «аренда с торгов»: владелец земли разрешает пасти на ней скот той группе скотоводов, которая согласится на самую высокую арендную плату [7, 72—73]. В Иране, где многие пастбища были отписаны в казну после подавления восстаний племен в 20—30-х годах, государство сдает их в аренду крупным скотоводам, а те в свою очередь предоставляют мелким субарендаторам, возглавляющим лагерные группы [34, 284].

Распространение аренды в сфере пастбищного землепользования существенно подрывает основанное на кровных связях единство кочевых групп. Кочевники вынуждены покидать традиционные места выпаса скота, разбредаться отдельными семьями в поисках лучших условий аренды, составляя по признаку состоятельности случайные объединения на сезон выпаса для совместной аренды пастбища. При этом немущая беднота или выпадает из кочевания, отдавая на выпас кочующей семье с десятков оставшихся овец, или сопровождает лагерную группу в качестве пастухов и батраков.

Одновременно с арендой пастбищ широко распространилась аренда скота и сдача стада на выпас скотоводам на самых раз-

нообразных условиях, начиная от феодальной издольщины и кончая капиталистическим предпринимательством с денежной оплатой труда наемных работников. В наиболее архаичном виде наделение неимущей бедноты скотом внешне выглядит как «родственная помощь» богатого скотовода, обусловленная отработками и уплатой части продукта. Такого вида аренда и сдача сдерживает процесс распада племенной группы, в чем обычно из хозяйственных или политических соображений заинтересованы племенные верхи. Окончательное разорение бедноты, означающее ее отход от кочевья, невыгодно племенным верхам, которые предоставлением «помощи» в виде сдачи на выпас скота стараются удержать неимущих в состоянии стабильной бедности.

В районах с относительно высокой степенью развития капиталистических отношений сдача бедняку в аренду или на выпас стада через различные промежуточные стадии превращается в чисто капиталистическое предпринимательство. Характерные процессы наблюдаются в Кермане (Иран), где еще в конце XIX в. существовал развитой кочевой уклад. Ныне сельскохозяйственное производство провинции контролируется и направляется торгово-предпринимательской буржуазией города, которой принадлежат почти вся пахотная и пастбищная земля, источники воды и основная масса скота. Большими стадами овец и коз владеют частные ковровые предприятия Кермана и оптовые торговцы шерстью, по контрактам сдающие эти стада на выпас наемным пастухам. «Выпас стад превратился в коммерческое занятие жителей гор, вчерашних полукочевников, среди которых профессиональные пастухи составляют до $\frac{1}{4}$ населения» [31, 132]. Существует, но в меньших масштабах, сдача на выпас деревенского стада и скота отдельных помещиков.

Торгово-предпринимательский и ростовщический капитал города полностью захватил и такую прибыльную в прошлом отрасль хозяйства местных племен, как домашнее ковроделие и производство знаменитых керманских шалей из козьего пуха. Деревенские ткачи также работают по контрактам, лишаящим их непосредственных связей с рынком. Городские предприятия контролируют все стадии домашнего ковроткачества, наделяя ткачей станками, сырьем, красками и производя с ними денежные расчеты. Сложная система кредитования с участием сельских ростовщиков, субконтракторов и маклеров держит ткачей в безысходной кабале [31, 90—91].

Таким образом, вытеснение традиционного кочевого уклада частным капиталистическим предпринимательством влечет за собой лишение вчерашних кочевников основных средств производства, превращение большинства из них в арендаторов, наемных работников и неимущих пауперов. Экономические перемены, происходящие в Кермане, сравнительно отсталой аграрной области, в той или иной степени характерны для всех зон

кочевого уклада, втягивающихся в капиталистическое развитие сельского хозяйства. В районах с более высоким уровнем такого развития от кочевого уклада по существу уже ничего не осталось. Например, в прилегающих к крупным городам сельских районах Ливана ранчевое хозяйство капиталистического типа быстро вытесняет остатки кочевого уклада ценой окончательного разорения скотоводов-кочевников. В таких хозяйствах, существующих нередко даже как акционерные предприятия, рационализация производства свела до минимума количество потребной рабочей силы. Проблема кормов решается путем травосеяния и механизированной заготовки фуража. Длительные перегоны на сезонные пастбища кое-где уже заменяются транспортировкой скота грузовиками. На время весенней и осенней стрижки овец на пастбища доставляются партии рабочих-сезонников. Производство сыра и масла и первичная обработка животноводческой продукции ведется не на стойбищах, а на городских предприятиях, куда регулярно доставляется сырье.

Факты показывают, что происходящая на капиталистических основах техническая реконструкция скотоводческого хозяйства оборачивается громадным социальным бедствием для основной массы кочевого и полукочевого населения. Лишенные привычных источников существования, разоренные скотоводы имеют крайне ограниченные возможности переключения в другие сферы производства в условиях господства частной собственности на землю и низкого уровня развития промышленности. И поныне для ряда стран Востока остается верной полная драматизма картина бедственного положения вчерашних кочевников, обрисованная еще в конце 50-х годов французским исследователем Р. Капо-Реом: «Отказ от кочевой жизни чаще всего сопровождается полной безработицей, праздностью, которые исключают какой бы то ни было моральный или материальный прогресс... Лишь небольшая часть находит работу, а большинство нищенствует в городах или живет черным рынком... Вид изодранных шатров на окраинах селений — признак того, что пролетаризация кочевников — завершившийся акт» [10, 269—271].

Экономическая необходимость заставляет многие развивающиеся страны принимать меры к замене отсталого кочевого скотоводства современными формами скотоводческого хозяйства. В отдельных странах одновременно с развитием государственного планирования изыскиваются пути наиболее безболезненного решения сложной проблемы кочевничества. В Ливии, Ираке и некоторых других странах эта проблема решается в тесной связи с широкими аграрными и социальными преобразованиями и общим экономическим развитием. Наделение крестьян землей и кооперирование сельского хозяйства распространяется и на кочевое население. Создаются поселки для кочевников, переходящих к земледелию, которым государство оказы-

ваает помощь в ирригационных работах, в обеспечении инвентарем и семенами. Одновременно проводятся мероприятия по упорядочению кочевого скотоводческого хозяйства. В Сомали особенно важное значение имели национализация пастбищных земель, а также установление контроля и арбитража государственных органов в вопросах пастбищного землепользования, что сильно подорвало влияние племенных верхов.

Но за небольшим исключением плановый перевод кочевников на оседлость в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки пока еще протекает очень медленно. Осуществление этого важнейшего мероприятия сдерживается ограниченностью проводимых социальных реформ. Интенсивность процессов оседания кочевников и перестройки кочевого уклада на более высокой технической основе находится в прямой зависимости от уровня развития социально-экономического строя той или иной страны, масштабов и глубины общественных преобразований. В этой связи общая закономерность состоит в том, что если для стран капиталистической ориентации характерны процессы оседания, как правило, самопроизвольные, стихийные, связанные с обнищанием кочевников и общим кризисом кочевого уклада, или насильственные, вызываемые административными мерами, то в странах, вступивших на путь широких демократических реформ, все большее значение приобретают меры поощрительные, осуществляемые в русле аграрных преобразований и планов экономического развития. В странах, где социальные реформы имеют наиболее радикальный характер, создаются реальные предпосылки для успешного и наименее болезненного перевода кочевников на оседлость и перестройки их традиционного хозяйства, для протекания этих процессов без того острого драматизма, который обычно присущ им в условиях стихийного капиталистического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамов А. Ирак Арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем. СПб., 1912.
2. Асланов М. Г., Давыдов А. Д. Афганистан.— «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока». М., 1970.
3. Бартольд В. В. Место прикаспийских провинций в истории мусульманского мира. Баку, 1924.
4. Грайворонский В. В. Преобразование кочевого образа жизни в МНР.— «Народы Азии и Африки». 1972, № 4.
5. Гуру П. Азия. Пер. с франц. М., 1956.
6. Давыдов А. Д. Развитие капиталистических отношений в земледелии Афганистана. М., 1962.
- 6а. Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. М., 1973.
7. Еремеев Д. Е. Оседание юрюков в Турции.— «Советская этнография». 1962, № 6.
8. Жданко Т. А. Переход кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане.— «Советская этнография». 1967, № 4.

9. Иванов М. С. Поездка в Иран.— «Советская этнография». 1962, № 6.
10. Капо-Рей Р. Французская Сахара. Пер. с франц. М., 1958.
11. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1958.
12. «Материалы по национально-колониальным проблемам». 1936, № 34.
13. Новичев А. Д. Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции.— «Советская этнография», 1951, № 3.
14. Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961.
15. Родин Л. Е. В стране глубоких колодцев. М., 1962.
16. Ростопчин Ф. В. Заметки о шахсевенах.— «Советская этнография». 1933, № 34.
17. Тардов В. Г. Основные черты производственных отношений у племен Персии.— «Материалы по национально-колониальным проблемам». 1933, № 3(9).
18. Трубецкой В. В. Бахтиары (Оседло-кочевые племена Ирана). М., 1966.
19. Бахман Беги, Мохаммед, Орф ва адат дар эшаир-е Фарс (Обычаи племен Фарса). Тегеран, 1325 (на перс. яз.).
20. Бахрами, Таги. Джография-йе кешаварзи-йе Иран (География земледелия Ирана). Тегеран, 1955 (на перс. яз.).
21. Насех, Забиххолла. Балучистан (Белуджистан). Тегеран, 1344 (на перс. яз.).
22. Хуршид, Азиз Рахеш, Бамади — таифе-йе аз бахтиари (Бамади — бахтиарское племя). Тегеран, 1346 (на перс. яз.).
23. Хушанг, Пур Керим. Торкманха-йе Иран (Туркмены Ирана).— «Хонар ва мардом». 1345, № 50 (на перс. яз.).
24. «The Agricultural Potential of the Middle East». New York, 1971.
25. A w a d M. Settlement of the Nomadic and Semi-nomadic Tribal Groups in the Middle East.— «International Labour Review». 1959, vol. 79, № 1.
26. Barth F. Nomads of South Persia. The Basseri Tribe of the Khamse Confederacy. Oslo — New York, 1963.
27. Bennet F. UNESCO Research and Experience on Problems of Sedentarization. Geneva, 1964.
28. «The Cambridge History of Iran», vol. I. Land and People. Cambridge, 1968.
29. Cannison J. Baggara Arabs. Power and Lineage in a Sudanese Nomad Tribe. Oxford, 1966.
30. Eberhard W. Nomads and Farmers in S. E. Turkey. Problems of Settlement.— «Oriens». 1953, vol. 6, № 1.
31. English P. W. City and Village in Iran. London, 1966.
32. Epstein E. The Bedouins of Transjordan: Their Social and Economic Problems.— «Royal Central Asian Journal». 1938, vol. 15, № 2.
33. «Iran Almanac and Book of Facts». Tehran, 1974.
34. Lambton A. K. S. Landlord and Peasant in Iran. London — Toronto, 1953.
35. Monteil V. Les tribus du Fars et sédentarization des nomades. Paris, 1965.
36. «Preliminary Report of the World Social Situation. United Nations Department of Social Affairs». New York, 1952.
37. «Progress in Land Reforms 4th Report». United Nations. New York, 1966.
38. «State of Food and Agriculture», FAO. Rome, 1964.
39. Stauffer Th. R. The Economics of Nomadism in Iran.— «The Middle East Journal». 1965, vol. 19, № 3.

НАСЛЕДИЕ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
И ОБЩИННОЕ КРЕСТЬЯНСТВО:
ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ РАЙОНОВ ЯВЫ
СЕРЕДИНЫ XX в.)

Исследование различных сторон общественного сознания самого многочисленного класса стран Востока — крестьянства несомненно представляет большой теоретический и практический интерес. Без реалистического представления о важнейших чертах духовной жизни крестьян, их видении мира, понятиях об обществе, их социальных идеалах и т. п. нельзя установить действительные причины их общественного поведения — активности или апатии, готовности к самым радикальным действиям либо страха перед репрессиями, взрывов негодования либо стойкого конформизма; нельзя также понять и особенностей восприятия крестьянством прогрессивных форм идеологии; в конечном счете, невозможно реально прогнозировать ход классовой борьбы в деревне и даже в стране в целом.

Однако такое исследование — далеко не простая задача. Сознание крестьян не составляет изолированной сферы общественной жизни: оно вплетено в повседневные их взаимоотношения, в хозяйственные, административные, бытовые связи, не говоря уже о культово-религиозных. Как правило, только исследование всех сфер жизни деревни и может дать реалистическую картину состояния сознания крестьянства. Наконец, ярким выражением этого сознания является общественная борьба в деревне. Само общественное поведение крестьянина выступает как конечный результат взаимодействия многообразных, нередко стадийно различных «пластов» сознания, далеко не одинаково преломляющих воздействие действительности. Внутренняя сложность, неоднородность сознания составляет, возможно, самую большую трудность при исследовании общественного сознания крестьянства.

Известно, что отражение общественным сознанием тех процессов, которые совершаются в реальной социальной и экономической жизни общества, в естественно-исторических условиях происходит далеко не «синхронно»; между реальными общественными процессами и их отражением в сознании, в «системах», созданных обществом, наблюдается разрыв, на что обращали внимание К. Маркс и Ф. Энгельс [см., например, 1, 242; 4, 36].

«Запаздывание» общественного сознания — особенно в его стихийном, массовом проявлении, — признаваемое в теоретических работах, далеко не всегда учитывается при исследовании конкретных общественных явлений в странах Востока. Между

тем учет этого объективно данного процесса особенно необходим при изучении крестьянства — древнейшего класса-сословия, существующего на протяжении громадного исторического периода — от разложения первобытнообщинного строя до развития капиталистических отношений в деревне. В архаическую эпоху, когда человек был «принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата» [2, 17], когда он не разорвал «пуповины», связывающей его с общностью, — в его сознании абсолютно господствовали архаические представления. То обстоятельство, что крестьянская экономика на протяжении длительного послепервобытного периода сохраняла преемственную связь и общие черты с первобытной экономикой, содействовало консервации всего комплекса норм и представлений, выработанных в архаическую эпоху. Его «хранителем» выступала прежде всего социальная психология крестьян, та сфера их общественного сознания, явления которой представляют собой «сплав рационального и эмоционального, сознательного и бессознательного» [18, 43]. Старые системы ценностей могли продолжать функционировать в сельском обществе «в виде... совокупности догматизированных принципов», как «косный канон, не подлежащий критическому, творческому освоению» [10, 35].

Этот «естественный» консерватизм мышления и представлений крестьянства мог быть укреплен историческими обстоятельствами — например, в тех случаях, когда государство формировалось в самом процессе консолидации неразложившихся первобытных общин [см. 3, 183—184, 186] и его духовная жизнь являлась продолжением и развитием архаических представлений родо-племенного общества. В этих случаях община могла долго сохранять в системе государства многие черты архаического этапа, являясь, в свою очередь, базисом для воспроизводства многих архаических представлений крестьянства.

Сохранение крестьянским сознанием на протяжении многих веков — вплоть до современной эпохи — архаического наследия, традиционных представлений, имеет непосредственное значение для судеб общественной борьбы в современной деревне Востока.

В данной работе предпринята попытка исследовать некоторые традиционные черты массового сознания крестьянства в середине XX в. в одном из районов Индонезии — на Яве — в тесной связи с разнообразными общественными отношениями, существующими в деревне. Главной задачей ставится выявление тех особенностей сознания, тех его консервативных черт, которые, составляя наследие прошлых эпох, на современном этапе активно влияют на систему общественных отношений в деревне, препятствуют становлению классового сознания и классовых форм борьбы. Соответственно в качестве объекта исследования были выбраны те районы Центральной и Восточной

Явы, которые можно назвать наиболее традиционными (для Явы) по характеру социальных связей и общественного сознания.

Некоторые исторические черты формирования и эволюции яванской общины.

Духовное наследие общины

Многие формы общественной жизни исследуемой традиционной центрально- и частично восточнояванской деревни середины XX в. уходят своими корнями в отдаленную эпоху — начальные века нашей эры, период становления на некоторых островах Индонезийского архипелага, и в том числе на Яве, первых государственных образований. Исследователи выделяют две разновидности таких государств: централизованные государства архаического типа внутренних, преимущественно земледельческих районов Явы, и торговые города-государства побережья Явы и некоторых других островов [45, 2—4; 19, 9, 12; см. также 14, 520—521, 523]. Именно древним централизованным государствам Центральной, а также Восточной Явы было суждено сыграть исключительно важную роль в становлении яванской цивилизации и формировании традиционной яванской культуры.

В густонаселенных районах поливного рисосеяния Центральной Явы новым — по сравнению с родо-племенными объединениями — типом общности, основанной преимущественно на территориальных, соседских связях, стала община-деревня — деса. Здесь относительно большие размеры прибавочного продукта (благодаря природным факторам и кооперации труда) в сочетании с высокой плотностью населения создали предпосылки для возникновения раннегосударственных образований — княжеств с особым слоем правителей, обособившимся от основной массы населения. Необходимость кооперированного труда, с одной стороны, и «вписанность» деса в государственную систему в качестве единой административной единицы — с другой, приостановили дальнейший распад общины на самостоятельные крестьянские хозяйства.

Сохранив архаико-коллективистские формы производства (существенной чертой их было тесное переплетение хозяйственных и культово-религиозных отношений), деса унаследовала вместе с ними и весь комплекс наиболее архаических коллективных представлений и норм. Основой функционирования деса стал адат — нормы обычного права, сложившиеся на архаических стадиях общественного развития (в родовых и родо-племенных общностях), в эпоху доминирования в сознании человека анимистических представлений.

Как свод неписаных правил и норм, регулирующих деятель-

ность и поведение всей общности, ее отдельных членов и групп, адат отразил архаическое коллективное представление об обособленной, внутренне упорядоченной, самоуправляющейся общности, являющейся коллективом с едиными задачами, располагающей определенными материальными (земля, леса, воды) и духовными (духи, священные предметы и др.) ресурсами, находящейся в особых отношениях с потусторонним миром и его силами [см. 29, 49—50]. Сознание людей еще не расчленило, не различало материальное и духовное. Земля, являясь основным средством производства, выступала в глазах людей той эпохи как вместилище духов и охранительных сил; сама связь племени с землей представлялась сакральной: право племени на территорию было передано предками, духи которых продолжали оставаться членами общины; именно эти духи, а также духи территории (см. ниже) были настоящими хозяевами земли [41, 4; 29, 81]. Благополучие общности ставилось в непосредственную зависимость от ее отношений с потусторонними силами; эти отношения реализовались в коллективных магических действиях. Отсюда главными функциями общности в представлениях ее членов являлись ритуальные функции, а единство общности осмыслялось прежде всего как спиритуальное, магическое единство [29, 49—50]. Деса унаследовала представление о мире как о пространстве, наполненном мириадами «невидимых местных духов и душ предков, парящих вокруг всех естественных объектов, человеческих существ, предметов», потенциально всегда готовых принести несчастье [28, 44].

С таким пониманием мира, с верой в духов было связано формирование наиболее архаических представлений о правах пользования определенным участком земли и природными ресурсами вообще: «каждая имеющая физические границы часть земли — участок орошаемой земли, место, отведенное под дом, место пересечения дорог — имеет духа места» — данянга [32, 326].

Деса как территория также имела своего духа — данянг деса. Объектом поклонения были эти духи территории и постепенно сливавшиеся с ними духи основателей поселения («общие предки общины») — акал бакал (чакал бакал). Естественное право на руководство принадлежало тем семьям, которые считались теснее всего связанными с духами основателей поселения, т. е. «прямым потомкам» этих основателей. Постепенно такие «прямые потомки» превратились в наследственную элиту деревни — кэнтол. Место захоронения нередко легендарного, полумифического предка (оно же было в глазах местных жителей местом обитания его духа) — пундэн — становилось святыней деса.

Процесс образования государства, надстраивавшегося в качестве высшего этажа над общинами, и его отделения от основной массы населения проходил в условиях распространения

анимистических представлений и веры в магию. Поскольку слой правителей складывался за счет обособления родовой верхушки, которая «возвышалась... путем установления административного и религиозного контроля над всей общиной» [14, 520], непререкаемый авторитет, основанный на вере в чудодейственные качества правителей, не только не утрачивался, но, наоборот, значительно укреплялся. Этому процессу и превращению правящего слоя в замкнутую «касту правителей» содействовало распространение в верхах яванского общества индуистской культуры (в первых веках нашей эры), давшее в руки правителей особый язык — санскрит, азбучную письменность, более развитые религиозно-философские представления [см. 38, 167—168, 256—258]. Государственная власть и ее носители — глава государства, его непосредственное окружение, т. е. наследственная аристократия, и элита-бюрократия, получившая особое название *прийи*, — приобрели в глазах крестьянства чудодейственный, магический характер; государство формировалось как теократическое.

Община-деревня раннегосударственного периода представляла собой сложное социальное образование. Общинное начало находило воплощение в коллективных работах, в наличии земель, находящихся в общем пользовании, в трудовой кооперации, в таком общем достоянии, как «священные» объекты и предметы, в коллективных ритуалах, наконец в коллективных магико-религиозных представлениях. Естественнo-исторический путь разложения общины, вычленения индивида, разрыва архаической «пуповины», связывающей его с общностью, должен был пройти через множество вех: через распад наиболее архаических, ритуализированных коллективных форм труда, дробление фонда общих земель и укрепление индивидуального землевладения, падение удельного веса трудовой кооперации; через утрату ритуалами их священного смысла, наконец через освобождение человека от архаических, традиционных ориентаций.

В самой соседской общине догосударственного и раннегосударственного периода, в разных сферах ее сложной структуры действовали различные тенденции. В поземельных отношениях, отразившихся в адатах данной эпохи в виде возникновения трудового права, проявилась тенденция к становлению — помимо древних, коллективных форм землепользования — более новых, индивидуальных. Адаты общин допускали два типа освоения (и присвоения) новых земель и последующего владения ими: коллективное и индивидуальное. Соответственно в общине формировалось два земельных фонда: общинный (коллективный) и индивидуальный. Индивидуальное землевладение создавало определенные предпосылки для разложения сложной общинной структуры. Однако реализации этих предпосылок противостояли факторы, связанные с коллективными формами

труда: трудовая кооперация, необходимая для существования рисоводческого крестьянского хозяйства; общественные работы в пользу деревни или государства; трудовые повинности на так называемых служебных наделах общинной администрации. Распространение индивидуального землевладения сопровождалось, как подчеркивают некоторые исследователи, увеличением трудовых обязательств крестьянства, ибо по адату член племени (а затем общины) получал право индивидуально использовать землю лишь в обмен на определенные, четко обозначенные обязанности, выступающие главным образом в форме трудовых услуг [41, 4]. Наконец, индивидуальное присвоение земли (и не только земли) санкционировалось коллективом, общиной лишь в процессе публичной церемонии, ритуала [см. 29, 82—83]. В определенном смысле можно сказать, что архаическая общность, ритуализируя передачу прав на индивидуальное владение землей, деревьями и т. д. и лишаясь некоторых своих хозяйственных прав, одновременно стремилась упрочить свои права на личность, на ее духовную жизнь.

Централизованные государства Явы оказали на десу большое административно-политическое воздействие. Оно проявилось сильнее всего на территории, находившейся в непосредственной близости от «столицы» — резиденции правителя и имевшей особое название — *нагарагунг*. Здесь, по мнению некоторых исследователей, адаты деревенских общин претерпели наибольшие изменения: все земли были объявлены принадлежащими правителю, а главы деревенских общин превратились в простых «сборщиков ренты» [41, 9—11; см. также 29, 78—79]. Однако и на окружавших *нагарагунг* территориях (они назывались *мантьянагара*), где земля оставалась собственностью общин [41, 6—7], воздействие государства было очень значительным. Хотя государственная власть не претендовала на невозделанные земли и, следовательно, имела возможность для расширения как коллективного, так и индивидуального землевладения¹, в целом государственная политика неизбежно укрепляла общину как социальный институт. Государственная власть рассматривала десу как нераздельную административную единицу, облагаемую налогами и повинностями, имела дело исключительно с деревенской администрацией, что несомненно усиливало прерогативы управленческой верхушки, и прежде всего главы общины — *лураха*. Расширение функций этой верхушки автоматически вело к сохранению не только фонда коллективных земель для ее вознаграждения, но и коллективных форм труда, ибо служебные наделы обрабатывались общинниками в порядке трудовой повинности; наконец, изъятие части продукции в виде

¹ «Старые яванские законы, — пишет Н. И. Зибер, — признают первого заемщика участка невозделанной земли по прошествии трех лет законным ее собственником, с обязательством начиная с этого времени нести обычные повинности в пользу князя» [12, 70].

налогов, уменьшая ресурсы деревни, способствовало сохранению в общине переделов и также продлеvalo существование коллективного фонда земель. Потенциально «революционный» элемент разложения общины, связанный с индивидуальным землепользованием, был, таким образом, нейтрализован воздействием государства. Как отмечал голландский исследователь Б. тер Хаар, государственная власть способствовала окостенению внутренней структуры общины, усилению полномочий административного главы и в целом усилению приоритета интересов общности перед интересами индивида [29, 78—79].

Нужно, однако, иметь в виду, что тенденция к укреплению коллективных форм труда и землевладения не была абсолютной и могла значительно ослабнуть и исчезнуть при отсутствии давления на общину извне и в иных благоприятных условиях (экологических, социальных и пр.).

Теократическая государственность оказала огромное воздействие на наиболее консервативную сферу общинной структуры — общественное сознание крестьянства. Архаическое представление о магическом единстве общности (рода, племени, деса) было не только перенесено на государство, но и чрезвычайно усилено за счет появления персонификатора этого единства в лице его главы — короля, князя (раджа, рату). Глава государства, игравший исключительно важную роль в аграрном ритуале королевства [см. 17, 143, 158—159], был обожествлен, стал рассматриваться как воплощение одного из богов индуистского пантеона (чаще всего Вишну) и выступал как фокус магической силы всего народа, защитник-покровитель страны. Магическая сила пребывала якобы также в окружении правителя и в элите — бюрократии [40, 26, 28; 35, 90; см. также 22, 7—12].

Образование централизованного государства и консолидация родо-племенной знати в качестве правящего класса сопровождалась становлением его особой идеологии, разработкой религиозно-философской концепции социального устройства и управления, которая питалась в сущности старыми, архаическими представлениями общества. Эту идеологию мы находим в качестве абсолютно доминирующей в центральной яванской государственности Матарам (XVI—XIX вв.). Отношения между королем и народом выражались формулой «кавула — густы» (слуга — господин или, точнее, человек — бог), которая имела мистический смысл [40, 15]. В целом, согласно яванским концепциям, отношения между королем (правителем вообще) и подчиненным были основаны «на взаимной любви и уважении» и как таковые были «образцом социального общения» [40, 21—22, 26]. Материальные и трудовые ресурсы, которые изымались из сельских общин (десятина урожая, мобилизация на тяжелые работы, военную службу и др.), интерпретировались в крестьянском сознании как плата за магическое покровительство

королевской династии [45, 3; 27, 231—232; см. также 43, 17—21].

По-видимому, под воздействием идеологии правящей элиты в представления сельского общества проникло понятие пулунга — особого духа, который якобы в виде светящегося ореола опускается на голову того человека, который достоин быть главой деревни, что гарантирует деревне процветание, гармонию и порядок [27, 26].

В период расцвета теократических государств упрочилась и получила дальнейшее развитие такая черта традиционного мирозерцания, как представление о космическом и социальном порядках, параллельных и в то же время взаимосвязанных, осознание взаимозависимости всех элементов раз созданной системы и закрепления в этой системе за всем и вся неизменных мест. Естественным следствием развития идеи социального порядка и появления представлений об иерархии было укоренение в общинном крестьянстве чувства глубокого фатализма [35, 94; 40, 26].

В результате смешения, симбиоза традиционных яванских анимистических верований с индуистскими представлениями и некоторой поверхностной исламизации (с XIII—XIV вв.) этого симбиоза возникла так называемая культура абанган, получившая наибольшее распространение в сельской местности Центральной и частично Восточной Явы. Компонентами этой народной «синкретической» культуры была вера в духов и магию, обширная мифология, в которой яванские герои сосуществовали с индуистскими богами и героями, театр кукол, представления-мистерии которого играли роль своего рода нравственной «инструкции для всех» [40, 23; 17, 125, 160—161]. Центральное место в этой народной культуре занимал древнейший обряд сламетан — ритуальная совместная трапеза. Целью трапезы, в которой якобы участвуют и духи, было устранение тревоги и страхов (перед духами) и достижение человеком, организующим ритуал, полного спокойствия — сламет [35, 95; 28, 44; 27, 14].

Таким образом, в духовное наследие яванской общины вошли наиболее архаические представления догосударственного периода, а также более поздние социальные представления, порожденные «вписанностью» общины в систему государства и активным воздействием на сознание крестьянства идеологии верховных правителей и элиты-бюрократии. В десе в значительной степени продолжала функционировать система ценностей, сложившаяся еще в условиях доминирования магики-религиозных форм сознания, которую можно соответственно назвать магики-религиозной. Носителем (агентом) наиболее важных отношений в этой системе — отношений с потусторонним миром — выступала вся общность в целом: род, затем деса, наконец государство в лице его главы. Деса унаследовала от ар-

хаической эпохи и другую, еще тесно связанную с первой, систему ценностей, которую можно назвать архаико-коллективистской, ибо в центре ее стояли «солидарность» и «взаимопомощь», не освободившиеся от магических интерпретаций. Увеличение роли индивидуального труда, возникновение трудового права в рамках обычного права не могли не подготавливать условия для освобождения архаико-коллективистских ценностей от их древнего груза. В целом, однако, в десе еще доминировало коллективное самосознание архаического типа. Индивид был «растворен» в общности; безусловное подчинение нормам, зафиксированным в адате, и естественно выросшему из этих норм институту правителей распространялось, употребляя слова Энгельса, на «чувства, мысли и поступки» [4, 99] человека и выступало как внутренний императив. Идеология правящего класса не только не ослабила архаические системы ценностей, но, наоборот, необычайно укрепила, расширила и законсервировала их посредством введения в них новой центральной категории — категории божественного верховного правителя, живущего на земле.

Нужно отметить, что на Западной Яве отсутствие сильных государств архаического типа поставило общину в более свободные условия эволюции. Более интенсивная исламизация этой части острова (как и всех прибрежных районов) в средневековье, носителями которой были купцы и торговцы, знаменовала проникновение в деревню не только товарно-денежных отношений, но и более зрелых представлений об индивидуальных правах человека, отраженных в исламе.

Колонизация Индонезии Голландией оказала большое воздействие на все социально-экономическое и политическое развитие страны. Поскольку наиболее важные вехи аграрной политики Голландии в Индонезии и ее последствия достаточно полно освещены в ряде работ советских исследователей [см. 9; 19; 21, а также 7], мы здесь отметим лишь несколько моментов, существенных для исследуемой нами проблемы.

Политика колонизаторов, взятая в целом, оказала различное воздействие на общинный строй в зависимости от того, являлись ли ее объектом территории с устойчивой либо разрушенной общиной. На этапе преимущественно колониально-государственной эксплуатации крестьянства районы с устойчивой общиной, как отмечалось в нашей литературе, представляли собой наиболее благоприятную почву для такой эксплуатации [26, 23]. В этих районах наблюдалась консервация общинного землевладения, бюрократизация общинной верхушки; традиционные соседские связи приобрели принудительный характер: «Население общины делилось на пять групп, каждая из которых именовалась определенным днем пятидневной яванской недели... Каждая из этих групп жила в определенной части деревни... В соответствии с наименованием каждая группа один

день в неделю работала в пользу колониальных властей или сельской общины. В остальные дни недели каждая из этих групп обрабатывала по очереди земельные участки общинников, входивших в группу. Группы возглавлялись специальными помощниками старосты общины» [15, 62—64]. Само владение землей стало выступать в крестьянском сознании как вознаграждение за исполнение служебных обязанностей [29, 94; см. также 43, 218].

Более поздняя система частных договоров между общинами и иностранными компаниями в районах табачных и сахарных плантаций Центральной и Восточной Явы также объективно продолжала укреплять общину как экономический и социальный организм [см. 7, 186—188]. К началу XX в. среди четырех явно различающихся по уровню и тенденциям развития районов Явы (с Мадурой) исследуемый нами район характеризовался *наибольшей отсталостью* в отношении развития индивидуально-землепользования, эволюции общинных институтов и архаических форм эксплуатации, наконец, зарождения местных торговых капиталистических элементов [19, 25—33]. Мало что смогла изменить в этой ситуации и так называемая этическая политика голландцев.

Сохранение традиционной общинной структуры означало и сохранение почти в неизменном виде традиционных форм общественного сознания крестьянства. Более того, они были присущи и крестьянству более развитых районов острова. Традиционные ориентации непосредственно отразились на характере крестьянских волнений на Яве в XIX и начале XX в. Крестьянство связывало свои чаяния с возвращением к идеализированной доколониальной эпохе, с приходом мессии — справедливого государя (рату адил) [43, 43—44; 33, 92—97; 8, 242]. Эти движения, по словам индонезийского исследователя С. Картодирджо, были «выражением традиционализма, с его элементами культа предков и святых, фетишизма, ритуализации, связи с землей, родственной солидарности, приверженности всему местному и традиционных статусных связей» [34, 12].

К концу XIX в. «лидерами» социально-экономического прогресса страны стали территории, удаленные от «эпицентров» теократической государственности Центральной и Восточной Явы: районы экспортных культур Внешних островов, и прежде всего Суматры, Западная Ява, прибрежные районы Явы в целом. Именно развитие этих районов подготовило те крупные социально-экономические и политические сдвиги, которыми ознаменовались первые десятилетия XX в. В плане социально-экономическом это был период роста национального торгового капитала, распространения в сельской местности развитых районов Явы и других островов товарно-денежных отношений [46, 230—231], дальнейшего разложения общинного землевладения²;

² За 1882—1932 гг. общинное землевладение на Яве сократилось с 42% крестьянских земель до 13% [см. 7, 189].

в сфере политической жизни — становления национального самосознания, зарождения и первого организационного оформления национально-освободительного движения на базе идей ислама [8, 186—187].

Исследуемые нами территории не находились в полной изоляции от этих сдвигов. Товарно-денежные отношения проникали и сюда. Кроме того, в колониальный период здесь селились «ортодоксальные» мусульмане — сантри, в поселениях которых многие традиции старой яванской общины были отброшены и разрушающая роль накопительства, денежного богатства — благодаря исламу [42, 8] — проявлялась значительно шире, нежели в традиционных яванских деревнях.

Работа в деревне политических организаций нового типа — с 1912 г. националистического Сарекат ислама и в особенности с 20-х годов Коммунистической партии Индонезии — положила начало приобщению крестьянства к современным формам общественного сознания и политической борьбы. Эта работа нашла более подготовленную почву на Западной Яве и в тех районах остальной части острова, где община была разрушена (например, в Мадииуне, Рембанге — на Центральной Яве). В исследуемых же нами районах многовековая насильственная консервация общины означала сохранение и традиционной системы управления, в которой сплелись воедино на основе культа предков примитивная демократия общины и методы централизованного административного руководства, выработанные теократическими яванскими государствами, и — на этой основе — архаических идеалов крестьянства. Иначе говоря, здесь сохранились те особенности общинной жизни, которые активно препятствовали становлению классового самосознания крестьянства и проявлению в деревне классовых антагонизмов, те черты этой жизни, которые в свое время дали основание голландскому генерал-губернатору Явы заявить, что община является «палладиумом спокойствия» на острове и что «совершенно излишне вмешиваться в социальные институты и обычаи народа, среди которых институт руководства деревней занимает первое место» [цит. по: 24, 140].

Центральная яванская община в 50-е годы.

Влияние традиции

*на социально-экономические процессы
и общественное сознание крестьянства*

К середине XX в. деревня-деса или разросшаяся деса — деревенский комплекс (пять — восемь близлежащих деревень) представляли собой низшее звено административного деления — келурахан и имели общую администрацию. После второй мировой войны в аграрной структуре Явы произошли значи-

тельные сдвиги. Различные аспекты этих сдвигов, основные тенденции в разложении яванского крестьянства в послевоенные годы освещены в нашей литературе [7; 6]. Не останавливаясь на этих вопросах, мы лишь отметим, что региональные «перепады» в уровне социально-экономического развития наблюдались и в данный период.

В тех частях острова, где община была по существу уже разрушена (Западная Ява, Мадииун, Рембанг и другие районы Центральной Явы, прибрежная северная часть Восточной Явы), получили дальнейшее развитие процессы разложения крестьянства, концентрации земли и т. п. Именно на этих территориях наиболее интенсивно размывались традиционные общинные связи, общинная администрация перестала быть объектом почитания.

Что же касается традиционных районов Явы, то здесь перестройка происходила более медленно. Определенную роль в преобразовании деревни были призваны сыграть такие акты правительства, как ликвидация султанатов (первоначально с передачей земельных прав общинам, а с 1956 г. — крестьянам), меры по демократизации деревенских органов власти и др.

Материалы обследований первой половины 50-х годов по южной части Центральной Явы (деревня Челапар) [35; 36] и западу Восточной Явы (деревенский комплекс Тамансари в местности Моджокуто³) [32] позволяют нам получить общее представление об этапе, на котором находилось общинное крестьянство в этот период, причем речь пойдет о тех территориях Центральной и Восточной Явы, которые хотя и не входили в состав султанатов, однако находились в относительной близости от старых центров яванских теократических государств.

В яванской общине обычно выделялись четыре социальные группы: 1) управленческая верхушка общины, т. е. лурах, члены общинного совета, религиозная верхушка; 2) полноправные общинники с правом на надел общинной земли, имеющие приусадебный участок и жилище, — гоголы⁴; 3) сетенгах-гогол (полугоголы) — лица, имеющие лишь приусадебный участок и жилище; 4) менумпанг («живущие у других») — жители деревни, не имеющие ни земельного участка, ни жилища — наиболее социально приниженная группа сельского населения⁵ [15, 65—66; см. также 30, 12]. Материалы используемых нами обследований не позволяют всесторонне раскрыть социальный статус и экономическое положение всех четырех указанных групп, но

³ Оба названия условны.

⁴ Мы приводим здесь наиболее распространенные в исследуемом районе названия полноправных общинников и других категорий населения.

⁵ Исторически между полноправными общинниками и другими жителями деревни не было непреодолимой грани. Сетенгах-гоголы, а в особенности менумпанг, как правило, были новопришельцами и обычно через несколько лет после поселения в деревне, а также при появлении свободной доли наделались общинной землей [см. 15, 66].

дают возможность осветить место и эволюцию двух из них: общинной верхушки и полноправных общинников.

В общинную администрацию деревни входило обычно 12—20 человек. Возглавлял ее лурах. Подавляющее большинство его штата⁶ назначалось им самим. Этот штат не получал никакого вознаграждения от правительства. Главным источником его существования были служебные наделы общинной земли и традиционные подношения, отчисления, услуги жителей [35, 93—94; 36, 273]. Служебный надел достигал значительных размеров. Так, в Тамансари полноправные общинники наделялись из общинного фонда участками размером от 0,6 до 2,5 акра, а служебный участок лураха составлял 20 акров, его помощника-секретаря — 12 акров, прочих членов администрации — от 4 до 6 акров. Соотношение между усредненными земельными наделами члена администрации, частного землевладельца и крестьянина, наделенного из общинного фонда, выражалось пропорцией 4:1,6:1 [см. 32, 16, 310, 317]⁷.

Р. М. Кунчаранинград перечисляет следующие традиционные подношения и услуги жителей администрации — положоро: выплата определенного количества риса в год, подношение пиши в знак поздравления, отчисление в пользу администрации небольшого процента от сделки по поводу покупки, продажи, займа, заклада, плата лураху в случае экзогамной свадьбы и ухода невесты из деревни, работа в домохозяйствах представителей деревенской администрации в течение определенного времени [36, 273].

Обследования выявили существование в деревне — помимо указанных выше разрядов — несколько иной, более архаической по происхождению социальной градации: так, в Челапаре четко выделялась наследственная элита — кентол; ее образовывала большая родственная группа, считавшая своим предком местного «святого» — Панембахана [36, 269—270]. Сохранялось здесь и иерархическое деление жителей, основанное на времени поселения в деревне, на потомков первопоселенцев и новопришельцев. В деревне существовал ряд внешних проявлений высокого социального статуса представителей кентол, в том числе размер и «стиль» дома, почетные места на праздниках и церемониях, «высокий» язык при обращении рядовых жи-

⁶ Помимо лураха, деревенскую администрацию, например в Челапаре, составляли: два выборных помощника главы деревни, один писарь-секретарь, два казначея, два религиозных распорядителя, четыре «военных руководителя», четыре глашатая или гонца [36, 273].

⁷ Как отмечает Р. Джей, обследовавший Тамансари, вскоре после победы революции 1945 г. под давлением левых сил часть служебных земель была передана в фонд общины и распределена между сетенгах-гоголами, причем по отношению к этим землям был снова введен принцип переделов. В некоторых деревнях каждый сетенгах-гогол получал участок лишь раз в три—четыре года, в других — ежегодно, однако участки были чрезвычайно малы [32, 316—317].

телей к представителям этой наследственной элиты [36, 248, 270; 35, 107—108]⁸.

В деревенскую элиту входили также представители специфических традиционных «профессий», обладавших большим престижем. Среди них были гуру — наставник, знаток традиционного яванского учения; даланг — кукловод театра кукол — ваянга; дукун — шаман, знахарь.

Возможность стать лурахом или членом деревенской администрации прямо зависела от принадлежности к кентол. Наследование должности лураха его близкими родственниками, необходимость «знатного происхождения» были характерны и для Челапара, и для Тамансари [35, 94; 32, 17]. Староста избирался, как правило, пожизненно и при уходе в отставку назначал одного-двух кандидатов [35, 94]. Престиж лураха нередко увеличивался за счет представлений о чудодейственном характере его власти. Так, в Челапаре широкие полномочия и власть лураха вытекали из его роли главного охранителя могилы Панембахана. Здесь лурах был одновременно и дукуном — занимался знахарством и магией [36, 272]. В Тамансари административные лица являлись *ex officio* врачами-дукунами [32, 275, 295—297].

Нередко при общинном совете имелся совет старейшин, игравший, как правило, роль консультативного органа; его составляли знатоки адата [36, 273—274].

Основное ядро деревни исследуемых районов составляли полноправные общинники — гоголы, имеющие право на участие в выборах лураха, в решении общинных дел. В Тамансари число безземельных не превышало трети числа всех домохозяев; в Челапаре их также было меньше, чем обладающих наделами [32, 16; 36, 250]. Нередко несколько семей (например, семьи женатых братьев) совместно пользовались унаследованной землей (каждая своей долей), но лишь один из братьев имел официальный документ, удостоверяющий право собственности на всю землю; именно он был полноправным общинником [35, 106; см. также 36, 250—251; 32, 441].

Малая (парная) семья-домохозяйство являлась низшей хозяйственной единицей и основной признаваемой сельским обществом социальной ячейкой [35, 102; 32, 53—55]. Согласно традиционным нормам, малая семья должна была быть «насколько возможно экономически независимой и выполнять свои социальные обязательства» [32, 55]. Хозяйственная независимость понималась как самостоятельный труд на собственном (личном), общесемейном или общинном участке; выполнение социальных обязательств предполагало участие в коллективных

⁸ В яванском языке существует несколько стилей (до семи), которые служат для выражения социально-статусных различий при общении. Два основных из них: нгоко — низкий и кромо — высокий [см.: 35, 107—108; 32, 241].

работах, различных формах трудовой кооперации, бытовой взаимопомощи, общедеревенских и соседских ритуалах.

Трудовые социальные обязательства крестьян перед общиной были достаточно велики. Они включали работу на служебных наделах администрации, ряд бесплатных работ на территории деревни (очистку ирригационных каналов, ремонт и строительство дорог, мест общественного пользования, участие в экстренных работах), ночное дежурство в деревне (к последнему привлекались все лица, имеющие в ней дом, а к экстренным работам — сетенгах-гоголы) [32, 320—321].

Трудовая кооперация играла огромную роль в хозяйственной (и не только хозяйственной) жизни деревни. В десе существовали стихийно складывавшиеся группы трудовой взаимопомощи, практиковалось создание совместных запасов риса, иногда — совместная продажа продукции [см. 36, 275—276]. Р. Джеем описано множество традиционных форм безвозмездной помощи и строго учитываемого обмена трудовыми услугами, и среди них: реванг — «помощь кому-то» из близких родственников или соседей (безвозмездная); гентен — «обмен», трудовая помощь, подлежащая строгому учету (по количеству затраченного времени, измеряемого полуднем работы), в которой все участники выступают как равные; сайа — «все работают вместе» — помощь, оказываемая крестьянину в полевых работах или при строительстве дома [32, 250—252].

Выполнение соседских обязательств, часть которых носила императивный характер, имело не только хозяйственное значение, но и важный социальный смысл. В большинстве форм трудовой кооперации крестьяне выступали как равные по статусу. Получение приглашения на такую форму совместного труда, как сайа, было свидетельством общественного признания, а само участие являлось скорее почетным правом, нежели обязанностью; вознаграждение (небольшое количество пищи) не играло существенной роли [32, 227]. Наконец, этот «эгалитарный» аспект традиционных трудовых связей еще более усиливался за счет сламетана, с которого обычно начиналась коллективная работа и который сам по себе как бы утверждал значимость каждого присутствующего.

Каждая семья имела и ритуально-бытовые обязательства: раздача пищи во время семейных и религиозных праздников, участие в празднествах, проводимых соседями, и т. п. Престиж жителя деревни находился в зависимости от объема такого рода связей [32, 56].

Отношения между общинниками и администрацией несли на себе печать архаических норм. Этому содействовала и упорство администрации — и выполнение администрацией древнейших организаторско-ритуальных функций. Большое значение имело существование в деревне пундена, где проводились обще-

деревенские сламетаны, ритуалы, причем организаторами и руководителями большей части обрядов (за исключением чисто мусульманских) были члены деревенской администрации; некоторые обряды проводились в доме одного из них (как правило, старейшего) [32, 324—326, 339—340].

Не удивительно, что в обследованных районах сохранялось традиционное отношение к лураку как к «отцу деревни» [35, 94] и что почти в категориях родственных связей рассматривали сельские жители свое отношение к другим представителям администрации деревни: бедные крестьяне обращались к ним за займами (обычно рисом), которые возвращались без процентов, за другой помощью; со своей стороны крестьянин обычно делал подношения либо всем представителям администрации, либо тому лицу, которого он считал своим покровителем [32, 294—295].

Иногда помимо «вписанности» крестьян в систему внутридеревенских связей сохраняла свое значение и их принадлежность к крупным родственным междеревенским группам, сложившимся на базе культа основателя рода. Функцией этих групп был уход за могилой предка — основателя рода и организация соответствующих ритуалов [36, 262—263].

В то же время в деревне исследуемых районов довольно интенсивно прокладывала себе дорогу дифференциация нового типа, основанная на экономических факторах. Она также оказалась тесно переплетенной с традиционными формами социальных взаимоотношений, испытывала их большое давление. В деревне существовала прослойка зажиточных собственников частных земель, широко привлекавших к труду издольщиков. Распространение издольной аренды, труда за денежное вознаграждение нанесло удар старой системе общинных «прав и обязанностей»: зажиточные хозяева стали переносить ряд общинных повинностей (например, участие в охране деревни, в строительных и других работах) на зависимых от них лиц, издольщиков [32, 321—322].

Обладание землей, сельскохозяйственными орудиями, хранилищами было формой повышения социального престижа, однако само использование этих объектов находилось под сильным воздействием традиций. Усилению социальной значимости зажиточного общинника служили передача земли для обработки издольщикам, выдача займов (в виде риса и денег), инвентаря напрокат, а также предоставление приюта бедным родственникам и другим лицам [32, 287].

Давление традиционных престижных ориентаций явно прослеживалось в негативном отношении крестьянства к «зависимому» труду — найму. Некоторыми видами труда, которые по традиции рассматривались как снижающие социальный статус, крестьяне старались «взаимно обмениваться». Крестьянин, выступая в роли «работодателя», старался предоставить возмож-

ность подработать в первую очередь тем из родственников и соседей, кто сам оказал ему такую «услугу», чтобы «компенсировать» возникающие отношения неравенства [32, 264, 322]. В Тамансари к этой форме «обмена» прибегало, по подсчетам Р. Джея, около $\frac{4}{5}$ домохозяйств деревни [32, 253].

Однако многие крестьяне были вынуждены более или менее постоянно наниматься к зажиточным землевладельцам в качестве издольщиков, батраков, поденщиков. В результате уже на экономической основе возникала система «вертикальных» связей: между землевладельцем и малоземельным крестьянином обычно устанавливались отношения «патрона» и «клиента». Арендатор-издольщик в обмен на материальную поддержку патрона должен был выражать ему подчеркнутое уважение, выполнять любое поручение, что расценивалось деревенским обществом как явно унижительная ситуация [32, 254, 264].

В условиях острой нехватки земли арендатор-издольщик обычно был максимально заинтересован в прочности связи с патроном и должен был быть хорошим клиентом. Из категории «независимых» крестьян он окончательно переходил в категорию «зависимых». Возникшая иерархия немедленно отражалась в формах языкового общения: если наниматель сам никогда не нанимался на работы, то он отдавал распоряжения в форме не просьбы, а прямого приказа [32, 253, 255].

«Зависимые» крестьяне обычно группировались вокруг лиц, выступающих патронами. Нередко патронами — покровителями по отношению к определенным семьям крестьян — были представители администрации, в особенности наиболее состоятельные из них. В Тамансари патронами выступали в основном два лица: лурах деревенского комплекса и самый зажиточный домохозяин [32, 266].

В одних районах, например в Тамансари, деление на «зависимых» и «независимых» было «нежестким», «обратимым» и не осознавалось самим крестьянством [см. 32, 266, 286]. В Челапаре процесс социально-экономической дифференциации принял более четкие формы; здесь среди полноправных общинников (они носили в этой деревне название «кули») различалось несколько разрядов — в соответствии с размером землевладения и вообще благосостоянием: от кули кендо (слабый кули) до кули пенгареп (ведущий, лидирующий кули). Исследования по другим районам Явы показывают, что такое деление могло стать «жестким», «необратимым», уподобиться кастовому [см. 23, 348—349].

Как правило, богатые жители деревни в сознании крестьянства идентифицировались с кентол и деревенской администрацией⁹, и крестьяне переносили на них свои традиционные пред-

⁹ Еще до завоевания независимости по всей Яве наблюдалась тенденция к слиянию нового слоя деревенских богачей с традиционной элитой деревни [30, 13].

ставления о нормах взаимоотношений. Отношения между богатыми и бедными трактовались в категориях отношений патрона и клиента и внешне оформлялись как отношения старшего родственника к младшему [32, 230, 254]. Таким образом, в распоряжение новой социально-экономической группы — частных сельских эксплуататоров — по наследству переходили наиболее мощные традиционные рычаги социального управления массой крестьянства.

Рассмотрим несколько подробнее некоторые особенности общественного сознания крестьянства в исследуемом районе Явы в 50-х годах. Прежде всего нужно отметить наличие в сознании общинников нескольких пластов — от наиболее архаических до современных, сосуществующих и определенным образом связанных друг с другом.

От самого древнего периода осталась вера в многочисленных добрых и злых духов и страх перед духами, приносящими несчастье. Сельские жители продолжали верить и в сверхъестественные способности шамана — дукуна, обращались к нему в случае болезни и по другим поводам [16, 464; 27, 16—25, 86—111]. Продолжала сохраняться вера в существование духа — покровителя деревни, в духов — основателей поселения. Пунден считался необходимой принадлежностью деревни, сохранял значение святыни, он был и местом общедеревенских ритуалов и объектом паломничества отсталого крестьянства. О сохранении архаических верований свидетельствовали пережитки ритуального отношения к рису и его производству, обряд «очищения деревни», наконец, высокий престиж не только элиты-кентол, но и кукловода-даланга, связанного, согласно традиционным представлениям, с духами [32, 9—10, 50, 323—326, 339—340; 27, 26, 81—82, 268—269].

В то же время значительная часть архаических представлений уже была тесно переплетена с теми социальными понятиями, которые формировались в общине на основе ее социального опыта и под административным и идеологическим воздействием государства. От этапа активного воздействия теократических государств на общину осталось четко оформленное и глубоко укоренившееся в сознании крестьянства представление об иерархии, о магическом характере власти и пулунге как ее неизменном атрибуте и гаранте порядка и процветания. Показательно, что представители кентол считали, что помимо лураха пулунгом может обладать только верховный правитель страны, у которого этот пулунг значительно больше по размеру; согласно тому же представлению, в начале 50-х годов пулунг бывших князей-правителей находился у президента Индонезии [27, 26].

Крестьянство по-прежнему смотрело на город «снизу вверх» [32, 278; см. также 42, 9]. Это проявлялось в отношении ко всем представителям власти вообще и центральной — в особен-

ности: крестьянство продолжало видеть в них носителей «высших ценностей».

Особенно большое значение для формирования общественных представлений крестьянства имела кооперация труда. Многовековой опыт соседских связей, коллективных работ стал основой для выработки традиционно-коллективистской системы ценностей, в центре которой стояли такие категории, как «равенство», «взаимопомощь», «сотрудничество». Традиционный характер этих древнейших категорий заключался и в их императивности, и в том, что они прилагались лишь к данной, ограниченной общности и не имели для крестьян универсального значения. Эти ценностные ориентации были зафиксированы, законсервированы в стереотипах соседских отношений. Вежливое, предупредительное отношение к соседям было законом для крестьянина [35, 113; 36, 261]. Общественное мнение осуждало всякое нарушение традиционного этикета [см. 32, 91, 200, 203—204]. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, что соседские отношения, будучи связаны с социальным признанием человека общиной, превратились в мощный регулятор общественного поведения индивида [32, 235; 35, 94; 27, 14].

Большую роль в закреплении этих ценностных ориентаций крестьянства играл упоминавшийся выше сламетан, «символизирующий и периодически упражняющий», по выражению Х. Гирц, «одну из наиболее глубоко чувствуемых ценностей яванцев — полную взаимную поддержку и гармонию между соседями» [28, 44]. Именно в сламетане наглядно отразилось тесное переплетение различных по происхождению ценностных ориентаций: сами сельские жители осознавали этот обряд и как подтверждение нежелания «отколоться от других» (т. е. конформизма), и как средство защиты от духов [27, 14]. Одновременно сламетан стал и формой проявления социального неравенства, ибо значимость обряда повышалась присутствием «значительных» лиц.

Завоевание независимости, оживление общественно-политической жизни в стране, и особенно в городах, укрепление контактов с городом, несомненно, чрезвычайно усилили проникновение в деревню новых веяний, которые расшатывали традиционную структуру общинных связей и активно воздействовали на сознание крестьянства. «Исключительные» случаи и ситуации, отмеченные при полевом обследовании в Моджокуто в 1953—1954 гг., объективно свидетельствовали о том, что сдвиги начали затрагивать и саму социальную психологию крестьянства. Так, встречались факты нарушения традиционного этикета (например, отказ от участия в сламетане, отступление от строго регламентированных отношений между родителями и детьми), правда, как редчайшее исключение, вызывающее осуждение всей деревни [32, 199]. Одним из признаков существенных сдвигов были случаи поддержания длительного тесного

знакомства между отдельными жителями деревни — в отступление от требования традиции, осуждающей формирование «групп» [32, 91, 200, 205]. Еще более показателен случай пренебрежения традиционным представлением об униженности «зависимого» труда: так, достаточно состоятельный хозяин, привлекавший в свое хозяйство поденных рабочих, не гнушался наниматься издольщиком к местным зажиточным хозяевам; экономическая выгода здесь оказывалась сильнее давления традиции [32, 265].

Однако это были исключения. Громадный груз традиционных ориентаций — наследие различных эпох — в целом продолжал существовать. Различные по происхождению и социальной направленности ценностные ориентации, взаимодействуя на протяжении веков и накладываясь на повседневную жизнь общины, сформировали представления крестьянства о самом себе, деревне, нормах общественного поведения, в значительной степени продержавшиеся до середины XX в. Жители деревни сохраняли своего рода *esprit de corps* (чувство принадлежности к «единой семье») [31, 219; 37, ч. II, 109]; обязанности, налагаемые этим обстоятельством, должны были строго соблюдаться, а преступление, совершенное в рамках деревни, жестоко наказывалось [32, 292—293; см. также 35, 113; 37, ч. I, 97—98, 100—102]. Соответственно, единогласие, взаимное уважение, отсутствие публичных споров являлось традиционным идеалом в решении общих дел [36, 274; 30, 39]. Для осуществления этого идеала община выработала принципы решения общих вопросов на собрании общинников, укрепляющие солидарность деревни: мушаварах — обдуманное высказывание мнения каждым из присутствующих и муфакат — единодушное решение, вытекающее из обмена мнениями и являющееся компромиссом между всеми высказанными точками зрения, причем все участники считались равно ответственными за решение [39, 13].

Важная предпосылка для выработки крестьянством классовой позиции — представление о наличии в обществе социально-экономических групп с различными, противоположными интересами, вытекающими из их экономического положения; оно сменяет архаическое представление об обществе как единой семье. Такое понимание общественного процесса в свою очередь предполагает четкое осознание значимости экономических факторов в жизни сельского общества, отражение в сознании крестьянства значимости богатства, денег самих по себе. Деньги, «обесценивая» личные (в том числе «унаследованные») достоинства человека, содействуют разрушению архаических ориентаций.

Однако материалы обследований 50-х годов свидетельствуют о преимущественно традиционном отношении к денежному богатству в рассматриваемых районах: деньги лишь тогда повышали персональный ранг, когда они были потрачены на

оформление (или расширение) дома, празднества, ритуальную раздачу пищи [32, 269]. Новая социально-экономическая дифференциация сосуществовала и переплеталась здесь с архаическими социальными градациями и иногда в представлениях крестьянства оттеснялась на второй план. В Челапаре, где сохранилось еще архаическое деление общинников на «низшую» и «вышую» категорию в зависимости от того, были ли они потомками новопришельцев или коренных жителей, критерий такого деления иногда оказывался более важным, нежели богатство [36, 267]. С другой стороны, там, где в крестьянском сознании на протяжении веков культивировалось представление о равенстве всех общинников, это представление продолжало жить и тогда, когда равенство уже исчезло. В Тамансари, например, сельские жители не отдавали (или не хотели отдавать) себе отчета о существовании в деревне рангов, разрядов; «на высшем концептуальном уровне они склонны рассматривать свое сельское общество как единую недифференцированную социальную массу»; «они не хотели признавать... что их общество разделено на две социально неравные группы» [32, 282, 266]. Здесь иллюзорный идеал оказывался сильнее реальности.

Тот факт, что растущая социально-экономическая дифференциация еще не получила адекватного и, что особенно важно, современного по форме отражения в сознании крестьянства, способствовал сохранению видимости «мира и единодушия» на общественной арене деревни. По традиции равное право участвовать в решении общинных дел имели все гоголы и только гоголы. Хотя после революции это право было распространено законом на всех земледельцев деревни, реализация данного законодательства натолкнулась на противодействие устойчивой традиции: далеко не везде оно было проведено в жизнь, а в некоторых районах безземельные даже официально были лишены этого права [32, 320—321]. Традиционная форма собрания как публичной «демонстрации единства» сохранялась: в Челапаре, например, все разногласия устранились «за сценой» собрания, а на самом собрании лурах от своего имени объявлял окончательное решение [36, 274].

Однако и за традиционными формами равенства гоголов стояло уже новое содержание: голос (мнение) «зависимых», работающих по найму жителей деревни, терял свою значимость, и наоборот, лица, постоянно нанимающие работников, выступали «лидерами» при решении общедеревенских вопросов [см. 32, 286].

Показательна судьба в традиционных районах таких правительственных мер по административно-политическому переустройству деревни, как введение системы выборов помощников лураха, организация выборных деревенских «комитетов контроля», практика проведения регулярных митингов с обсуждением

политических вопросов. Все эти новшества здесь не прижились, в частности, и потому, что они были отступлением от традиций и угрожали нарушением привычной «гармонии» деревни [см. 44, 20—21; 31, 220, 226].

Указанная характеристика деревни не может дать полного представления о ситуации в сельской местности рассматриваемых районов. «Мир и гармония» в рамках самого поселения не исключали возможности враждебных отношений *между* поселениями, деревнями, связанных иногда с многолетними конфликтами, а порой и традицией кровной мести. Особенно часты были конфликты между поселениями с различной религиозно-политической ориентацией: традиционно-яванской («синкретической») либо ортодоксально-мусульманской. Как отмечают исследователи, в поселениях мусульман-сантри процесс разложения традиционных общинных институтов и связей зашел значительно дальше. Нередко поселения различной ориентации входили в состав одного деревенского комплекса (так было, например, в Тамансари), что не исключало враждебных отношений между жителями. Естественными лидерами в столкновениях выступали старейшие семьи-роды, формировавшие элиту [32, 17, 18; 31, 218, 227].

Традиционная установка на сплоченность общины, традиционный тип лидерства, идеал «единства, гармонии и порядка» ставили значительные препятствия на пути распространения в крестьянстве современных форм общественного сознания и идеологии. Особенно неподготовленным было крестьянство к восприятию идей общественной борьбы и осознанию классовых антагонизмов в рамках самой деревни.

*Некоторые аспекты
государственной политики в деревне
в 50-х — начале 60-х годов
и традиционное крестьянство*

Государственная политика уже в первое десятилетие независимости включала попытки экономического и административно-политического переустройства деревни, а со второй половины 50-х годов — с началом становления системы «направляемой демократии» — и широкое идеологическое наступление на крестьянство.

Политика индонезийского правительства в сфере аграрных отношений в немалой степени вдохновлялась идеями архаического социализма. Это был курс на укрепление традиционных коллективистских форм в экономической, социальной и административной жизни деревни. Такой курс, равно как и сама «национальная идеология» Сукарно, мог возникнуть лишь в условиях распространения среди значительной части общества,

и прежде всего среди крестьян, традиционных форм общественного сознания. С колониальных времен крестьянство воспринимало власть чужеземцев-голландцев как нарушение лучших, исконно яванских или исконно мусульманских традиций. Завоевание независимости не могло не оживить — вместе с вековыми мечтами крестьянства о лучшей жизни — средневековые представления о приходе мессии, возвращении к идеализированному прошлому, к «золотому веку». Лидер освободительного движения в Индонезии Сукарно стал в глазах крестьян и персонафикатором победы над колонизаторами и «духовным отцом нации», имеющим несомненное «благословение свыше» [11, 157; 13, 32]. Такое отношение крестьянских масс явилось питательной средой для возрождения в идеологии и политике правящих кругов традиционализма — уже на новой основе и в новом оформлении.

В доктрине «индонезийского социализма», разработанной Сукарно, в обновленном (либо неизменном) виде присутствовали многие из тех традиционных социальных представлений, ценностей и идеалов, которые были частью официальной идеологии средневековых яванских государств¹⁰. Эти ценности и идеалы — гармония и порядок как основа общества; сотрудничество и взаимопомощь как универсальный и идеальный тип социальных связей (причем эта взаимопомощь в масштабах общества трактовалась как покровительство «верхов» — правительства и добровольное подчинение «низов» — народа, т. е. прежде всего крестьянства); наконец, единство и сплоченность нации как ее идеал. Отсюда отрицалось наличие в обществе антагонистических классов, признавались лишь различные слои, политические течения, «функциональные группы», которые должны были сотрудничать и согласовывать свои действия исходя из идеалов «единства и гармонии» [см. 11, 17, 31].

В аграрной сфере естественным выражением государственной политики была опора на старые традиции деса, на общинные институты. Об этом свидетельствовало создание трех правительственных учреждений, работавших в деревне: Департамента общинного воспитания (Джаватан пендидикан машаракат — ДПМ), Социального института деса (Лембага сосиал деса — ЛСД) и Деревенского общинного развития (Пенбангунан машаракат деса — ПМД) [44, 4]. ДПМ в своей многоплановой деятельности (кампания по ликвидации неграмотности, курсы подготовки лидеров общин и др.) исходил из стремления «сохранить мир» в деревне. Еще ярче эта установка проявлялась в деятельности ЛСД, целью которого было создание и стимулирование климата «социального взаимопонимания, со-

¹⁰ Особенности «национальной идеологии» Сукарно, ее тесная связь с традиционными яванскими ценностями и вытекающий из этого «социально-психологический эффект» подробно раскрыты в работе А. И. Ионовой [13, 30—32].

знательности, ответственности», направленных на обеспечение «социального благосостояния в деревенском обществе», на достижение «социально-психологического удовлетворения жизнью» среди крестьянства [44, 5, 7—9].

Такой курс для Явы середины XX в., взятой в целом, был уже анахронизмом: общинная земельная собственность повсеместно уже не существовала, социально-экономическая дифференциация крестьянства получила значительное развитие, традиционные институты функционирования деревни были размыты. Однако на некоторых территориях (а именно в исследуемых нами районах) этот правительственный курс встретил, по видимому, достаточно благоприятную почву. К такому выводу подводят материалы, опубликованные Селосумарджаном, посетившим летом 1962 г. некоторые близлежащие деревни Центральной и Западной Явы (районы Баньюмаса и Пангандарана) [см. 44, 1].

Материалы обследования обнаруживают существование в деревне жесткой административной структуры, включавшей четыре иерархически связанных звена: низшее звено — рукун тетангга — объединяло 10—25 глав семей и имело своего председателя; следующими звеньями были рукун кампунг (4—5 рукун тетангга), грумбул (2—3 рукун кампунга) и, наконец, деса (5—6 грумбулов) [44, 14]. Лурах являлся единственным избираемым лицом общедеревенской администрации (во всех десяти деревнях Баньюмаса лурахи были прямыми потомками либо ближайшими родственниками предшествующих лурахов), он сам назначал своих двух помощников и управляющих во все грумбулы деревни [44, 20—21].

Конкретная деятельность трех перечисленных правительственных организаций укрепляла традиционные формы взаимопомощи, практику бесплатных коллективных работ и безвозмездной отдачи продуктов питания. Так, ЛСД стимулировал коллективную ответственность каждого рукун тетангга за благополучие всех его членов. Многие рукун тетангга имели общий запас риса: он создавался за счет небольших еженедельных квот, поступающих от каждой семьи. В некоторых случаях местная ячейка ЛСД становилась владельцем небольшого земельного участка (предоставленного зажиточными крестьянами), который сдавался на условиях издольщины; ЛСД выступал также инициатором бесплатной кооперации труда для строительства жилищ пострадавшим от бедствий крестьянам. По замыслу деятельность ЛСД должна была разворачиваться по неформальным, неадминистративным каналам, однако фактически в ряде случаев «функционерами» ЛСД в низших звеньях деревенской структуры становились представители административной власти — председатели рукун тетангга и рукун кампунга [44, 26].

Важную роль в реализации государственной политики иг-

рала деятельность ПМД по организации кооперативов, направленная в ряде случаев на укрепление общинных традиций в сфере производства, строительства инфраструктуры, жилых домов и т. п. [5, 105—109]. Как отмечают исследователи, большая часть кооперативов в традиционных деревнях представляла собой реорганизованные в соответствии с правительственными инструкциями старые группы взаимопомощи, совместной заготовки запасов риса, совместной продажи продукции и закупки необходимых крестьянам товаров и т. п. [см. 36, 275—276; 44, 20, 27; 32, 275—276]. Результатом кооперативной политики здесь было превращение в звено административного механизма неформальных традиционных отношений, приобретающих отныне обязательный характер и подлежащих контролю со стороны луха.

В описанном Селосумарджаном случае (деревня Боджонг), вскоре после того как кооператив санкционировало правительство (члены бюро кооператива были назначены лухах), вся деревня была превращена в кооператив, а затем само содержание деревенской администрации также стало функцией кооператива, причем натуральная форма отчислений была заменена денежной [44, 27—30]. И эта ситуация, по-видимому, не составляла исключения: в работах советских аграрников по Индонезии отмечалось, что нередко все жители деревни автоматически зачислялись в кооператив, причем устанавливался высокий взнос, а неплательщикам угрожало уголовное наказание [5, 114—115].

Нам особенно важно здесь подчеркнуть, что традиционные формы социального контроля начинали автоматически «обслуживать» новые институты и даже становились более жесткими. Как отмечает Селосумарджан, социальный контроль, осуществлявшийся через соседские связи, сохранял свою исключительную роль; «социальные санкции» были усилены «через организацию рукун тетангга и деревенскую администрацию». Любой член кооператива, не выполняющий своих обязательств, считался «нарушителем социальных норм и нежелательным членом общества». В результате ни один из них не осмелился «вызвать возмущение общества отступлением от правил как кооператива, так и ЛСД» [44, 29].

Автор обследования пришел к выводу, что правительственная политика и связанные с ее реализацией институты объективно усилили «командную позицию» главы деревни [44, 21, 20].

Таким образом, специфика сложившейся в традиционных районах Явы ситуации заключалась в том, что представителем государственной власти и государственной политики в 50-е годы и в начале 60-х годов стал авторитетный носитель традиционного начала деревни. Это обстоятельство имело следствием двойственный эффект: с одной стороны, в указанных райо-

нах наблюдалось известное возрождение — уже на новой, государственно-административной основе — традиционных форм социальных связей, усиление традиционно главенствующих социальных групп деревни, определенный рост авторитарной власти лухах; с другой, как отмечает Селосумарджан, сама традиционная приверженность местным выдающимся фигурам определила успех государственных планов общинного развития [44, 13].

По-видимому, в тех районах Явы, которые оказались благоприятной почвой для традиционно ориентированной правительственной политики, следствием ее было усиление конформизма крестьянства — как результат и стихийного, и сознательного, и насильственного подчинения традиции; это означало шаг назад на пути выделения индивида из общины, на пути освобождения его из духовного плена традиционного общества, на пути становления его независимой классовой самоориентации в общественной жизни.

Значительный «отрицательный потенциал» многих аспектов правительственной политики делал особенно важной работу в деревне прогрессивных политических организаций. Политика компартии была направлена прежде всего на завоевание беднейшего крестьянства. Наиболее благоприятную почву коммунисты могли найти в тех сельских районах, где процесс выделения бедного крестьянства как особого социально-экономического слоя получил значительное развитие. Известно, что коммунисты имели большое влияние в таком районе Центральной Явы с разложившимися общинными связями, как Мадун. В то же время некоторые данные свидетельствуют о том, что нередко и деревни традиционных районов оказывали компартии поддержку. На Центральной и Восточной Яве большим влиянием пользовались такие поддерживающие компартию массовые организации, как Барисан тани Индонезиа (Крестьянский фронт Индонезии), женская организация Гервани. Само привлечение крестьянства к общенациональным проблемам, расширение его политического горизонта имело огромное значение. Работа некоторых организаций (например, Гервани) была направлена на отмену многих архаических обычаев деревни, обязующих крестьян делать существенные, иногда непосильные затраты на непродовольственные цели [см. 32, 445—446].

Объективно деятельность компартии в традиционной деревне 50-х годов несомненно стимулировала политическую активность беднейшего крестьянства, в какой-то мере ломала традиционную систему социальных ценностей, в центре которой стояли «гармония и порядок». Для этого периода было характерно некоторое ослабление традиционного единства деревни в результате активной деятельности различных соперничающих политических партий (это соперничество достигло определенной кульминации во время выборов в муниципальные и провинци-

альные советы 1957 г.), что, в свою очередь, вело к ослаблению роли деревенской администрации [44, 38].

Рубеж 50—60-х годов оказался в определенной степени переломным в общественной жизни исследуемых районов. Изменение курса Сукарно в 1959 г., требование сотрудничества всех политических партий оказали пагубное воздействие на пробуждающуюся политическую активность крестьянства традиционных районов¹¹. Выдвижение Сукарно лозунга НАСАКОМ (союза националистов, мусульман и коммунистов) в условиях сохранения крестьянством этих районов многих доклассовых представлений о нормах общественной жизни не могло не усилить традиционной сплоченности крестьянства вокруг местной администрации. А это автоматически ослабляло тенденцию к развертыванию радикальных форм борьбы бедного крестьянства за свои интересы.

Результатом правительственной социальной и идеологической политики в деревне было определенное упрочение на рубеже 50—60-х годов «социального мира» в сельской местности тех (возможно, немногих) районов, где общинные институты и традиционные нормы общественной жизни сохранили к этому времени свою силу. Показателен вывод, который сделал Селосумарджан: быстрые социальные изменения в деревне имели следствием лишь «минимум социальной дезорганизации» и почти не нанесли ущерба «связям между членами общин и их правящими элитами» [44, 13].

Таким образом, сама социально-политическая ситуация в стране в конце 50-х годов ставила определенные ограничения развертыванию классовой борьбы в деревне. Однако нас здесь интересуют и те «внутренние» факторы жизни традиционной деревни, которые даже в момент подъема крестьянского движения «работали» по существу против него. Крестьянские массы традиционных районов могли, по-видимому, воспринять некоторые социалистические идеи, интерпретируя их, однако, в соответствии со своими традиционными представлениями о коллективизме, социальном благе и т. п., связывая их в ряде случаев с архаическими верованиями. Некоторые исследователи отмечали, что собрания и митинги Пермай — организации бедняцких слоев деревни и города на Центральной Яве — в начале 50-х годов проходили в форме ритуалов — сламетанов, с использованием мистической символики, секретных паролей и т. п. [27, 113—118; 25, 39].

Очень показателен тот факт, что работа различных органи-

¹¹ После упрощения Сукарно партийной системы в 1959 г., писал Селосумарджан, опираясь на материалы своего обследования, политические лидеры на местах уже не организовывали публичных акций «из-за отсутствия инструкций от руководителей»; они теперь поддерживали «свой престижный социальный статус», сотрудничая с другими местными партийными лидерами в исполнительном бюро ПМД деревни [44, 38].

заций в деревне, в том числе находящихся под влиянием компартии, сопровождалась в традиционных районах Явы массовым вступлением крестьянства в эти организации. Это, однако, само по себе не означало вовлечения бедняцких слоев деревни в сознательную классовую борьбу. При традиционном типе лидерства, абсолютной руководящей роли деревенской администрации путь сельских масс в крестьянскую организацию был чрезвычайно прост: решающую роль играла позиция именно деревенского руководства и, следовательно, зажиточной верхушки, которая нередко и определяла вступление всей деревни в одну организацию, голосование за одного предложенного этой верхушкой кандидата¹².

Формирование на национальной арене крупнейших политических течений (алиран), различных по классовой направленности [см. 26, 37—38], оборачивалось в традиционных районах Явы — в силу затуханности здесь классовых антагонизмов — тем, что целые деревни примыкали к одному из этих течений, сохраняя свою внутреннюю структуру, монолитность и, следовательно, весь комплекс архаических норм и представлений.

Сохранение руководящей роли деревенской администрации в некоторых отрядах крестьянского движения неизбежно ослабляло их. Даже сокращение и уничтожение служебных наделов администрации могло принять специфические формы, например компенсироваться изъятием значительной доли крестьянской продукции [см. 44, 28].

Влияние КПИ на традиционное крестьянство могло распространяться и через религиозных лидеров, поскольку часть их активно поддерживала компартию. Престиж этих лиц был чрезвычайно высок. Необходимо отметить, что после победы революции на Яве вообще и Центральной Яве в особенности — в связи с определенным разрывом между чаяниями крестьянства и отсутствием существенных улучшений в его материальном положении — среди части сельских масс наблюдалось усиление мистических настроений, рост новых религиозных сект, тяготение к знахарям, гадалкам, «пророкам» [см. 30, 38]. Вокруг мистиков-пророков иногда формировались специфические массовые движения, в основном мирного, ненасильственного характера [33, 118—122]. Здесь объединение крестьян происходило на наиболее архаической основе — на вере в участие потусторонних сил в судьбах крестьянства, в исключительные, магические свойства отдельных личностей. Эти движения, несмотря на поддержку некоторыми из них КПИ, несомненно в наименьшей степени выражали классовую позицию крестьянства. Очевидно, что переориентация или арест лидера в таких случаях вели к краху всего движения [см. 33, 121].

¹² Не случайно в крестьянскую организацию Барисан тани Индонесиа входили представители эксплуататорских слоев, и даже помещики (факты относятся к середине 50-х годов) [см. 20, 294; см. также 6, 80].

По-видимому, крестьянство исследуемых традиционных районов Явы, примыкая в 50-е — начале 60-х годов к широкому общественному движению, возглавляемому КПИ, оставалось наименее сознательным в классовом отношении отрядом, и слабость этого звена сыграла свою роль в тех трагических событиях, которые развернулись в яванской деревне осенью 1965 г.

* * *

Итак, рассмотренный материал показывает, что сознание крестьянства в тех районах Индонезии, где вплоть до середины XX в. существовали устойчивые общинные институты, оставалось в исследуемый период по преимуществу сознанием традиционного типа. Питательной средой для воспроизводства этих форм сознания были: сохранение деревней фонда общих земель, практики коллективных работ в пользу деревни, трудовой кооперации крестьян; устойчивость традиционных институтов руководства деревней и норм их функционирования; архаическая практика проведения общедеревенских ритуалов под руководством общинной администрации. Важной чертой общественного сознания крестьянства был императивный характер традиционных стереотипов общественного поведения, выработанных общиной в далеком прошлом. Почти во всех сферах деревенской жизни и в крестьянском сознании тесно переплетались черты, унаследованные от архаической эпохи, эпохи «вписанности» общины в государство теократического типа, колониального периода, наконец связанные с новейшими социально-экономическими процессами. «Равнодействующей» этого переплетения было сохранение традиционного идеала «гармонии и порядка», подчинение крестьянства деревенской администрации и центральной власти. Социальная и идеологическая политика правительства в период «направляемой демократии» объективно не могла не усилить в исследуемых районах традиционные ориентации и политический конформизм сельских масс. Крестьянство традиционных районов было, по-видимому, наиболее слабым звеном в массовой базе индонезийской компартии в деревне.

Находящиеся в объекте нашего внимания тенденции прослежены в рамках сугубо традиционных районов Явы, и многие положения не могут быть без оговорок распространены на другие территории страны. Это обстоятельство не исключает, однако, того, что и в ряде других районов Индонезии и вообще Востока крестьянство в большей или меньшей степени пока еще сохраняет ценностные ориентации, стереотипы мышления и общественного поведения, восходящие к прошлым эпохам. Выявление конкретного характера этих ориентаций и стереотипов остается важной задачей научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». — Т. 45.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Т. 46, ч. I.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Т. 20.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21.
5. Александров Ю. Г. Политика Республики Индонезии в сельском хозяйстве. М., 1964.
6. Александров Ю. Г. Крестьянское движение в Индонезии. — «Крестьянское движение в странах Востока». М., 1967.
7. Александров Ю. Г. О социальной структуре яванской деревни. — «Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии». М., 1968.
8. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
9. Губер А. А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1932.
10. Дробницкий О. Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей. — «Проблема ценностей в философии». М.—Л., 1966.
11. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
12. Зибер Н. И. Община и государство в Нидерландской Индии. — Собрание сочинений, т. I, СПб., 1900.
13. Ионова А. И. Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии (60—70-е годы). — «Народы Азии и Африки». 1974, № 2.
14. Козлова М. Г., Седов Л. А., Тюрин В. А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии. — «Проблемы истории докапиталистических обществ». Кн. I. М., 1968.
15. Лалаянц Э. А. Разложение сельской общины яванцев (конец XIX — первая половина XX века). — «Страны и народы Востока. География, этнография, история». Вып. IV. М., 1965.
16. Маретина С. А. Традиционная духовная культура яванцев, сундов и мадурцев. — «Народы Юго-Восточной Азии». М., 1966.
17. Парникель Б. Б. К вопросу о корнях малайскоязычной словесности и ее месте в кругу литератур индонезийского архипелага (канд. дисс.). М., 1971.
18. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
19. Симония Н. А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964.
20. Сотников Ю. А. Сельское хозяйство и аграрный вопрос. — «Республика Индонезия. 1945—1960». М., 1961.
21. Сотников Ю. А. Колониальная политика Голландии и аграрные отношения в Индонезии (канд. дисс.). М., 1968.
22. Anderson B. R. O'G. The Idea of Power in Javanese Culture. — «Culture and Politics in Indonesia». Ithaca — London, 1972.
23. Dam H., ten. Cooperation and Social Structure in the Village of Chibodas. — «Indonesian Economics: The Concept of Dualism in Theory and Policy». The Hague, 1960.
24. Furnivall J. S. Netherlands India. A Study of Plural Economy. Cambridge, 1944.
25. Geertz C. I. Ritual and Social Change. A Javanese Example. — «American Anthropologist». 1957, vol. 59, № 1.
26. Geertz C. I. The Javanese Village. — «Zocal, Ethnic, and National Loyalties in Village Indonesia: A Symposium», Yale University. 1959.
27. Geertz C. I. Religions of Java. Glencoe, 1960.
28. Geertz H. Indonesian Cultures and Communities. — «Indonesia». New Haven, 1967.
29. Haar B., ter. Adat Law in Indonesia. New York, 1948.
30. Jaspan M. A. Social Stratification and Social Mobility in Indonesia. Jogjakarta, 1959.

31. Jay R. R. Local Government in Rural Central Java.— «Far Eastern Quarterly». 1956, vol. 15, № 2.
32. Jay R. R. Javanese Villagers: Social Relations in Rural Modjocuto. Cambridge, 1969.
33. Kartodirjo S. Agrarian Radicalism in Java: Its Setting and Development.— «Culture and Politics in Indonesia». Ithaca—London, 1972.
34. Kartodirjo S. Protest Movements in Rural Java. Oxford, 1973.
35. Koentjaraningrat R. M. The Javanese of South Central Java.— «Social Structure of South-East Asia». London, 1960.
36. Koentjaraningrat R. M. Thelapar: A Village in South Central Java.— «Villages in Indonesia». Ithaca—London, 1972.
37. Kroef J. M., van der. Indonesia in the Modern World. pts I—II. Bandung, 1956.
38. Leur C., van. Indonesian Trade and Society. Assay in Asian Social and Economic History, vol. 1. The Hague—Bandung, 1955.
39. Mintz J. S. Mohamed, Marx and Marhaen. London, 1965.
40. Moertono Soemasaid. State and Statecraft in Old Java: A Study of the Later Mataram Period. 16 to 19th Century. Ithaca, New York, 1968.
41. Mulherin B. The «Bekel» in Javanese History.— «Review of Indonesian and Malayan Affairs». 1970—1971, vol. 4/5.
42. Palmier L. H. Social Status and Power in Java, London, 1969.
43. Selosoemarjan. Social Changes in Jogjakarta. Ithaca, New York, 1962.
44. Selosoemarjan. The Dynamics of Community Development in Rural Central Java. Ithaca, New York, 1963.
45. Wertheim W. F. Indonesian Society in Transition. A Study of Social Change. Bandung, 1956.
46. Wertheim W. F. and The Siauwi Giap. Social Changes in Java, 1900—1940.— «Pacific Affairs». 1962, vol. XXXV, № 3.

РАЗДЕЛ II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Ю. Г. Александров

АГРАРНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ)

Одно из важнейших противоречий современного развития освободившихся стран состоит в сочетании низких темпов экономического роста с неполным использованием трудовых ресурсов. Последнее проявляется как в массовой полной или частичной безработице, так и в существовании не включенных в общественный трудовой процесс огромных резервов трудоспособного населения.

Поскольку основная часть населения развивающихся стран проживает в сельской местности и связана с земледелием, именно занятость сельского населения определяет общее положение с занятостью в этих странах, хотя проблема городской безработицы сама по себе весьма остра и имеет свои важные качественные особенности.

Выявление истинных масштабов неиспользуемых трудовых ресурсов в любой развивающейся стране представляет огромную трудность и пока может быть лишь приблизительным. Отчасти это связано с плохой постановкой в освободившихся странах статистической службы, включая даже регистрацию полностью безработных в городах. Но в гораздо большей степени данная трудность вытекает из незавершенности формирования единой по своим главным социально-экономическим характеристикам армии наемного труда на современном этапе формационного развития этих стран, характеризующемся многоукладностью их социально-экономической структуры.

Юго-Восточная Азия относится к числу регионов, в которых проблема занятости особенно остра. По данным на конец 60-х годов, полностью безработные составляли в общей численности рабочей силы 8,9% в Полуостровной (Западной) Малайзии (1968 г.), 6,7% на Филиппинах (1969 г.), 2,3% в Индонезии (1965 г.), 0,2% в Таиланде (1969 г.) [29, 49]. Процент заре-

гистрированных безработных обычно несколько выше в городах, чем в сельских местностях, особенно среди мужчин. Так, национальное обследование условий занятости, безработицы и неполной занятости, проведенное в апреле и сентябре 1962 г. в Полуостровной Малайзии (тогда еще Малайской Федерации), определило как полностью безработных в городе 5,2% мужской рабочей силы и 7,9% женской, а в сельской местности — соответственно 4,4 и 6,1% [27, 3]. На Филиппинах в 1956—1968 гг. полная безработица достигала в различные годы 5—10% общей численности рабочей силы. При этом городская безработица была на 1% выше среднего уровня по стране, а сельская — на 1% ниже [25, 28]. Подобная картина свидетельствует о лучшей организации регистрации безработных в городе по сравнению с деревней. Вместе с тем она отражает рост городской безработицы, в значительной степени вызываемый постоянной миграцией в города безработного сельского населения, ищущего любую, хотя бы случайную работу по найму.

Несмотря на несколько меньший процент безработицы в сельской местности по сравнению с городом, сельские жители формируют основную часть всей армии безработных вследствие значительного численного преобладания над городскими. Например, в Индонезии, по предварительным данным переписи населения 1971 г., сельские безработные составляли 66,7% общего числа полностью безработных в стране [23, 337].

Вследствие быстрого роста населения развивающихся стран, происходящего преимущественно в результате снижения детской смертности и, следовательно, за счет опережающих темпов прироста младших возрастных групп, самый высокий уровень безработицы наблюдается среди молодежи. Так, в индонезийской деревне лица в возрасте от 15 до 19 лет составляли 23,3% и от 20 до 24 лет — 18,1% всех сельских полностью безработных [23, 337].

Если данные даже о полной безработице среди сельского населения следует считать приблизительными и еще менее точными, чем данные о городской безработице, то к цифровым сведениям о частичной безработице в деревне надо подходить с особой осторожностью, ибо установление ее масштабов наиболее сложно. Господство в земледелии мелкого и мельчайшего индивидуального хозяйства предполагает огромное преобладание здесь скрытой формы безработицы, охватывающей значительную часть крестьян-земледельцев и сельскохозяйственных рабочих. Как подчеркивал К. Маркс, размер постоянного скрытого перенаселения в деревне «становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются исключительно широко», т. е. когда создаются благоприятные условия для перехода работников, выталкиваемых из земледелия, в ряды несельскохозяйственного пролетариата [1, 657].

Главное проявление скрытой безработицы в деревне разви-

вающих стран — неполная производительная занятость части трудоспособного сельскохозяйственного населения, выраженная в рабочем времени. Другие формы ее проявления — высокий удельный вес низкопроизводительных занятий, имеющих фактически характер мнимой занятости, а также частичная (в основном сезонная) безработица среди сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты, стремящейся к работе по найму.

Скрытая безработица среди сельскохозяйственного населения находит выражение и в новых чертах трудовых отношений в деревне. Выступая ранее, в докапиталистическом натуральном хозяйстве, в качестве объективно необходимой формы организации производственного процесса внутри деревенской общины, эти отношения имели характер обмена рабочей силой как потребительной стоимостью в рамках общинных натуральнообменных хозяйственных связей. Это принципиально отличало (и отличает поныне) трудовые отношения от отношений купли-продажи рабочей силы. В настоящее время, однако, использование чужого труда в мелком потребительском крестьянском хозяйстве все более явно отражает рост аграрного перенаселения.

Прежде всего, отчетливее выступает как массовое явление привлечение на сезонные работы в мелком хозяйстве дополнительной рабочей силы в количествах, все более превышающих оптимальные хозяйственные потребности. Во многом это обусловлено сохранением и поныне в пережиточных формах некоторых докапиталистических социальных институтов, призванных частично перераспределять доходы внутри сельской общины в сторону их известного уравнивания. Элементы подобных социальных отношений прослеживаются в таких, существующих и сейчас, формах коллективного труда, как, например, институт внутридеревенской взаимопомощи (готонг-ройонг в индонезийской деревне) или система натуральной оплаты в виде доли урожая сборщиков риса (байянихан на Филиппинах, бавон в Индонезии). В нынешних условиях пережитки этих отношений способствуют перераспределению части продукта, производимого в мелкокрестьянском секторе сельского хозяйства, в пользу растущей массы не полностью занятого сельского населения. Они содействуют превращению данного сектора в базу массового пауперизма и усиливают застойность аграрного перенаселения в целом.

Рост аграрного перенаселения ведет в земледельческом крестьянском хозяйстве также к сложному видоизменению соотношения между семейным и привлекаемым со стороны трудом. В крестьянском хозяйстве нарастает тенденция ко все большему выталкиванию на заработки собственного семейного труда, не находящего полного производительного применения в своем хозяйстве, и одновременно с этим (и вследствие этого) — к растущему привлечению чужого труда в периоды интенсивных по-

левых работ¹. Очевидно, что аграрное перенаселение в данном случае играет определяющую роль в понижении затрат на чужой труд в крестьянском хозяйстве.

Одно из крайних проявлений указанной тенденции — рост числа мелких крестьянских хозяйств, в которых почти весь доход от хозяйства уходит на арендную плату и погашение ростовщической задолженности, а средства к существованию добываются в основном путем заработков на стороне (преимущественно вне сферы капиталистического найма). Это особенно широко распространено в районах крупного землевладения ленд-лордов-абсентеистов и мелкой издольной крестьянской аренды на Филиппинах, но встречается часто и в других странах рассматриваемого региона [7, 119—120; 8, 129—132]. Будучи в целом выражением пауперизма и пролетаризации крестьянской массы, отмеченная тенденция отражает и рост аграрного перенаселения в той мере, в которой вытесняемая из индивидуального крестьянского производства рабочая сила не находит полного производительного применения ни в самом сельском хозяйстве, ни в других отраслях экономики.

Наиболее обширные данные о масштабах неполной занятости сельского населения в Юго-Восточной Азии имеются по Филиппинам. Подсчеты, в которых за нормальный уровень занятости принималась 40-часовая рабочая неделя, показали, что в 1956—1968 гг. частично безработные в стране составляли от 8,5 до 14,6% общей численности рабочей силы (а исходя из 50-часовой рабочей недели — от 11,5 до 16,7%). Более 60% из них приходилось на сельское хозяйство [25, 28—29]. По официальным данным, численность не полностью занятого сельского населения возросла за 1956/57—1963/64 гг. в 2 раза. В эти годы в результате неполной занятости 1032 тыс. человек в среднем за год терялось 129,6 млн. человеко-дней, в том числе 63,6% (82,5 млн. человеко-дней) — из-за неполной занятости 876,5 тыс. так называемых видимых полубезработных в деревне. К последним отнесены те, кто, не будучи полностью безработными, оказались учтенными в качестве лиц, ищущих дополнительную работу [8, 116].

В Полуостровной Малайзии, по данным национального обследования, проведенного в два этапа в 1962 г., количество отработанных часов на одного занятого в сельском хозяйстве было меньше, чем в других сферах экономики, составляя от 41 до 46 часов в неделю в различных его отраслях против 51 часа в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности и строительстве. При этом в сельской местности 5,6% занятых

¹ Как отмечает В. Г. Растянников, «рациональное содержание подобного процесса состоит в том, что совокупный доход от занятий за пределами хозяйства... в итоге оказывается выше, нежели сумма затрат на чужой труд, привлекаемый в хозяйство на периоды срочных потребностей земледелия в рабочей силе (или даже на более длительные периоды)» [17, 191].

мужчин и 10,5% женщин работали в среднем менее 25 часов в неделю (в городах эти показатели были равны соответственно 1,8 и 5,5%). По материалам выборочного обследования, проведенного в 1962—1963 гг. в двух рисоводческих районах страны, уровень занятости мужчин в среднем за год составлял 65% их общего наличного рабочего времени в хозяйствах, снимающих в год два урожая риса, и 67% в хозяйствах, совмещающих рисоводство с культивацией каучуконосов, а уровень занятости женщин — 43%. Особенно низкой была занятость в периоды между сезонами основных полевых работ [27, 3—4, 105].

В Индонезии, по оценкам Международной организации труда на конец 50-х годов, разница между фактическим предложением труда и использованным рабочим временем, исчисленными в человеко-часах, в сельском хозяйстве достигала 33%. Число частично безработных среди самодеятельного населения в стране, в основном в сельском хозяйстве, оценивалось в 12—14 млн. человек, что составляло около трети всей рабочей силы [16, 271, 273].

Картина занятости сельского населения будет далеко не достаточной, если наряду с полной безработицей и неполной занятостью самодеятельного населения, активно стремящегося к полной занятости, не учитывать такого резерва рабочей силы, как часть трудоспособного населения, которая не только прямо не участвует в общественном производстве, но и в данное время не ищет работы [10, 160]. Величина этого резерва, т. е. потенциальной рабочей силы, в развивающихся странах на современном историческом этапе огромна. Она во многом определяется нынешним состоянием и уровнем развития всей экономики развивающихся стран, ограничивающими включение в общественный производительный труд работников, вытесняемых из сферы мелкого крестьянского производства.

Проблема включения в активную армию труда потенциальной рабочей силы — это не просто проблема ускорения роста спроса на рабочую силу в различных отраслях экономики в ходе индустриализации, становления крупного диверсифицированного сельского хозяйства и интенсификации земледелия. Как отмечает Г. Мюрдаль, «лишь небольшую долю этой бездействующей рабочей силы можно привести в действие простым увеличением платежеспособного спроса на нее». Данное явление, подчеркивает он, в большой степени связано с теми климатическими, а главное, социальными условиями, которые «способствуют увековечиванию теперешнего низкого уровня использования труда». При таких обстоятельствах «те лица, которые не имеют работы, и те, которые заняты лишь какую-то часть рабочего времени или выполняют неэффективную работу, исключаются из фонда готовой к предложению рабочей силы по причинам, которые нельзя даже реалистически рассматривать как добровольные или недобровольные» [13, 261—262].

Как показали результаты упомянутого выше национального обследования условий занятости в Полуостровной Малайзии (1962 г.), немалая часть сельскохозяйственного населения в период обследования находилась «вне рабочей силы», т. е. не только не работала, но и не искала работы. В штатах Перлис и Кеда такие лица составляли 13,2% мужчин рабочих возрастов. Характерно, что из числа трудоспособных сельских жителей, работавших менее 25 часов в неделю, только половина мужчин и треть женщин выражали во время обследования желание иметь дополнительную работу [27, 3—4].

Институциональные и прочие не чисто экономические или полностью не экономические факторы играют при этом немаловажную роль, но, разумеется, не являются главной причиной удерживания потенциальной армии труда в развивающихся странах от включения в общественное производство. Нет сомнений, что основная причина заключается в условиях эволюции общественного производства в этих странах на современном этапе их развития.

Огромные масштабы, которые приняло аграрное перенаселение в развивающихся странах, привлекают к этому феномену пристальное внимание ученых. Многочисленные исследования советских экономистов содержат вывод, что возникновение и быстрый рост аграрного перенаселения в этих странах есть результат глубоких качественных сдвигов в характере их общественно-экономической эволюции, происшедших под воздействием их втягивания в мировую хозяйственную систему капитализма. При этом ускорилось разложение традиционной докапиталистической системы социально-экономических отношений, породившее тенденцию ее трансформации в направлении капитализма. Тем самым был приведен в действие объективный механизм, вызывающий возникновение и рост относительного перенаселения как явления, характерного для капиталистического способа производства. Имманентной частью общего процесса образования относительного перенаселения стал рост скрытого аграрного перенаселения — главного (в условиях аграрной экономики развивающихся стран) источника формирования резервной армии труда.

Аграрное перенаселение возникло во многих колониальных и зависимых странах в тот исторический период, когда глубокое вовлечение их в сферу империалистической эксплуатации дало толчок разложению докапиталистических способов производства, способствовало развертыванию процесса первоначального накопления и капиталистической эволюции аграрных отношений. В условиях империалистической эксплуатации разложение традиционных социально-экономических форм не сопровождалось адекватным развитием капитализма, что вызвало исключительно широкое распространение в деревне этих стран различных переходных форм хозяйства и производственных отно-

шений. Обнищание крестьянства под давлением империалистической, а также многочисленных докапиталистических (прежде всего рентной и торгово-ростовщической) форм эксплуатации усилилось именно в рамках данных переходных структур [см. 17, 9; 6, 96, 255; 10, 95]. При этом все большая часть сельских непосредственных производителей, утрачивавших средства производства, не могла найти себе полного производительного применения ни в сельском хозяйстве, ни вне его. Масса разоренных непосредственных производителей представляла собой главным образом продукт непролетарского обнищания и пополняла ряды пауперов, формируя «избыточное» население деревни. И это явление, эти процессы отмечаются и в нынешних освободившихся странах [18, 36—39].

Особые условия образования аграрного перенаселения в развивающихся странах порождают не только гораздо большую величину, но и гораздо более застойный характер его, чем это было присуще странам Запада на всех этапах их капиталистической эволюции [6, 147—148, 262; 18, 44—46]. Но, говоря об этих специфических чертах, следует подчеркнуть, как это делает, например, Л. А. Афанасьев, что «различие конкретных форм и условий возникновения аграрного перенаселения в экономически слабых и промышленно развитых странах не должно, однако, затемнять тождества социальной природы этого явления в тех и других странах» [6, 148].

Все же, на наш взгляд, требуется дальнейшее углубление и уточнение представлений о социально-экономической природе аграрного перенаселения в развивающихся странах. Это касается прежде всего аграрного перенаселения как одного из проявлений процесса образования относительно избыточного населения в ходе накопления капитала. Важное значение имеет также изучение взаимосвязи аграрного перенаселения с новыми демографическими тенденциями, возникшими в развивающихся странах на современном этапе их общественно-экономической эволюции, а именно — с резким возрастанием темпов прироста населения. На наличие такой связи уже указывалось в советской экономической литературе [см., например, 10, 96; 12, 209].

Необходимо четко разграничивать оба указанных выше аспекта (образование относительного аграрного перенаселения и влияние на занятость сельского населения демографических процессов). Важно учитывать, что в соответствии с теорией К. Маркса образование промышленной резервной армии труда в условиях капиталистического способа производства не зависит «от границ действительного прироста населения» [1, 646]².

² «Капиталистическому производству,— писал К. Маркс,— отнюдь недостаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, не зависимой от этой естественной границы» [1, 649].

Как отмечает, например, Я. Н. Гузеватый, «закон народонаселения Маркса не демографический, а экономический по своему содержанию, и он выясняет не особенности воспроизводства населения, а механику образования относительно избыточного населения в процессе накопления капитала» [10, 25].

Выяснение истинной природы аграрного перенаселения в развивающихся странах как экономической категории невозможно без четкого определения его связи со стадийным уровнем развития капиталистического способа производства в этих странах.

Согласно марксистской экономической теории, образование относительно избыточного населения при капиталистическом способе производства происходит в связи с повышением органического строения капитала. По мере того как капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством, «спрос на сельскохозяйственных рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в производстве неземледельческом, большим привлечением их». Часть сельских жителей поэтому постоянно пребывает в ожидании благоприятных условий для перехода в ряды неземледельческого пролетариата. Как подчеркивает Маркс, «этот источник относительного перенаселения течет постоянно. Однако его постоянное течение к городам предполагает в самой деревне постоянное скрытое перенаселение...» При этом чем больше резервная армия труда по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение. Это — одно из проявлений абсолютного, всеобщего закона капиталистического накопления [см. 1, 657, 659].

В процессе накопления капитала выявляется невозможность полного производительного применения труда как для сельскохозяйственного пролетариата, так и для мелких хозяев, разоряющихся в ходе экономической дифференциации по законам рыночной экономики. «Основная и главная тенденция капитализма, — подчеркивал В. И. Ленин, — состоит в вытеснении мелкого производства крупным, и в промышленности и в земледелии. Но это вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев» [5, 193]. При этом «масса сельских „хозяев“, имеющих такие ничтожные клочки земли, существовать с которых нельзя, которые представляют из себя лишь „подсобный промысел“, составляет в общем строе капитализма часть *резервной армии безработных*» [4, 332]. Будучи главным источником относительного аграрного перенаселения, такие крестьяне непосредственно формируют постоянную часть армии относительно излишних рабочих в той мере, в какой они лишены возможности регулярно производительно при-

менять свой труд вне личного хозяйства. Различные пережитки докапиталистических отношений придают пролетаризации крестьянства особо затяжной характер, способствуя тем самым росту постоянного аграрного перенаселения.

На ранних стадиях эволюции капиталистического способа производства органическое строение капитала в сельском хозяйстве повышается очень медленно, и поэтому его накоплению соответствует в общем пропорциональное возрастание спроса на рабочую силу. Всеобщий закон капиталистического накопления на этих стадиях действует в сельском хозяйстве лишь в ограниченных районах, где утверждаются передовые формы капиталистического хозяйства. Но уже на этих стадиях прогресс накопления капитала в масштабах экономической системы в целом наталкивается на «естественные границы доступного эксплоатации рабочего населения». Устранение этих границ возможно «только насильственными средствами», т. е. методами первоначального накопления капитала, основу которого составляет отделение производителя от средств производства, в первую очередь — экспроприация земли у сельскохозяйственных производителей [см. 1, 647, 727, 728].

Если при этом экспроприация крестьянства сопровождается равноценным ростом спроса на наемную рабочую силу, она не ведет еще к возникновению относительного аграрного перенаселения. Однако историческая практика стран Европы эпохи первоначального накопления показывает, что и на ранних стадиях капиталистической эволюции происходит превращение части сельских производителей в незанятых или неполностью занятых, т. е. в относительно излишнюю рабочую силу. Это происходит из имеющего место уже тогда известного отставания роста спроса на наемный труд от масштабов экспроприации непосредственных производителей³. Но свое подлинно массовое выражение относительное аграрное перенаселение в капиталистическом обществе получает, когда рост органического строения капитала в земледелии приводит к абсолютному уменьшению спроса на рабочую силу, в отличие от промышленности, где это уменьшение носит относительный характер.

Отмеченные закономерности, присущие капиталистическому способу производства, в специфических условиях развивающихся стран проявляются в значительно модифицированном виде. Это обусловлено тем, что на современном этапе исторического

³ «Люди, изгнанные вследствие роспуска феодальных дружин и оторванные от земли то и дело повторяющейся, насильственной экспроприацией, — этот поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появлялся на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг — частью из склонности, в большинстве же случаев под давлением обстоятельств», — писал К. Маркс [1, 744].

развития в данной группе стран существуют малопроизводительные докапиталистические уклады, охватывающие большинство их населения. Данные уклады находятся в состоянии постепенного разложения и включают в себе большое многообразие переходных типов хозяйства и социально-экономических отношений.

Все это придает весьма сложный характер взаимодействию стадияльно различных социально-экономических структур внутри развивающихся стран, обуславливая во многом специфическое проявление в них объективных закономерностей, которые имманентны тем или иным общественно-хозяйственным укладам, укрепляющимся или разлагающимся в процессе постепенного перехода от докапиталистических способов производства к капиталистическому.

На современном этапе развития освободившихся стран органическое строение капитала в земледелии растет весьма медленно. Лишь в отдельных районах некоторых стран ускорившееся повышение органического строения капитала в земледелии начало приводить в действие механизм абсолютного сокращения спроса на рабочую силу.

В то же время, однако, массовое вовлечение мелких сельских производителей в товарно-денежные отношения и формирование на этой основе мелкотоварного уклада создают объективные условия для образования относительно излишнего сельского населения в той степени, в какой постепенное «раскрестьянивание» деревни опережает рост спроса на рабочую силу в капиталистически развивающемся земледельческом хозяйстве и в промышленности. Это опережение, как правило, очень велико. Его масштабы определяются в значительной мере действием всего комплекса причин, на протяжении уже длительного времени препятствующих развитию тех несельскохозяйственных отраслей производства (прежде всего промышленности), в которых, в отличие от сельского хозяйства, относительное сокращение спроса на рабочую силу по мере накопления капитала сопровождается абсолютным возрастанием спроса на нее, хотя и в убывающей пропорции по сравнению с масштабами производства.

Для понимания специфики образования относительного аграрного перенаселения в развивающихся странах недостаточно учитывать только действие процессов, связанных с накоплением капитала и повышением его органического строения. На той стадии эволюции капиталистического способа производства, которую эти страны проходят в настоящее время, мелкотоварное хозяйство эволюционирует отнюдь не только по законам товарного хозяйства. Вследствие чрезвычайно широкого распространения докапиталистической по своему характеру рентной и особенно торгово-ростовщической эксплуатации мелкое крестьянское хозяйство также беднеет и пауперизируется в значитель-

ной степени в рамках докапиталистических социально-экономических структур.

Поскольку внутри мелкотоварного уклада крестьянское хозяйство подвергается одновременно капиталистической дифференциации и докапиталистической пауперизации, процесс образования аграрного перенаселения приобретает противоречивый характер. Законы товарного хозяйства в той мере, в какой они действуют в сельской экономике развивающихся стран, толкают вперед процесс капиталистического разложения крестьянства, составляющий, как уже отмечалось, одну из основ образования резервной армии труда, т. е. относительного перенаселения в деревне. С другой стороны, однако, широкое распространение рентных и торгово-ростовщических методов эксплуатации мелких производителей способствует их массовому закабалению в рамках докапиталистических экономических и социальных структур. Порождая при этом тенденцию к стагнации и деградации старого способа производства, такие отношения тормозят становление нового способа производства. В частности, такие отношения в значительной мере подавляют процесс экономического разложения крестьянства и, следовательно, ограничивают базу образования капиталистического относительного аграрного перенаселения.

Вместе с тем при наличии в общественно-экономическом строе развивающихся капиталистических отношений докапиталистические формы эксплуатации уже не могут выступать как явление, совершенно самостоятельное по отношению к экономическому развитию общества [см. 2, 359—360] и, следовательно, не могут (и чем далее, тем более) полностью удерживать непосредственных производителей в границах традиционных форм хозяйства и социальных отношений. Крестьяне, если они разоряются даже в основном торгово-ростовщической и рентной эксплуатации, все возрастающей массой выходят в качестве продавцов на уже существующий рынок рабочей силы.

С одной стороны, это означает, что все методы разорения крестьянства ведут к устранению границ доступного капиталистической эксплуатации рабочего населения. Но, с другой стороны, это значит, что мы имеем здесь дело с двумя потоками образования «излишнего» рабочего населения, которые можно разделить только чисто теоретически, в целях анализа их генезиса. Последнее, по крайней мере, справедливо в отношении мелкотоварного уклада, охватывающего значительное большинство крестьянства развивающихся стран. Поскольку две формы «раскрестьянивания» — на основе действия законов товарного хозяйства и на основе докапиталистической эксплуатации — имеют место в нераздельном единстве внутри одного (мелкотоварного) уклада, практически они дают один и тот же социально-экономический тип трудящегося, который при отсутствии полной производительной занятости представляет в общем социаль-

но-экономическом строе современных развивающихся стран относительно аграрное перенаселение.

На наш взгляд, именно наличие национального рынка рабочей силы является решающим условием возникновения указанного типа относительно излишнего сельского населения. Без этого пауперизация крестьянства в границах мелкотоварного уклада под воздействием докапиталистических форм эксплуатации в принципе не может рассматриваться как фактор, ведущий к образованию относительно аграрного перенаселения.

Быстрый рост численности относительно излишнего рабочего населения в деревне — одна из главных, но не единственная причина сокращения занятости сельскохозяйственного населения развивающихся стран. Огромное воздействие на занятость оказывает и резко изменившаяся за последние десятилетия демографическая ситуация в этих странах, которая обуславливается иными закономерностями, чем процесс образования относительно излишнего населения в ходе накопления капитала.

Темпы прироста населения в развивающихся странах, принявшие после второй мировой войны характер «демографического взрыва», продолжают и поныне оставаться устойчиво высокими. Так, в странах Юго-Восточной Азии в 1960—1968 гг. среднегодовой прирост населения был равен: на Филиппинах — 3,4%; в Таиланде — 3,1; в Полуостровной Малайзии — 3,0; в Индонезии — 2,4% [24, 30]. И в ближайшей перспективе он должен остаться не менее высоким. По оценкам на 1970—1980 гг., среднегодовые темпы прироста населения в Юго-Восточной Азии составят 2,9%, в том числе: на Филиппинах — 3,5%; в Таиланде — 3,3; в Сабахе и Сараваке — 3,4; в Полуостровной Малайзии — 2,8; в Индонезии — 2,4% [28, 125]. За 1900—1970 гг. общая численность населения Юго-Восточной Азии выросла со 104 млн. до 287 млн., а его средняя плотность — с 24 до 62 человек на 1 кв. км. По темпам повышения плотности населения Юго-Восточная Азия даже опередила соседние регионы (прирост за 1900—1970 гг. на 150,8% против 123,6 в Южной Азии и 71,7 в Китае) [9, 44, 47; 14, 29; 19, 50].

Быстрый рост населения ведет к усилению «давления» его на источники средств существования. Если учесть, что основной прирост населения происходит в деревне, то это означает прямое ухудшение обеспеченности сельскохозяйственного населения земель, создающее объективные условия для дальнейшего сокращения занятости крестьянства. Площадь обрабатываемой земли на душу сельскохозяйственного населения составляла в середине 60-х годов: в Индонезии — 0,25 га; на Филиппинах — 0,42; в Таиланде — 0,47; в Лаосе — 0,49; в Малайзии — 0,68 га [20, 204]; в середине 50-х годов в Бирме — 0,44 га [22, 14]. Особенно тяжелое положение сложилось на Яве — в главном сельскохозяйственном районе Индонезии, исторически сосредоточившем до $\frac{2}{3}$ населения и сельскохозяйственных земель стра-

ны. В хозяйственном пользовании сельского населения острова находится до 68% его общей территории, и резервы для расширения площади сельскохозяйственных земель практически уже исчерпаны. За 1930—1961 гг. средняя плотность населения Явы, до 85% которого проживает в сельской местности, возросла с 316 до 477 человек на 1 кв. км, превысив в отдельных сельских районах 1 тыс. человек на 1 кв. км. Соответственно площадь сельскохозяйственной земли на душу населения сократилась с 0,19 до 0,13 га, в том числе орошаемой — с 0,08 до 0,057 га [30, 1963, 66; 31, 1967, 92—93].

Высокие темпы прироста населения в развивающихся странах отнюдь не есть выражение мальтузианского «абсолютно избыточного прироста рабочего населения» как проявления «вечных законов природы» [см. 1, 538, 648]. «...Всякому исторически особенному способу производства, — подчеркивал Маркс, — в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения» [1, 646]. При этом следует учитывать, что «базисные факторы, определяющие в конечном итоге все социальные процессы, и в том числе процессы демографические, влияют на них не непосредственно, а через ряд опосредствующих ступеней» [11, 88].

Опосредствованный характер воздействия экономических факторов на собственно демографические процессы придает последним известную самостоятельность. А это не позволяет рассматривать диспропорцию между относительно высокими темпами роста населения в развивающихся странах и относительно низкими темпами их экономического роста только как результат слишком медленного развития общественных производительных сил. Фактически указанная диспропорция порождена в значительной мере специфическим изменением демографических закономерностей при данном способе производства.

Ускорение темпов прироста населения в развивающихся странах вызвано целым рядом факторов.

Доколониальному и колониальному обществу были присущи как высокая рождаемость, так и высокая смертность, и поэтому численность населения росла очень медленно. Напротив, в молодых независимых государствах наблюдается резкое сокращение смертности, особенно детской. Большую роль в этом сыграли успехи в борьбе с эпидемическими заболеваниями, известное развитие системы здравоохранения и образования, повышение санитарной культуры и улучшение гигиенических условий. Немаловажно значение и прогрессивных сдвигов в экономике, в том числе — развития внутреннего рынка и инфраструктуры, мирохозяйственных связей. В результате совокупного действия всех этих факторов многие развивающиеся страны в течение 15—30 лет добились снижения смертности до такого уровня, для достижения которого странам Европы и Северной Америки потребовалось 100—150 лет [10, 46—47].

Сокращение смертности происходит при сохранении традиционно высокой рождаемости, возникшей еще в первобытном обществе как естественная реакция на очень высокую смертность, связанной с низким уровнем социально-экономического развития и закрепившейся в обычаях и религиях [10, 56—57]. Более того, наряду с традиционными факторами, обуславливающими поддержание высокой рождаемости, в современных развивающихся странах действуют и новые факторы, ведущие к тем же результатам. При этом, как правило, еще отчетливо не проявилась возникшая в свое время в странах Европы и Северной Америки тенденция к сокращению рождаемости по мере ускорявшейся эволюции капиталистического способа производства [15, 195].

В числе причин, способствующих поддержанию в развивающихся странах высокой рождаемости, находятся такие новые демографические факторы, как увеличение детородных контингентов вследствие сокращения смертности и роста средней продолжительности жизни, смягчение запретов на повторные браки, успехи здравоохранения и т. п.

В том же направлении действуют и некоторые новые экономические факторы.

Общее ухудшение ситуации с занятостью при относительно медленном прогрессе вещественных производительных сил, казалось бы, не должно стимулировать расширенное воспроизводство рабочего населения. Однако на практике выходит иначе. Следует учитывать, что происходящее в развивающихся странах в широких масштабах превращение продукции мелких индивидуальных производителей в товар принципиально изменяет цели производства. С одной стороны, это порождает безудержную погоню различных групп эксплуататоров за массой меновой стоимости, производимой в мелких хозяйствах. Но с другой стороны, это же вызывает у последних стремление использовать любые источники дохода ради создания минимальных накоплений или (что особенно типично) ради обеспечения хотя бы физического минимума средств существования в условиях, когда эксплуататорские группы стремятся к неограниченному повышению доли изъятий из мелкого хозяйства сверх прибавочного продукта. Вспомним, что К. Маркс указывал на «безмерное расточение человеческой силы» как на одно из необходимых условий существования парцеллярной крестьянской собственности [3, 372].

Кроме того, развитие товарного хозяйства и формирование рынка рабочей силы открывают перед мелкими сельскими производителями принципиальную возможность извлечения заработка вне своего земледельческого хозяйства (посредством отходничества, домашних промыслов, побочных занятий и случайных заработков). Главным условием, которое позволяет реализовать эту возможность, т. е. попытаться увеличить фонд по-

требления в мелком хозяйстве (или хотя бы не дать ему сократиться ниже допустимого минимума), оказывается расширенное воспроизводство рабочей силы. Рабочая сила здесь является тем компонентом производительных сил, возрастание которого пока еще мало связано с денежными расходами и более всего (по сравнению с прочими компонентами производительных сил) зависит от субъективной воли самого непосредственного производителя.

Очевидно, что подобная демографическая ситуация в развивающихся странах сложилась до известной степени независимо от уровня их экономического развития. Факторы, приведшие к «демографическому взрыву», в значительной мере отражают сложное воздействие окружающего мира на бывшие колониальные и зависимые страны. Именно из-за того, что темпы роста населения в этих странах в настоящее время не связаны только с внутренними базисными факторами и определяются весьма специфическими демографическими закономерностями, проблема обеспечения темпов экономического роста, опережающих темпы роста населения, приобрела в этих странах особую остроту.

В современных условиях развивающихся стран, характеризующихся прогрессивным развитием общественного разделения труда, формированием и расширением единого рынка рабочей силы, а также существенным ограничением действия «естественных» регуляторов численности населения, быстрый рост населения превратился в устойчивое явление. Наблюдается тенденция к распространению населения из сферы наибольшего его возрастания — деревни — в несельскохозяйственные отрасли, в результате чего пополняется резервная армия промышленных и мануфактурных рабочих. В самой деревне все большая часть растущего населения, не находя полного производительного применения, смыкается с армией относительно излишнего рабочего населения, представляющего постоянное аграрное перенаселение. Это ведет к превращению огромных районов мелкого крестьянского производства в резервуары массовой нищеты и пауперизма. Возросшая роль собственно демографических факторов в формировании резервной армии труда придает аграрному перенаселению в развивающихся странах особо застойный характер.

Итак, в современных развивающихся странах аграрное перенаселение обладает специфическими чертами. Оно является результатом слияния в качественно новое единое целое различных потоков образования «излишнего» рабочего населения: 1) формирования относительного аграрного перенаселения в ходе становления капиталистического способа производства и 2) быстрого роста сельского населения при известном нарушении определяющего характера воздействия внутренних экономических процессов на демографические.

Специфика аграрного перенаселения в развивающихся странах, обусловленная различиями в генезисе формирующих его потоков, привела к развитию его в огромных масштабах, к обострению проблемы занятости рабочего населения деревни и к затруднению эффективного производительного использования растущей потенциальной рабочей силы. Решение данных проблем немыслимо без комплексного подхода к вопросам аграрного перенаселения в социально-экономической политике. Такой подход безусловно предполагает первоочередное осуществление мер по прогрессивному преобразованию всей системы социально-экономических отношений и ускорению экономического роста (с упором на рост занятости). Вместе с тем требуется и определенное конкретное воздействие на характер демографических процессов при помощи специальных мер демографической политики.

Таковы в общем наиболее характерные черты нынешнего аграрного перенаселения в развивающихся странах.

Теперь попытаемся на примере некоторых стран Юго-Восточной Азии рассмотреть основные тенденции его дальнейшего развития.

Анализ конкретных черт аграрной эволюции развивающихся стран Юго-Восточной Азии показывает, что становление капиталистического способа производства в их земледелии в целом еще не привело в действие тенденцию абсолютного вытеснения живого труда машинами. С одной стороны, наблюдаемая повсеместно концентрация землевладения в руках зажиточной сельской верхушки пока еще зачастую сопровождается распространением аренды, т. е. далеко не везде ведет одновременно и к концентрации хозяйственной площади в руках сельской верхушки. С другой стороны, все же наблюдающаяся концентрация хозяйственной площади крестьянской буржуазией еще не сочетается с заметным повышением органического строения функционирующего капитала и, следовательно, связана с адекватным в общем ростом спроса на рабочую силу. Лишь с конца 60-х годов наметилась определенная тенденция повышения органического строения капитала в земледелии, толчок которой был дан начавшейся «зеленой революцией».

«Зеленая революция», развертывающаяся в развивающихся странах со второй половины 60-х годов, ведет к ускорению прогресса производительных сил сельского хозяйства. Среди стран Юго-Восточной Азии «зеленая революция» приобрела наибольший размах на Филиппинах, в Полуостровной Малайзии и в Таиланде, где в 1970/71 г. под высокоурожайными сортами было занято соответственно 50,3, 24,5 и 68,0% (учитывая площади под местными улучшенными сортами) посевной площади риса [28, 120].

Поскольку «зеленая революция» в этих странах еще проходит ранние стадии своего развития, трудно всесторонне оценить

ее сегодняшнее и перспективное воздействие на состояние занятости в сельском хозяйстве. Все же на основании результатов отдельных выборочных обследований складывается впечатление, что она, хотя пока и не повела к абсолютному вытеснению живого труда машинами в земледельческом хозяйстве, но уже создает необходимые для этого предпосылки.

По данным выборочных обследований рисоводческих хозяйств Центрального Лусона (Филиппины), механизация земледелия уже сейчас ведет к уменьшению абсолютной потребности в рабочей силе на некоторых операциях, в первую очередь при обработке земли, где все шире используются тракторы. Но одновременно с этим увеличивается потребность в рабочей силе на таких операциях, как, например, прополочные работы и уборка урожая. В целом в результате этого на нынешней стадии «зеленой революции» применение ручного труда из расчета на гектар рисовых земель даже несколько возросло. Потребность в рабочей силе на рисовых землях в среднем увеличилась на хозяйство с 64 человеко-дней на гектар в 1964 г. до 67 в 1970 г. При этом в хозяйствах, использующих высокоурожайные сорта риса, этот показатель составил 69 человеко-дней/га против 63 в хозяйствах, не использующих новые сорта [25, 13—14, 47].

Очевидно, однако, что дальнейшая механизация различных процессов может на определенной стадии привести и к абсолютному сокращению сферы применения ручного труда. Так, рост урожая риса в ходе «зеленой революции» в ряде районов дает толчок механизации уборочных работ, прежде всего обмола, и это лишь отчасти компенсируется увеличением применения живого труда для обслуживания техники, при скирдовании и стоговании. Уже сейчас, как показывает, например, практика филиппинской деревни, стремление зажиточного крестьянства перейти к более производительным, чем прежде, методам уборки урожая содержит в себе угрозу обострения социальных противоречий в деревне. Вследствие повышения урожаев интересам крестьян-товаропроизводителей все менее отвечает традиционная система коллективной ручной уборки (байянихан), при которой сборщики урожая получают его шестую часть. В то же время попытки механизации уборки встречают сопротивление со стороны сельскохозяйственных рабочих, лишаящихся важного источника заработной платы. Поэтому уборка урожая все еще производится главным образом вручную, и даже редко используются группы наемных рабочих вне системы байянихан [21, 52—53; 25, 12—13].

Имущественная дифференциация крестьянства, с одной стороны, и тенденция роста применения машин — с другой, уже серьезно подорвали такой традиционный докапиталистический механизм, как система внутриобщинной взаимопомощи. Взаимопомощь в хозяйственной сфере все более утрачивает свою

прежнюю социальную функцию инструмента известного уравнительного перераспределения труда и продукта внутри общины. Немаловажную роль в этом смысле играет рост спроса на наемную рабочую силу. Расшатывание докапиталистических институтов взаимопомощи ослабляет традиционные социальные связи в деревне и ведет к известному повышению мобильности не полностью занятого сельского населения, но отнюдь не способствует сокращению сохраняющегося застойного перенаселения в сельском хозяйстве в целом.

Вопрос о дальнейшей динамике аграрного перенаселения в странах Юго-Восточной Азии весьма сложен. Известное представление об общих тенденциях в этой области может дать анализ движения самодеятельного населения за достаточно длительное время.

При рассмотрении данных такого рода за 30—60-е годы [см. 16, 161, 270, 272, 574, 619, 699; 31, 1949—1950, 16—17; 1955, 22—23; 1967, 104—105] прежде всего обращают на себя внимание заметные различия в изменении численности сельскохозяйственного населения. Высокими темпами растет сельскохозяйственное население Бирмы, Индонезии и Таиланда, и по абсолютной численности его прирост намного выше прироста населения вне сельского хозяйства. Однако если в Таиланде данное явление во многом связано с быстрым ростом числа хозяйств во вновь осваиваемых районах страны, то в Индонезии, например, оно уже в гораздо большей степени отражает рост аграрного перенаселения при дроблении хозяйств и увеличении частичной и полной безработицы. Несколько иное положение на Филиппинах и особенно в Полуостровной Малайзии, которые уже вступили на путь ускорения темпов экономического роста. В этих странах заметно сократился удельный вес самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, и, что наиболее важно, абсолютный прирост самодеятельного населения в несельскохозяйственной сфере начал опережать, хотя пока и не намного, таковой в сельском хозяйстве.

В целом по странам региона все еще очень невелик приток самодеятельного населения в производственные отрасли несельскохозяйственной сферы экономики. В таких странах, как Бирма и Индонезия, он даже по темпам отстает от прироста сельскохозяйственного населения. Правда, в Полуостровной Малайзии, Таиланде и на Филиппинах темпы роста самодеятельного населения в несельскохозяйственных производственных отраслях экономики опережают тот же показатель по сельскому хозяйству. Можно сказать, что в Полуостровной Малайзии и Таиланде они даже высоки. Но абсолютный прирост занятых в этих отраслях и здесь все еще незначителен. При этом характерен и важен тот момент, что во всех странах региона (включая и те, где темпы роста занятости в производственных несельско-

хозяйственных отраслях наиболее высоки) абсолютный рост занятых в них очень сильно уступает росту занятых в непродовольственных отраслях, прежде всего в торговле и обслуживании. Разумеется, рост занятости в этих последних указывает в какой-то мере и на возрастание производительного капитала, но все же на данном этапе развития он преимущественно отражает отток в города части «излишнего» сельского населения и увеличение на этой основе городской безработицы в скрытых формах.

В 60-е годы начинает более отчетливо проявляться тенденция ускорения роста доли сельского населения, занятого вне собственно сельского хозяйства. Особо заметно увеличение численности занятых в деревенской мелкой промышленности. Например, в Индонезии доля деревенского самодеятельного населения, занятого в этой сфере, увеличилась за 1961—1971 гг. с 5,1 до 6,8% [23, 344]. Это отражает прежде всего рост в сельской местности числа предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Известную роль, видимо, играет и развитие производства различных сельскохозяйственных орудий, рост спроса на которые вызван «зеленой революцией» [26, 41]. Но ограниченность данных процессов пока не позволяет рассматривать их как факторы, способные в ближайшей перспективе серьезно облегчить проблему занятости сельского населения.

Таким образом, в развивающихся странах Юго-Восточной Азии массовое аграрное перенаселение и в дальнейшем, видимо, будет оставаться сильным тормозом на пути ускорения экономического прогресса, а также одним из основных источников усиления социальных противоречий в масштабах всего общества.

Эта перспектива, естественно, вызывает серьезную озабоченность правящих кругов и представителей самых различных политических течений. Проблема занятости, в том числе и сельского населения, занимает одно из важнейших мест в экономических программах, осуществляемых в различных странах региона. Любые мероприятия в области экономического развития оцениваются с неперенным учетом аспекта занятости. Увеличение занятости среди городского и сельского населения преследуют в качестве главной цели и специальные программы экономического развития и общественных работ. Повышенное внимание наблюдается и в отношении мер по регулированию демографических процессов. При этом все более очевидным становится, что при всей важности чисто демографических мер проблема занятости, включая и занятость сельского населения, может быть решена только при неперенном условии проведения глубоких социально-экономических преобразований, способных дать новый толчок экономическому и социальному прогрессу общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал, т. 1.—Т. 23.
2. Маркс К. Капитал, т. 2.—Т. 25, ч. I.
3. Маркс К. Капитал, т. 3.—Т. 25, ч. II.
4. Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия.—Т. 19.
5. Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии.—Т. 27.
6. Афанасьев Л. А. Аграрное перенаселение. М., 1963.
7. Барышникова О. Г. Продовольственная проблема на Филиппинах.—«Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Африки». М., 1968.
8. Барышникова О. Г. Сельское хозяйство Филиппин (Генезис и развитие капитализма). М., 1972.
9. Гузеватый Я. Н. Перспективы развития мирового населения. М., 1968.
10. Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения и социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970.
11. «Марксистско-ленинская теория народонаселения». М., 1971.
12. Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции. М., 1970.
13. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Сокр. пер. с англ. М., 1972.
14. «Население мира». Справочник. М., 1965.
15. «Основы теории народонаселения». М., 1973.
16. «Развивающаяся Азия. Изменения в отраслевой структуре народного хозяйства». М., 1973.
17. Растяников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
18. Растяников В. Г., Максимов М. А. Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии. М., 1965.
19. Чандрасекар Ш. Население Индии. Пер. с англ. М., 1949.
20. «Asian Agricultural Survey». The Asian Development Bank. Tokyo, 1969.
21. Huke R. E. San Bartolome and the Green Revolution.—«Economic Geography». Worcester, 1974, vol. 50, № 1.
22. Jacoby E. H. Agrarian Unrest in South-East Asia. 2nd ed. London, 1961.
23. Leiserson M. W. Employment Perspectives and Policy Approach in Indonesia.—«International Labour Review». Geneva, vol. 109, № 4, 1974.
24. «The Malayan Economic Review». Singapore, 1973, vol. XVIII, № 2.
25. Mangahas M., Meyers W., Barker R. Labour Absorption in Philippine Agriculture. Paris, 1972.
26. Prasad K. M. Agro-Industrial Complexes in Underdeveloped Economies.—«Mainstream». Delhi, 1974, vol. 12, № 22—23.
27. Purcell J. T. Rice Economy. Employment and Income in Malaysia. Honolulu University Press of Hawaii, 1972.
28. «Southeast Asia's Economy in the 1970's». Asian Development Bank. London, 1971.
29. Srivastava R. K. The Unemployment Problem with Special Reference to the Rural Sector.—«Marga». Colombo, 1973, vol. 2, № 2.
30. «Statistical Pocketbook of Indonesia». Djakarta.
31. «Yearbook of Labour Statistics». International Labour Office. Geneva.

А. Д. Давыдов

НОВЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ В ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНΙΑХ АФГАНИСТАНА (60—70-е ГОДЫ)

По оценкам на вторую половину 50-х годов, в руках примерно 40 тыс. помещиков было сосредоточено до 60—66% всех частновладельческих земель Афганистана (фонд земель частного владения почти равен всему обрабатываемому земельному фонду, поскольку государственных земель, а также вакфных, т. е. пожертвованных мусульманским учреждениям и духовным лицам, в Афганистане не более 5—10%). Остальные 34—40% земель составляли мелкие участки, находившиеся в собственности 580 тыс. крестьянских дворов [2, 110—113].

Разумеется, уже наличием и соотношением этих двух противоположных полюсов землевладения в значительной мере определяется аграрная обстановка в стране. В. И. Ленин, анализируя соответствующие два полюса в русской деревне конца XIX в., отмечал, что в наличии и соотношении их состоит «суть дела». Однако для выявления «всей совокупности общественно-экономических отношений» в деревне он считал необходимым далее «обратиться к организации крестьянского хозяйства... в политико-экономическом смысле слова» и «к организации помещичьего хозяйства» [1, 59, 68, 71, 80]. При этом В. И. Ленин исследовал организацию того и другого типа хозяйства в ее эволюции.

В данной статье сделана попытка рассмотреть главным образом сдвиги в хозяйственной организации помещичьих имений Афганистана в середине 60-х — начале 70-х годов.

Предшествующие эволюционные изменения, которые претерпела с конца XIX в. дотоле неподвижная, сложившаяся еще в средние века структура феодальных имений [см. 2], сводились к трем главным.

Во-первых, втягивание Афганистана во второй половине XIX в. в мировой капиталистический рынок, возникновение и рост спроса Англии и России на афганское сельскохозяйственное сырье и создание в стране торговых экспортных отраслей сельского хозяйства, чрезвычайная выгодность занятия внешней торговлей и ростовщичеством и появление в связи с этим у феодальных собственников всеобщей тяги к денежным накоплениям, которые создавались различными, главным образом насильственными, грабительскими и мошенническими методами, характерными для эпохи первоначального накопления капитала,— все это привело в конечном итоге к значительным изменениям как в структуре класса крупных землевладельцев, так и в характере самой земельной собственности. Главной социальной опорой сложившегося к концу XIX в. при эмире Абдуллаху-

мане централизованного государства феодально-абсолютистского типа явились военные и гражданские чиновники всех рангов, наделявшиеся землей, особенно во вновь захваченных северных районах левобережья Амударьи, и втягивавшиеся в прибыльную торговлю, а также растущее национальное (городское) купечество, скупавшее земли. Они и составили тот новый слой землевладельцев, который в наибольшей мере проявил стремление как к ликвидации средневекового феодального института условного пожалования государем земли (а фактически лишь ренты-налога с земли) за службу, к закреплению своей земли в безусловную частную собственность и в свободно обращающийся на рынке товар, так и к переходу от чистого рентополучательства к непосредственному хозяйствованию на земле с целью выжимания из нее наибольшего денежного дохода. К этому новому слою землевладельцев, пришедшему на смену средневековой феодальной аристократии, уже более правильно применять термин «помещики» (в афгановедческой литературе они получили название «новых помещиков»). Прежде всего в интересах данного слоя эмир Аманулла законодательно закрепил в начале 20-х годов XX в. безусловную и неограниченную частную собственность на землю и свободную куплю-продажу ее.

Во-вторых, в результате развития в деревне Афганистана товарно-денежных отношений и в тесной связи с сопутствующими этому процессу изменениями в землевладении, которые отмечены выше, произошла значительная трансформация рентно-налоговой системы. Налоговыми реформами эмира Аманулла в начале 20-х годов был декларирован в законодательном порядке перевод поземельного налога и налога на скот в денежную форму; эти налоги унифицировались, был упразднен целый ряд средневековых натуральных податей и повинностей. Однако в тот период государственный поземельный налог с частновладельческих крестьянских и помещичьих земель все еще достигал по своим размерам четверти сельскохозяйственной продукции (в денежном эквиваленте), т. е., по существу, еще мало отличался от средневековой ренты-налога, основной формы изымания у крестьян прибавочного продукта. В результате же фиксации денежной налоговой ставки в качестве постоянной величины и ее фактического обесценения в последующие десятилетия вследствие роста во много раз цен на сельскохозяйственные товары поземельный налог (как и налог на скот) к 60-м годам стал эквивалентен менее чем 1% сельскохозяйственной продукции и уже никак не соответствовал прежней ренте-налогу. Произошло фактическое отмирание средневекового феодального института ренты-налога, и единственной формой поземельной ренты стала арендная плата за пользование землей.

Наконец, в-третьих, в результате совокупного действия всех вышеуказанных процессов и тенденций подверглась существен-

ной эволюции система крестьянского землепользования, в том числе и в помещичьих имениях.

Для прежней, в основе своей еще средневековой феодальной системы, по-видимому, были характерны весьма прочные, чаще всего наследственные, охраняемые сельской общиной, владельческие права крестьян на обрабатываемые ими земельные участки.

Крестьянин, как правило, вел самостоятельное и довольно замкнутое хозяйство силами своей семьи, оставаясь собственником всех средств производства, кроме земли, т. е. рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и прочего инвентаря. Натуральная (продуктовая) рента с наследственных участков таких самостоятельных крестьян, уплачивавшаяся либо в казну (в виде ренты-налога), либо отдельному феодалу, составляла в среднем, как правило, половину урожая или могла отклоняться от этой средней величины в большую или меньшую сторону. Профессор И. П. Петрушевский на основании исследования многочисленных рукописных источников установил, что в странах Передней и Средней Азии, в том числе (что непосредственно важно для нас) в Афганистане, в течение всего периода позднего средневековья «издольщина в большинстве случаев была лишь с формально-юридической стороны арендой, предполагающей соглашение между землевладельцем и крестьянином-издольщиком. По существу же она теперь представляла форму наследственной феодальной зависимости» [5, 286]. Не менее определенен вывод и другого видного исследователя позднесредневековых среднеазиатских аграрных документов П. П. Иванова, в работах которого мы находим и материалы по северному Афганистану: «Основной формой, определявшей собою взаимоотношения между землевладельцами и непосредственными производителями, являлась, по-видимому, наследственная испольная аренда... Иначе говоря, имело место сочетание крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием» [4, 14].

Единственной «хозяйственной» функцией феодалов (как и государства) было обеспечение через посредство специального штата управляющих своевременного и полного получения, хранения и распределения всех причитающихся с крестьян податей, сборов и поборов. Именно такова была, например, хозяйственная организация в XVI—XVII вв. обширных имений, в том числе расположенных и в районе Балха (нынешний северный Афганистан), принадлежавших бухарским духовным феодалам — шейхам Джуйбари. На основании исследованных П. П. Ивановым рукописных источников указанного периода можно заключить, что группой имений района Балха ведали только управляющий (вакиль), сборщик налогов и податей (диван), заведующий учетом всех плательщиков (дафтардар), а также «заведующий доставкой денег и зерна»; основным гос-

подским сооружением являлся «в имениях Балха... в одной деревне Унфайкал, амбар из 120 крытых куполами помещений, доверху наполненный, помимо пшеницы, другим разного рода имуществом» [4, 60—62, 333, 335, 374]. И хотя одна часть непосредственных производителей, обрабатывавших, по-видимому, те земли имений, которые были пожалованы шейхам в вакф из фонда бывших государственных земель, именовалась «раят», т. е. «крестьяне», а другая называлась «каранда», или «издольщики» [4, 60—61, 332]¹, между ними не было принципиальной разницы в одном определенном смысле: и те и другие вели мелкое самостоятельное хозяйство на началах, близких к полным, и имели прочные наследственные права на обрабатываемые ими участки.

Представляется чрезвычайно характерным, что и термин «каранда», употреблявшийся для обозначения издольщиков, как таковой отнюдь не несет в себе какого-либо указания на имевшее место соглашение о разделе урожая на доли между феодалом и крестьянином. Он буквально тоже означает лишь «сеятель, земледелец, крестьянин». И все сохранившиеся до сего времени в Афганистане традиционные термины феодальной эксплуатации сами по себе (без добавочных числовых обозначений характера раздела урожая) также содержат лишь указание на статус крестьянина-земледела, владеющего всеми условиями хозяйствования, необходимыми для данного статуса. Это вполне характеризовало положение феодального издольщика, хотя уже совершенно не отражает современных отношений аренды. Так, термины «дехкани» (в северном и восточном Афганистане), «базгари» (на востоке и юге страны), «киштаманди» (в Гератском оазисе) все одинаково означают просто «крестьянствование, занятие земледелием»; «назири» (в Гуре) буквально значит «надсмотрничество» (над земельным участком); «хамсаяги» (в Хазараджате, а также на востоке и юге) — буквально «соседствование, соседские отношения», а исторически этим термином обозначалось также феодально-зависимое крестьянствование.

Отмеченные нами выше процессы втягивания деревни Афганистана в товарно-денежные отношения и сращивания «новопомещичьего» землевладения с городским торгово-ростовщическим капиталом, которые развивались вширь и вглубь с конца XIX в. и в течение всей первой половины XX в., стронули с мертвой точки застывшую со времен средневековья, неподвижную систему хозяйственной организации феодальных имений, разрушив прежде всего наследственную основу крестьянской эксплуатации. Хотя приобретение земельной собственности давало городскому купцу более прочное экономическое положение,

¹ Аналогичный пример хозяйственной организации феодальных имений (земли которых обрабатывали издольщики — каранда) можно почерпнуть и из исследованного нами документа конца XVII в. [3, 113—116, 123—126].

сOLIDное обеспечение для торговых сделок или надежное сохранение капитала в периоды неблагоприятной конъюнктуры, инфляции и т. п., но земельная собственность не имела для него такого же самостоятельного значения, как для старой феодальной знати. Она, правда, обеспечивала поступление более или менее гарантированного постоянного дохода, однако неизмеримо меньшего, чем при вложении капитала в коммерческое предприятие. Отсюда характерное для нового землевладельца-купца, в отличие от старой феодальной знати, отсутствие элементарной заинтересованности как в том, чтобы крестьяне поддерживали плодородие почвы путем длительного устойчивого хозяйствования, так и в том, чтобы их разорение не переходило через грань, за которой крестьянское хозяйство уже утрачивает способность создавать прибавочный продукт, а следовательно, уплачивать ренту. Разорившегося, бывшего наследственного издольщика стали попросту сгонять с земли и заменять новым. А объективные возможности для этого создавались происходившим одновременно процессом разорения и обезземеливания помещиками, торговцами, ростовщиками крестьян-собственников, усилением давления аграрного перенаселения на источники средств существования, ростом конкуренции безземельных крестьян, стремившихся получить землю в аренду. В результате за последние десятилетия в Афганистане получила повсеместное распространение сроковая договорная аренда, т. е. аренда на определенный, преимущественно небольшой срок, строго устанавливаемый на основе специального договора между землевладельцем и арендатором, по окончании которого (или даже ранее) арендатор может быть согнан с земли и заменен другим [17, 77].

И только с момента более или менее массового появления такой аренды, и только в условиях, когда крестьянин был уже фактически лично свободен от феодальной зависимости (поскольку он освободился от ранее тяготевших над ним рентно-налоговых обязательств перед феодальным государством; получил еще в результате реформы Амануллы права частного земельного собственника, свободного продавца и покупателя; не был уже, таким образом, прикреплен к земле и личности помещика, если, конечно, не попадал к нему в долговую ростовщическую кабалу), можно, по нашему мнению, говорить о действительных арендных отношениях в Афганистане. С переходом к краткосрочным арендным договорам, к практике постоянной смены арендаторов землевладелец стал принимать гораздо большее, чем прежде, непосредственное (или через посредство управляющего) участие в хозяйственном управлении каждым своим имением.

Вслед за отмеченным первым сдвигом в системе крестьянского землепользования наметился и второй — вытеснение традиционной эксплуатации, с одной стороны, фиксированной нату-

ральной и денежной арендой и, с другой стороны, издольными и переходными к современным формам наемного труда с фиксированной натуральной и денежной оплатой [17, 80—83]. Фиксированная аренда, получившая распространение особенно в районах наибольшего развития товарного хозяйства [17, 77, 81—83], стала обозначаться термином «иджара», ранее означавшим откуп налогов или доходов с имений. Преемственность терминологии объясняется, по-видимому, сходством формальных условий откупа и фиксированной аренды. В отличие от испольщины, при которой фактическое поступление землевладельцу в счет арендной платы зависит от большего или меньшего урожая в данном году, и откуп, и фиксированная аренда предполагают, что договорная плата должна быть выплачена в установленном размере и в срок независимо от погодных или иных объективных условий, влияющих на результаты хозяйственной деятельности. Фиксированную аренду применяют главным образом мелкие и средние помещики, которые больше всего внимания в экономическую организацию своих имений и могут практически воспользоваться дополнительными (хотя в общей сумме доходов, видимо, не столь значительными) выгодами от применения более мобильной фиксированной арендной ставки (выраженной в подвижных денежных или весовых единицах, а не в традиционных долях продукции), что позволяет при заключении каждого очередного краткосрочного договора с арендатором более гибко спекулировать на изменении конъюнктуры рынка аренд. Помещики этих же категорий чаще используют и наемный труд [17, 77], что означает (в тех пределах, в каких это имеет место) уже окончательный переход от рентополучательства к ведению хозяйства.

В принципе обработка земли неимущими крестьянами при помощи скота и инвентаря землевладельца за небольшую долю урожая и даже в отдельных случаях за деньги была известна уже в феодальную эпоху (прямые данные по Афганистану с XVIII—XIX в.). Однако с этим, конечно, несравнимы современные (хотя тоже небольшие) масштабы ее распространения, которые являются закономерным результатом расслоения крестьянства, обезземеления и разорения значительной его части.

Кроме того, по-видимому, в средние века и в новое время испольщик, владеющий скотом и инвентарем, и неимущий издольщик в конечном счете в силу господствовавшего способа производства оказывались в весьма сходных условиях феодальной зависимости и эксплуатации, чем и объясняется, что часть унаследованной от тех времен терминологии (дехкани, базгари) и поныне одинаково употребляется для обозначения как испольной аренды, так и издольного найма. Только термины «маздури» (или, иначе, «маздуркари») и «уджуракари» (от «мазд» и «уджура» — «вознаграждение, плата») означают преимущественно наемный труд из доли урожая или за деньги. И в со-

временных условиях Афганистана сходство между арендой и наемным трудом обусловлено сохранением в обоих случаях не только пережиточных издольных форм оплаты, но сплошь и рядом также пережиточных элементов эксплуатации, которая по своей природе сходна с прежней феодальной, так как подобно ей основана на установлении отношений личной зависимости. В результате ростовщического закабаления или под давлением конкуренции, вызываемой аграрным перенаселением, как батрак-издольщик, так и иногда крестьянин-испольщик вынуждены соглашаться выполнять, помимо полевых, также разного рода хозяйственные и домашние работы в усадьбе землевладельца и прислуживать ему, что зачастую значительно увеличивает норму их эксплуатации, приближая ее к средневековой [17, 78]. Однако в целом сдвиги в системе помещичьей эксплуатации крестьянства несомненны.

И все же, несмотря на все рассмотренные выше эволюционные изменения, прямо или косвенно влиявшие на хозяйственную организацию помещичьих имений Афганистана, многие из этих имений сохранили еще немало черт своего прежнего, средневекового облика. Чтобы нагляднее показать новейшие сдвиги в той группе имений, где помещики полностью переходят от сдачи земли в аренду к ведению на ней хозяйства на базе наемного труда, обратимся сначала к описаниям хозяйственной организации имений старого типа, составленным преимущественно участниками научных экспедиций в Афганистан в 50—60-х годах.

Пожалуй, наиболее архаичная из сохранившихся юридических форм помещичьего владения — не облагаемый налогом наследственный вакф в пользу святого ходжи — описана французской экспедицией в 1956 г. в отдаленном районе к югу от Майманы, в деревне Ходжа-Канду. Земли деревни были разделены примерно на 440 постоянных наделов по 12 джарибов², которые сдавались в аренду крестьянам за чрезвычайно льготную в обычной практике Афганистана арендную плату — в $\frac{1}{5}$ урожая, но на условиях обеспечения самим арендатором всех прочих средств производства (включая оросительную воду, принадлежавшую общине крестьян-арендаторов). Помещик предоставлял арендатору выбор культур. Хотя сам ходжа жил в деревне, заключением арендных договоров и сбором арендной платы ведали управляющие из числа более состоятельных жителей деревни. Под началом у каждого из них находилось примерно по 30 наделов. И за эти услуги ходжа предоставлял им бесплатно по двойному наделу. Система уравнительного землепользования не создавала, однако, характерного для феодального средневековья уравнения крестьян по тяглу и непреодолимых препятствий для их расслоения. С одной стороны, крестьяне, не име-

² 1 джариб $\approx$ 0,2 га.

ющие упряжки быков, не могли получить надел в аренду и вынуждены были идти в батраки или отходники, а с другой стороны, владельцы нескольких упряжек быков арендовали несколько наделов. Зажиточные семьи также разводили овец, в том числе каракулевых (у двух семей их было по 300, у одной — 100 голов), и благодаря накоплению органических удобрений имели возможность интенсифицировать земледелие, расширяя в три раза по сравнению со всеми другими хозяйствами площади повторных посевов [13, 38—41; 14, 135—156].

В 1965 г. американские специалисты обследовали на вновь орошенных по государственному проекту землях долины Гильменда, в районе Шах-Малана, имение размером в 166 джарибов, включавшее 132 джариба пашни, около 5 джарибов залежей и 29 джарибов под усадьбой с садом. Пахотная земля сдавалась 12 арендаторам участками в среднем по 11 джарибов. Хозяйство велось экстенсивно, поскольку, несмотря на полную обеспеченность водой и благоприятные для выращивания двух урожаев климатические условия, повторные посевы производились только на 36 джарибах, или на 27,3% всей пашни [21, 26—27].

В 1964 г. в деревне Шукрабад, в Лагмане, нам довелось посетить мелкопоместное рисоводческое хозяйство размером в 65 джарибов с садом в 2 джариба. Хозяин — видный провинциальный чиновник — сдавал всю землю в аренду участками размером от 5 до 15 джарибов крестьянам на издольных условиях (дехкани) за $\frac{2}{3}$ урожая. Арендатор должен был иметь рабочий скот и инвентарь. Размер сдаваемого в обработку участка зависел от рабочей силы семьи самого арендатора и от его возможностей нанять сезонных и поденных батраков. Договоры на обработку земли были исключительно краткосрочные — на один сезон, т. е. шесть месяцев, по истечении которых помещик в зависимости от результатов работы арендатора мог его согнать и сдать участок другому. Снимали два урожая в год: риса и пшеницы. Только небольшой участок в 3 джариба на высоком берегу реки засеивался кукурузой. Периодически на всех полях деланками по 1 джарибу высевали персидский клевер для поддержания плодородия почвы. Помещик сам определял состав культур с учетом максимальной доли риса в посевах и давал семена. Весь урожай риса и помещик, и арендатор продавали. И все же хозяйство отличалось известной экстенсивностью: практиковался краткосрочный, не более 2,5 месяцев, пар между посевами риса и пшеницы, что не характерно для земледелия Лагмана; сроки предпосевной обработки почвы растягивались на 13—15 дней.

В 1954—1955 гг. Г. Ф. Шурманн посетил и описал несколько поместий в Гератском оазисе, принадлежавших помещикам-абсентеистам, постоянно жившим в городе. Деревня Кариз-Мул-ла, в 30 км южнее Герата, имение начальника уезда Шинданд,

состояла из двух больших окруженных стенами подворий (кала), в которых имелись жилые и хозяйственные помещения для 23—24 семей арендаторов (примерно необходимых для обработки всей земли имения). Однако поскольку одно подворье было совсем свободно и использовалось для зимнего содержания скота, а второе занимали только 14—15 арендаторских семей, можно заключить, что хозяйство велось крайне экстенсивно и значительная часть земли оставалась необработанной. Несмотря на сравнительно большое поголовье скота, почти совершенно не практиковалось внесение на поля органических удобрений. Единственным средством поддержания плодородия почвы был многолетний пар. Вся земля вдоль магистрального арыка из кяриза была разбита на 10—15 полос, обрабатывавшихся поочередно и на следующий год уходивших под пар. Арендатор получал лишь землю, причем столько, сколько он мог обработать своими силами, а также нужное количество воды из кяриза. Остальные средства производства он должен был иметь сам. Тип аренды — испольщина (киштаманди). Время от времени, когда наделы переставали соответствовать изменившимся возможностям и потребностям арендаторов, помещик производил передел участков, посылая для этого в деревню своего представителя-надсмотрщика (назира). При экстенсивности земледелия центр тяжести в хозяйстве переносился на овцеводство, которое имело в определенной мере товарный характер и являлось основной базой расслоения крестьян. Наиболее состоятельные из арендаторов накопили достаточно денежных средств, чтобы купить в 1953—1954 гг. в деревне Бадави, в 10 км к юго-западу от Герата, участки земли, доли оросительной воды из кяриза и построить там новые дома [18, 381—387, 391—393].

Другая деревня, Арзанабад (или Заманабад, по имени владельца — Заман-хана), в 50 км к востоку от Герата, по существу мало чем отличалась от Кариз-Муллы. Здесь была та же хозяйственная организация и тот же тип аренды. И основа материального достатка крестьянина была та же, что и в Кариз-Мулле, — скот. Но сочетание ряда неблагоприятных факторов, среди которых главную роль сыграли, по-видимому, массовые падежи скота, привело к полному разорению большинства крестьян деревни. Они были вынуждены уйти из Арзанабада и искать средства существования в качестве батраков. Из всех около 40 семей осталось пять-шесть, которым пришлось интенсифицировать земледелие, ставшее теперь главным источником дохода. Пар в Арзанабаде применялся только в течение нескольких месяцев в году на некоторых полях. В качестве средства повышения плодородия почвы в севооборот были включены бобовые [18, 395—396]. Но это не значит, конечно, что в целом хозяйство помещика велось интенсивно. Малочисленность крестьянских дворов свидетельствовала и здесь о чрез-

вычайно низком коэффициенте использования пахотных земель.

Более интенсивное помещичье хозяйство велось в пригородной зоне Герата. Расположенная в 20 км к юго-востоку от города деревня Кундур — имение начальника гератской таможни — славилась своими дынями, которые регулярно поставлялись на городской рынок. Дыни выращивали второй культурой после пшеницы или кормовых бобовых, высеваемых для повышения плодородия почвы. Условием получения земли в полную аренду (киштаманди) являлось здесь, как и в рисоводческом имении в Лагмане, не только наличие у арендатора скота и инвентаря, но и преимущественное выращивание товарных культур — в данном случае дынь и пшеницы. В большом (на 20—30 семей) подворье-кала все жилые помещения были заселены, что свидетельствовало о достаточно полном использовании земель. В условиях интенсивного хозяйства более глубоким было расслоение крестьян-арендаторов: с одной стороны, только около $\frac{1}{5}$ всех крестьян владели отарами овец и выгоняли их на летние пастбища в горы; с другой стороны, около 50 беднейших крестьян, большей частью холостых, оставались ухаживать за посевами этих более состоятельных хозяев [18, 197, 393—394].

Пример хозяйственной организации с применением фиксированной аренды и частично наемного труда описан в 1967 г. Г. Фоппелем в деревне Афшар, в овощеводческой зоне под Кабулом. Здесь находилось имение площадью в 142 джариба, из которых 100 джарибов пашни, 9 — залежей, использовавшихся под пастбище, 10 — сада и 23 джариба лесонасаждений. В имении работали три постоянных сельскохозяйственных рабочих, получавших денежную или натуральную фиксированную плату, которые, видимо, были заняты преимущественно в саду, на виноградниках, огородах и в усадьбе. Пахотные земли сдавались в аренду шести крестьянам, причем этим ведал специальный надзиратель. Он также следил за составом культур на арендуемых участках, поскольку этот состав здесь, как и в Кундуре и Шукрабаде (Лагман), целиком определял помещик, заинтересованный в получении наиболее ценной товарной продукции. За свои услуги надзиратель получал фиксированную плату либо деньгами по 450—600 афгани в месяц, либо натурой — 1—2 харвара зерна в год. Арендаторы также вносили фиксированную арендную плату помещику в размере 30—35 сиров³ пшеницы с каждого джариба земли, и само арендаторское хозяйство зачастую было весьма интенсифицировано, хотя еще и на старом техническом базисе [22, 252—257].

Только примерно к середине 60-х годов в Афганистане созрели определенные социально-экономические условия для по-

³ 1 харвар ≈ 565 кг; 1 сир ≈ 7 кг.

степенного внедрения в достаточно крупных частных сельскохозяйственных хозяйствах механизации и современной агротехники и в связи с этим произошел перелом в сознании части помещиков, дотоле не желавших вкладывать накопленные ими в торгово-финансовой и промышленной сфере капиталы в сельскохозяйственное производство. Именно на этой новой базе происходит начиная с указанного времени перестройка хозяйственной организации имений афганских помещиков, переориентирующихся уже на ведение собственного хозяйства с использованием в основном наемного труда. Как нам представляется, этим временем и следует датировать начало нового этапа хозяйственной эволюции помещичьих имений Афганистана — этапа перехода к капиталистическому предпринимательству.

Если в предшествующие периоды отмечалась известная интенсификация товарного хозяйства главным образом в специфических отраслях земледелия, производящих сравнительно дорогостоящую продукцию в расчете не столько на местный рынок, сколько на вывоз в другие районы или на экспорт из страны (рисоводство, виноградарство, овощеводство, свекловодство и др.), то на новом этапе процесс интенсификации затронул уже самую главную, самую массовую отрасль — производство пшеницы.

В 40—60-е годы вместе с постепенной диверсификацией развивающейся экономики Афганистана и все большей товарной специализацией ее отраслей росла численность населения (как городского, так и сельского), не производящего, но потребляющего хлеб, а следовательно, росли спрос и цены на товарное зерно. К середине 60-х годов при ежегодном производстве пшеницы до 2400 тыс. т потребность в ее товарном выходе увеличилась, по нашим ориентировочным подсчетам на основе официальных данных о численности городского и другого потребляющего населения [19, 3—4; 20, 1970, 23], до более чем 600 тыс. т, причем образовался постоянный дефицит товарного зерна в 150—200 тыс. т, для покрытия которого Афганистан вынужден был регулярно прибегать к импорту его из США, СССР и Пакистана. Быстрый рост цен на зерно, оправдывающий его дальние перевозки, а также улучшение в 60-х годах самих транспортных путей, облегчающих такие перевозки, явились главным стимулом для интенсификации зернового хозяйства в Афганистане.

Но немаловажную роль сыграли также поощрительные государственно-капиталистические мероприятия правительства. С помощью западных экспертов была разработана и принята в 1967 г. десятилетняя программа развития производства пшеницы с целью достижения самообеспечения и отказа от импорта. В качестве основных мер предусматривались завоз, испытание и распространение среди крестьян и помещиков на льготных условиях и частью даже бесплатно семян пшеницы высокоуро-

жайных, в основном мексиканских, сортов и минеральных удобрений, а также продажа им импортных сельскохозяйственных машин.

Правда, правительственная программа выполнялась крайне медленно. А сильная и затяжная засуха, постигшая страну в 1970/71—1971/72 гг., и в том числе охватившая районы, где вводились улучшенные семена пшеницы и удобрения, наглядно показала, что попытки осуществить это подобие «зеленой революции» сверху только путем их распространения, без применения всего комплекса современной агротехники и механизации, обречены на неудачу. Но некоторые помещики, оценив благоприятную конъюнктуру и приобретя импортную технику, семена и удобрения, стали при консультации агрономов из местных сельскохозяйственных органов добиваться в целом неплохих результатов.

Переход с середины 60-х годов части помещиков к прямым вложениям капитала в сельскохозяйственное производство нельзя не поставить в один ряд с активизацией в этот же период частного капитала в промышленности, с общим подъемом частного предпринимательства в производительных отраслях экономики Афганистана.

В литературе по существу пока отсутствует описание перестроенных на новый лад помещичьих хозяйств. Но весной 1970 г., во время поездки в Афганистан, нам довелось посетить некоторые из них.

Одним из пионеров механизации в сельском хозяйстве Афганистана был Сардар Мухаммад Атикулла Рафик — крупный помещик, владелец нескольких тысяч джарибов земли, крупнейший акционер торговой компании (ширкета) «Парван», получивший экономическое образование в Германии. Часть его земель была расположена двумя массивами к югу (около 1 тыс. джарибов) и к западу (около 2 тыс. джарибов) от Баглана. Еще в конце 40-х — начале 50-х годов, будучи министром сельского хозяйства, он, как сообщалось в афганской прессе, воспользовавшись кредитами государства и крупного ширкета свеклосахароварения, закупил за границей и установил на южном массиве два насоса с трубопроводами и небольшую гидротурбину на р. Кундуз, питающую эти насосы электроэнергией. Благодаря машинному орошению он стал получать со своих полей высокие урожаи хлопчатника, сахарной свеклы и пшеницы, окупившие в течение 7 лет все понесенные им затраты капитала в размере 4 тыс. долл. [10, 18.IX.1957; 6, 17.III.1952]. Затем он приобрел и тракторы. У него работают трактористы, а также механизаторы, обслуживающие насосную систему. Во время нашего посещения во второй половине марта на южном массиве была уже закончена полностью механизированная обработка почвы, включая нарезку борозд под рядовой посев хлопчатника и сахарной свеклы, а на западном массиве про-

изводилась вспашка залежного клина между полями пшеницы и свеклы. Работали два гусеничных трактора «Интернешнл» с дисковыми плугами.

Более полные данные об организации помещичьего хозяйства нового типа были получены в имении Хасана Али — богатого купца, владельца большого магазина и ремонтной мастерской в Кабуле. Имение размером в 570 джарибов располагалось близ шоссе на полпути между Багланом и Кундузом. Землю, ранее заболоченную, бросовую, помещик, по-видимому, купил за бесценок, а позднее при прокладке шоссе она была осушена за государственный счет. Для ее орошения Хасан Али установил две переносные помпы с резиновыми шлангами, качающие воду из местной речушки на высокую террасу. В посевах чередовались хлопчатник и пшеница, а также сахарная свекла, высеваемая после годичного черного пара. Основная предпосевная обработка и вспашка паров проводились колесным трактором с набором почвообрабатывающих орудий. Постоянный тракторист получал 2,5 тыс. афгани в месяц. Кроме него, работали еще 8 постоянных сельскохозяйственных рабочих, получавших по 8 тыс. афгани в год, не считая пищи и одежды или чаще денежных компенсаций — по 500 афгани за то и другое. В хозяйстве пока еще механизированный труд сочетался с ручным. После тракторной обработки лопатой прокапывались поперек пахоты оросительные борозды (один рабочий нажимал на рукоять лопаты, другой — подтягивал ее при помощи двух веревок), вручную сажали и убирали свеклу и хлопчатник, ухаживали за посевами и т. д. Однако механизация в имении Хасана Али не менее половины всех трудоемких операций, правильная и своевременная обработка почвы, высокая товарность производства, применение исключительно наемного труда с денежной оплатой — все это уже безусловно является новым, ранее невиданным в помещичьем хозяйстве Афганистана. Если раньше упряжкой волов вспахивали и бороновали за день 1 джариб, то теперь в имении трактором обрабатывалось ежедневно 15—20 джарибов.

О выгоды постепенной механизации все большего числа операций можно было судить на примере хозяйства Шах Мухаммад-хана Нанграхари — купца и депутата парламента, чье имение размером не менее 5 тыс. джарибов расположено в Пули-Имам-букри, близ головной части каналов Балха. В хозяйстве, имеющем хлопково-зерновое направление, имелись 4 колесных трактора с набором почвообрабатывающих орудий. Помещик использовал их не только для обработки земли, но и для других операций. Например, он применял дисковые бороны также и для обмолачивания зерна, полностью упразднив старый способ обмолота — вытаптывание снопов домашним скотом. Кроме того, он проводил сев тракторными сеялками. В конечном итоге ему удалось механизировать все операции, ко-

торые ранее осуществлялись при помощи упряжки быков, а также ряд ручных операций. Это дало возможность избавиться от ранее содержавшихся в имении 300 пар быков, на корм которым шла вся солома и часть зерна. Ныне продажа только соломы покрыла затраты на горюче-смазочные материалы для тракторов.

Многие помещики помимо обработки собственных полей широко практикуют сдачу тракторов на прокат соседям и благодаря этому довольно быстро окупают их стоимость. Покупная цена трактора с комплектом орудий — 350—400 тыс. афгани. Обычная плата за прокат — 150 афгани в час. При нормальной десятичасовой работе в день трактор может окупиться только за счет проката за 233—266 дней, а практически, при использовании и для собственных полей, — за 2—3 года. В прокат сдавал тракторы, например, крупный помещик Мудир Каюм — богатый купец, у которого много земель в нескольких районах по всему северу страны и 3 трактора (в том числе гусеничный), обслуживаемых тремя постоянными трактористами. Сдавал колесный трактор также помещик Мухаммад Казим, имевший около 200 джарибов рисово-пшеничных полей в районе Кундуза, мельницу и рисорушку с бензиновыми моторами и нанимавший тракториста и двух механиков. Свой колесный трактор сдавал и помещик Ходжа Низамуддин, владелец не менее 2 тыс. джарибов хлопково-пшеничных полей в районе Шибиргана. И это несмотря на то, что он вел собственное хозяйство весьма интенсивно: высевал пшеницу только завозных высокоурожайных сортов, регулярно применял минеральные удобрения, стремился полностью механизировать земледелие, для чего намерен был купить комбайн, и т. д.

Работающие в поле или перевозящие грузы на прицепах колесные тракторы мы видели и в других местах в районах Кундуза, Пули-Хумри, Мазари-Шарифа (например, у владельца 2 тыс. джарибов в районе деревни Жвандундара, недалеко от Самангана; у помещика в деревне Хазрати-Султан, по дороге на Ташкуртан; у некоторых помещиков под Балхом и т. д.).

В южных районах нам также довелось наблюдать за работой колесных тракторов во многих местах. Это было, в частности, на юго-западе, близ Дильарама, в имении Якуб Джана, размером около 4,5 тыс. джарибов, где с помощью механического насосного орошения выращивалась в основном пшеница завозных высокоурожайных сортов.

Во время поездки по вновь орошенным землям долины Гильменда мы побывали в мелком поместье размером 130 джарибов близ селения Хазарджуфт на канале Дарвешан. Хозяин, Абдулла Джан, не только обрабатывал трактором свои поля под хлопок, пшеницу и кукурузу завозных сортов, но и сдавал трактор напрокат соседям. То же самое нам сообщили и в име-

нии владельца 2 тыс. джарибов под самым Кандагаром, где с помощью трактора вспахивали землю под пшеницу, овощи и хлопчатник.

На юго-востоке страны, в районе Сарде, к югу от Газни, нам называли около десятка состоятельных землевладельцев в окрестных деревнях, имевших в собственности около 15 тракторов. В имении Абдул Вахеда близ деревни Сарде, где мы побывали, с площади примерно 280 джарибов в основном неполивных полей, обрабатываемых трактором, ежегодно собирали около 67 т зерна, главным образом пшеницы (по 12 ц/га). Из них 18 т потреблялось, 6 т составлял посевной фонд, а 32 т реализовалось на рынке (за 192 тыс. афгани) и почти целиком шло на покрытие расходов на горючее и смазочные материалы, на оплату тракториста по 2 тыс. афг. в месяц, на амортизацию трактора, а также на ежегодный взнос за сам трактор и орудия, купленные в рассрочку (всего 185 тыс. афг.). Остальные 11 т расходовались на оплату 6 постоянных рабочих-издольщиков, выполнявших все ручные операции по уходу за посевами и уборке урожая и получавших за это $\frac{1}{6}$ долю его. Таким образом, даже в период, пока не была погашена задолженность за трактор, хозяйство не терпело убытка. Оно даже получало прибыль за счет отдачи трактора в прокат, так как на полях самого имения он бывал занят лишь 6 месяцев в году по 6 часов в день.

В 1969 г. по заданию правительственных органов сельскохозяйственный факультет Кабульского университета с помощью американских экспертов провел в 44 имениях обследование первых результатов механизации с целью определения ее экономической эффективности [15]. Были обследованы 14 имений на севере, 12 — в районе Кабула и на юго-востоке, в Газнийской, Забульской и Пактийской провинциях, и 18 — на юге, в долинах Гильменда и Аргандаба. В опубликованном отчете приводятся лишь средние по всем имениям данные, однако и они весьма показательны. Все 44 имения довольно крупные — в среднем свыше 1 тыс. джарибов — и в большинстве имели 1—2 трактора. Главной культурой в них повсюду являлась пшеница — в среднем 73% площади, — в значительной мере представленная завозными высокоурожайными сортами и высевавшаяся с применением минеральных удобрений. На втором месте — свыше 6% — стоял хлопчатник, особенно на севере и частично на юге.

Хотя все тракторы были приобретены сравнительно незадолго (в среднем за 1,5 года) до момента обследования, однако уже за этот период произошли существенные сдвиги как в хозяйственной организации, так и в объеме и результатах производства в имениях.

Помещики согнали с земли «всех или большую часть своих арендаторов, которые представляли категорию более самостоя-

тельных землепользователей» [15, 22]. Вместо этого они стали в более широких масштабах практиковать наем неимущих батраков-издольщиков (дехкан) и оплачиваемых деньгами или натурой по фиксированным ставкам сельскохозяйственных рабочих: как постоянных (маздунов), так и сезонных и поденных (уджуракаров). В среднем на одно имение в 1967—1968 гг. по сравнению с периодом до покупки тракторов, т. е. 1963—1966 гг., число самостоятельных арендаторов сократилось с 7,3 до 4,1, или на 44%, а число батраков-издольщиков возросло с 7 до 8,7, или на 24%, постоянных сельскохозяйственных рабочих — с 2,7 до 3, или на 11%, и временных — со 158 до 210, или на 33%. В результате применения тракторов число единиц рабочего скота (быков) за тот же период уменьшилось в среднем с 11,2 до 4,4, или на 60%. Быки сохраняются ныне лишь для обработки самых мелких отдаленных участков.

Распашка залежей и перелогов увеличила площадь ежегодно засеваемых земель в имениях в среднем на 55% и вспахиваемых черных паров — на 39%. Площадь орошаемых земель либо за счет приобретения водяных насосов, либо просто за счет использования тракторов для быстрой планировки и обработки полей (чего не требовалось при неполивном земледелии) относительно возросла на 92% и, наоборот, площадь неорошаемых земель сократилась на 54%, т. е. практически часть неполивных земель была превращена в поливные. Одновременно на севере владельцы тракторов стали в широких масштабах приарендовывать земли под посевы пшеницы у соседних землевладельцев (и, видимо, у государства). Выгодность аренды этих земель обуславливалась низкими ставками арендной платы (эквивалентными не более $\frac{1}{10}$ урожая) вследствие их низкого плодородия и нехватки рабочей силы для их обработки, что приводило к постоянному превышению предложения сдаваемых в аренду богарных земель над спросом на них. В среднем на одно имение площадь арендуемой богарной земли, ранее весьма незначительная, увеличилась в 20 раз, несколько превысив площадь собственной поливной земли и в 2 раза — площадь собственной богарной земли.

Однако произошло не только расширение посевных площадей, но и (благодаря лучшей и своевременной обработке почвы) повышение урожайности основных культур. Урожайность поливной пшеницы увеличилась на 25%, богарной — на 15, ячменя — на 54, кукурузы — на 38, хлопка — на 53%. В результате расширения площадей и повышения урожайности ежегодный сбор указанных культур возрос соответственно на 98%, 1429, 120, 371 и 209%.

Повысился уровень товарности хозяйств. В среднем каждое из них увеличило за счет прироста продукции количество реализуемой на рынке пшеницы на 162%, ячменя (также в связи с сокращением поголовья быков) — на 1625, кукурузы — на 282,

хлопка — на 92, зерновых бобовых — на 121, кормовых бобовых — на 82, бахчевых — на 660, масличных — на 65, риса, сахарной свеклы, табака и т. п. — на 108%.

Наконец, общий экономический эффект от механизации производства выразился в следующих средних показателях дохода: от прироста продукции — 133,7 тыс. афг.; от сдачи тракторов напрокат в соседние хозяйства (по 168—174 афг. в час в среднем по 13 дней в году на севере, 16 — на юго-востоке и 4 — на юге) — 17 тыс.; от замены тракторами рабочего скота — 28,3 тыс.; итого — 179 тыс. афг. За вычетом эксплуатационных расходов в 77,8 тыс. и амортизации в 37,2 тыс., или всего 115 тыс. афг., это дало 64 тыс. афг. чистой прибыли. Правда, имеются различия по районам. На юго-востоке механизация оказалась даже убыточной из-за большого удельного веса низкоурожайных неполивных полей (как нам представляется, такой результат получился из-за недостаточного использования возможностей проката тракторов; ср. выше наши расчеты по Сарде, где тракторы сдавались в прокат на большее число дней). Зато на севере владельцы тракторов получили чистую прибыль, почти в 2,3 раза (около 146 тыс. афгани), а на юге — более чем в 1,3 раза (85 тыс. афгани) превышающую указанную среднюю величину [15, 8—25].

Переход помещичьих хозяйств к использованию тракторов осуществлялся весьма медленно. Первые 40 импортных тракторов были приобретены помещиками в 1954—1960 гг. Только в 60-х годах начали поступать более крупные партии тракторов. К 1967 г. в помещичьих хозяйствах насчитывалось около 450 тракторов, примерно в равном числе на севере и на юге [15, 2—4, 28; 16, 24.I.1969; 20, 1969, 4]. В конце 60-х годов, несмотря на большое число заявок от помещиков на приобретение тракторов, правительство приостановило их импорт, испугавшись в условиях и без того растущего аграрного перенаселения «дальнейшего вытеснения тракторами сельскохозяйственной рабочей силы» [15, 3]. В 1971 г. импорт тракторов возобновился. К началу 1972 г. у помещиков было уже около 600, а к началу 1973 г. — около 900 тракторов [16, 16.IX.1969; 12.I.1972; 7, 14.III.1972; 11, 15.XI.1972].

По данным, собранным в 1967 г. группой американских экспертов, тракторы приобретают в основном средние помещичьи хозяйства размером от 200 до 1 тыс. джарибов [12, 36]. Из приведенных выше примеров видно, что владельцами тракторов становятся и более крупные помещики. Но если ориентировочно принять, согласно нашим подсчетам, общее число помещиков, имеющих свыше 200 джарибов, в 15 тыс. [2, 113], то по отношению к ним 900 владельцев тракторов (более правильно — 850, учитывая, что у некоторых крупнейших из них — по 2—3 трактора) составят всего около 6%. Видимо, примерно таким был, по крайней мере в конце 60-х годов, удельный вес

наиболее интенсифицированных (на основе механизации) помещичьих хозяйств в Афганистане.

Таким образом, в подавляющей своей части помещичье, в основном абсентеистское, землевладение все еще является базой сохранения мелкого раздробленного хозяйства крестьян-арендаторов, арендующих из нужды и не имеющих средств и сил для повышения плодородия почвы, да к тому же стесненных узкими рамками краткосрочных арендных договоров. Во многих помещичьих имениях, как было показано выше на конкретных примерах, земледелие ведется крайне экстенсивно — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ площадей не обрабатывается и остается под парами и залежами. Давление растущего аграрного перенаселения и конкуренция арендаторов все еще оставляют «новым помещикам» — купцам и чиновникам — возможность для извлечения из своих имений максимального дохода не путем вложения капитала и повышения его органического состава, а посредством усиления эксплуатации труда крестьян-арендаторов, ухудшения условий аренды, ростовщического закабаления арендаторов.

Переход части помещиков к капиталистическому предпринимательству не устраняет в Афганистане давно назревавшей объективной необходимости проведения глубоких аграрных преобразований, направленных на уничтожение паразитического помещичьего землевладения и передачу помещичьих земель крестьянам с одновременным объединением последних в экономически крепкие производственные кооперативы. Лишь таким путем удалось бы не только решить коренной земельный вопрос для огромной массы (по нашим ориентировочным подсчетам, не менее 1—2 млн. семей) безземельных и малоземельных крестьян, но и вывести наконец из застойного, близкого к кризисному, состояния сельскохозяйственное производство Афганистана, хронически отстающее от растущих потребностей населения (дефицит товарного зерна и т. п.), от насущных нужд экономического развития страны (узость сырьевой базы для национальной промышленности и экспортных ресурсов для покрытия промышленного импорта).

Прежний, королевский режим не выдвинул ни одной конкретной программы сколько-нибудь существенных аграрных преобразований (несмотря на некоторые обнадеживающие декларации и предложения отдельных правительственных кабинетов). Его реальная аграрная политика сводилась лишь к мероприятиям по частичному ослаблению остроты аграрного вопроса, таким, как орошение государственных земель с обещанием раздать их крестьянам, создание маломощного сельскохозяйственного банка, длительное, но малоэффективное исследование возможности организации кооперативов, различные, в основном социально-культурные программы развития деревень и отсталых районов, а также отмеченные выше программы пропаганды и распространения высокоурожайных семян и

удобрений и т. п. Все это ни в коей мере не затрагивало основ существующего аграрного строя и объективно в совокупности с открытой поддержкой помещичьего предпринимательства означало ориентацию на медленный, консервативный, наиболее мучительный для крестьянства помещичий путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Уже через месяц после свержения 17 июля 1973 г. монархии и установления республиканского строя глава государства Мухаммед Дауд в своем «Обращении к нации» провозгласил программу аграрных преобразований, центральным пунктом которой является проведение «земельной реформы в интересах большинства народа» [9, 23.VIII.1973]. В августе 1975 г. опубликован закон о реформе, который должен был вступить в силу с августа 1976 г. Он декларирует ограничение помещичьего землевладения весьма низким пределом (100—200 джарибов) с выплатой в течение 25 лет компенсации помещикам и передачу земли безземельным крестьянам за выкуп [8, 6.VIII.1975]. Пока что республиканское правительство осуществило обещанное еще королевским режимом распределение среди крестьян ранее орошенных земель в районе Джалалабада, на востоке, и в долине Гильменда, на юге. Эта мера затронула немногим более 7 тыс. семей, что, разумеется, крайне незначительно по сравнению с указанным выше числом нуждающихся в земле [7, 30.X.1974; 16, 4.VI.1974; 9, 18.XI.1974]. В то же время провозглашена политика «поощрения частных инвестиций и частного предпринимательства» и с целью реализации этой политики принят специальный закон, который, по-видимому, распространяется (хотя это прямо и не оговорено) и на сельское хозяйство [9, 23.VIII.1973; 8, 18.VI.1974]. В полном соответствии с этим законом продолжается рост числа тракторов в помещичьих имениях. К 1975 г. их насчитывалось уже более 1 тыс. [7, 2.XI.1974; 24.IV.1975].

В какой мере будут сочетаться между собой, с одной стороны, программа поощрения помещичьего предпринимательства и, с другой стороны, программа радикального ограничения помещичьего землевладения, покажет будущее. Но, безусловно, ясно, что только при последовательном осуществлении этой второй программы могут быть достигнуты действительно глубокие прогрессивные сдвиги в сельском хозяйстве Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Т. 17.
2. Давыдов А. Д. Аграрный строй Афганистана (основные этапы развития). М., 1967.
3. Давыдов А. Д. Имения медресе Субханкули-хана в Балхе (по вакфной грамоте XVII в.). — «Краткие сообщения ИВ АН СССР». Вып. XXXVII. М., 1960.

4. Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954.
5. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960.
6. «Азад Афганистан».
7. «Анис».
8. «Джаридайи-расми».
9. «Джумхурият».
10. «Ислах».
11. «Караван».
12. «Agricultural Development in Afghanistan. A Report by the US Agricultural Review Team». Kabul, 1967.
13. Collin-Delavaud M. C. Deux exemples de mise en valeur dans l'Afghanistan septentrional.—«Bulletin de l'Association de géographes Français». Paris, 1958, № 273—274.
14. Collin-Delavaud M. C. Khoadja Qendu. Mise en valeur d'un piémont dans le Turkestan Afghan. Province de Maïmana.—«Annales de géographie». Paris, 1960, № 372.
15. Dawlaty Kh. The Effects of Tractors on Farm Output, Income and Employment during the Initial Stages of Farm Mechanization in Afghanistan. Kabul, 1969.
16. «Kabul Times».
17. Rives G. Les problèmes fondamentaux du droit rural afghan.—«Revue internationale de droit comparé». Paris, 1963, Année 15, № 1.
18. Schurmann H. F. The Mongols of Afghanistan. The Hague, 1962.
19. «Statistical Pocket-Book of Afghanistan». Ministry of Planning. Kabul, 1350 [1971/72].
20. «Survey of Progress». Ministry of Planning. Kabul.
21. Udall S. L., Dominy F. E. Shamalan Unit, Helmand-Arghandab Valley Development Project, Afghanistan. Feasibility Report. US Bureau of Reclamation. [Lashkar Gah], 1968.
22. Voppel G. Strukturgrundlagen und Wirtschaftsleben eines stadtnahen afghanischen Dorfes.—«Geographische Rundschau». Braunschweig, Jahrgang 19, 1967, H. 7.

РАЗДЕЛ III

ПУТИ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

П. П. Мусеев

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АЛЖИРЕ

Провозглашенный правительством Алжирской Народной Демократической Республики курс на преодоление отсталости и прогрессивное развитие включает три фундаментальных элемента: индустриализацию, аграрные преобразования и культурную революцию. Это означает, что решение аграрного вопроса в Алжире — одна из важнейших составных частей широкой программы радикальных преобразований, намеченных правительством этой арабской страны, официально заявившей об избрании некапиталистического пути развития.

Первая стадия аграрных преобразований, предусматривавшая ликвидацию колониального сектора в сельском хозяйстве, была осуществлена сразу же после завоевания страной политической независимости. Толчком, ускорившим проведение преобразований в деревне, было массовое бегство из Алжира французских колонистов, владевших лучшими землями. Правительство и правящая партия Фронт национального освобождения (ФНО), оценив обстановку, приняли в марте 1963 г. решение о национализации всех земель иностранцев и крупных владений алжирской феодальной верхушки, сотрудничавшей с колонистами. Мартовские декреты 1963 г. лишь юридически закрепили инициативу батраков и малоземельных крестьян, которые стихийно захватывали принадлежавшую иностранцам собственность и организовывали управление этим имуществом в интересах народных масс [подробнее см. 1, 136—207].

Ликвидация иностранного землевладения, в результате которой было передано в руки народа 2,7 млн. га лучших земель, облегчила положение лишь части крестьян. Наряду с наиболее развитым самоуправляемым сектором, охватывавшим в начале 70-х годов 2,3 млн. га, продолжал функционировать частный, или традиционный, сектор, который распространялся тогда почти на $\frac{2}{3}$ обрабатываемых земель (около 4,5 млн. га), но давал только $\frac{1}{3}$ всего сельскохозяйственного дохода [12, 1972, № 1399, 2528]. «Это два мира, две антитезы,— писал в 1972 г. орган Фронта национального освобождения еженедельник „Революсьон африкэн“,— которые сосуществуют уже 10 лет, и пришло время устранить эту аномалию» [13, 1972, № 413, 6].

В первом секторе было занято 135 тыс. постоянных рабочих и 100 тыс. временных (всего вместе с членами семьи — 1140 тыс. человек), во втором — 1,2 млн. человек (с членами семьи — около 8 млн., включая и не полностью занятых) [12, 1972, № 1399, 2528].

Традиционная деревня, обеспечивавшая работой и средствами существования более 80% самодеятельного сельского населения, на протяжении 9 лет, предшествовавших второй стадии аграрных преобразований, не оставалась на месте. На базе медленной буржуазной трансформации крупного докапиталистического землевладения, а также социальной дифференциации мелких товаропроизводителей происходила постепенная капиталистическая эволюция традиционного сектора. Внешние, наиболее яркие показатели этого процесса — начавшееся совершенствование технической базы земледелия (число тракторов в частном секторе возросло с 1 тыс. в 1962 г. до 29 тыс. в 1970 г. [5, 21.VI.1971]) и рост численности батраков. Но эти позитивные явления на фоне сохранявшегося общего засилья регрессивных социально-экономических структур лишь обостряли обстановку в деревне. Журнал «Альжери-актуалитэ», характеризуя положение в деревне на начало 70-х годов, сообщал: «После 1962 г. во многих деревнях не наблюдалось никаких улучшений, причем встречаются районы, где ситуация даже ухудшилась» [7, 1972, № 359, 5].

Частный сектор алжирской деревни отличался резкой диспропорциональностью в распределении земельной собственности между различными социальными категориями населения. Официальные данные, относящиеся к началу 70-х годов (см. таблицу), при всей их относительной достоверности (размер зе-

ЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ АЛЖИРСКОЙ ДЕРЕВНИ *

Категория сельского населения	Площадь землевла- дения, га	Число семей, тыс.	Процент семей к итогу	Процент земли у них к итогу
Безземельные крестьяне	—	500	46,0	—
Владельцы парцелл	до 5	310	28,5	10
Мелкие собственники	5—10	114	10,5	15
Крестьяне-середняки	10—50	147	13,5	50
Крупные землевладельцы	свыше 50	16,5	1,5	25

* [6, 60; 13, 1972, № 413, 9].

мельного владения, как известно, отнюдь не лучший критерий для группировки хозяйств), показывают, что безземельные крестьяне, перебивающиеся случайными заработками и помощью родственников, и владельцы парцелл (до 5 га), страдающие в условиях Алжира от острого малоземелья, тогда составляли

вместе почти $\frac{3}{4}$ семей, «занятых» в частном секторе алжирской деревни, но располагали на правах собственников лишь $\frac{1}{10}$ регистрируемых земель. Указанные категории крестьянства были представлены либо мелкими арендаторами, либо батраками в крупных хозяйствах капиталистического или переходного типов; при этом по-прежнему довольно широко была распространена докапиталистическая система хаммесата, при которой кабальный батрак-хаммес вкладывал в хозяйство земельного собственника свой труд и получал только $\frac{1}{5}$ собранного урожая.

В то же время крупные собственники (от 50 га и выше), составлявшие очень незначительную долю жителей деревни, сосредотачивали четверть освоенной площади. Значительная часть этих собственников — абсентеисты¹. Абсентизм ведет к забросу земли или малоэффективному ее использованию, перекачке доходов из деревни в город; крупные землевладельцы, переводя свои доходы в город, увеличивают разрыв между ним и деревней, тормозят прогресс сельского хозяйства, аннулируют усилия государства по развитию этой отрасли [13, 1971, № 405, 12].

Другая важная проблема алжирской деревни — аграрное перенаселение. Согласно материалам Департамента планирования и экономических исследований Алжира, в начале 70-х годов около половины трудоспособного населения в сельском хозяйстве составляли безработные и полубезработные [11, 1972, № 147, 33]. По другим данным, наличные трудовые ресурсы деревни использовались еще менее эффективно: даже в 1973 г., когда уже началась вторая стадия аграрных преобразований (с 1972 г.), постоянную работу имело только 35,6% сельского самодеятельного населения, 55,7% относилось к разряду частично занятого (не более 180 дней в году) и 8,7% — очень мало занятого [2, 9]. Особенно сильна безработица в менее развитых восточных районах. Важнейшие последствия аграрного перенаселения, являющегося основной проблемой относительно перенаселения в Алжире, — ухудшение положения трудящихся и увеличивающаяся миграция рабочей силы из деревни в город, а также за границу (за пределами страны проживает 850 тыс. алжирцев, или 10% всего самодеятельного населения [2, 8]).

Для традиционного сектора в целом характерен очень низкий уровень развития производительных сил, причем некоторые показатели свидетельствовали скорее о регрессе, чем о движении вперед. Так, за 60-е годы резко обозначилось снижение урожайности и производства как в зерновом хозяйстве,

¹ Абсентизмом считается ситуация, при которой крупный земельный собственник, не проживающий в своем имении, использует землю через посредство третьих лиц; включаются сюда и случаи, когда собственник, хотя и является резидентом, но не хозяйствует на своих землях, а сдает их в кабальную аренду крестьянам.

так и в экспортных отраслях. Урожайность пшеницы составляла около 5 ц/га. Даже по стандартам развивающихся стран это низкий показатель. Лишь в начале 70-х годов наметился рост сбора зерновых при продолжавшемся снижении производства технических культур (сахарная свекла, табак) и особенно сбора винограда [13, 1973, № 472, 9].

Остро стоит в Алжире проблема интенсификации сельскохозяйственного производства. На 15 млн. жителей страны, из которых $\frac{2}{3}$ — сельское население, в начале 70-х годов приходилось лишь 6,8 млн. га обрабатываемых земель; из них под посевами была только половина, а другую половину составляли пар и залежи [8, 1972, № 8, 2]; пригодные для обработки земли за 10 лет не только не увеличились, но, наоборот, уменьшились, так как ветровая и водная эрозия ежегодно изымала из земельного фонда 38 тыс. га, что сводило на нет усилия по вводу в обработку новых земель [4, 124].

К началу 70-х годов сельское хозяйство Алжира все хуже справлялось с задачей увеличения выхода товарной продукции для обеспечения потребностей растущего населения в продовольствии, а развивающейся промышленности в сырье. Было подсчитано, например, что при существующем уровне развития сельского хозяйства страны национальное производство могло давать лишь $\frac{2}{3}$ объема потребляемых в Алжире продуктов земледелия и животноводства, хотя рацион питания здесь, по данным ФАО, был скуднее, чем в других развивающихся государствах Средиземноморья [11, 1972, № 147, 33].

Положение, сложившееся в традиционном секторе деревни, противоречило и экономическим, и политическим целям развития страны. Оно препятствовало росту сельскохозяйственного производства, делало невозможным полное использование сельской рабочей силы, тормозило формирование внутреннего рынка для развивающейся национальной промышленности. Сохранение старых аграрных структур не способствовало и крупным инвестициям в сельском хозяйстве. Условия в деревне мешали производительному использованию средств, выделяемых государством феллаху: он расходовал полученные субсидии отнюдь не для капитальных вложений.

В Алжире все лучше сознавали, что усилия по индустриализации, различные мероприятия в области образования и формирования национальных кадров, а также меры по преодолению неравномерности развития разных районов не достигнут успеха, если одновременно не будет проведена кардинальная трансформация архаичного землевладения и землепользования, не улучшатся условия жизни крестьянских масс и не будет модернизировано сельскохозяйственное производство. «Бедные неимущие крестьяне в Алжире, как и везде, — плохие потребители промышленных товаров и плохие налогоплательщики. Современное сельское хозяйство должно стать рынком для про-

дукции национальной промышленности, тяжелой и легкой. В свою очередь оно обеспечит легкую и пищевую промышленность необходимым сырьем», — подчеркивал еженедельник «Альжери э-девелопман» [8, 1972, № 8, 3]. Многие в стране делали вывод, что «сегодня для 70% сельских жителей благополучие может принести только аграрная революция» [см. 13, 1972, № 413, 10].

В качестве основного политического мотива нынешних аграрных преобразований выдвигается то, что антиимпериалистическая война зародилась в деревне и 90% бойцов армии освобождения поставили трудящиеся феллахи, тогда как крупные земельные собственники занимали позицию «благоразумного выжидания», и что алжирские феллахи в войне с французским империализмом боролись и за отнятые у них, феллахов, земли [13, 1971, № 404, 13].

Социальный смысл настоящей стадии аграрных преобразований — ликвидировать влияние крупных земельных собственников в политической и экономической областях, улучшить условия жизни и труда феллахов, вывести их из-под влияния сельской элиты и приобщить к активной политической деятельности. Председатель Революционного совета, глава алжирского государства Х. Бумедьен заявил: «Нельзя мириться с тем, что благами прогресса пользуется лишь меньшинство алжирцев, в то время как остальные пребывают в состоянии слаборазвитости» [12, 1972, № 1401, 2646].

Таким образом, аграрные преобразования в Алжире — это необходимость, диктуемая комплексом социально-экономических и политических проблем, стоящих перед развивающейся страной.

Чем объяснить, что между первой и началом второй стадии аграрных преобразований в Алжире прошло девять лет? По-видимому, основное — это то, что, готовясь к проведению аграрных преобразований, впервые наносящих удар по позициям крупных местных собственников, алжирское руководство проявило максимум осторожности. Крупные землевладельцы, которые в ходе аграрных преобразований должны лишиться своего экономического могущества и политического престижа, оказывали и оказывают упорное сопротивление мероприятиям партии ФНО в деревне. Нельзя забывать также о явном и тайном противодействии со стороны чиновничьей бюрократии, многие представители которой вышли из богатых слоев.

Первый секретарь ЦК Партии социалистического авангарда Алжира С. Хаджерес подчеркивал: «Сопротивление, принимавшее различные формы, привело к тому, что аграрная реформа могла быть начата лишь 9 лет спустя после завоевания независимости и что она на каждом шагу сталкивается с огромными трудностями» [6, 86].

Открытое сопротивление крупных земельных собственников, сдержанное отношение к аграрной реформе чиновничьей бюро-

кратии вызывало в руководящих кругах стремление предугадать возможные последствия обострения классовой борьбы в деревне и выработать более гибкую тактику. Кроме того, в условиях низкой товарности алжирского сельского хозяйства и хронического продовольственного дефицита правительство АНДР не упускало из виду задачу избежать хотя бы временных спадов в производстве.

Президент Х. Бумедьен, как бы отвечая на упреки сторонников скорейших аграрных преобразований в медлительности властей с их проведением, в марте 1970 г. говорил: «Конечно, с политической точки зрения было бы выигрышным издать закон об аграрной реформе значительно раньше, ну, скажем, в 1966 г. Но сумели бы мы, не имея достаточно средств, осуществить реформу?» И далее он объяснял мотивы, руководствуясь которыми его правительство не спешило с проведением социально-экономических преобразований в деревне. На первый план среди этих мотивов он выдвинул необходимость самой тщательной, самой серьезной подготовки [10, 12]. Через два года Бумедьен остановился на опровержении слухов, по его мнению, «столь же тенденциозных, сколь и опасных», о том, что партия ФНО не проявила должной активности в решении аграрного вопроса. «Если революция,— заявил он,— занималась в последние годы проблемами срочного характера, предусматривающими прежде всего ликвидацию колониального наследия путем осуществления промышленной и культурной революции, то это вовсе не означает, что мы забросили деревню — первые очаги революции» [7, 1972, № 358, 5].

Вторая стадия преобразований в алжирской деревне получила в стране официальное название аграрной революции, а не реформы. Мотивируя это название, руководители Алжира заявляли, что аграрная реформа обычно направлена на то, чтобы путем простого перераспределения земельной собственности лишь затушевать коренные пороки во избежание обострения социальной напряженности и замедлить деградацию сельской экономики, не затрагивая социальной структуры деревни; мероприятия же в Алжире предусматривают глубокую трансформацию экономической и социальной структуры сельского хозяйства и потому являются подлинно революционным актом [8, 1972, № 8, 3].

Проект Хартии аграрной революции, устанавливавшей общие принципы преобразований в деревне, опубликованный в апреле 1970 г., обсуждался, улучшался, дополнялся всеми инстанциями партии ФНО и массовыми организациями в течение целого года. В начале мая 1971 г. проект поступил в Революционный совет и правительство. В ноябре 1971 г. появились на свет два важнейших документа — Закон о социалистическом управлении предприятиями и Хартия аграрной революции, которые «Революсьон африкэн» охарактеризовала как «самые

значительные явления первого этапа реализации четырехлетнего плана» [13, 1972, № 413, 6].

Хартия аграрной революции представляет собой демократическую по своим принципам программу преобразований, призванных ликвидировать докапиталистические формы земельной собственности и расчистить путь для прогрессивных сдвигов в жизни деревни. В ней провозглашен принцип: «Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает». В статье первой Закона об аграрной революции, принятого одновременно с Хартией и детализировавшего ее положения, установлены общие цели радикальных преобразований в деревне: уничтожение эксплуатации человека человеком; использование земли и средств труда таким образом, чтобы улучшалось сельскохозяйственное производство и повышался его технический уровень; справедливое распределение доходов между различными социальными группами сельского населения; радикальное изменение условий жизни и труда занятых в сельском хозяйстве [13, 1972, № 413, 12].

Для достижения этих целей предусмотрены следующие мероприятия: экспроприация собственности у землевладельцев-абсентеистов (исключение делается в отношении «абсентеистов поневоле» — мелких собственников, ушедших в город или эмигрировавших в поисках работы за границу, и крестьян, покинувших землю в ходе освободительной войны); ограничение крупных владений земельной площадью, соответствующей трудовым возможностям семьи земледельца и гарантирующей ему достаточный доход; передача в распоряжение Национального фонда аграрной революции (НФАР) пригодных к обработке земель, находящихся во владении общин, государственных и религиозных организаций; передача полученных таким способом земель нуждающимся крестьянам, в первую очередь лично обрабатывающим подлежащие экспроприации земли; объединение производителей в кооперативы; реорганизация скотоводства посредством регулирования поголовья стада, выработки новых правил использования пастбищ, введения нового законодательства о водопользовании, исключающего право частной собственности на воду; проведение обширного комплекса работ по модернизации сельскохозяйственного производства [13, 1972, № 413, 10—12].

Таким образом, Закон провозгласил очень широкие цели, которые выходят за рамки общедемократических преобразований. Радикальна и сумма мер, призванных обеспечить реализацию этих целей. Однако, как мы увидим ниже, пока еще между планами и степенью их осуществления сохраняется значительный разрыв.

Аграрная революция распространяется на все сельскохозяйственные земли, независимо от режима собственности (частные, общинные, коммунальные, казенные и др.) и характера их хозяйственного использования (пашни, пастбища, пальмовые

рощи, леса) [13, 1972, № 413, 12]. Земли самоуправляемого сектора не подлежат перераспределению среди крестьян. Исключение делается лишь в отношении площадей, которые продолжительное время не обрабатывались и могут рассматриваться как покинутые, а также в отношении мелких участков, географически удаленных от самоуправляемых ферм или непригодных для механизированной обработки [13, 1972, № 414, 6].

Хартия и Закон об аграрной революции не дали четкого определения границ частного землевладения. Вместо этого при установлении «потолка» земли крупных собственников и размера крестьянского надела предлагается руководствоваться такими критериями, как трудовые возможности семьи земледельца и размер дохода, достаточного для удовлетворения ее потребностей. Подпадающие под действие названного закона землевладельцы могут пользоваться этим для осуществления различных махинаций.

Собственники получают за отчужденные у них земли определенную компенсацию в виде государственных облигаций, которые, однако, не выплачиваются за земли, приобретенные крупными собственниками в период освободительной войны.

Аграрная революция предусматривает уничтожение не частной собственности на землю вообще, а лишь крупного землевладения. Наоборот, один из принципов ее — гарантия прав собственности мелких и средних крестьян, лично обрабатывающих свои наделы. Но законодательство запрещает на будущее всякую концентрацию земельных участков в одних руках во избежание нового обезземеливания крестьян. С этой целью вводится строгая регламентация земельных операций. В частности, земли, поступившие в Национальный фонд аграрной революции, считаются неотчуждаемым имуществом; при продаже частных земель, при сдаче их в аренду приоритетом пользуются государство и кооперативы [3, 60].

Для получения феллахом в ходе аграрной реформы земли необходимы следующие условия: физическая способность нового собственника обрабатывать полученный участок; отсутствие или недостаток земли у него; определенный срок проживания в данном районе. Среди лиц, отвечающих этим условиям, приоритетом пользуются крестьяне, фактически обрабатывающие реквизируемые земли, затем идут муджахиды — ветераны освободительной войны, дети погибших в вооруженной борьбе против колонизаторов, наконец, главы многодетных семей.

Так как основная цель преобразований — не только сократить разрыв в доходах различных групп сельского населения, но и резко поднять сельскохозяйственное производство в стране, особенно подчеркивается необходимость производственного кооперирования крестьян и предоставления им кредитной и технической помощи государства, а также строительства так называемых образцовых деревень.

По мнению главы государства, основная задача сельскохозяйственных кооперативов — вызвать к жизни и укрепить идею взаимопомощи и солидарности среди крестьян, с тем чтобы лица, получившие в ходе аграрной революции землю, могли обрабатывать ее в благоприятных условиях [12, 1972, № 1401, 2646]. Кооперирование должно содействовать распространению достижений технического прогресса и организации необходимых для развития деревни учреждений, а также улучшению условий жизни и труда мелких и средних крестьян. Через кооперативную систему государство надеется оказывать эффективную помощь мелкому феллаху и безземельному крестьянству. В то же время данная система должна способствовать интеграции процессов производства и сбыта, ибо, как подчеркивают руководители Алжира, обособление этих процессов явилось причиной эксплуатации мелких производителей торговцами-перекупщиками и разного рода спекулянтами. В Хартии аграрной революции говорится: «Очевидно, что для всех этих производителей, которые обрабатывают менее 10 га, всякий индивидуальный прогресс невозможен. Любое движение вперед предполагает их обязательное объединение, что позволит им с помощью государства добиться успеха» [13, 1972, № 420, 10].

Основные принципы кооперирования, зафиксированные в Хартии аграрной революции: добровольность членства, исключая возможность административного нажима в процессе кооперирования (это не распространяется на лиц, наделенных землей по реформе, для них членство обязательно); демократичность управления кооперативами, предусматривающая выборность и сменяемость их правлений; автономия кооперативов и самостоятельность принимаемых ими решений; использование доходов на благо пайщиков; полный запрет на вступление в кооперативы для сельских эксплуататоров (в соответствии с Хартией членами кооперативов должны быть только непосредственные производители, прежде всего мелкие товаропроизводители) [7, 1972, № 361, 5].

Общезвестно, что характер кооперации определяется политической надстройкой, т. е. зависит от состава классовых сил, осуществляющих политическое и экономическое руководство данным обществом. Согласно официальным заявлениям, в Алжире развитие кооперативной собственности и кооперативных форм труда должно открыть широкую перспективу для радикального изменения общественных отношений и вместе с развитием самоуправляемого сектора обеспечить условия для некапиталистического развития деревни. В Алжире постоянно подчеркивают, что успех аграрной революции в огромной степени связан с успехом кооперирования. «Кооперация, — писал журнал „Альжери-актуалитэ“, — это блестящая иллюстрация путей приобщения мелких производителей к социализму» [7, 1972, № 335, 4].

Так как кооперация призвана освободить мелких крестьян от эксплуатации и произвола деревенской элиты — сельских богатеев, неудивительно, что она была атакована со стороны именно этих противников аграрной революции. По свидетельству студентов-добровольцев, сельские богатеи ведут усиленную кампанию, стремясь дискредитировать эту форму крестьянской взаимопомощи. В частности, распространяются слухи, что кооперация — прежде всего эффективное средство контролировать урожай феллаха, что кооператор не сможет пользоваться плодами своего труда, что право собственности будет ликвидировано. Под влиянием подобной пропаганды идея кооперирования была встречена скептически и нередко враждебно даже частью сельских трудящихся. Как признал глава государства, идея кооперирования медленно воспринимается феллахами, и поэтому создание кооперативов проходит не без трудностей [11, 1972, № 147, 33].

По степени зрелости функциональных форм создаваемые кооперативные общества подразделяются на ряд видов: группы (ассоциации) взаимопомощи, товарищества по освоению земли, многоцелевая и производственная кооперация. Законодательство устанавливает, что феллахи сами выбирают наиболее приемлемую для них форму. Группы взаимопомощи и товарищества по освоению земли относятся к категории предкооперативных организаций. Они лишь создают условия для перехода крестьян к собственно кооперации.

Группы взаимопомощи организуются при наличии не менее трех членов с целью совместного использования машин (трактора, электродвигателя и т. п.).

Товарищества по освоению земли основываются двумя категориями сельских жителей: а) лицами, получившими по реформе либо вообще неплодородную, либо малопродуктивную землю из общественного фонда или из фонда земель, покинутых абсентеистами, б) мелкими крестьянами — собственниками малопродуктивных участков. Экономическая цель подобных организаций — поднять пустующие земли и тем самым пополнить в целом ограниченный фонд обрабатываемых площадей (в соответствии с Хартией аграрной революции намечено дополнительно ввести в хозяйственный оборот около 5 млн. га пустующих общественных земель), дать занятие сотням тысяч сельских жителей, страдающих от полной или частичной безработицы, повысить профессиональный и культурный уровень крестьян. Работы по освоению земли проводятся под контролем государства, которое обеспечивает членам товарищества минимум жизненных средств до тех пор, пока земли не начнут давать доход. После выполнения поставленных целей товарищества преобразуются в производственные кооперативы.

На многоцелевые кооперативы услуг как первое звено собственно кооперативных обществ возложены следующие задачи:

доставлять своим членам необходимые машины и инвентарь, материалы и продовольствие, осуществлять хранение, переработку и сбыт продукции пайщиков, основывать мастерские по обслуживанию. Эти кооперативы создаются по одному на каждую коммуну (в начале 70-х годов в Алжире была 691 коммуна) и в своей деятельности получают всевозможную поддержку народных коммунальных советов. Членами этих кооперативов в обязательном порядке становятся все находящиеся на территории данной коммуны самоуправляемые фермы, кооперативы муджахидов, товарищества по совместной эксплуатации земли, производственные кооперативы, а также все лица, получившие землю по реформе. Для собственников хозяйств, существовавших до начала второй стадии преобразований, членство в многоцелевом кооперативе услуг желательно, но не обязательно.

Многоцелевая кооперация — этот «важный институт и постоянный орган аграрной революции» [13, 1972, № 420, 11] — призвана активно участвовать в реализации планов национального развития на своей территории, в распределении кредитов и финансовой помощи, выделяемой государством для совершенствования производства в земледелии и животноводстве.

Высшее звено кооперативного движения — коллективные товарищества, формирующиеся в сфере производства. В этих кооперативах земли и другие средства производства пайщиков объединяются в единый производственный организм. Все операции по производству, хранению, транспортировке, переработке и сбыту продукции проводятся на коллективных началах.

Крестьяне, ставшие собственниками в ходе аграрной реформы и потому сразу же охватываемые кооперативами услуг, затем, как только создадутся необходимые экономические условия, должны вступить в производственные кооперативы. Членство в этих кооперативах с самого начала обязательно, если крестьянам передаются земли единого хозяйственного организма (не дробление крупных современных ферм, а превращение их в хозяйства коллективного сектора).

Разновидности производственных кооперативов — товарищества по совместной эксплуатации земли и так называемые кооперативы неразделенной собственности. В первых сохраняется индивидуальная собственность на средства производства. Во втором случае речь идет о землях, обрабатываемых сообща силами большой семьи на основе существующей в алжирской деревне традиции нераздельности имущества. Такое хозяйство трансформируется в семейный кооператив, функционирующий на базе общих правил кооперирования. Экономическая цель использования этой сельской традиции — избежать дробления хозяйственной единицы и снижения тем самым объема производства, социальная — улучшить условия труда и жизни феллахов.

К началу 1975 г. было создано свыше 5,3 тыс. кооперативов различного типа, в том числе 1,7 тыс. производственных [2, 9].

Государство оказывает всем кооперативам административную, техническую и финансовую помощь.

Руководящие круги Алжира полагают, что в итоге проведения преобразований будут существовать три основные социальные формы производства: система самоуправляемых хозяйств, возникшая по инициативе батраков и малоземельных крестьян сразу же после победы революции²; постоянно растущий кооперативный сектор как объединение свободных от эксплуатации производителей³; система частных хозяйств, преимущественно мелкотоварных, а не капиталистических. Правда, ни Хартия, ни Закон об аграрной революции не содержат прямого запрета на частнокапиталистическую деятельность в сельском хозяйстве. Но тот факт, что законоположения об аграрной реформе были приняты одновременно с Законом о социалистическом управлении предприятиями, и общая тенденция экономической политики государства говорят о том, что частнокапиталистическому укладу будут поставлены строгие рамки. Х. Бумедьен высказался на этот счет весьма определенно: «Государство,— подчеркнул он,— дало все необходимые гарантии частному сектору при условии, что он не воспользуется этим с целью ниспровержения фундаментальных основ революции» [12, 1972, № 1399, 884]. И далее: «Мы не собираемся оставлять дверь открытой для буржуазии. Это было бы беспрецедентным предательством» [13, 1972, № 420, 6].

Наряду с кооперированием составной частью аграрной революции должно являться создание «образцовых деревень» или «деревень аграрной революции» на месте поселений, разрушенных во время войны за независимость. Обязательные атрибуты таких деревень — школа, медицинский пункт, торговый центр, спортивная площадка, ибо строительство «образцовых деревень» предполагает не только модернизацию производственных процессов, но и улучшение материальных и культурных условий жизни крестьян. Программой предусмотрено создать 1 тыс. «образцовых деревень», жители которых объединяются в кооперативы. Строительство первой такой деревни было начато в августе 1972 г. [13, 1972, № 449, 9], а к концу 1975 г. их было создано более 100 [2, 9].

Аграрная революция рассчитана на длительный срок. Руководители Алжира подчеркивают, что вследствие сложности ее задач она требует выполнения ряда предварительных условий и должна осуществляться постепенно. Судя по их высказываниям, нынешняя стадия аграрных преобразований включает следую-

² Эти хозяйства имеют черты государственных и одновременно кооперативных организаций, что в значительной мере обусловлено особенностями их создания.

³ Полагают, что к началу 80-х годов кооперированием будет охвачено 70% сельского населения и около 80% обрабатываемых земель традиционного сектора [4, 130].

щие этапы, или фазы: первый этап — опись и передача крестьянам общественных (казенных, общинных, муниципальных) земель и хабусных (церковных) угодий; второй — опись и перераспределение частных земельных владений; третий — регулирование частнособственных отношений в скотоводческих районах.

В феврале 1972 г. на Национальной конференции народных коммунальных советов Х. Бумедьен призвал начать реализацию первого этапа аграрной революции. Это наиболее легко выполнимая фаза преобразований, поскольку она не предусматривала вторжения в частнособственные отношения. Вместе с тем это и наименее результативная фаза, ибо лучшие земли давно уже попали в частные руки.

Опись общественных земель, начавшаяся в марте 1972 г., к лету в основном была завершена. Всего было выявлено около 5 млн. га, но из них пригодными для распределения было признано менее 1 млн. га [14, 1973, № 216, 7]. Так как и эти земли для приведения их в продуктивное состояние нуждались в больших материальных затратах, то они передавались не отдельным лицам, а группам крестьян, которые осваивали их с помощью государства. Вручение крестьянам документов на владение общественными землями началось с июня 1972 г. На этом этапе аграрной реформы в НФАР поступило 863 тыс. га, из которых 788 тыс. распределены среди нуждающихся крестьян, а 75 тыс. по различным причинам оказалось вне распределения. Собственниками этих малопродуктивных земель стали 56 тыс. безземельных и малоземельных феллахов, создавших около 1 тыс. сельскохозяйственных кооперативов [2, 9; 14, 1973, № 216, 7]. Это лишь незначительно ослабило остроту земельного голода. В вилае Алжир, например, перепись обнаружила лишь 26,8 тыс. га казенных и хабусных земель, которые поступили в местный фонд аграрной реформы. Распределение их позволило удовлетворить нужды 2,5 тыс. семей. Кандидатов же на получение земли в этом районе — 6,5 тыс. семей [13, 1972, № 434, 7]. Следовательно, примерно для 60% нуждающихся крестьян реформа здесь должна была иметь реальное значение только на этапе перераспределения частных земель, т. е. на втором этапе.

В октябре 1972 г. состоялось заседание Национальной комиссии аграрной революции (НКАР) с участием Х. Бумедьена, где речь шла о необходимых мерах перехода ко второму этапу преобразований [13, 1972, № 452, 5]. Поскольку аграрные преобразования на этом этапе направлены прежде всего против тех, кто не живет в деревне и заставляет обрабатывать свои земли хаммесов, опись частной собственности началась со сбора необходимых сведений, касающихся абсентеизма. Эту работу проводили с марта по июль 1972 г. путем получения деклараций о местожительстве собственников, а в сентябре того же года

начали собственно описать частных земель и выявление их излишков.

К концу апреля 1973 г. опись частных земель завершилась, и с середины 1973 г. началось перераспределение частных земель. Полагали, что реформа затронет 8500 собственников, имеющих по 100 га земли и более и владеющих в совокупности 1,8 млн. га [15, 1972, № 204, 33]. «Если первая фаза аграрной революции не поставила проблем,— сказал глава государства,— поскольку речь шла только о переписи общественных земель и создании на них кооперативов феллахов, то вторая, наоборот, более сложна, так как речь идет о частных владениях, среди которых надо национализировать принадлежащие абсентеистам и ограничить крупные» [13, 1973, № 470, 13].

К концу 1975 г. планировалось в основном завершить первые два этапа аграрной реформы, в ходе которых земельные наделы должны были получить до 150 тыс. крестьянских семей, живущих в главных земледельческих районах на севере страны. Принимая во внимание, что армия остро нуждающихся в земле алжирских феллахов насчитывает свыше 800 тыс. семей (500 тыс. полностью безземельных и 310 тыс. владельцев парцелл), это означает, что даже при самом оптимальном варианте численность таких остро нуждающихся должна была остаться значительной. Из 4,5 млн. га обрабатываемых земель традиционного сектора перераспределению подлежало максимум 700 тыс. га [7, 1972, № 330, 6].

По состоянию на начало 1975 г., в НФАР поступило 656,6 тыс. га реквизируемых земель; из них 353,2 тыс. га были распределены среди 30 тыс. крестьянских дворов. Таким образом, число новых собственников на первом и втором этапах выросло к тому времени на 86 тыс. семей [2, 9].

Хотя рассчитанные на второй этап мероприятия далеко еще не завершены, с 1975 г. началась реализация задач третьего этапа аграрной реформы. Он осуществляется в обширной степной зоне, где главное занятие крестьян — скотоводство. В этой зоне, с ее 15 млн. га пастбищ, крупные собственники, составлявшие лишь 5% сельского населения, владели 50% поголовья скота, пользовались лучшими пастбищами и эксплуатировали беднейшее крестьянство и пастухов [5, 26.VIII.1974].

На этом этапе аграрной реформы предусматривается перевести на оседлый образ жизни 170 тыс. семей скотоводов-кочевников, ограничить размеры стада, находящегося в частном владении, перераспределить 8 млн. голов скота в пользу беднейших крестьянских семей, организовать их в кооперативы скотоводов и оказать им разнообразную материальную помощь. Большое значение придается широкому комплексу мероприятий по сохранению и благоустройству пастбищ, поднятию продуктивности скотоводства [2, 9; 5, 2.I.1975].

Для завершения планируемых аграрных преобразований по-

требуется, по-видимому, еще не один год. Но уже сейчас совершенно ясно, что реализация их составит важную веху в развитии национально-демократической революции вообще и повышении сельскохозяйственного производства в частности.

Второй четырехлетний план (1974—1977 гг.) намечает добиться роста производства основных продовольственных культур не менее чем на 20% и примерно такого же повышения занятости в деревне [2, 10].

Руководители Алжира отчетливо понимают необходимость политического обеспечения проводимых ими в деревне мероприятий. Для них было очевидно, что успех аграрных преобразований, как и других экономических мер, в огромной степени обусловлен уровнем мобилизации крестьянских масс и целеустремленностью действий политических учреждений крестьянства. Близкий к правительству печатный орган писал: «Подъем уровня самосознания масс, непосредственно заинтересованных в аграрной революции, следует рассматривать как основное условие успеха этой революции» [13, 1972, № 452, 5].

С опубликованием Хартии аграрной революции была проведена при участии активистов партии ФНО и административных органов кампания информации и мобилизации деревень. Состоялись митинги и собрания, были выпущены листовки и воззвания, разъяснявшие крестьянам значение, содержание и важность предстоявших преобразований. «Важно не распределение земель само по себе и не начало работ по строительству образцовых деревень, а цель и значение этих мероприятий, о чем должен знать каждый гражданин» — говорилось в «Революсьон африкэн» [13, 1972, № 458, 7].

Но успех этой кампании был далеко не полным. В алжирской печати приводились многочисленные факты о явно недостаточной осведомленности феллахов относительно целей и задач аграрной революции. Студенты-добровольцы, работавшие летом 1972 г. в одной из коммун столичной провинции, «были поражены почти полным отсутствием у местных жителей каких-либо сведений о прохождении в стране аграрной революции» [7, 1972, № 356, 5]. По наблюдениям другой группы студентов, информация относительно преобразований в деревне «была в большинстве случаев поверхностной или вообще отсутствовала» [7, 1972, № 357, 4].

В этой связи было признано необходимым установить прямые и постоянные контакты партии ФНО с крестьянскими массами. Первой мерой явилась активизация создания крестьянских союзов — массовых общественных организаций сельских трудящихся, которые должны приобщить безземельных крестьян и всех тех, кого не затронет реформа, к активной политической деятельности.

Кроме политических целей перед крестьянскими союзами ставятся и экономические задачи. Союзы призваны мобилизо-

вать сельские массы на подъем традиционного сектора путем проведения общественных работ по ирригации, механизации, строительству загонов для скота и т. д. [8, 1973, № 14, 5].

Однако массовые организации, которые по идее должны были объединить бедняков, на практике нередко оказывались, как сообщалось в «Революсьон африкэн», под контролем крупных собственников или их подставных лиц [13, 1973, № 475, 13]. Упомянутые выше студенты-добровольцы были очевидцами аномалий в деятельности крестьянских союзов, в большинстве случаев не включавших никаких безземельных крестьян. В этой связи они единодушно подчеркивали срочную необходимость создания боевых и подлинно крестьянских союзов [7, 1972, № 359, 6]. В ноябре 1972 г. был создан национальный семинар крестьянских союзов с тем, чтобы резко повысить роль этих организаций на втором этапе реформы. В марте 1973 г. на специальном заседании, посвященном анализу деятельности Национального союза алжирских крестьян, Х. Бумедьен призвал создавать «условия, которые позволят крестьянскому союзу стать эффективной организацией, способной принять активное участие в формировании кадров, пригодных к проведению политических акций и к практической работе на земле» [13, 1973, № 472, 6]. С середины 1973 г. началась перегруппировка крестьянских союзов, и в 1974 г. они насчитывали уже 600 тыс. членов [13, 1975, № 577, 25].

Предусматривалось, что при формировании местных и общенациональных органов реализации аграрной реформы власти на всех уровнях будут руководствоваться двумя главными принципами: обязательное участие крестьянской бедноты во всех операциях, связанных с учетом и распределением земель, созданием и деятельностью кооперативов, и мобилизация всех политических институтов страны [14, 1973, № 216, 7]. «Ни одна революция, — говорится в Хартии, — не может обойтись без знаний и опыта крестьян... Поэтому безземельное и бедное крестьянство займет преобладающее место во всех органах аграрной революции. В результате те, кто выдержал на своих плечах гнет эксплуатации и внес наибольший вклад в дело освобождения, смогут сами защищать свои интересы и содействовать правильному и неукоснительному претворению в жизнь аграрной революции» [13, 1971, № 408, 7]. Ставилась конкретная задача, чтобы лица, непосредственно заинтересованные в аграрных преобразованиях, составляли не менее половины всех членов народных коммунальных собраний — основных местных органов по осуществлению реформы в деревне [13, 1972, № 435, 7].

Однако на практике эти директивы нередко нарушаются. «Революсьон африкэн» с тревогой констатировал, что «в народных коммунальных собраниях феллахи плохо представлены или отсутствуют совсем... И вообще можно утверждать, что

крестьяне не принимали участия в делах, связанных с осуществлением первой фазы аграрной революции» [13, 1973, № 475, 13]. По наблюдениям студентов столичного университета, «представители сельской администрации чаще бывают ближе к земельной буржуазии, чем к феллахам» [7, 1972, № 357, 4].

Аграрные преобразования приобрели характер своеобразного экзамена для прогрессивных сил Алжира, и прежде всего для партии ФНО, действующей через свои организации в центре и на местах, а также через массовые крестьянские организации. Хартия определяет роль партии ФНО как гаранта верности курса алжирского руководства, как определяющей и решающей силы.

Партийные организации в деревнях пока малочисленны и слабы. Поэтому местные организации ФНО не всегда могли успешно противостоять враждебной пропаганде крупных землевладельцев, оказывать влияние на настроение трудовых феллахов и активно содействовать прогрессивной ориентации [13, 1975, № 577, 24—25]. Президент Бумедьен на совещании партийных кадров в мае 1974 г. был вынужден признать, что ФНО не выступал в роли проводника и защитника официального курса, хотя эта миссия была возложена на него самой властью [см. 6, 86]. В конце 1974 г. были приняты меры по активизации деятельности партии в деревне и укреплению ее связи с массами феллахов. Глава государства неоднократно призывал кадры ФНО вносить свой вклад в осуществление аграрных преобразований, активно вступать в контакты с жителями отдаленных деревень, рассеивать у них ложные представления о революции, рассказывать правду о ней и вообще использовать любые средства, чтобы быть ближе к крестьянским массам [13, 1972, № 420, 6].

Прогрессивные силы города активно и последовательно выступают за проведение радикальных преобразований в деревне. Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАТ) призвал оказывать содействие феллахам, крепить солидарность между городом и деревней. На своем заседании в апреле 1973 г. он принял специальную резолюцию в поддержку аграрных мероприятий [13, 1973, № 477, 27].

По инициативе городских рабочих был основан Фонд солидарности аграрной революции, в который трудящиеся делают определенные взносы. В конце каждой рабочей недели бригады рабочих едут в деревню, чтобы помочь своим братьям-феллахам. Брошен лозунг: «Труд всех во имя всех!» Трудящиеся городов в своем огромном большинстве понимают, что реформа служит интересам каждого, кто нуждается в действительной социальной справедливости.

С лета 1972 г. началась кампания по добровольному участию студенчества в осуществлении реформы. Студенты проводят

описи земель, строят «образцовые деревни», разъясняют крестьянам смысл и цели преобразований, значение кооперирования и т. д.

Руководители Алжира стремились также придать широкие масштабы движению за добровольную передачу земель в Национальный фонд аграрной революции. Х. Бумедьен в феврале 1972 г. призвал первыми сделать это членов Революционного совета и правительства [12, 1972, № 1399, 884]. Призыв главы государства к развертыванию патриотического движения за добровольный отказ от земельной собственности лиц, прямо не связанных с сельским хозяйством, нашел определенный отклик. К началу 1973 г. в Фонд аграрной революции поступило в качестве добровольного дара 60 тыс. га земли, 8 тыс. фруктовых и пальмовых деревьев и 20 млн. динаров [14, 1973, № 216, 7].

Вполне естественно и то, что аграрная реформа стала объектом острой классовой борьбы. Внутренняя реакция, образовавшая политический альянс крупных землевладельцев, местной буржуазии и связанной с ними части бюрократических кругов, повела яростную кампанию против революции, апеллируя к частнособственническим настроениям крестьянства. Возросло число случаев саботажа, запугивания и прямого давления на крестьян. Дело дошло до того, что крестьяне в ряде мест из-за нежелания вступать в кооперативы отказывались получать земли [7, 1972, № 356, 5]. В другом случае они делали это из религиозных соображений, так как распределялись бывшие хабусные (церковные) земли [13, 1972, № 458, 8—9].

В свою очередь крупные землевладельцы встретили аграрную реформу в определенном смысле уже подготовленными. Вопрос о необходимости перераспределения земли в традиционном секторе был поставлен сразу же после ликвидации иностранного землевладения и создания самоуправляемого сектора. К 1966 г. был уже разработан первый вариант аграрной реформы. Угроза отчуждения вынудила крупных землевладельцев Алжира принять энергичные меры по децентрализации своей земельной собственности, чтобы тем самым максимально уменьшить масштабы убытков в итоге предстоявшей аграрной реформы.

Революционно-демократическое правительство Алжира понимает, что одни лишь аграрные преобразования, даже самые радикальные, не могут обеспечить коренного улучшения положения в деревне и полностью устранить причины медленного экономического развития страны и что необходим комплекс глубоких социально-экономических преобразований, которые бы кардинально изменили всю модель социально-экономического и политического прогресса. Однако, по свидетельству С. Хаджесы, на современном этапе общественного развития страны все более явственно встает проблема преодоления разрыва между избранной ориентацией и ее реальным осуществлением, провоз-

глашаемыми планами и их претворением в жизнь [6, 86]. Этот разрыв особенно четко прослеживается при проведении аграрных преобразований, успех которых в конечном счете решается прочностью объединенного фронта всех антиимпериалистических и антифеодальных сил, заинтересованных в последовательном осуществлении радикальных перемен в городе и деревне.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Аграрный вопрос в странах Азии и Северной Африки». М., 1968.
2. Бондаренко И. И. Социально-политические преобразования в Алжире.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 1.
3. Карим А. Аграрные преобразования в Алжире.— «Проблемы мира и социализма». 1973, № 1.
4. Потемкин Ю. Проблемы алжирской деревни.— «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 3.
5. «Правда».
6. Хаджес С. От фронта освобождения к фронту созидания.— «Проблемы мира и социализма». 1975, № 1.
7. «Algérie-actualité».
8. «Algérie et développement».
9. «L'Algérie en chiffres. 1962—1972». Alger, 1972.
10. Boumédiène H. La révolution socialiste a rendu aux travailleurs agricoles leur dignité et leur rang. Algér, 1971.
11. «Le Commerce du Levant».
12. «Marchés tropicaux et méditerranéens».
13. «Révolution africaine».
14. «Révolution et travail».
15. «Syrie et monde arabe».

ОБЩИНА И АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ГВИНЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В некоторых исследованиях по аграрным проблемам современного Востока обращается внимание на имеющееся в нашей литературе преувеличение уровня развития мелкотоварного уклада и соответственно степени мелкобуржуазности афроазиатской деревни [16, 30]. Такое преувеличение (равно как и недооценка традиционных общинных отношений) может привести к недостоверному освещению перспектив аграрного развития той или иной страны. Это обстоятельство особенно важно учитывать при изучении общественных отношений в странах Тропической Африки, где большинство населения составляет крестьянство, более или менее прочно связанное с патриархально-общинным укладом.

Устойчивость различных форм коллективного землевладения в Тропической Африке, восходящих к традиционным общинным отношениям, является серьезным барьером на пути развития здесь мелкотоварного уклада и капиталистических методов хозяйствования [12, 137]. В этой связи перед странами социалистической ориентации данного региона и перед исследователями этих стран во весь рост встает вопрос о том, в какой степени отдельные стороны общины могут быть использованы в целях некапиталистического преобразования деревни.

Однозначное решение вопроса об использовании и преобразовании традиционных отношений и о связанной с этим реализации антикапиталистических потенций общинного крестьянства представляется невозможным. Прежде всего это обуславливается различиями в степени разложения общины и темпах становления частной собственности в разных странах и районах. Аграрная структура даже в рамках одной страны — Гвинейской Республики — весьма мозаична. Она дает примеры самых разных порайонных перепадов в уровне развития мелкотоварного уклада. В общем плане для нее характерно некоторое преобладание мелких индивидуальных хозяйств на натуральной основе. Наряду с этим у отдельных этнических групп отмечается наличие патриархальной семьи и первобытного коммунизма почти в нетронutom виде [18, 251—253].

Все это делает необходимым строго дифференцированно подходить к изучению проблемы традиционных общинных структур и их роли в процессе прогрессивных аграрных преобразований.

В научной литературе имеются различные точки зрения по вопросу о судьбе общинной организации. Одни авторы считают, что «прогресс требует разрушения семейных структур. Он может идти только через усиление, во вред коллективным формам,

мелкого производства» [21, 231]. Предсказывается естественная смерть этой древней социально-экономической ячейки и укоренившихся на ее базе традиционных институтов: «...Путь к социально-экономическому прогрессу африканской деревни лежит в стороне от общины. Очевидно, развитие производительных сил африканской деревни возможно только через мелкотоварное производство» [13, 120].

Тезис об отрицательной роли общины при проведении аграрных реформ, помимо акцентирования тормозящего влияния ее перерождающихся или переродившихся институтов на развитие производительных сил, аргументируется указанием на критический подход к общине в работах К. Маркса, посвященных анализу последствий господства британского колониализма в Индии, а также на необходимость определенных объективных условий для преобразования общины на пути к социализму [13, 119].

Согласно второй точке зрения, речь должна идти об экономическом, политическом и идеологическом воздействии, управлении процессом разложения общины. Такая мера позволяет в ходе аграрных преобразований опираться на присущие общине тенденции коллективизма, взаимопомощи, демократического решения многих общих дел, общественной собственности на естественные предпосылки производства и крупные орудия труда [9, 140—141].

Наличие противоположных точек зрения объясняется, на наш взгляд, не только различиями в методологическом подходе их авторов к проблеме, но и тем, что во многих случаях речь идет об общине вообще как социальной организации определенного типа, без учета ее специфических черт, обусловленных степенью ее разложения, ее региональной и этнической принадлежностью, наконец, целями и этапами аграрных реформ. Такой чисто теоретический подход является лишь необходимой предпосылкой анализа роли общины в процессе аграрных преобразований. Плодотворность дискуссии здесь возможна только при уточнении, о какой именно общине идет речь.

В предлагаемой статье делается попытка установить специфику взаимосвязи производительных сил и производственных отношений традиционного базиса, элементов традиционной и новой надстройки, их влияние на судьбу общинной организации; вычленить главную сущностную черту общины вообще как социальной организации определенного типа, присущей, по словам К. Маркса, на пороге истории всем культурным народам [3, 20], а также рассмотреть процесс ее трансформации на материале конкретной страны и выяснить роль ее отдельных элементов в ходе аграрных преобразований.

Прежде всего судьба общинной организации самым тесным образом связана с уровнем развития производительных сил. Изучение этого вопроса позволило авторам коллективной моно-

графии «Некапиталистический путь развития стран Африки» заключить, что во многих странах Тропической Африки «производительные силы не достигли того уровня, чтобы существующие производственные отношения стали для них тормозом» [15, 27]. Общинный строй, который остается господствующим в ряде районов континента, в частности в Гвинее, несмотря на более или менее сильное воздействие в колониальную эпоху и после провозглашения независимости страны товарно-денежных отношений, еще не создал внутри себя те силы, которые призваны его уничтожить. Это означает, что в странах, где община сохранилась в широких масштабах (хотя уже и подверглась разложению), происходит некоторое развитие производительных сил в рамках существующих производственных отношений и, следовательно, на начальном этапе аграрных преобразований при социалистической ориентации имеется возможность использовать отдельные элементы производственных отношений общинного типа, в частности такие, как общинная форма землепользования, коллективное владение или пользование частью средств производства, коллективная организация трудового процесса, традиции взаимопомощи, незавершенность процесса освобождения от коллектива индивидуального производителя.

Но перечисленные элементы традиционных производственных отношений носят относительно позитивный характер при рассмотрении их только как *формы развития производительных сил*. Рассматривая же эти элементы как *базис существующего переходного общества*, можно констатировать его значительное отставание от новой надстройки. Существование мировой социалистической системы, распространение идей научного социализма среди прогрессивных сил и национально-демократического руководства, выдвижение задач социального и экономического освобождения народа способствовали формированию элементов новой надстройки в соответствии с усвоенной в определенной мере научной идеологией. Надстроечные отношения нового типа, опережая традиционный базис, не столько определяют им, сколько пытаются подтянуть последний до своего уровня.

Данное обстоятельство отмечено в работах советских ученых [см., например, 14, 60]. Но сама констатация этого факта еще не дает четкого представления о специфике взаимодействия новой надстройки с традиционным базисом и традиционной надстройкой, ибо не учитывает их сложной структуры.

Для уточнения вопроса необходимо, на наш взгляд, отметить следующее:

новая надстройка опережает базис лишь в том смысле, что она не имеет под собой широкой социально-экономической основы, а поэтому не носит законченного, цельного характера. Она сосуществует с элементами традиционной надстройки, пытаясь в некоторых случаях опираться на них;

новая надстройка не может не отражать традиционных производственных отношений, но это отражение имеет в известной степени отрицательный характер, т. е. привносит в идеологию национальной демократии, в ее экономическую и политическую деятельность мелкобуржуазные или иные иллюзии;

утверждение новой надстройки сдерживается слабостью ее идеологического элемента, т. е. непоследовательностью и нечеткостью идеологических позиций национальной демократии как следствия ее социальной неоднородности и переходной классовой сущности;

институциональная часть надстройки, т. е. государственные учреждения и общественные организации, носит на себе «родимые пятна» как колониальной эпохи, так и буржуазной демократии; идеологические отношения, свойственные собственно новой надстройке, нередко переплетаются с институционально не оформленными идеологическими отношениями, традиционной общественной психологией и в известной мере заглушаются и искажаются ими;

традиционные надстроечные институты в результате как естественного развития, так и воздействия товарно-денежных отношений перерождаются зачастую в свою противоположность и не только пассивны, но и враждебны институтам и учреждениям новой надстройки, в связи с чем «инфраструктура власти», особенно на стыке двух типов надстроечных институтов, носит дуалистический характер;

тот факт, что новая надстройка стремится сформировать соответствующий ей базис, притом в силу специфики социально-экономической структуры, прежде всего в сфере сельского хозяйства (это проявляется в более или менее успешных попытках национально-демократического руководства ряда стран осуществить производственное кооперирование крестьянства), делает на определенный срок неизбежным опережение новой надстройкой традиционного базиса, а также отставание сознания основной массы крестьянства от политических целей и характера социально-экономических преобразований.

Изложенные моменты позволяют наметить ряд узловых, на наш взгляд, пунктов в изучении вопроса о судьбе общинной организации в странах, провозгласивших социалистическую ориентацию.

Тезис об использовании элементов общинного владения и соответствующих им народных обычаев в целях сокращения процесса развития к социалистическому обществу, выдвинутый основоположниками научного коммунизма [8, 446], нашел свое подтверждение в процессе кооперирования крестьянства, например в республиках Средней Азии и Казахстана, в отдельных районах Сибири и Дальнего Востока. Но вряд ли было бы правильным делать из этого вывод об обязательности использования некоторых сторон общинной жизни в аграрных преобразо-

ваниях в странах Тропической Африки, провозгласивших социалистическую ориентацию. Этот процесс происходит здесь в качественно иных условиях. Характер соотношения производительных сил и производственных отношений в некоторых странах региона свидетельствует лишь о гипотетической возможности использования общинных элементов. Сущностная характеристика производственных отношений в их взаимосвязи с новой и традиционной надстройкой также не позволяет решить вопрос однозначно.

Наряду с этим мы являемся свидетелями неоднократных попыток политического руководства ряда стран, провозгласивших социалистическую ориентацию, опереться на коллективистские традиции общины при организации сбытовых и производственных кооперативов. Эти попытки обусловлены, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, большинство стран Тропической Африки исходной точкой аграрных преобразований имеют общину, ибо общинное землевладение и землепользование являются здесь широко распространенными и нередко преобладающими. Во-вторых, сказывается ограниченность национально-демократической идеологии, идеализация патриархально-общинных отношений, преувеличение их близости к социалистическим формам производственных отношений. «...Первобытный тип кооперативного или коллективного производства, — заметил К. Маркс, — был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства» [4, 404]. Это положение в известной степени справедливо и для современного состояния общины в Тропической Африке. В-третьих, весьма важен политический аспект использования общины. Тот факт, что новая надстройка еще не имеет широкой базы в сознании масс, не всегда опирается на их сознательную поддержку, обусловил необходимость проведения тактики, направленной на сокращение разрыва между идеологией национально-демократического руководства и представлениями крестьянских масс, на «смягчение» перехода этих масс к новым формам и методам хозяйствования. В данных конкретных условиях кажется абсолютно верным такое наблюдение: «Крестьянину очень трудно представить общество, отличное от того, в котором он живет, и еще труднее признать, что оно будет лучше существующего» [18, 348]. Следовательно, использование отдельных сторон традиционных отношений служит временной формой более медленного, ступенчатого, опосредствованного привлечения крестьянства к активному участию в модернизации ведения хозяйства. Кроме этих основных причин следует также учесть, что подобное преобразование через общину несколько ограничивает рост частной инициативы и способствует сдерживанию процесса урбанизации.

В конечном счете использование некоторых общинных традиций в ходе аграрных преобразований на пути социалистиче-

ской ориентации является прежде всего одной из форм регулирования процесса разложения общины. Поэтому важной задачей становится анализ степени разложения общины на конкретном материале страны или определенного региона и изучение достижений и трудностей в процессе аграрных преобразований, которые имеют исходной точкой общины, находящиеся на различных стадиях разложения.

Исследуя индийскую общину, К. Маркс отметил постоянство экономической структуры азиатских обществ. Главной причиной жизнеспособности общинной организации, ее сущностной чертой он считал «простоту производственного механизма», т. е. основанное на общинной собственности на землю и крупные орудия труда «плановое разделение труда», которое регулируется законом, действующим «с непреложной силой закона природы» [5, 370—371]. «Изумительную приспособляемость» общинной организации «в различнейших областях общественной жизни», ее «жизненную силу», подчеркивал Ф. Энгельс на основе изучения германской марки, а также русской общины [6, 337; 8, 444]. Неизменность основных экономических элементов русской общины подметил в свое время А. И. Герцен [10, 323]. В советской литературе по этому вопросу приводятся свидетельства о сохранении общинной организации на территории Советской России вплоть до начала коллективизации [11, 3—4]. Те же основные черты отмечаются современными зарубежными исследователями и в отношении общинной организации Западной и Центральной Африки: «...различные формы рабства и феодализма в Африке представляют собой лишь надстройку, хотя и выходящую над традиционной земледельческой общиной, но не разрушающую ее» [17, 81].

Таким образом, вывод основоположников научного социализма справедлив не только в отношении индийской общины, но и общины русской, германской, африканской, хотя между ними существуют различия, обусловленные историческими, а также национальными или этническими факторами. Простота производственного механизма — главная сущностная черта этой социально-экономической ячейки — обуславливает устойчивость основных экономических элементов общины, ее относительную автономность по отношению к надстройке рабовладельческого или феодального типа, а также застойность духовной жизни. Мощнейшим фактором разрушения общины выступает стихийный рост товарно-денежных отношений и проникновение в нее капиталистических методов хозяйствования [6, 337—341].

На основании сказанного мы используем в качестве методологического принципа для выделения различных стадий трансформации общины уровень развития внутри нее товарно-денежных отношений.

Предлагаемое выделение стадий трансформации общины опирается на анализ процессов, происходивших в Гвинее в 50—

60-х годах. Большую помощь автору оказали выводы прогрессивного французского ученого Ж. Сюрэ-Канала, сделанные им на основе материалов демографического обследования (1954—1955), личных наблюдений во время его пятилетнего пребывания в Гвинейской Республике (1959—1963), наконец, специального изучения этого вопроса (1967—1968). Нужно уточнить, что различные стадии трансформации общины выделены не только в результате исторического анализа — в не меньшей степени их специфика обусловлена локальными факторами. Поэтому целесообразно описывать их, давая краткую социально-экономическую характеристику отдельных районов Гвинеи, каковыми, согласно санкционированному правительством в 1962 г. и традиционному в научной литературе региональному делению страны, являются: Средняя Гвинея, или Фута-Джалон; Лесная Гвинея; Приморская, или Нижняя, Гвинея и Верхняя Гвинея [подробнее см. 18, 29—80, 350—358].

Население Фута-Джалона в изучаемый период объединялось по этническим или племенным признакам в небольшие замкнутые группы. Крупные поселения встречались редко. Как правило, это были административные центры провинций. В основном же деревня объединяла одно большое семейство, которое вело хозяйство на натуральной основе. Деревни простирались на 5—6 км. Население Фута-Джалона перешло к оседлому образу жизни, но в некоторых районах (например в Бенне) практиковалось отгонное скотоводство. Родовая и племенная солидарность проявлялась в большей степени в социальном и религиозном планах. В хозяйственной деятельности она отражалась слабо. Все это способствовало формированию местнического, «регионалистского» сознания.

Здесь уместно, на наш взгляд, провести некоторые параллели с характеристикой общинной организации, дававшейся К. Марксом, который неоднократно отмечал «самодовлеющую инерцию сельских общин», их «независимый характер» и внутреннюю обреченность на «обособленное существование» [2, 227; 1, 134 и др.].

Рассказывая о политической работе партии среди крестьянства Фута-Джалона, генеральный секретарь Демократической партии Гвинеи А. Секу Туре отмечает полукочевой образ жизни, полное отсутствие промышленности и вялость торговых отношений, что не позволяло крестьянину выйти на арену общественной жизни. Одним из самых серьезных препятствий на пути повышения социальной активности крестьянства А. Секу Туре считает вождей района, которые отличались особой жестокостью. В этом отношении интересно следующее замечание К. Маркса: «...Изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он

встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм» [4, 405].

В Фута-Джалоне наиболее ярко проявилась устойчивость основных экономических элементов общины, базирующихся на застойном, неподвижном хозяйстве, вследствие почти полного отсутствия торговых связей. Именно для этого района характерна первая стадия трансформации общины, которую мы условно называем *натурально-общинной*.

В экономическом плане ее отличительными особенностями являются, во-первых, устойчивость основных экономических элементов при натуральном хозяйстве, носящем застойный, неподвижный характер; во-вторых, отсутствие или крайняя неразвитость торговых связей с внешним миром; в-третьих, сохранение отмечавшейся К. Марксом при анализе индийской общины «наихудшей черты» общинной организации, а именно «распадения общества на однородные, не связанные между собой атомы» [2, 227], что особенно справедливо в отношении хозяйственной деятельности.

В социальном плане она характеризуется, во-первых, четкой иерархией социальной организации в рамках этнической группы; во-вторых, преобладанием местнического, «регионалистского» сознания, поддерживаемого замкнутостью в узком кругу общинного микрокосма; в-третьих, пассивностью крестьянства по отношению ко всему, что выходит за границы обособленного существования, застойностью духовной и социальной деятельности общинников.

По свидетельству А. Секу Туре, крестьянин в Фута-Джалоне был более угнетен, эксплуатируем, чем в других районах, но социальные антагонизмы между эксплуататорской верхушкой традиционного характера и эксплуатируемыми крестьянами не выливались в открытые конфликты [22, 75]. Отсутствие экономического динамизма, непроницаемость для всего нового обусловили тот факт, что в процессе вовлечения крестьянства в антиколониальную борьбу руководство ДПГ именно в Фута-Джалоне столкнулось с наибольшими трудностями. Фута-Джалон, пишет А. Секу Туре, был регионом, крестьянство которого последним поддержало политику ДПГ [22, 77].

Значительные трудности встают перед национально-демократическим руководством и при попытках производственного кооперирования крестьянства в этом районе. Эти трудности двоякого рода. Первая связана с характером власти на местах. Она принадлежит национально-демократическому руководству нередко лишь формально, юридически. Реальной же властью в большей степени обладает традиционная верхушка в лице вождей и старейшин, которые или всячески препятствуют организации кооперативов, боясь потерять власть над соплеменниками, или, при наличии кооператива, стараются обеспечить свое руководство им. В последнем случае они почти не встречают пре-

пятствий со стороны трудового крестьянства, так как представления о сакральном характере власти вождей и старейшин довольно распространены в сознании общинников. Поэтому одна из главных трудностей, возникших на пути аграрных реформ, состояла в сложности отрыва трудового крестьянства от традиционной верхушки и высвобождения его из-под почти неограниченной власти вождей.

Вторая трудность вызывается низкими потребностями крестьян. Повышение уровня производства при наличии первой стадии трансформации общины наталкивается на специфическое препятствие, носящее не только экономический, но и социально-психологический характер. Будучи заинтересованным в производстве лишь настолько, чтобы получить самое необходимое для жизни, крестьянин не видит стимулов к повышению производительности труда, интересы государства остаются для него пока интересами абстрактными. «В настоящее время крестьяне,— отмечал по этому поводу А. Секу Туре,— продав несколько килограммов фонио (мучнистый корнеплод.— В. Л.) или картофеля... выручают достаточно денег, чтобы спокойно жить весь год, потому что они не видят необходимости в постройке прочного дома, тем более — в электричестве или водопроводе, в покупке кровати для каждого члена своей семьи или одежды для детей» [23, 250—251]. В связи с такой ситуацией само по себе снабжение деревни товарами широкого потребления не решает проблемы повышения уровня потребностей, так как существующие потребительские традиции и предубеждения сужают внутренний рынок.

Таким образом, первая стадия трансформации общины, характерная для Фута-Джалона, создает специфические препятствия на пути перестройки сельскохозяйственного производства на кооперативной основе, внедрения новых форм и методов хозяйствования.

Другая картина состояния общинной организации наблюдается в Лесной Гвинее. Кратко ее можно характеризовать следующим образом.

В экономическом плане здешнюю общинную организацию отличают, во-первых, преобладание натурального хозяйства, но наряду с ним, в качестве побочного явления, существование товарного сектора; во-вторых, разрушение хозяйственной замкнутости, наличие торговых связей.

В социальном плане ее особенности заключаются, во-первых, в отсутствии строгой деспотической иерархии социальной организации, откуда следует меньшая степень эксплуатации рядовых общинников со стороны племенной знати; во-вторых, в большей активности духовной и социальной жизни.

Эту стадию трансформации общины мы условно определяем как *натурально-товарную, переходную к товарно-натуральной*. На этапе борьбы за независимость отличительной чертой райо-

нов с преобладанием этой формы трансформации общины являлась такая развитость социальной активности крестьянства, которая уже позволяла объединять его в борьбе против эксплуатации извне.

Выделение этой переходной стадии представляется целесообразным и оправданным методологически также потому, что осознание общинным крестьянством своего положения эксплуатации извне. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно отмечали, что общины могут существовать на протяжении тысячелетий, «пока общение с внешним миром (курсив мой.— В. Л.) не породит внутри этих общин имущественные различия, вследствие которых наступает их разложение» [7, 152, см. также 7, 165, 322—323; 5, 97]. Только через осознание внешней эксплуатации при наличии торговых связей общинный крестьянин приходит к пониманию сущности эксплуатации внутри общины, тем более что последняя завуалирована родо-племенными отношениями, религиозной идеологией, которые сдерживают становление классового самосознания. По свидетельству А. Секу Туре, в результате оживления торговых отношений, активизации хозяйственной и общественной жизни удалось привлечь крестьян этого района Гвинеи к антиколониальной борьбе под лозунгом борьбы против скупщиков продукции [22, 74].

Эта стадия трансформации общины характеризуется также тем, что в процессе расширения общиной своих связей с внешним миром и проникновения в нее товарно-денежных отношений возникает специфическое противоречие между традиционной общинной верхушкой, власть которой уже не носит ярко выраженного деспотического характера, и нарождающейся прослойкой сельской буржуазии. Хотя, конечно, часто наблюдается взаимопроникновение и слияние этих двух элементов социальной структуры деревни, сбрасывать со счетов наличие такого противоречия неправомерно. Выход крестьян за границы общины кладет начало преодолению родо-племенной психологии, повышению уровня потребностей, а противоречие между традиционной верхушкой и мелкобуржуазной прослойкой крестьянства постепенно, но неизбежно ведет к его высвобождению из-под власти вождей. В то же время нарождающаяся сельская буржуазия еще далека от того, чтобы окончательно стать хозяйкой в деревне. Все эти процессы создают условия для дальнейшего подъема уровня социальной активности крестьянства, для реализации антикапиталистических потенций крестьян, ведущих хозяйство в основном на натуральной основе, для становления на местах национально-демократической власти как власти действительной, а не формальной.

Было бы опрометчивым на основании ряда фактов делать вывод о том, что более благоприятные условия для аграрных преобразований существуют на какой-либо одной данной стадии

трансформации общины, но нельзя не упомянуть того, что, констатируя в 1970 г. в целом неудачу кооперативного движения в стране, орган ДПГ «Оройа» отмечала успешную работу производственных кооперативов в некоторых районах именно Лесной Гвинеи (Киссидугу, Гекеду) [19, 1970, № 60, 33]. Успех сопутствовал и деятельности по созданию коллективных плантаций в этих районах, где их в конце 60-х годов насчитывалось около 800 [18, 195].

В большинстве районов Нижней Гвинеи наблюдается наивысшая в стране степень распада традиционных общинных связей. Еще до завоевания независимости здесь, вследствие широко развитого производства на экспорт, а также для снабжения продовольствием столицы, получили распространение товарно-денежные отношения. В некоторых районах Нижней Гвинеи уже тогда сложилась прослойка местной сельской буржуазии [18, 55]. Значительное влияние на разрушение традиционной общинной организации оказало развитие добывающей промышленности, а также связанное с сезонными работами отходничество. Все это содействовало активизации общественной жизни в деревне. Для Нижней Гвинеи в основном характерна третья стадия трансформации общины, которую мы условно называем стадией *товарно-натуральной*.

В экономическом плане она отличается, во-первых, разрушением натуральной основы хозяйства, дроблением «большой семьи» на мелкие хозяйства, которые ведутся членами «малой семьи»; во-вторых, активностью торговых связей, развитостью товарно-денежных отношений; в-третьих, ростом товарного сектора, который уже не является побочным, но существует на равных правах с натуральным хозяйством или даже несколько преобладает.

В социальном плане эта стадия характеризуется, во-первых, формированием прослойки сельской буржуазии; во-вторых, ростом классового самосознания крестьянства, повышением уровня его социальной активности; в-третьих, перемещением центра тяжести обусловленности традиционных отношений и связей из области экономической и социальной в область общественной психологии.

Именно в Нижней Гвинее процесс объединения масс под лозунгом антиколониальной, антиимпериалистической борьбы протекал в более благоприятных условиях [22, 72—73]. Напряженность классовых противоречий позволила объединить крестьян в борьбе не только против внешней эксплуатации, но в некоторых случаях и против мелкой национальной буржуазии и традиционной элиты. На этой стадии обыденное сознание масс в определенной степени подготовлено к восприятию идеологии национально-демократического руководства, т. е. имеют субъективные предпосылки для раскрытия антикапиталистических потенций крестьянства.

Но если община, находящаяся на данной стадии своего разложения, создала наиболее благоприятные предпосылки для привлечения крестьянства к антиколониальной борьбе, то в процессе кооперирования она послужила источником значительных трудностей. С одной стороны, прослойка сельской буржуазии всеми способами тормозит организацию кооперативов или пытается установить свой контроль над ними в случае ослабления деятельности национально-демократического руководства на том или ином участке экономической и политической работы. С другой стороны, разрушение традиционных общинных институтов и формирование в крестьянской массе собственнической психологии привели к тому, что крестьяне объединяются в кооперативы лишь для получения помощи от государства (техники, тяглового скота и др.), но «каждая семья хочет оставить за собой частную собственность» [20, 18.I.1973]. Эти два фактора сыграли немаловажную роль в неудаче кооперативного движения в Нижней Гвинее, где, по свидетельству «Оройи», оно столкнулось с наибольшими трудностями [19, 1970, № 52, 12].

Отсутствие достаточного фактического материала, а также чрезвычайно пестрая этнографическая карта Верхней Гвинеи не позволяют сделать какие-либо определенные выводы в отношении этого района. Некоторые сведения, приводимые Ж. Сюрэ-Каналем, дают возможность с большой долей условности заключить, что процесс распада патриархальной семьи в Верхней Гвинее ведет к сближению состояния здешней общины с натурально-товарной стадией трансформации. Следует отметить, что внутри каждого природного района важен учет локальных исторических и этнических особенностей, ибо приведенные формы трансформации общины являются далеко не единственными, а лишь в большей или меньшей степени преобладающими в том или ином районе.

Выделение стадий разложения общины и даже краткая их социально-экономическая характеристика позволяют заключить, что необходима дифференциация форм и методов начальных этапов кооперирования в различных районах страны.

Если говорить вообще о производственном кооперировании крестьянства, то оно понимается политическим руководством стран, провозгласивших социалистическую ориентацию, как одно из главных средств аграрных преобразований. Естественно, что в конкретных условиях данных стран на базе существующих производственных отношений складываются различные простейшие формы кооперативов, соответствующие переходному периоду. К таковым относятся и кооперативы, основанные на использовании традиционного института коллективного поля, практиковавшиеся в 60-х годах в Гвинее.

До завоевания независимости в Гвинее имелись деревенские и кантональные коллективные поля. Продукт с коллективных

полей позволял покрывать некоторые коллективные расходы (праздники, налоги, приемы иностранцев). Но этот институт способствовал вместе с тем классовому расслоению общины. Доходом с него распоряжался деревенский вождь, и такое поле становилось источником обогащения деревенской верхушки, которая паразитировала на обычае коллективной трудовой повинности. Принудительное использование этой традиции в колониальную эпоху, внесение в нее элемента внеэкономического принуждения породило психологическое наследие, которое сыграло отрицательную роль при организации кооперативов на основе коллективных полей. Кантональные вожди были окружены ненавистью, и это недовольство распространялось на обычай коллективного поля. После завоевания независимости коллективные поля и плантации в некоторых районах были конфискованы крестьянами в пользу деревенской общины [18, 195].

По данным на 1970 год, коллективные поля существовали в большинстве деревень [19, 1970, № 60, 34]. Доход с них шел в кассы деревенских комитетов и не только покрывал обычные коллективные расходы (праздники, налоги и т. д.), но и служил источником финансирования некоторых местных нужд (строительство школ, диспансеров).

Рассматривая вопрос о будущем коллективных полей, Ж. Сюрэ-Каналь говорит, что этот традиционный институт «несовместим с современным рациональным ведением хозяйства, которое предполагает квалифицированный персонал и каждодневные заботы, а не работу по несколько дней в году» [18, 195]. Но проблема несовместимости заключается не только в отсутствии квалифицированного персонала и каждодневных забот. Это одновременно проблема механизации, кадров, нерешенность которой отрицательно сказывается на всех производственных формах сельского хозяйства африканских стран. Специфическая причина несовместимости коллективных полей с социально передовыми производственными формами — отсутствие принципа материальной заинтересованности. Продукт коллективных полей идет на общие нужды. У крестьянина при его нынешнем сознании нет должного стимула для повышения производительности труда, тем более что личные потребности удовлетворяются нередко за счет индивидуальных участков. Сказывается психологическое наследие колониальной эпохи, когда коллективное поле вводилось в принудительном порядке. Несоблюдение принципа материальной заинтересованности сыграло важную роль в неудаче кооперативного движения, имеющего исходным пунктом коллективное поле. Этот традиционный институт можно рассматривать лишь как простейшую, зачаточную форму кооператива, как один из тех обычаев общинного землепользования, опора на который возможна на начальной стадии кооперирования.

Хорошие результаты, особенно в первые годы после завоевания независимости, дало в Гвинее использование незанятой рабочей силы на добровольных коллективных началах при выполнении различных общественных работ: прокладке дорог, строительстве школ, диспансеров, зданий партийных органов. Этот метод, продолжающий традиции общинной жизни, получил название «трудовых инвестиций». По некоторым подсчетам, за 1959—1963 гг. таким образом было выполнено работ примерно на сумму 3 млрд. гвинейских франков [18, 164].

Необходимо вместе с тем отметить, что самым успешным это движение было там, где оно отвечало непосредственным, насущным нуждам населения. Работы, эффект от которых достигается лишь через относительно большой срок (например, борьба с эрозией, лесопосадки, сооружение плотин, дренажных каналов и т. п.), вызывали гораздо меньше энтузиазма [18, 164]. Этот факт лишний раз доказывает, что опора на отдельные элементы традиционных отношений предполагает борьбу против местных тенденций, так как элементы коллективизма, взаимопомощи ограничены рамками общины и, выступая как своеобразный «коллективный индивидуализм», в некоторых случаях препятствуют процессу национальной консолидации. Следовательно, одной из важнейших задач аграрных преобразований является преодоление тенденции к консервации всех без исключения общинных институтов. Но эффективные результаты здесь возможны лишь на основе коренного изменения материальной жизни, форм труда и быта общинников.

Этой цели должны были служить три типа сельскохозяйственных коллективов, организация которых была намечена в первом трехлетнем плане экономического развития Гвинеи (1960—1963 гг.): государственные фермы, призванные производить экспортные культуры; центры модернизации сельскохозяйственных методов, с помощью которых предполагалось регулировать направления развития сельскохозяйственного производства; сельскохозяйственные производственные кооперативы от самых простых, образуемых для совместного использования инвентаря, до стоящих на более высокой ступени, предусматривающих создание коллективных полей на новых землях [18, 187—188].

Вопросы развития кооперативного движения в Гвинейской Республике, его трудности и неудачи довольно подробно освещены в литературе. Здесь мы лишь вкратце суммируем некоторые специфические причины неудачи производственного кооперирования крестьянства Гвинеи в 60-х годах.

Во-первых, организация кооперативов происходила при нарастающем сопротивлении буржуазных элементов, что особенно характерно для некоторых районов Нижней Гвинеи [19, 1970, № 52, 12]. Это, по-видимому, явилось неожиданностью для руководства ДПГ, и эффективного средства борьбы против

как бюрократической, так и сельской буржуазии оно на первых порах не нашло. В результате «большинство сельскохозяйственных машин, ввезенных для помощи крестьянам», оказалось «в руках чиновников, в основном коммерсантов, ответственных административных работников, работающих в городах, или богатых крестьян» [19, 1970, № 60, 32].

Рождение, по образному выражению Ж. Сюрэ-Канала, «тракторной буржуазии» [18, 260], ссужавшей машины крестьянам под кабальный процент, стало одной из новых форм классовой дифференциации. Бюрократическая буржуазия, которая завладела большей частью сельскохозяйственных машин (особенно после передачи руководства центрами модернизации сельскохозяйственных методов районам), организовала также саботаж решений ДПГ в сфере внутренней торговли. Распределение товаров осуществлялось нередко без учета экономического положения отдельных районов, что увеличивало разрыв в их хозяйственных уровнях и тормозило экономическое развитие всей страны.

Классовые противоречия выразились и в организации семейных псевдокооперативов представителями традиционной верхушки и сельской буржуазии. Сказалась недооценка руководством особенностей классовой борьбы в деревне. Бедное крестьянство не было оторвано от деревенской верхушки, не было ей противопоставлено, что стало почвой для организации такого рода лжекооперативов.

Во-вторых, недостаточный учет политического значения процесса кооперирования привел к тому, что создание кооперативов понималось крестьянами не как необходимое условие развития страны, а как возможность получения помощи от государства. Главное внимание они продолжали уделять индивидуальным участкам. Иждивенческие настроения в среде крестьянства вообще смазывали политический аспект деятельности кооперативов. Такие кооперативы, естественно, не могли серьезно содействовать изменению социально-экономической структуры деревни, трансформации производственных отношений.

В-третьих, акцент на традиционный коллективизм африканского крестьянства (особенно на начальном этапе) принизил роль воспитательной работы в деревне, повлек за собой игнорирование принципа материальной заинтересованности, что не позволило в значительной мере повысить производительность труда и увеличить объем выпускаемой продукции.

В-четвертых, традиционно низкий уровень потребностей крестьянства, потребительские предрассудки и наряду с этим недостаток товаров широкого потребления, которые могли бы стимулировать повышение уровня потребностей, воспрепятствовали в ряде случаев предусматривавшемуся администрацией переходу к расширенному воспроизводству.

В-пятых, недооценка социально-экономической специфики районов, неоднородности общинного крестьянства и его региональных психологических особенностей обусловила однотипные формы и методы кооперирования, что значительно снизило его эффективность.

В-шестых, малочисленность партийных кадров, имеющих организационный опыт и обеспечивающих проведение политики ДПГ, недобросовестность руководства на местах, а подчас и открытый саботаж им выполнения программы кооперирования, привели к искажению целей и задач кооперирования. Это способствовало пассивному отношению к нему крестьянства, тем более что созданные хозяйства по форме в известной мере были схожи с институтами, образованными в колониальную эпоху, или являлись, так сказать, их продолжением [18, 188].

Наконец, в-седьмых, неправильное использование тракторов, недостаток агрономических знаний повлекли за собой прогрессирующее бесплодие почвы. «Оройя» констатировала, что «наблюдаются случаи ухода некоторых деревень с земель, которые они до этого обрабатывали, так как эти земли стали непродуктивными из-за слишком глубокой вспашки, выведшей на поверхность бесплодные слои почвы» [19, 1970, № 60, 24].

Встретившиеся при кооперировании трудности заставили внести коррективы в стратегию аграрных преобразований. С 1968 г. в Гвинее началась организация местных революционных властей (МРВ), которые, по замыслу, должны способствовать выдвижению на первый план в процессе кооперирования его политического аспекта. Местные революционные власти призваны защищать крестьянина от формирующейся сельской буржуазии, контролировать проведение политики партии в деревне, реорганизовывать кооперативное движение. Этому активно сопротивляется деревенская верхушка, которая пытается применить тактику развала МРВ изнутри. Поэтому признание политической зрелости МРВ связывается в стране прежде всего с эффективностью его руководства экономической жизнью деревни: «Единство политическое и единство социальное, которое воплощается в МРВ, должно сплавляться в единство экономическое» [20, 18.I.1973]. Таким образом, взгляды национально-демократического руководства Гвинейской Республики на значение кооперативного движения эволюционируют от понимания его лишь как экономической необходимости через признание классовой борьбы к осознанию его политического значения и, наконец, к синтезу этих двух направлений, что соответствует требованиям социалистической ориентации.

Особое внимание уделяется сельскохозяйственным колледжам, получившим название центров революционного обучения (ЦРО), организация которых началась в 1966 г. По планам гвинейского руководства, они должны быть не только школьными единицами, но и производственными, выступая как показатель-

ные молодежные кооперативы, как образцы нового на фоне хозяйственных традиций. Вначале предполагалось их техническое оснащение, которое позволило бы им играть роль центров модернизации сельского хозяйства и давать в аренду крестьянам тракторы. Но пока наблюдается противоположная ситуация, т. е. владельцы тракторов и «тракторная буржуазия» дают в аренду технику ЦРО [19, 1972, № 60, 26; 20, 1.1.1973]. Кроме того, большинство ЦРО еще нерентабельны.

Наряду с продолжением работы по развитию ЦРО в сторону кооператива налаживается тесная связь между МРВ и ЦРО путем переплетения их политической и экономической деятельности. Предполагается, что к 1983 г. МРВ на 80% будут состоять из выпускников ЦРО и тем самым в соответствии с курсом гвинейского руководства усилится экономическая роль МРВ. Кроме того, планируется организация кооперативов, которые целиком состояли бы из крестьян, окончивших ЦРО.

Таким образом, надежда на традиционный коллективизм африканского крестьянства оказалась несостоятельной, ибо неравномерно, но неуклонно развивался процесс социальной дифференциации. Недооценка степени разложения общины, нарастание классовых противоречий в ходе прогрессивных преобразований заставили (особенно в условиях третьей стадии трансформации общины) уделить самое пристальное внимание изменениям в социальной структуре деревни (учреждение МРВ) с тем, чтобы организовать и защитить трудовое крестьянство от формирующейся прослойки сельской буржуазии.

В то же время трудности преодоления родо-племенной психологии, неудача перехода к новым формам и методам хозяйствования (что характерно в большей мере для первой стадии трансформации общины) привели к переносу центра тяжести в кооперировании с традиционного хозяйства на вновь организуемые кооперативы, состоящие из молодежи, в той или иной мере овладевшей техникой и новыми сельскохозяйственными методами (учреждение ЦРО).

После неудачи, которая постигла кооперативное движение в ходе выполнения плана развития экономики на 1960—1963 гг., активизация кооперативного движения просматривается с начала 70-х годов. Организуются новые молодежные кооперативы, восстанавливаются и реорганизуются действовавшие ранее. В своем выступлении на X съезде ДПГ А. Секу Туре отметил: «Сельскохозяйственный сектор... перестает быть второстепенным, чтобы стать эффективной базой нашего экономического развития, что мы лишь формально провозгласили с начала нашей независимости» [20, 22.XI.1973].

Возвращаясь к проблеме, поставленной в начале статьи, можно отметить, что чисто теоретический подход к решению вопроса о судьбе общины в аграрных преобразованиях выявляет лишь возможность использования отдельных коллективистских

общинных институтов при осуществлении некапиталистических сельскохозяйственных реформ. Практика Гвинеи также свидетельствует лишь о возможности известной опоры в этом случае на общинные традиции. Попытки использования отдельных сторон общинной жизни в процессе кооперирования не дают достаточно веского основания для констатации безоговорочно позитивной роли элементов общинных связей на пути социального и экономического прогресса. В настоящее время, во всяком случае применительно к Гвинее, можно говорить лишь о различном «поведении» разных стадий трансформации общины в процессе аграрных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9.
2. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии.— Т. 9.
3. Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
4. Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Т. 19.
5. Маркс К. Капитал, т. 1.— Т. 23.
6. Энгельс Ф. Марка.— Т. 19.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
8. Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России».— Т. 22.
9. Андреев И. Л. Некапиталистический путь развития. М., 1974.
10. Герцен А. И. Русский народ и социализм.— Собрание сочинений, т. VII.
11. Данилов В. П. Судьба общинной организации сельского населения в СССР.— «Опыт аграрных преобразований в республиках Средней Азии и Казахстана и его значение для освободившихся стран». Фрунзе, 1971.
12. Иорданский В. Б. Тупики и перспективы Тропической Африки. М., 1970.
13. Кива А. Африканская община: что впереди? — «Международная жизнь», 1971, № 9.
14. Мирский Г., Покатаева Т. Классы и классовая борьба в развивающихся странах.— «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 3.
15. «Некапиталистический путь развития стран Африки». М., 1967.
16. Растянников В. Г. Аграрная эволюция в развивающихся странах Востока.— «Деревня современного Востока: основные пути эволюции». М., 1973.
17. Сюрэ-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная. М., 1961.
18. Сюрэ-Каналь Ж. Гвинейская Республика. М., 1973.
19. «Ногоуа» (hebdomadaire).
20. «Ногоуа» (quotidienne).
21. Samir Amin. Trois expériences africaines de développement: le Mali, la Guinée et le Ghana. Paris, 1965.
22. Sékou Touré A. Le plan septennal 1964—1971. Conakry, [б. г.].
23. Sékou Touré A. L'Afrique et la Révolution. Imprimé en Suisse, [б. г.].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ИРАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ
(60-е — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 70-х ГОДОВ)

Период 60-х — первой половины 70-х годов в общественной эволюции Ирана ознаменовался вступлением страны в новую стадию ее социально-экономического развития — заключительную стадию переходного этапа от феодального к капиталистическому способу производства. Этот период отличался прежде всего осуществлением обширного комплекса преобразований, призванных, с одной стороны, обеспечить предпосылки для ускорения общественного переустройства Ирана и на этой базе форсированного и устойчивого экономического развития страны, а с другой — разрядить внутривнутриполитическую обстановку и посредством улучшения положения населения в ходе этих преобразований избежать обострения социальных противоречий. Известные как «белая революция» общественные преобразования в Иране по масштабам, эффективности осуществления и социальным результатам заметно превзошли аналогичные преобразования в большинстве других стран Азии и Африки, идущих по капиталистическому пути развития. Успеху преобразований в Иране в значительной мере способствовало то, что государство располагало крупными доходами от эксплуатации нефтяных месторождений.

Ядром общественных преобразований стала аграрная реформа и сопутствовавшие ей социально-экономические и социально-культурные мероприятия, которые весьма радикально ломали различные феодальные и патриархальные перегородки, превратившиеся в тормоз для развития не только производства в деревне, но и национального хозяйства в целом и составлявшие один из главных источников недовольства самых различных слоев населения.

На протяжении 40-х — начала 60-х годов недовольство народа было постоянным спутником социально-политической жизни Ирана и нередко перерастало в открытые выступления против властей, полуфеодальных общественных групп, засилья империалистических держав в стране. Тем не менее государство, испытывая упорное сопротивление верхушки полуфеодальных помещиков, ханов племен и высшего духовенства, представители которых преобладали в парламенте и различных звеньях административного аппарата, длительное время не шло на проведение уже давно назревших общественных преобразований, и прежде всего аграрной реформы. Оно ограничивалось попытками повышения экономического потенциала страны на пути выполнения в городе и отчасти деревне (главным образом

в области ирригационного строительства) различных экономических проектов с помощью западных монополий.

Не подкрепленное общественными преобразованиями, осуществление этих проектов, естественно, не сопровождалось достаточно эффективными сдвигами ни в экономическом развитии Ирана, ни особенно в положении трудящихся города и деревни, а тем самым и не вело к устранению основных очагов общественного недовольства. В известной мере исключением была реализация программ раздела и продажи коронных и государственных (халесе) земель, причем прежде всего в том смысле, что эти мероприятия фактически положили начало развернувшимся в 60-х — первой половине 70-х годов широким аграрным преобразованиям.

В ходе распределения коронных земель (1951/52—1961/62 гг.) 42 203 семьи крестьян в 517 селениях стали собственниками обрабатываемых земель общей площадью 199,6 тыс. га, а в результате раздела и продажи имений халесе (1958/59—1961/62 гг.) 7080 семей крестьян получили 57,3 тыс. га обрабатываемых земель [34, 8; 23, 1970, № 60, 47].

Но распределение коронных и государственных земель лишь в незначительной степени удовлетворяло нужды трудящихся деревни. Размеры предоставлявшихся крестьянам участков нередко были недостаточными для ведения самостоятельного хозяйства. Главные же трудности, которые встали перед новыми собственниками, заключались в том, что основная масса их сразу же после приобретения участков столкнулась с острой нехваткой кредита и иных видов материальной помощи для покупки средств производства и повышения продуктивности земли, погашения задолженности, предотвращения продажи урожая вперед¹. Испытывая нехватку кредита, новые собственники вскоре после приобретения участков зачастую были вынуждены прибегать к сдаче их в аренду [43, 8—9; 17, 3; 44, 84]. К тому же распределение коронных и государственных земель коснулось лишь около 2% семей крестьян.

Несмотря на незначительные масштабы рассматриваемых программ, они вызвали недовольство консервативно настроенных крупных и средних полуфеодальных помещиков и ханов племен, которые опасались, что осуществление этих программ послужит трамплином для реконструкции аграрного строя в целом и прежде всего принадлежавших им огромных угодий — основных источников их доходов и влияния. Такого рода опасения имели вполне реальную почву, что подтверждалось, в частности, усилением на базе подъема демократического движения в стране требований аграрных преобразований.

¹ При покупке урожая на корню цена устанавливалась на 30—40% ниже, чем после сбора. Крестьяне Хузестана, которые до 30% урожая пшеницы продавали вперед, ежегодно на этой операции терпели убытки в размере 120 млн. риалов [46, 1—4].

Общественно-политическая борьба по аграрному вопросу во многом отражала борьбу за власть между национальной буржуазией и полуфеодальными кругами, борьбу между различными силами за определение путей развития иранского общества.

Монархия Пехлеви, олицетворяя верховную власть, стремилась в этой борьбе сыграть роль своего рода надклассовой силы и притупить противоречия между антагонистическими слоями иранского общества. Так, шах в выступлении 4 февраля 1951 г. выразил удивление тем, что группа помещиков пытается сорвать выполнение его решения о разделе и продаже коронных имений. Данная группа, говорил шах, не учитывает сдвигов на международной арене и не желает понять, что отказ от добровольного изменения настоящего положения вещей повлечет за собой его насильственное изменение. В этой связи один из депутатов меджлиса, настаивая на необходимости распределения земель крупных имений между крестьянами, заявил, что обездоленность крестьян — «самый большой рассадник коммунизма» [6, 144—145].

Редактировавшаяся поборником аграрной реформы Х. Арсанджани газета «Дарья» в связи с подготовкой и выходом в свет в январе 1951 г. указа шаха о распределении коронных земель опубликовала серию статей, в которых призывала правительство предпринять решительные шаги к ликвидации или по крайней мере ограничению крупных имений. Эти имения, заявляла газета, — не что иное, как результат узурпации и подлежат передаче крестьянам, которые возделывают их земли; экспроприация крупных владений равнозначна ликвидации того, что называется феодализмом; проведение таких мероприятий принесет правительству не только экономические выгоды, но и позволит разрешить политические затруднения, ибо при сохранении настоящей системы землевладения свободные выборы в парламент невозможны и в нем по-прежнему будут преобладать богатые помещики, ханы племен и их слуги, а правительство останется послушным исполнителем их воли. Газета вместе с тем давала понять правительству, что отказ от модификации системы землевладения неизбежно приведет к революции [45, 51—53].

Противодействие полуфеодальных кругов осуществлению программ раздела и продажи коронных и государственных имений не только не принесло им ожидавшихся результатов, но и имело для них серьезные отрицательные последствия. Их сопротивление проведению названных мероприятий (общественное мнение справедливо усматривало в нем борьбу против аграрных преобразований вообще) фактически способствовало развертыванию широкой кампании за немедленное разрешение аграрного вопроса, ограничение частного землевладения. И если на первых порах полуфеодальные круги подвергались сравнительно мягкой критике, то на рубеже 50—60-х годов эта кри-

тика переросла в «настоящую обличительную кампанию» [44, 81], которая явилась органической частью демократического движения, возросшего на базе экономического и политического кризиса. В деревне наблюдались случаи открытого выступления крестьян против помещиков. В городе, на митингах и демонстрациях, рабочие, ремесленники, представители интеллигенции, национальной буржуазии выдвигали требования реконструкции аграрного строя, перенесения на частные имения действия программ распределения коронных и государственных земель. Общественно-политическая обстановка в Иране с каждым днем становилась все более напряженной. Это заставило отдельных западных и иранских обозревателей заговорить о том, что положение в стране напоминает революционную ситуацию [подробнее см. 3, 290—318].

В ходе развернувшейся борьбы достаточно отчетливо обозначилось размежевание общественных сил по аграрному вопросу, в значительной мере выявилась изоляция полуфеодальных кругов по основным проблемам аграрных преобразований, что в дальнейшем в немалой степени обусловило весьма решительные акции государства по разрешению этих проблем. Не случайно кампания за немедленное разрешение аграрного вопроса достигла апогея в конце 50-х — начале 60-х годов, когда всем стал очевиден провал попыток правительства добиться ускорения темпов роста производства и устойчивого развития хозяйства на пути экономических мероприятий, не подкрепленных общественными преобразованиями. В результате объективно был поставлен вопрос о расширении аграрных преобразований, распространении их на основную опору феодального способа производства — имения частных полуфеодальных собственников, и в первую очередь крупных и средних помещиков-абсентеистов.

Выполнение этой задачи было возложено на пришедшее к власти 7 мая 1961 г. правительство А. Амини, в котором пост министра сельского хозяйства занял активный приверженец аграрной реформы Х. Арсанджани. Оценивая приход к власти кабинета А. Амини, газета «Джахан» 7 мая 1961 г. отмечала, что он призван «приложить последние усилия для предотвращения свержения и падения своего класса. Он стремится спасти не только себя, но и всех, кто тонет». Однако эта задача была очень сложной, особенно потому, что программа общественных преобразований, как и ранее, встречала мощную оппозицию в высших административных учреждениях и прежде всего в парламенте — политическом оплоте крупных полуфеодальных помещиков, ханов племен и высшего духовенства. Тем не менее государство, учитывая размежевание общественных сил и известную изоляцию полуфеодальных кругов по кардинальным проблемам иранской действительности, пошло на крутые меры. 9 мая 1961 г. правительство, чтобы нейтрализовать кон-

сервативно настроенных полуфеодальных помещиков, ханов племен и высшее духовенство — противников преобразований, а отчасти и демократические слои, выдвигавшие более радикальные требования, распустило парламент и провозгласило аграрную реформу основой своей социально-экономической политики.

Аграрная реформа осуществлялась в три этапа и в конечном счете имела целью переустройство имений полуфеодальных собственников в мелкотоварные хозяйства крестьян и капиталистические хозяйства обуржуазившихся помещиков и иных предпринимателей, а на этой базе рост сельскохозяйственного производства, улучшение материального положения крестьян, расширение рынка для национальной промышленности и ослабление недовольства как трудящихся деревни, так и широких слоев населения страны в целом.

Распределение частных земель на первом этапе аграрной реформы происходило в соответствии с законом, утвержденным правительством 9 января 1962 г. и одобренным шахом 14 января 1962 г. [текст закона см. 19, 15.I.1962]. Этот закон ограничивал имения полуфеодальных помещиков обрабатываемыми землями одной деревни. Не подлежали отчуждению фруктовые сады и чайные плантации, а также земли, которые возделывались с применением машин и использованием наемных рабочих. Названные положения закона распространялись как на имения полуфеодальных помещиков, так и на земли частных вакфов. Вместе с тем 1 марта 1962 г. правительство издало постановление, которое путем предоставления различных льгот стимулировало помещиков, не подпадавших под действие закона об аграрной реформе, к разделу и продаже земель крестьянам в соответствии с положениями этого закона [24, 106; 45, 71]. Приблизительный минимум землевладения полуфеодальных собственников устанавливался в пределах 300—400 га. Закон затрагивал интересы около 600 крупных и средних полуфеодальных помещиков — собственников обрабатываемых земель более чем одного селения [27, 11, 17.I.1962].

Приоритет в приобретении участков предоставлялся заре — арендаторам-издольщикам — собственникам (помимо рабочих рук) одного или нескольких элементов производства. Вместе с тем по закону право на получение участков имели также барзегары — арендаторы-издольщики, не обладавшие ничем, кроме рабочих рук, и наемные рабочие. Однако включение в текст закона таких статей было фактически не более чем декларацией. Уже вскоре после вступления закона в силу Х. Арсанджани заявил, что участки будут выделяться только заре, ибо государство не располагает возможностями для обеспечения земель барзегаров и наемных рабочих [26, 100]. И действительно, представителям этих двух категорий трудящихся деревни (за редким исключением) участки не предоставлялись [45, 73, 96; 24,

314]. Не подлежали наделению землей и крестьяне-хордемалеки — собственники мизерных участков.

Таким образом, действие закона не распространялось на самые обездоленные прослойки трудящихся деревни. В этом наглядно проявлялся классовый характер закона, выразившийся прежде всего в стремлении государства обеспечить предпосылки для развития капитализма в деревне на базе укрепления позиций зажиточных хозяйств. О том же свидетельствовали положения закона, которые предусматривали распределение между большинством заре ранее обрабатывавшихся ими земель, а также разрешали крестьянам — новым собственникам приобретать земли, в два раза превышающие по площади установленный для данного района минимум.

Акцентируя внимание на упрочении позиций зажиточных слоев деревни, закон в то же время намечал мероприятия по укреплению положения крестьян — новых собственников в целом. Ведущее место в этих мероприятиях отводилось проектам по созданию и развитию многоцелевых кооперативов, на которые возлагались главным образом кредитные и потребительско-снабженческие функции. Предварительное согласие крестьян на вступление в кооперативы выдвигалось обязательным условием для получения участков. Вместе с тем закон от 14 января 1962 г. запрещал с выделенной им землей любые сделки, влекущие за собой дробление ее на участки размером менее установленного для данного района минимума.

Стоимость отчуждавшихся у полуфеодальных собственников имений предусматривалось возместить им в рассрочку в течение 10 лет. Цена земли определялась на базе налогов, которые вносили помещики, с учетом преобладавших в том или ином районе при сделках с землей ставок, вида продукции, порядка распределения урожая и т. д. Комментируя это положение закона, Х. Арсанджани заявил, что помещики должны получить за отчуждаемые имения свои ежегодные доходы от земли в 10-кратном размере [26, 50]. Поскольку же помещики в большинстве скрывали от финансовых органов истинные доходы и, как правило, вносили налоги в казну в заметно уменьшенном объеме, а в основе установления цены земли все же лежали налоги, которые выплачивались помещиками, отчуждаемые имения зачастую реализовывались по цене ниже их действительной стоимости. Вызывая недовольство помещиков, это в известной мере облегчало крестьянам бремя выкупных взносов, которые они должны были выплачивать в рассрочку в течение 15 лет с надбавкой в 10%, предназначенной на проведение мероприятий по благоустройству деревни.

Возмещение полуфеодальным собственникам стоимости отчуждаемых имений требовало крупных затрат, что в условиях нехватки средств в казне вызвало беспокойство официальных кругов. В этой связи правительство, намереваясь также напри-

вить ассигнования, предназначавшиеся для выдачи компенсации помещикам, на цели экономического развития, 19 февраля 1962 г. издало постановление, которое разрешало помещикам использовать выдававшиеся им Сельскохозяйственным банком в счет выкупных взносов платежные обязательства для инвестиций в обрабатывающую и добывающую промышленность, растениеводство и животноводство, для покупки акций государственных предприятий [24, 305]. Продажей акций этих предприятий должна была заниматься учрежденная декретом правительства от 26 ноября 1962 г. специальная компания, включавшая 55 из 90 государственных предприятий с капиталом 7,7 млрд. риалов, который делился на 154 тыс. акций по 50 тыс. риалов [29, 80]. Декрет предусматривал передачу акций этой компании в распоряжение Сельскохозяйственного банка, на который возлагались полномочия выдавать помещикам в случае их согласия акции государственных предприятий взамен платежных обязательств. Банк от имени правительства должен был выплачивать держателям акций дивиденд минимум 6% [текст декрета см. 19, 27.XI.1962].

Закон от 14 января 1962 г. содержал главу, регламентирующую отношения между крестьянами и помещиками на землях, которые оставались в руках полуфеодальных собственников. Она предусматривала меры против сгона крестьян с участков и против переделов земли. Однако, ограничивая произвол помещиков, эти меры вместе с тем вели к сохранению прежней структуры землепользования в имениях полуфеодальных собственников, способствовали упрочению позиций зажиточных крестьян. Закон (пусть и на довольно короткий срок) закреплял господство на землях помещиков и иных полуфеодальных собственников в качестве основной формы землепользования издольной аренды². Но с момента утверждения закона помещики должны были отчислять в пользу крестьян на поливных участках 5%, а на богарных — 10% своего чистого дохода.

Вступление в силу закона об аграрной реформе, несмотря на все его недостатки, было важным шагом вперед в реконструкции общественного строя иранской деревни. Осуществление этого закона впервые в истории Ирана позволяло приобрести участки значительному контингенту крестьян-издольщиков, а также вело к серьезному сужению сферы полуфеодального хозяйства — одного из основных факторов социально-экономической отсталости страны. Однако, как подчеркивала газета «Нахиб-е азади» 18 января 1962 г., претворение в жизнь закона «не означает совершить белую революцию, ибо он почтительно относится к классу помещиков». В этом смысле закон от 14 января 1962 г. носил половинчатый характер и, естественно, не удовлетворял сторонников общественных преобразований, и особен-

² В 1960/61 г., накануне аграрной реформы, на базе издольной аренды возделывалось свыше 60% посевных площадей [21, 169—170].

но крестьян³. Принимая во внимание рост противодействия консервативно настроенных полуфеодальных кругов аграрной реформе, это обстоятельство грозило серьезными социальными последствиями.

В сложившихся условиях государство в конце 1962 г. приняло меры по расширению и углублению преобразований в деревне. Оно разработало дополнения к закону от 14 января 1962 г. и включило их в программу второго этапа аграрной реформы. В соответствии с дополнениями, одобренными правительством 17 января 1963 г., а также инструкциями по претворению их в жизнь от 7 февраля 1963 г. и 26 июля 1964 г. максимальный размер полуфеодальных имений (в зависимости от обеспеченности того или иного района водой для орошения и распространения товарного хозяйства) устанавливался сначала в пределах от 30 до 200 га, а затем — от 20 до 150 га. Механизированные имения ограничивались 500 га. Срок погашения выкупных платежей помещикам увеличивался с 10 до 15 лет. В то же время внесенные поправки предусматривали три основных пути для урегулирования отношений между полуфеодальными собственниками и крестьянами. Во-первых, помещикам предлагалось сдать излишки земель крестьянам в аренду на срок 30 лет за денежную плату, ставки которой определялись из расчета средних чистых доходов помещиков за 1961/62—1963/64 гг. и должны были пересматриваться через каждые 5 лет. Это фактически означало замену издольной аренды арендой с фиксированными ставками. Земли общественных вакфов намечалось сдать в аренду крестьянам на срок 99 лет, частных — 30 лет. Во-вторых, предполагалась передача излишков земель помещиков крестьянам на базе обоюдного соглашения. В-третьих, намечался раздел земель между помещиками и крестьянами на основе традиционной системы распределения урожая [27, 19.I.1963; 9.II.1963; 28.VII.1964].

Следовательно, государство взяло курс на постепенное искоренение полуфеодального землевладения. Этот курс получил отражение и в разработанной в конце 1962 г. «программе шаха» из шести пунктов, которая своим первым пунктом объявила о распространении аграрной реформы на всю территорию страны. Учитывая то, что с началом осуществления аграрной реформы заметно оживилась деятельность оппозиции, и стремясь заручиться поддержкой общественного мнения, государство поставило «программу шаха» на всенародное обсуждение. В ходе со-

³ Вопреки ожиданиям правительства, борьба крестьян не ослабевала. По-прежнему происходили открытые выступления крестьян против помещиков [см., например: 19, 20.VIII.1962]. Летом 1962 г. повсеместное распространение, особенно в Азербайджане, получили факты отказа крестьян от внесения помещикам доли урожая, причем такие случаи прослеживались не только в имениях, подлежащих разделу, но и на землях, которые не были объектом распределения. Нередко помещики для получения доли урожая были вынуждены прибегать к помощи властей [45, 100].

стоявшегося 26 января 1963 г. референдума, несмотря на сопротивление оппозиции, «программа шаха» была одобрена подавляющим большинством голосов.

Наиболее упорное противодействие аграрная реформа и другие социально-экономические мероприятия государства встречали по-прежнему со стороны консервативно настроенных крупных и средних полуфеодальных помещиков, ханов племен и высшего духовенства. Сопротивление полуфеодальных группировок общественным преобразованиям в 1962—1964 гг. порой проявлялось в открытых выступлениях против правительства и монархии Пехлеви [подробнее см. 3, 324—328].

В борьбе против преобразований полуфеодальным кругам в известной мере удалось заручиться содействием состоятельных лиц из городских слоев населения, встревоженных тем, что в связи с проведением аграрной реформы усилились требования общественной справедливости. Рост этих требований в определенной степени обуславливался деятельностью министра сельского хозяйства и его сподвижников. Речи Х. Арсанджани, наполненные угрозами в адрес помещиков и повторявшиеся и комментировавшиеся прессой, вызывали тревогу состоятельных городских слоев, которые опасались распространения аграрных преобразований на их собственность [31, 503]. И хотя государство и не думало о подобных мероприятиях, слухи о возможности их осуществления, по-видимому, находили немало «почитателей». Так или иначе, но глава кабинета в обращении к народу был вынужден «для успокоения умов» заявить, что эти слухи не имеют под собой никакой реальной почвы [27, 5.XI.1962].

Правая оппозиция фактически получила поддержку Национального фронта и примыкавших к нему прогрессивных лиц и организаций, которые выступали не против преобразований, а против того, что они осуществлялись в обход парламента и тем самым способствовали укреплению института монархии. Однако правительство противилось выборам в парламент, аргументируя это тем, что до появления весомых результатов от проведения аграрной реформы в ходе выборов могут одержать победу враждебные преобразованиям полуфеодальные круги. Тем не менее недовольство роспуском парламента было настолько велико, что правительство уже 21 июля 1962 г. объявило о подготовке в ближайшем будущем выборов в меджлис и сенат [27, 22.VII.1962].

Выборы в парламент состоялись, однако, лишь 17 сентября 1963 г., после того как во время референдума, проведенного 26 января 1963 г., подавляющее большинство его участников поддержало программу преобразований и после того как правительству удалось добиться заметных успехов в осуществлении аграрной реформы. В ходе выборов, несмотря на старания правой оппозиции, в Иране был избран меджлис, который впер-

вые не стал политическим оплотом крупных и средних полуфеодальных помещиков, ханов племен и высшего духовенства.

Созыв меджлиса (в условиях сравнительно последовательного осуществления общественных преобразований) способствовал тому, что значительная часть представителей левой оппозиции встала на путь поддержки социально-экономической политики правительства. Немалое воздействие созыв меджлиса оказал, очевидно, и на деятельность правой оппозиции. Важную роль в этом сыграло то, что после выборов в парламент, с созывом которого многие в Иране связывали надежды на демократизацию общественно-политической жизни, в известной мере упрочились позиции правительства среди широких слоев населения страны, и в первую очередь города, а полуфеодальные круги с расширением и углублением аграрной реформы постепенно теряли опору в деревне. В результате к 1965 г. активное противодействие правой оппозиции преобразованиям в основном было преодолено. Выступления полуфеодальных кругов уже не приобретали опасного характера. К тому же стержневое направление этих выступлений изменилось. Если в 1962—1963 гг. и отчасти в 1964 г. полуфеодальные круги еще лелеяли надежду приостановить или по крайней мере сократить до минимума программу преобразований, то в 1965 г. речь у них шла преимущественно о том, как перенести неизбежные преобразования с наименьшими потерями.

Резкое ослабление деятельности правой оппозиции, переход значительной части левой оппозиции на платформу поддержки преобразований облегчали проведение аграрной реформы и иных мероприятий государства в деревне. Тем не менее продолжавшееся сопротивление правительственному курсу различных сил, а также опасения правительства развязать революционную инициативу крестьян углублением преобразований замедляли темпы осуществления аграрной реформы. Х. Арсанджани, который придерживался более радикальных взглядов, чем правительство в целом, еще 10 марта 1963 г. на посту министра сельского хозяйства был смещен генералом Риахи — сторонником более умеренных преобразований [31, 503; 45, 109—110]. Немаловажное значение здесь, по-видимому, имело и то, что аграрная реформа не приносила ожидаемых результатов в развитии производства в деревне. Это порождало неверие в необходимость направления основных усилий на развитие сельского хозяйства, что получило прямое отражение в выступлении главы кабинета в парламенте. 8 марта 1964 г. он заявил в меджлисе, что его правительство, продолжая аграрную реформу, берет курс на индустриализацию хозяйства [3, 330].

Под влиянием этих и других факторов осуществление программы первого этапа аграрной реформы растянулось на длительный срок и продолжалось вплоть до 1976 г. Тем не менее основная часть земель по этой программе была изъята у полу-

феодалов-собственников к 1967/68 г. (см. табл.). На 22 сентября 1975 г. программа охватила, по официальным данным, земли 16 806 деревень и 1055 хуторов, включая земли 1667 селений и 112 хуторов, ранее принадлежавших государству. Поскольку в 11 279 селениях и 911 хуторах разделу подлежала приблизительно половина земель, фактически распределению на первом этапе подверглись земли только 11 166 селений и 599 хуторов. Участки получили свыше 801 тыс. крестьян [10, 8.I.1976; 25, 1976, № 1127, 45; 50, 9].

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОГРАММЫ ПЕРВОГО ЭТАПА
АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ *

Год	Селения, охваченные реформой		Крестьяне — новые собственники	
	число	%	число	%
1962/63	3 705	22,3	130 018	16,7
1963/64	5 002	30,1	173 171	22,0
1964/65	1 605	9,7	45 702	5,8
1965/66	2 991	18,0	164 084	20,9
1966/67	1 571	9,5	88 527	11,3
1967/68	136	0,8	15 537	2,0
1968/69	451	2,7	36 673	4,7
1969/70	539	3,3	89 691	11,4
1970/71	151	0,9	9 852	1,2
1971/72	174	1,1	20 750	2,5
1972/73	268	1,6	12 859	1,5
Всего	16 593	100,0	786 867	100,0

* [32, 160; 37, 1973, 646; 1975, 416].

Еще в разгар осуществления программы первого этапа аграрной реформы, 23 февраля 1965 г., государство приступило к выполнению проектов второго ее этапа. В марте 1968 г. эти проекты были завершены на землях 53,6 тыс. селений и более 18,8 тыс. хуторов; на 22 сентября 1975 г. — на землях 54,4 тыс. деревень и 21,8 тыс. хуторов. 233,3 тыс. помещиков сдали земли в аренду 1264 тыс. крестьян на срок в 30 лет; 136,1 тыс. семей получили в аренду на 99 лет 14,5 тыс. имений общественных вакфов и 35,9 тыс. семей — на 30 лет 2410 имений частных вакфов. 3,1 тыс. помещиков полностью продали земли 51,5 тыс. крестьян на базе обоюдного соглашения, а 25,4 тыс. помещиков продали их частично 157,6 тыс. семей в соответствии с традиционной системой распределения урожая [10, 8.I.1976; 20а, 21—22; 32, 161]. На этом этапе аграрной реформы 209,1 тыс. крестьян стали собственниками земель примерно 1816 деревень.

В результате осуществления программ первого и второго этапов, крестьяне, учитывая распределение имений государства,

получили земли около 13 тыс. селений. Поскольку до реформы им принадлежали земли 7,5 тыс. деревень, в их руках сосредоточились земли 20,5 тыс. селений из 59,2 тыс. в 1973/74 г. [38, 1976, № 67, 12]. В собственников участков превратились более 1 млн. крестьян. Принимая во внимание семьи, которые имели участки до реформы, число крестьян-собственников достигло почти 1,5 млн. при общем числе занятых в сельском хозяйстве на 1972/73 г. 3669 тыс. [40, 35].

Осуществление программ первого и второго этапов аграрной реформы сопровождалось повышением реальных доходов крестьян (до преобразований их доходы, за исключением отдельных областей, имели явную тенденцию к сокращению⁴). Косвенным подтверждением этого служат данные о росте потребительских бюджетов сельских семей. При незначительном повышении цен они возросли с 41 727 риалов в 1964/65 гг. до 60 669 риалов в 1971/72 г. [9, 92, 94, 96; 22, 1972/73, 642], или на 45,4%. Эти средние показатели не отражали, однако, истинного положения дел в большинстве семей иранской деревни. При средних ежемесячных затратах, несколько превышавших в 1971/72 г. 5 тыс. риалов, расходы 68,2% сельских семей составляли менее 5 тыс. риалов, 29,3% — от 5 тыс. до 15 тыс. риалов и 2,5% — более 15 тыс. риалов [37, 1973, 339]. В 1970/71 г. в иранской деревне на семьи с ежемесячным бюджетом в размере менее 5 тыс. риалов приходилось 76,6% семей, причем 35,3% из них составляли семьи с расходами ниже 2,5 тыс. риалов [37, 1972, 305]. Судя по отрывочным данным иранской печати, потребительские затраты в группе с ежемесячными расходами до 5 тыс. риалов поглощали фактически все доходы [19, 20.II.1973; 25, 1973, № 981, 42]. При этом средние затраты сельских семей были в 1972/73 г. в два с лишним раза ниже средних затрат городских семей [22, 1973/74, 630, 632].

Рост доходов крестьян особенно ошутим был в селениях, земли которых подвергались распределению. Это обуславливалось в первую очередь меньшими размерами в большинстве случаев выкупных взносов за приобретенную землю государству в сравнении с арендными платежами полуфеодалным собственникам, а нередко расширением посевов различных культур и повышением урожайности. Доходы крестьян на землях, перешедших в их распоряжение на условиях долгосрочной аренды, увеличивались в ходе реформы в заметно меньшей степени. Это объяснялось, в частности, тем, что платежи за пользование

⁴ Так, по подсчетам М. Атаи, доход земледельца — собственника быка — в Хузестане (в сопоставимых ценах) составил в 1960 г. 12 636 риалов, или 45% его дохода в 1926 г. (27 799 риалов), в Зенджане — 5150 риалов, или 39% (13 154 риала) [30, 47]. Значительное уменьшение реальных доходов крестьян привело к тому, что они, как отмечал Х. Кашаниан, со средним ежегодным доходом в 20 тыс. риалов на семью были совершенно лишены возможностей накопления [18, 99].

землей остались в целом прежними. Важное значение имело и то, что кооперативы и соответственно государство оказывали помощь крестьянам прежде всего на распределенных землях. Однако и на арендованных землях крестьяне получали осязаемые выгоды. Это проявлялось в запрещении обременительных натуральных повинностей, произвольного повышения платежей за пользование землей и т. д. Но особенно ощутимые результаты давали крестьянам ликвидация прямой зависимости от полуфеодалов-собственников, повышение их заинтересованности в возделывании участков [45, 216—240, 255—256]. И все же если на распределенных землях крестьяне обычно высказывали удовлетворение реформой, то на арендованных землях нередко наблюдались случаи недовольства. Данное обстоятельство, по-видимому, было одной из причин разработки программы третьего этапа аграрной реформы, начавшегося в иранской деревне на рубеже 60—70-х годов.

Эта программа, объявленная законом от 10 февраля 1969 г., намечала раздел и продажу крестьянам арендуемых ими земель помещиков, частных вакфов и иных собственников на условиях выплаты десятикратной ренты наличными или двенадцатикратной ренты в рассрочку. Механизированные имения, фруктовые сады и плантации чая не подлежали действию закона [37, 1969, 637—645].

Закон вызвал серьезное сопротивление мелких и отчасти средних помещиков, которые всячески саботировали его. Тогда государство 10 марта 1971 г. внесло в закон дополнения и изменения, предусматривавшие наряду с различными льготами помещикам санкции в случае уклонения от выполнения его предписаний [27, 26.XI.1972]. Решительные меры государства возымели действие.

Программа третьего этапа аграрной реформы предполагала раздел и продажу арендованных земель 322,8 тыс. помещиков и других собственников 1115,2 тыс. крестьян полностью и арендованных земель 35,4 тыс. имений 111,6 тыс. крестьян — частично. Намечались также раздел и продажа в соответствии с законом от 22 апреля 1971 г. земель общественных вакфов в 7116 селениях и хуторах приблизительно 205 тыс. крестьян. К 1976 г. распределение частных земель было за незначительным исключением завершено, но земли около 1700 селений и хуторов общественных вакфов еще не подверглись разделу и продаже. Окончательное осуществление аграрной реформы предполагается в 1977/78 г. Здесь надо учитывать, что в Иране, по закону от 10 декабря 1973 г., идет распределение между крестьянами фруктовых садов. Однако из подлежащих действию закона примерно 400 тыс. садов разделу и продаже подверглось лишь около 44 тыс. [10, 13, 27, 8.I.1976; 19, 15.I.1976; 20а, 23—24].

Завершение основных проектов аграрной реформы, и прежде

всего распределение подавляющего большинства частных земель, поставило иранскую деревню на порог полной ликвидации издольной и иных форм докапиталистической аренды. В результате крестьяне, обрабатывавшие земли полуфеодалов-собственников на базе различных видов докапиталистической аренды и испытывавшие гнет натуральных повинностей, превратились в крестьян-собственников. При этом, однако, по сведениям на 1972/73 г., из общего числа земледельческих хозяйств в 2533 тыс. 31,6% вели хозяйство на участках размером менее 1 га, 13,5% — от 1 до 2 га, 21,5% — от 2 до 5 га, 17,1% — от 5 до 10 га, 15,6% — от 10 до 50 га, 0,4% — от 50 до 100 га, 0,3% — на участках свыше 100 га. В распоряжении названных групп хозяйств из возделываемого фонда страны, который (включая пар) оценивался в 15,33 млн. га, находилось соответственно 2,0%, 3,2%, 11,8%, 20,7%, 45,9%, 4,6% и 11,8% обрабатываемых площадей [на базе данных: 20, 3]. Надо, правда, заметить, что среди хозяйств, которые велись на участках до 2 га, преобладали хозяйства крестьян, которым принадлежали такие наделы еще до реформы. Совершенно очевидно, что хозяйства первой группы, большинство хозяйств второй группы и немалая часть хозяйств третьей группы (прежде всего на богарных землях) обладали участками, которые не давали возможности крестьянам за счет доходов с этих участков обеспечить своим семьям прожиточный минимум. Эти группы крестьян наряду с полностью лишенной земли заметной прослойкой жителей деревни составляют основной резервуар наемного труда в деревне, отходничества, непрекращающейся миграции сельских жителей в город.

С середины 70-х годов, с завершением в целом программы распределения частных земель, иранские власти приступили к переводу на оседлость полукочевых и кочевых племен, лишь в незначительной степени затронутых аграрной реформой и иными мероприятиями «белой революции» [подробнее см. 7, 171—187]. В проведении этой кампании наряду с экономическими факторами немалую роль, по-видимому, играют и политические соображения, поскольку племена всегда были очагом беспокойства для правительства. План перевода полукочевых и кочевых племен на оседлость касается 50 районов Ирана, и прежде всего районов расселения племен в Фарсе, Керманшахе, Баер-ахмеди и Кухгилуйе, Кермане, Белуджистане, Курдестане, Лурестане, Чахармахале и Бахтиарии, Поштекухе, Азербайджане, Эламе, Хузестане [37, 1974, 444; 42, 18.V.1974].

Аграрные преобразования, облегчая материальное положение основной массы крестьян, не устраняли серьезных финансовых трудностей, которые испытывало большинство трудящихся деревни. Это касается в первую очередь крестьян, имевших участки до аграрной реформы и получавших лишь самую незначительную помощь от государства. Надо подчеркнуть, что

далеко не все крестьяне, которые приобрели участки в ходе реформы, оказались в состоянии вести самостоятельное хозяйство. Косвенно об этом, например, свидетельствует тот факт, что на втором этапе реформы 13,4 тыс. крестьян продали права на пользование землей помещикам [37, 1975, 606]. Особенно страдали от нехватки финансовых и других материальных ресурсов крестьяне районов, где не развернули свою деятельность многоцелевые кооперативы, которым государство придает решающее значение в развитии мелкотоварного производства в деревне.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов, с завершением основных проектов аграрной реформы, прослеживался быстрый рост вовлечения крестьян в многоцелевые кооперативы. Так, если в марте 1963 г. было 1373 таких кооператива, в которых состояли 403,9 тыс. человек (12,4% занятых в сельском хозяйстве), то в марте 1973 г. 8361 кооператив объединял 2065,2 тыс. человек (56,7%). Кооперативы охватили 30 685 сельских населенных пунктов, или около 50% их общего числа. С активизацией кампании по укрупнению кооперативов, проводившейся с конца 60-х годов, их число к апрелю 1974 г. сократилось до 2717, тогда как число членов кооперативов возросло до 2267,7 тыс. В декабре 1975 г. в деревне было 2849 многоцелевых кооперативов с числом членов 2609,7 тыс. Кооперативы действовали в 44,2 тыс. сельских населенных пунктах [11, 1972/73, 74, 209, 434; 1973/74, 168; 1974/75, 192; 19, 8.1.1976; 25, 1974, № 1031, 13; 39, 1975, № 4, 32; 32, 162; 47, 58]. Учитывая около 35 тыс. членов различных иных кооперативов, общее число членов кооперативов в деревне составило около 70% занятых в сельском хозяйстве.

По темпам роста и степени включения в сферу своей деятельности населения деревни кооперативы в Иране опережают кооперативы в большинстве стран Азии и Африки, во всяком случае тех, развитие которых идет по капиталистическому пути. Интенсивный рост кооперативов в иранской деревне свидетельствует о том, что они превращаются в этой стране в основное звено регулирующего и стимулирующего воздействия государства (прежде всего через сферу обращения) на развитие мелкотоварного производства. Используя положение, высказанное В. Г. Растягниковым в отношении взаимодействия между государством и мелкотоварным производством, можно сказать, что иранское государство через кооперативы и посредством осуществления ряда других мероприятий объективно ограничивает «открывающиеся в ходе ликвидации докапиталистической эксплуататорской собственности» предпосылки для «обособления» мелкотоварного производства в «самостоятельный мелкотоварный уклад» [1, 64, 65].

Однако вплоть до недавнего времени материальная помощь государства мелкотоварному производству через многоцелевые

кооперативы была явно недостаточной. При незначительности финансовых ресурсов кооперативов это проявлялось прежде всего в довольно слабом развитии кредитных операций (основная форма их деятельности), осуществлявшихся преимущественно за счет займов Сельскохозяйственного банка. Тем не менее, если в 1963/64 г. займы получили 27,9% членов кооперативов, то в 1972/73 г. — 51,4%, в 1973/74 г. — 51,9%, в 1974/75 г. — 54,8%. При этом средняя величина ссуды возросла с 3329 риалов до 8646, 10 520 и 14 486 риалов. Здесь следует отметить, что только в 1973/74 г. средний размер ссуды несколько превзошел установленный еще в декабре 1963 г. официальный уровень, определявший ежегодные потребности крестьян в краткосрочном кредите в размере 10 тыс. риалов. Между тем этот официальный уровень был явно заниженным, и его в 1973/74 г. подняли до 30 тыс. риалов [32, 1962; 11, 1972/73, 74, 209; 1973/74, 68, 168; 1974/75, 83]. По подсчетам Н. М. Мамедовой, сделанным на базе ежегодных потребностей крестьян в краткосрочном кредите в размере 12,5 тыс. риалов, кооперативы в 1970/71 г. обеспечивали только около $\frac{1}{3}$ нужд своих членов в таком кредите, а остальные $\frac{2}{3}$ этих нужд им приходилось покрывать за счет займов у представителей торгово-ростовщического капитала и из иных источников [4, 64]. Поскольку значительная часть крестьян вообще не имела возможности получать кредиты от кооперативов, в иранской деревне еще были весьма широко распространены разного рода торгово-ростовщические операции. В ходе этих операций (процентные ставки торгово-ростовщических займов достигали порой 60) у крестьян зачастую изымалось до 50, а нередко до 100% их доходов [25, 1972, № 944, 18; № 945, 10; 37, 1973, 408].

И все же расширение деятельности кооперативов, как и операций финансовых и иных учреждений государства, значительно сузило сферу эксплуатации деревни торгово-ростовщическим капиталом. Его доля в обеспечении нужд деревни в кредитах с 93,3% в 1961/62 г. понизилась до 51,4% в 1970/71 г. [4, 66]. В селениях, где действовали кооперативы, наблюдалось резкое уменьшение задолженности крестьян и продажи урожая вперед [45, 363]. Но как и при проведении аграрной реформы, когда представители верхушки деревни зачастую получали в собственность или долгосрочную аренду уже возделывавшиеся ими обширные участки, наибольшие выгоды от кредитной и прочей деятельности многоцелевых кооперативов извлекали зажиточные слои, которые обеспечили себе привилегированное положение в этих кооперативах [см., например, 2, 80].

Недостаточный размах кредитных операций многоцелевых кооперативов (их ссуды использовались преимущественно на покрытие потребительских затрат) и слабое развитие вплоть до недавнего времени снабженческо-сбытовой деятельности кооперативов в значительной мере обусловили то, что приход на

смену полуфеодалному хозяйству хозяйства крестьян-собственников не вызвал необходимых сдвигов в растениеводстве и животноводстве. В связи с этим государство в августе 1972 г. приступило к организации в деревне производственных кооперативов, которые намечается превратить в современные хозяйства, применяющие передовые методы агрикультуры и агротехники. К маю 1975 г. было открыто 26 таких кооперативов, которые охватили 138 сельских населенных пунктов. Членами этих кооперативов стало около 6 тыс. крестьян. В распоряжение производственных кооперативов поступило 33,6 тыс. га обрабатываемых земель. Посевы в 1975/76 г. осуществлялись на 17 тыс. га [13, 11.II.1974; 25, 1975, № 1092, 51]. Пятый план (1973/74—1977/78 гг.) предусматривает создание 60 производственных кооперативов [36, 56]. Судя по этим данным, свидетельствующим об очень ограниченных масштабах мероприятий государства по организации производственных кооперативов в деревне, правительство в проведении своей политики, направленной на ускорение темпов роста сельского хозяйства, ни в настоящее время, ни в ближайшей перспективе не отводит еще такого рода кооперативам сколько-нибудь значительного места⁵.

В то же время государство придает очень важное значение развитию в области растениеводства и животноводства современных капиталистических хозяйств. Поначалу оно пыталось добиться выполнения поставленной задачи главным образом посредством стимулирования переустройства полуфеодалных хозяйств в капиталистические. Однако на этом пути оно в значительной степени потерпело неудачу, и со второй половины 60-х годов в политике государства по развитию современного капиталистического производства на передний план постепенно выдвигаются мероприятия по созданию акционерных сельскохозяйственных обществ, агроиндустриальных комплексов и т. п.

Создание акционерных сельскохозяйственных обществ в соответствии с законом от 24 января 1968 г. предусматривает участие помещиков и крестьян в организации крупных хозяйств на площади не менее 400—500 га. Распределение акций в зависимости от владения основными средствами производства обеспечивает привилегированное положение помещикам, кулакам и зажиточным крестьянам. Сельскохозяйственные общества на 10 лет освобождаются от всех налогов, вносимых акционерными компаниями, получают безвозвратные ссуды, пользуются рядом других преимуществ. С мая 1968 г. по апрель 1975 г. функционировало 75 таких обществ с 26 256 членами и с капиталом в 1138,8 млн. риалов. Общая площадь их угодий составила 326,6 тыс. га, посевы осуществлялись на 110 тыс. га. По пятому плану к 1978/79 г. намечается довести число акцио-

⁵ В этой связи представляется неверным утверждение О. Ульрих, будто в Иране «большинство кооперативов, организованных за последнее десятилетие, имеет производственный характер...» [8, 125].

нерных обществ до 143 с площадью сельскохозяйственных угодий 420 тыс. га. В последние годы отчетливо прослеживаются попытки государства к превращению хозяйств этих обществ в комплексные: в их рамках наряду с проектами развития модернизированного земледелия осуществляются проекты развития промышленного животноводства, создаются промышленные предприятия [25, 1975, № 1074, 47; № 1092, 51; 16, 1975, № 11, 63; 36, 54].

Стремление правительства к капиталистическому переустройству производства в деревне получило наиболее яркое выражение в претворении в жизнь проектов, непосредственно направленных на расширение частного предпринимательства. Опорным мероприятием было учреждение по закону от 24 апреля 1968 г. Фонда сельскохозяйственного развития с капиталом в 1 млрд. риалов для стимулирования инвестиций национальных и иностранных компаний и отдельных лиц в создание современных земледельческих и животноводческих хозяйств и агроиндустриальных комплексов. В начале 1974 г. фонд был реорганизован в банк, а его капитал к августу 1975 г. постепенно был увеличен до более чем 10 млрд. риалов, что обеспечило финансовые предпосылки для значительного расширения деятельности банка. В 1969/70—1973/74 гг. фонд-банк сельскохозяйственного развития в виде кредитов и прямых инвестиций (намеченные ассигнования) выделил 6658 млн. риалов на осуществление 603 проектов с общими капиталовложениями (государственными и частными) в 17 191 млн. риалов. В 1974/75 г. наблюдалось резкое повышение ассигнований банка. Они в сравнении с 1973/74 г. возросли более чем в 6,4 раза. В свою очередь общие капиталовложения увеличились с 5725 млн. риалов в 1973/74 г. до 30 836 млн. риалов в 1974/75 г., или в 5,4 раза. Рост кредитов и прямых инвестиций банка продолжался и в 1975/76 г. [42, 2.VIII.1975; 25, 1970, № 840, 45—47; 1974, № 1027, 47; 11, 1973/74, 168; 1974/75, 191].

Быстрое расширение деятельности банка было непосредственным отражением серьезных сдвигов в аграрной политике правительства, вызванных, очевидно, неудовлетворительным состоянием сельского хозяйства и неудачными попытками обеспечить в более или менее короткий срок форсированное развитие важных товарных отраслей растениеводства и животноводства на пути укрепления объединенных в кооперативы мелкотоварных хозяйств крестьян.

В отличие от прошлых лет, когда предпринимательские слои очень неохотно шли на инвестиции в сельское хозяйство, этот курс правительства с конца 60-х и особенно в середине 70-х годов встречал все более благожелательное отношение частного сектора, что в значительной степени предопределялось систематическим повышением цен на продукцию растениеводства и животноводства в первой половине 70-х годов. Росту капиталовло-

жений частного сектора во многом способствовало также предоставление государством различных льгот при инвестициях в сельское хозяйство. Ряд важных преимуществ предпринимательским слоям предусматривался, например, законом от 27 мая 1968 г. об эксплуатации земель в районе крупных плотин с привлечением частных (национальных и иностранных) компаний [текст закона см. 37, 1969, 668—669]. Особенно возросло содействие правительства созданию капиталистических хозяйств в период пятого плана, когда государство за счет получения крупных дополнительных ресурсов от эксплуатации нефтяных месторождений намного увеличило финансовую помощь частному сектору. Вместе с тем оно освободило от налогообложения на срок 10 лет инвестиции в создание капиталистических хозяйств, установило добавочные льготы при выделении кредитов частному сектору, в том числе иностранным компаниям [25, 1975, № 1103, 50].

Деятельность иностранных фирм (США, Англии, ФРГ и др.) в иранском сельском хозяйстве развернулась прежде всего на землях, орошаемых при помощи ирригационной сети в районе плотин на р. Диз в Хузестане. В этом районе под создание агроиндустриальных комплексов в 1969—1971 гг. было передано в распоряжение пяти компаний, учрежденных с участием иностранного капитала, 67,6 тыс. га поливных земель [37, 1973, 216]. В Хузестане реализуются и другие агроиндустриальные проекты. В 1973/74 г. государство с участием частного капитала приступило к созданию агроиндустриального комплекса по выращиванию и переработке сахарного тростника в районе Деймече. Завершение проекта намечается в 1979/80 г. Под создание комплекса отводится 33 тыс. га, в том числе 30 тыс. га поливных земель, орошаемых при помощи ирригационной системы гидроузла «Реза-шах Кабир» на р. Карун. Посевы сахарного тростника предусматриваются на площади 23 тыс. га. Для его переработки намечается строительство сахарного завода мощностью 230 тыс. т, а также бумажной фабрики мощностью 100 тыс. т [16, 1975, № 3, 40; 10, 16.XII.1975].

Ряд крупных агроиндустриальных проектов реализуется и в других провинциях Ирана. Однако если в Хузестане эти проекты предусматривают главным образом возделывание различных высокотоварных культур и переработку земледельческой продукции, то в большинстве других областей упор делается на мясо-молочные комплексы. Так, крупные животноводческие комплексы, в создании которых ведущую роль, как правило, играет государство, функционируют или основываются в районе плотин на р. Сефид-руд в Гиляне, а также в Хорасане, Фарсе, Лурестане. Но наиболее мощный животноводческий проект претворяется в жизнь в Муганской степи, где в конце 1972/73 г. приступили к основанию агроиндустриального комплекса на площади 48 тыс. га, в том числе на 40 тыс. га полив-

ных земель, орошаемых ирригационной системой гидроузла на р. Аракс, воздвигнутого с помощью Советского Союза. Завершение проекта предполагается в 1979/80 г. Предусматривается содержание 1,2 млн. голов скота с широким использованием для его содержания кормовых культур, строительство предприятий для переработки животноводческой продукции [16, 1975, № 3, 40; 13, 8.V.1973; 41, 15.IV.1973].

К середине 1975 г. кроме названных вступили в строй, сооружались или намечались к строительству 309 агроиндустриальных предприятий, в том числе 300 по линии частного сектора. Общие инвестиции частного сектора в создание этих предприятий (в подавляющем большинстве намного меньших, чем упомянутые выше) ожидаются в период пятого плана в объеме 93 170 млн. риалов. Под основание агроиндустриальных предприятий частным сектором отводится 338 тыс. га, из которых $\frac{2}{3}$ предоставляются государством [16, 1975, № 3, 40].

Наряду с агроиндустриальными комплексами значительное развитие получили и другие капиталистические хозяйства, представленные как хозяйствами обуржуазившихся помещиков, применяющих машины и наемный труд, так и особенно фермами различных частных предпринимателей (включая кулаков), возникавшими под влиянием систематического повышения спроса на продукцию растениеводства и животноводства. В этой связи Дж. Эмри подчеркивал, что рост спроса на продукцию растениеводства и животноводства еще длительное время будет опережать рост производства в деревне, а это в перспективе обеспечивает капиталовложениям в названные отрасли неоспоримые преимущества перед инвестициями в другие отрасли иранской экономики [35, 43].

Учитывая усиление внимания предпринимательских слоев к развитию сельского хозяйства, государство рассчитывает, что в конце 1977/78 г. капиталистические фермы (в тексте пятого плана — «коммерческие механизированные фермы») займут 30% поливных земель (несколько более 1,2 млн. га). Помимо того, предполагается, что на 8% поливных земель (338 тыс. га) будут действовать агроиндустриальные предприятия и на 12% поливных земель (504 тыс. га) — акционерные общества и производственные кооперативы [36, 56].

В отличие от конца 50-х — начала 60-х годов, когда капиталистические отношения в иранской деревне в их современных формах прослеживались (за исключением Горгана⁶ и нескольких иных районов) преимущественно в сфере обращения, в се-

⁶ В 50-х годах в Горгане наблюдалось «потрясающее расширение площадей под зерновыми и хлопчатником» [44, 83]. Интенсивный рост производства в этой области был следствием в первую очередь развития там еще накануне аграрной реформы механизированного земледелия как на базе организации капиталистических хозяйств обуржуазившихся помещиков и иных предпринимателей, так отчасти и на основе развития мелкотоварных хозяйств крестьян [подробнее см. 48; 49].

редине 70-х годов они получили заметное распространение и в области производства. Весьма обширные очаги предпринимательских хозяйств наблюдаются в различных провинциях Ирана, особенно в районах расположения гидроузлов с их ирригационными системами и в окрестностях крупных городов. Однако предпринимательские слои проявляют активность главным образом в высокотоварных отраслях (птицеводстве, производстве мясо-молочной продукции, овощеводстве, садоводстве и т. д.) и лишь в незначительной степени — в производстве зерновых, бобовых и других культур, где господствует хозяйство объединенных в кооперативы крестьян-собственников. К тому же и в производстве большинства видов высокотоварной продукции, несмотря на рост предпринимательского хозяйства, преобладающее положение до сих пор еще занимают крестьяне-собственники.

Мероприятия по реконструкции аграрного строя, особенно на первых порах, мало затрагивали такие насущные вопросы иранской деревни, как водовладение и водопользование. Хотя в ходе аграрных преобразований, причем главным образом на землях, которые подвергались распределению, эти вопросы зачастую решались в интересах крестьян, значительная часть водных источников и ирригационных сооружений оставалась в руках помещиков и иных состоятельных собственников. Это воздвигало серьезные препятствия для укрепления производства на землях крестьян и тем самым для развития сельского хозяйства в целом. В дальнейшем эти препятствия в заметной степени были преодолены в ходе выполнения закона от 29 июня 1968 г. [текст его см. 37, 1969, 656—663], который предусматривал национализацию всех наземных и подземных водных источников. Этот закон, сохраняя ирригационные сооружения в руках прежних собственников, облегчал водопользование и создавал предпосылки для роста производства в деревне. В то же время в Иране развернулось весьма широкое ирригационное строительство. Во второй половине 50-х — начале 70-х годов вступили в строй 12 крупных гидротехнических сооружений, с проектной способностью к орошению 821 тыс. га [37, 1973, 220]. В области орошения, которое покоилось на использовании подземных вод, подземные каналы (кяризы и канаты) постепенно заменялись более эффективными глубинными и полуглубинными колодцами с насосными установками. В 1971/72 г. в Иране было около 12 тыс. глубинных и артезианских колодцев (они давали 4428 млн. куб. м воды), 28,5 тыс. полуглубинных колодцев (2701 млн. куб. м), около 15 тыс. канатов и кяризов (5567 млн. куб. м) и 2,3 тыс. иных источников подземной воды (1752 млн. куб. м) [22, 1972/73, 322]. В целом на подземные воды приходилось около $\frac{1}{3}$ вод, которые использовались на цели орошения [37, 1972, 391]. Площадь поливных земель увеличилась с 2,5 млн. га в 1962/63 г. до 3,5 млн. га в 1972/73 г. [20, 3]. Од-

нако в связи с аналогичным (по темпам) расширением общего фонда посевных площадей доля в них поливных земель не увеличилась и составляла по-прежнему около 40%. При таких условиях в засушливые сезоны (учитывая и то, что значительная часть подземных источников питается за счет осадков) сельское хозяйство Ирана, и прежде всего его основные отрасли, терпело серьезный ущерб.

Параллельно с социально-экономическими преобразованиями в деревне и ирригационным строительством государство осуществляет программы борьбы с вредителями и болезнями растений и животных, внедрения передовых методов агрикультуры, расширения использования машин и химических удобрений. Например, число тракторов в сельском хозяйстве возросло с 6 тыс. в 1961/62 г. до 35 тыс. в 1974/75 г., а потребление химических удобрений — с 30 тыс. т до 630 тыс. т [25, 1973, № 971, 53; 1975, № 1083, 88; 10, 5.XI.1975; 37, 1972, 378]. С 1968/69 г. на землях под рядом основных культур с помощью кооперативов и отчасти сельскохозяйственных акционерных обществ реализуются проекты «развития производства», или «зеленой революции». В 1975/76 г. эти проекты, предусматривающие льготные поставки крестьянам минеральных удобрений и сортовых семян, предоставление льготных кредитов и иных привилегий, охватили 1450 тыс. га, в том числе около 430 тыс. га земель под пшеницей, 265 тыс. га — под рисом, 225,7 тыс. га — под хлопчатником [13, 3.VI.1975; 25, 1975, № 1123, 48]. Проекты «развития производства» осуществляются также на землях под сахарной свеклой и масличными культурами, постепенно распространяются на садоводство, овощеводство, производство кормовых культур. Все эти мероприятия носят пока, однако, весьма ограниченный характер и не сопровождаются заметными сдвигами в развитии сельского хозяйства в целом. Тем не менее в своих довольно узких рамках их проведение дает сравнительно высокие результаты.

Осуществление проектов «зеленой революции» отчасти возлагается на так называемый корпус развития и благоустройства, созданный на основе закона от 18 января 1965 г. С мая 1965 г. по декабрь 1975 г. в деревне работало 28,5 тыс. членов корпуса, причем с каждым годом все больше. Если в 1965/66 г. их было занято в деревне 1072 человека, то в 1975/76 г. — 5148 [25, 1976, № 1128, 51]. Этот корпус формируется из призывников — сельскохозяйственных и технических специалистов и выпускников средних школ. После предварительной подготовки они направляются в деревню, где занимаются созданием опытно-демонстрационных участков различных культур, знакомят крестьян на краткосрочных курсах с современными методами агрикультуры и агротехники, оказывают им содействие в строительстве и ремонте ирригационных сооружений, прокладывании проселочных дорог и т. д. [34, 110—113; 12, 139—144]. К осу-

ществлению этих мероприятий нередко привлекаются члены еще двух корпусов «белой революции» — просвещения и здравоохранения. В качестве основных обязанностей на эти корпуса возлагаются обязанности по повышению культурного уровня и улучшению социального обеспечения деревни, что в свою очередь также должно способствовать прежде всего переустройству сельского хозяйства на современный лад. Ведущее место отводится борьбе с неграмотностью и налаживанию медицинского и санитарного обслуживания сельского населения. В выполнении этих задач члены корпусов просвещения и здравоохранения добились заметных успехов, хотя значительная часть жителей деревни еще не попала в орбиту их деятельности [подробнее см. 3, 341—343]. Члены всех этих корпусов и ряда общественных организаций в деревне, действующие под неослабным контролем властей, занимаются также активной пропагандой идей «белой революции» и прославлением монархии Пехлеви.

Социально-экономические и другие мероприятия государства, сопровождавшиеся известным улучшением условий жизни трудящихся деревни, обеспечили поддержку «белой революции» большинством сельского населения, привели к смягчению противоречий между государством и крестьянами, позволили властям достаточно легко подавить сопротивление оппозиции в деревне, стали одним из основных факторов относительной внутриполитической стабильности в стране. Однако в экономической области итоги общественных преобразований были гораздо скромнее, что отчетливо проявлялось в замедленных темпах роста сельского хозяйства.

В противовес форсированному развитию различных отраслей промышленности и инфраструктуры темпы роста производства в сельском хозяйстве отставали даже от намеченных показателей. Так, в период третьего плана (сентябрь 1962 г. — март 1968 г.) средний прирост валового продукта в сельском хозяйстве составлял только 2,5% вместо намеченных 4%, а в период четвертого плана (март 1968 г. — март 1973 г.) — 3,9% вместо 4,4% [5, 29; 11, 1972/73, 148, 150]. Учитывая быстрый рост потребления в Иране, разрыв между возможностями сельского хозяйства в удовлетворении нужд страны в его продукции и в их действительном обеспечении не только не сократился, но даже возрос. Это наглядно проявлялось в систематическом увеличении импорта продукции сельского хозяйства, который намного опережал расширение ее экспорта. Так, если экспорт продукции сельского хозяйства в 1967/68—1972/73 гг. увеличился менее чем в 2 раза (с 8419 млн. риалов до 16517 млн.), то импорт — более чем в 3 раза (с 7758 млн. до 25563 млн. риалов) [25, 1972, № 955, 32; 11, 1972/73, 200—201]. В результате в 1972/73 г. в Иране, стране, где в деревне проживало около 60% населения и на сельское хозяйство приходилось 40,1% за-

нятых, импорт продукции этой отрасли на 9046 млн. риалов превышал ее экспорт⁷.

Одной из основных причин замедленного роста сельского хозяйства в 60-х — начале 70-х годов был довольно низкий уровень научно-технической базы производства, что в свою очередь находилось в тесной связи со слабым притоком вплоть до недавнего времени инвестиций в эту отрасль, особенно капиталовложений частного сектора. По мнению иранских специалистов, острая нехватка инвестиций в сельское хозяйство даже в сезоны с благоприятными погодными условиями не позволяла ему удовлетворять внутренние нужды страны; оно оставалось тормозом для развития других отраслей, и прежде всего промышленности, как с точки зрения обеспечения ее сырьем, так и особенно с точки зрения снабжения занятых в этой отрасли людей дешевым продовольствием [25, 1972, № 950, 47; № 957, 47]. Не говоря уже о частном секторе, следует отметить, что и само государство, увлеченное осуществлением проектов индустриализации, уделяло недостаточное внимание укреплению производства в деревне. Директор-распорядитель Банка сельскохозяйственного развития в связи с этим отмечал, что при размещении ассигнований в рамках долгосрочных программ (как и при распределении кредитов банковской системы) интересы растениеводства и животноводства, как правило, ущемлялись. Более того, подчеркивал он, за счет ассигнований на их развитие обычно латались прорехи в бюджетах ассигнований, выделенных на укрепление других отраслей [33, 6—7].

Тем не менее в период третьего и особенно четвертого планов постепенно складывались предпосылки для ускорения темпов роста производства в деревне. Эти предпосылки обеспечивались, с одной стороны, результатами весьма обширного ирригационного строительства, возмравшего осуществления проектов «зеленой революции», налаживания систематической борьбы с вредителями и болезнями растений и животных, сдвигов в научно-технической базе производства и т. д., а с другой стороны, завершением основных проектов аграрной реформы, укреплением позиций кооперативов в деревне, известным переломом во взглядах предпринимательских слоев на развитие сельского хозяйства. Немалое значение имел и ряд других факторов, из которых следует отметить довольно быстрое расширение сети коммуникаций и внутреннего рынка. Однако наиболее важное значение в создании предпосылок для ускорения роста сельского хозяйства имеет расширение в последние годы прямого участия государства в осуществлении различных про-

⁷ В первой половине — середине 60-х годов импорт продукции сельского хозяйства, как правило, уравнивался ее экспортом. Но в области торговли продовольствием уже в тот период (главным образом за счет ввоза крупных партий зерна, сахара и чая) образовался значительный дефицит [18, 334—335].

ектов в деревне, его стимулирующей и регулирующей деятельности. Укрепление позиций государства в социально-экономической жизни деревни, как и страны в целом, объективно является фактором, который обеспечивает постепенное создание реальных материальных предпосылок для важных общественных перемен в Иране⁸.

Усиление роли государства в социально-экономической жизни Ирана наглядно проявляется в размещении инвестиций по пятому плану развития. Из общей суммы капиталовложений в 4698,8 млрд. риалов 66,4% (3118,57 млрд. риалов) предусматривается покрыть за счет государства и 33,6% (1580,23 млрд. риалов) — за счет частного сектора. Программа пятого плана, оставляя ведущее место в ассигнованиях государства за промышленностью, отличается в то же время необычайно высоким ростом ассигнований на развитие сельского хозяйства. Ассигнования государства по этому разделу устанавливаются в 300,74 млрд. риалов, что более чем в 4,6 раза превышает соответствующие ассигнования по четвертому плану. Кроме того, с 26 млрд. риалов до 58,85 млрд. увеличиваются затраты на развитие сельского хозяйства из средств обычного бюджета. Инвестиции частного сектора возрастают с 41,1 млрд. риалов до 132,4 млрд. Однако 70 млрд. риалов из этой суммы предполагается покрыть за счет кредитов банков и иных финансовых учреждений государства.

В соответствии с программой пятого плана (учитывая 3,5 млрд. риалов ассигнований по обычному бюджету и 4 млрд. риалов инвестиций частного сектора) выделяется 115,7 млрд. риалов на ирригационное строительство, обеспечение земледелия водой для орошения, населения города и деревни питьевой водой и т. д. Ежегодный рост валового продукта устанавливается в 7%. Как и в период четвертого плана, но в намного более широких масштабах, государство свои основные усилия в области сельского хозяйства направляет на укрепление научно-технической базы производства, разрешение проблемы сбыта продукции, переустройство производства на основе создания и развития крупных современных предпринимательских хозяйств, укрепления объединенных в кооперативы мелкотоварных хозяйств. Помимо проектов, о которых уже упоминалось, предусматривается расширение площади поливных земель с 3,5 млн. га до 4,1 млн. га, продажа заинтересованным лицам 4 тыс. ком-

⁸ В этой связи представляет интерес высказывание Х. Сафари — члена Исполнительного бюро Народной партии Ирана. Он заявил: «Правящий режим отвергает претензии буржуазии на то, чтобы стать самостоятельной финансово-экономической и политической силой в стране», но так как укрепление государственного сектора в Иране происходит «в тесном сотрудничестве с международным государственно-монополистическим капитализмом», «прогрессивные потенции госкапитализма в Иране — это дело будущего. Нынешняя социально-политическая его направленность пока не позволяет говорить об этом» [5, 76].

байнов, 25 тыс. культиваторов, 68 тыс. тракторов и иных машин, увеличение потребления минеральных удобрений до 1 млн. и т. д.

В результате осуществления этих проектов и различных мероприятий по повышению урожайности ожидается, что ежегодный прирост валового продукта в растениеводстве составит 5,95%. В то же время соответствующий показатель в животноводстве устанавливается в 8,33%. Таких высоких темпов роста государство намеревается добиться посредством развития промышленного птицеводства и особенно улучшения условий скотоводства, которое в 60-х годах во многом из-за истощения пастбищ (его основной кормовой базы) находилось в состоянии перманентного кризиса. В связи с этим предусматриваются весьма обширные мероприятия по восстановлению пастбищ, увеличению почти в 3 раза производства кормовых культур, расширению использования отходов промышленности, повышению производства на кормовых предприятиях с 355 тыс. т до 900 тыс. т, созданию мясо-молочных комплексов с использованием 300 тыс. голов завезенных из-за границы высокопродуктивных и гибридных пород скота и т. д. [36, 13, 20—21, 53—61, 68].

Значительный рост ассигнований государства и частного сектора на развитие производства в деревне в сочетании с довольно благоприятными погодными условиями обеспечили в 1972/73—1975/76 гг. сравнительно высокие темпы развития растениеводства и животноводства. В 1973/74 г. прирост валового продукта в сельском хозяйстве (в постоянных ценах 1972/73 г.) составил 5,8%, в 1974/75 г. — 6%. В 1975/76 г., по предварительным данным, прирост валового продукта в этой отрасли ожидался в размере не менее установленного пятым планом [11, 1974/75, 79; 25, 1975, № 1119, 7].

Однако темпы роста растениеводства и животноводства по-прежнему намного уступали темпам роста потребления продукции этих отраслей, и прежде всего продовольствия [25, 1975, № 1082, 8]. В итоге импорт продовольствия несколько не уменьшился, а по ряду основных товаров даже увеличился. Ввоз мяса, например, с 13 тыс. т в 1972/73 г. возрос до 50 тыс. т в 1974/75 г. [39, 1975, № 4, 31]. В то же время Иран по-прежнему прибегал к импорту крупных партий продукции растениеводства, и в первую очередь продовольствия, причем его закупки особенно увеличились в 1974/75 г. В 1974/75 г. Иран приобрел за границей 1433,9 тыс. т пшеницы, 191,4 тыс. т риса, 226,7 тыс. т растительного масла, 219,5 тыс. т сахара и значительное количество других видов продовольствия. При этом заметно уменьшился экспорт продукции сельского хозяйства, и прежде всего вывоз продовольствия [38, 1975, № 34, 11—13; 11, 1974/75, 188].

В связи с этим иранские официальные лица (вопреки заяв-

лениям, которые они делали ранее) ныне нередко весьма пессимистически оценивают перспективы развития растениеводства и животноводства и особенно возможности в обеспечении страны продукцией за счет собственного производства. Так, по словам премьер-министра Ирана А. А. Ховеиды, Иран имеет ограниченные возможности для развития сельского хозяйства; учитывая быстрый рост потребления, даже при оптимальном использовании этих возможностей и применении самой современной технологии, он в состоянии добиться удовлетворения внутреннего спроса лишь на 75% [19, 3.II.1975, 41, 24.III.1975].

Эти и подобные высказывания, принимая во внимание отсталость научно-технической базы и низкую продуктивность растениеводства и животноводства в Иране, во многом отражают недостаточное участие государства в развитии сельского хозяйства, его известную беспомощность в эффективном решении этой важной проблемы и насущного вопроса значительного повышения уровня доходов трудящихся деревни в настоящих социально-экономических условиях, настоятельную необходимость углубления общественных преобразований в деревне и стране в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Зарубежный Восток и современность». Т. 1. М., 1974.
2. Иванов М. С. Иран сегодня. М., 1969.
3. «Иран. Очерки новейшей истории». М., 1976.
4. Мамедова Н. М. Кооперация в Иране. М., 1973.
5. «Некоторые особенности капиталистического развития в странах Азии и Африки». — «Проблемы мира и социализма», 1975, № 12.
6. Сеидов Р. А. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране (1950—1953 гг.). Баку, 1963.
7. Трубецкой В. В. Основные тенденции процесса перестройки традиционного нomaдизма в современном Иране. — «Иран (экономика, история, историография, литература)». М., 1976.
8. Ульрих О. Экономические и социальные процессы в Иране. — «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 9.
9. Асаеш Х. Барраси-йе тахлили-йе будже ва масареф-е ханварха-йе шахри ва рустайи-йе Азербайджан-е шарки (Аналитический обзор бюджета и потребления городских и сельских семей Восточного Азербайджана). — «Нашри-йе данешкеде-йе адабиат ва олум-е ансани-йе Табриз». 1974/75, № 109.
10. «Аяндеган».
11. «Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е салане ва теразнаме» («Центральный банк Ирана. Ежегодный отчет и баланс»), 1972/73—1974/75, Тегеран.
12. Бехташ А. М. Барраси-йе асар ва нетаедж-е энгелаб-е сафид-е Иран (Исследование влияния и итогов белой революции Ирана). Тегеран, 1973.
13. «Бурс».
14. Вадии К. Мокаддаме бар русташенаси-йе Иран (Введение к изучению иранской деревни). Тегеран, 1969.
15. «Гозареш-е амалкард-е барнаме-йе омрани-йе севвом, 1341—1346» («Отчет о выполнении третьего плана благоустройства, 1962/63—1967/68»). Тегеран, [б. г.].
16. «Дехкан-е руз».

17. Изеди А. М. Таксим-е арази дарди ра дава намиконад (Раздел земель не спасает положения). Шираз, 1960.
18. Кашаниан Х. Сермайегозари-йе кешаварзи дар Иран (Сельскохозяйственные капиталовложения в Иране). Тегеран, 1968.
19. «Кейхан».
20. «Нетаедж-е амаргири-йе кешаварзи 1351» (Итоги сельскохозяйственной переписи, 1972/73). Тегеран, 1974.
- 20а. «Осул-е энгелаб-е шах ва меллат» («Основы революции шаха и народа»). Тегеран, 1976.
21. Рахмани А. Малекийет ва бехранбери аз замин дар Иран (Земле-владение и землепользование в Иране). Тегеран, 1969.
22. «Сальнаме-йе амари-йе кешвар» («Статистический ежегодник страны»). 1972/73—1973/74. Тегеран.
23. «Серват-е мелал».
24. «Тахлил-е эджмали-йе канун-е эслахат-е арзи» («Краткий анализ закона об аграрной реформе»). — «Тахкикат-е эктесад», 1968, № 15—16.
25. «Техран экономист».
26. «Эслахат-е арзи дар Иран» («Аграрная реформа в Иране»). Тегеран, 1962.
27. «Этталаат».
28. Хуман А. Эктесад-е кешаварзи (Экономика сельского хозяйства). Тегеран, 1955.
29. Шамлу М. Асрат-е энгелаб-е сафид дар рошд-е эктесад-йе Иран (Влияние белой революции на экономическое развитие Ирана). Тегеран, 1969.
30. Ata'i M. Economic Report on Rice and other Cereals in Gilan. — «Tahqiqat-é eqtesadi». 1963, № 5—6.
31. Avery P. Modern Iran. London, 1965.
32. «Bank Markazi Iran. Annual Report and Balance Sheet (as at March 20, 1971)». Tehran, 1971.
33. «Bank Russo-Iran. Press Bulletin». 20.I.1975.
34. «Decade of the Revolution». Tehran, 1973.
35. Emrys J. The Development of Agriculture in Iran. — «Agricultural Engineering». 1975, № 2.
36. «The 5-th Plan (Revised and Summarized Version)». Tehran, 1975.
37. «Iran Almanac and Book of Facts».
38. «Iran Economic Service».
39. «Iran Trade and Industry».
40. «Iran Tribune». 1973, № 102.
41. «Kayhan International».
42. «Kayhan International (Weekly)».
43. Kristjanson B. H. The Agrarian-based Development of Iran. — «Land Economics». 1960, № 1.
44. Lambton A. K. S. Persia Today. — «The World Today», 1961, № 2.
45. Lambton A. K. S. The Persian Land Reform, 1962—1966. Oxford, 1969.
46. Lodi H. S. K. Preharvest Sales of Agricultural Produce in Iran. — «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics», 1965, № 6.
47. «National Income of Iran, 1962—1967». Tehran, 1969.
48. Okazaki Shōkō. Development of Large-scale Farming in Iran. The Case of the Province of Gorgan. Tokyo, 1968.
49. Okazaki Shōkō. Shirang Soflā: The Economics of Northeast Iranian Village. — «The Developing Economics», 1969, № 3.
50. «A Review of Statistics of First Stage of Land Reform». — «Tahqiqat-é eqtesadi». 1964, № 7—8.

ЭТАПЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КООПЕРИРОВАНИЯ В ТУНИСЕ

Развитие молодых суверенных государств в современных условиях характеризуется усилением роли государства в экономической сфере. При этом повышается также роль сельскохозяйственного кооперирования как пути перестройки отсталого традиционного сельского хозяйства, поскольку в условиях преобладания мелкого производства внедрение кооперации позволяет реорганизовать раздробленные крестьянские хозяйства на современной основе и, следовательно, повысить их производительность, а также отвечает интересам трудового крестьянства.

В развивающихся странах возрастает интерес к использованию кооперативных форм хозяйствования, которые становятся важной составной частью социально-экономических преобразований в деревне. Сельскохозяйственная кооперация в этих странах находится на различном уровне развития, причем производственная кооперация, как правило, пока еще не получила в них большого распространения, хотя в ряде стран в данной области были предприняты серьезные усилия.

В этом отношении заслуживает внимания опыт кооперативного строительства в деревне Туниса. Широкий размах сельскохозяйственного кооперирования, особенно производственного, в 60-е годы является одной из характерных черт экономического развития страны после завоевания независимости в 1956 г.

Массовое кооперирование в Тунисе потерпело неудачу. Поэтому представляется целесообразным более или менее подробно остановиться на этапах кооперативного движения, структуре и организационных формах кооперации, взаимоотношениях государства и кооперативов, трудностях и недостатках кооперирования в этой стране.

Осуществленные в Тунисе в первые годы после завоевания государственного суверенитета аграрные преобразования (отмена хабусов, аграрная реформа в низовьях реки Меджерды, выкуп, а затем и национализация иностранной земельной собственности) привели к концентрации значительной части обрабатываемой земли в руках государства, что явилось важной материальной предпосылкой для расширения его экономической роли и создания государственно-кооперативной собственности в сельском хозяйстве.

С начала 60-х годов государство стало активно вмешиваться в развитие экономики, в частности аграрной, внедряя элементы плановости, реорганизуя кредит, создавая опытные станции, показательные фермы и кооперативы различных видов, организуя

специальные управления, контролирующие сбыт важнейших видов сельскохозяйственной продукции, и др.

Сельскохозяйственное кооперирование в Тунисе в 60-е годы явилось не просто одним из звеньев аграрных преобразований, а главным направлением сельскохозяйственной политики, базой структурных преобразований в деревне, призванных служить укреплению основ экономической самостоятельности страны. Уже в этом смысле оно отличалось от кооперирования до 1956 г.

В период французского протектората в Тунисе получили определенное развитие главным образом кредитные, потребительские, сбытовые кооперативы, а также кооперативы по совместному использованию сельскохозяйственных машин, переработке сельскохозяйственной продукции и некоторые другие. Их членами были преимущественно иностранные колонисты. Так, в сбытовом Центральном кооперативе тунисцы составляли лишь около 9% от общего числа членов в 1949 г. и 16% — в 1956 г. [13, 102]. Эти кооперативы создавались в интересах капиталистического развития европейского сектора и пользовались всеобщей поддержкой французской администрации. Они представляли собой организации колонистов, объединившихся в целях борьбы за рынки сбыта сельскохозяйственной продукции.

Резкие социальные контрасты, безработица, нищета, унаследованные от времен протектората, очень остро ставили перед правительством независимого Туниса вопрос о путях и методах преобразования сельского хозяйства и преодоления застойности производительных сил, о подходе к мелкому традиционному крестьянству — преобладающей части населения тунисской деревни.

В странах Магриба размер земельного участка, позволяющего удовлетворить минимальные потребности семьи из пяти человек, равен на богарных землях около 10 га. По данным аграрной переписи 1961—1962 гг., мелкие крестьянские хозяйства — с участками меньше 10 га — составляли 63% всех земледельческих хозяйств. Примерно 41% хозяйств имели участки менее 5 га, что совершенно не обеспечивало прожиточный минимум их владельцам. Безземельными были 42% сельских семей [9, 34; 19, 199].

Вместе с тем для тунисской деревни характерна была высокая степень концентрации земельной собственности. Крупным хозяйствам с участками более 50 га, составлявшим 4% от общего числа хозяйств, принадлежало 40% всей площади. На долю же крестьянских хозяйств с участками менее 10 га приходилось лишь 16% угодий [19, 199].

В условиях Туниса, при безземелье и малоземелье крестьян, господстве частной собственности на землю и наличии в сельском хозяйстве высокоразвитого капиталистического сектора, дававшего экспортную продукцию, раздел частновладельческих земель, дробление крупных участков, уравнительное распреде-

ление среди крестьян земельного фонда, сосредоточенного в руках государства,— все это не могло бы не вызвать отрицательных экономических и социальных последствий. Естественным результатом этого стали бы, например, дальнейшая дифференциация мелкого крестьянства, стихийное развитие капиталистических отношений, пауперизация крестьян, падение рентабельности и сокращение производства. «Мелкая земельная собственность,— писал К. Маркс,— по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки» [1, 372].

Трудности экономического развития, необходимость повышения производительности труда и, наконец, сложность обстановки в тунисской деревне настоятельно требовали не дробления, а укрупнения хозяйств. Это сознавали и руководители молодой республики. В 1963 г. президент Туниса Хабиб Бургиба заявил: «Важно, прежде всего, не просто заменить французского колониста тунисцем; необходимо еще сохранить и, если возможно, увеличить уровень производства» [цит. по 11, 15].

Было поэтому решено не распределять перешедшие к государству земли между крестьянами и не дробить крупные фермы, а перейти к производственному кооперированию в деревне, используя в качестве кооперативов бывшие колониальные хозяйства. Отказ от уравнительного раздела находившегося в руках государства земельного фонда был в условиях Туниса экономически оправдан. Перестройка сельского хозяйства на кооперативных началах открывала возможности для повышения его продуктивности, решения острых социальных проблем (например, вопроса занятости), улучшения материального положения крестьянства.

Десятилетний план развития тунисской экономики на 1962—1971 гг. ориентировал на всемерное распространение кооперативных форм хозяйствования. Создание широкой сети кооперативов предусматривалось не только в сельском хозяйстве, но и в других отраслях экономики: в промышленности, торговле, на транспорте, в сфере обслуживания. В системе предусмотренных планом структурных реформ сельскохозяйственному производственному кооперированию придавалось чрезвычайно важное значение как основному средству преобразования отсталого традиционного сектора, повышения рентабельности сельского хозяйства и увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

На базе десятилетнего плана были разработаны и приняты к исполнению трехлетний и два четырехлетних плана развития, уделявших большое внимание проведению аграрных реформ и повышению эффективности сельскохозяйственного производства. «Мы сделали выбор в пользу кооперативных предприятий и

сельскохозяйственных производственных единиц¹, предусмотренных трехлетним планом. Мы начали выполнять этот план, который считаем основной ступенью на пути к необходимому преобразованию сельскохозяйственных структур», — подчеркивал Бургиба [10, 18].

Выбор производственной кооперации как оптимального варианта развития сельскохозяйственного производства на современной основе был не случаен. Еще в начале 20-х годов молодые тунисские революционеры-националисты, представители средних слоев, воспитанные на идеалах западноевропейских, в частности французских, социалистов, увлеклись идеей осуществления в стране широких экономических и социальных реформ с введением элементов планирования и развития кооперации. Распространение в кругах новой европеизированной интеллигенции идей «кооперативного социализма» связано с деятельностью Мухаммеда Али, впоследствии признанного лидера национального профсоюзного движения в Тунисе и основателя Тунисской всеобщей конфедерации труда. Молодые революционеры стремились к преобразованию тунисского общества на основе организации в стране сети сельскохозяйственных, промышленных, торговых, финансовых кооперативных товариществ. В 1924 г. ими было подготовлено создание Тунисского общества экономической взаимопомощи — потребительского рабочего кооператива. И хотя впоследствии было решено «отложить» организацию общества, горячая пропаганда идей и принципов «кооперативного социализма» произвела большое впечатление на представителей революционной молодежи, в том числе и на молодого Бургибу, интересовавшегося социально-политическими науками [2, 69—77].

27 мая 1963 г. в соответствии с рекомендациями десятилетнего плана был принят закон о кооперации в сельском хозяйстве [текст закона см. 6, 1—17], определявший порядок организации и деятельность сельскохозяйственных кооперативов. Предусматривалось создание двух видов кооперативов: обслуживания и производственных. Производственные кооперативы в зависимости от характера их деятельности, а также социально-экономических и природных условий в том или ином районе страны создавались нескольких различных типов:

сельскохозяйственные производственные единицы — на Севере, в основных зернопроизводящих районах Туниса. Их главным профилем было производство зерна;

животноводческие производственные кооперативы — в разных районах страны, но главным образом в степных районах Центра;

многоотраслевые производственные кооперативы, так называемые кооперативы поликультуры, — в засушливых районах

¹ Так называются производственные кооперативы в зерновых районах Севера страны.

Центра и Юга. Основным направлением их производственной деятельности было выращивание маслин и фруктов, а также овощей (на поливных землях). Одной из целей их создания являлось закрепление на земле полукочевых племен. В рамках кооперативов поликультуры проводились значительные работы по ирригации и освоению земель;

так называемые предкооперативы — в разных районах страны. В них принимались, как правило, сельскохозяйственные рабочие, не владевшие землей. Предкооперативы создавались с целью передачи сельскохозяйственным рабочим опыта ведения хозяйства и постепенного их приобщения к коллективному труду. Такие кооперативы, как и собственно производственные кооперативы, предусматривали коллективную обработку земли. Представляя собой своего рода подготовительную ступень, они имели как бы переходный к производственным кооперативам характер. Если дела в предкооперативе шли хорошо, то в дальнейшем он переводился в разряд кооперативов.

Как правило, тунисские производственные кооперативы создавались на базе национализированного колониального сектора, путем объединения участков мелких землевладельцев вокруг крупных механизированных хозяйств бывших колонистов. Основой кооперативных хозяйств являлись государственные земли, переданные кооперативам. Земельный фонд производственных кооперативов состоял, таким образом, из государственных и частновладельческих земель. Иногда кооперативы создавались полностью на государственных землях.

Число сельскохозяйственных кооперативов в стране быстро росло. Наиболее интенсивный рост наблюдался именно среди производственных кооперативов. Первые 15 производственных сельскохозяйственных кооперативов были созданы в 1962 г. на Севере, на площади в 10,5 тыс. га. В 1967 г. их было уже 479, т. е. в 32 раза больше. Число членов в них увеличилось с 0,6 до 50 тыс. человек, т. е. в 83 раза. Число же кооперативов обслуживания с 1962 по 1967 г. возросло с 68 до 324, менее чем в 5 раз, а лиц, состоявших в них, — с 17,3 тыс. человек до 107,7 тыс., т. е. в 6 раз. Что касается предкооперативов, то в 1966 г. их насчитывалось 402 с 17,9 тыс. членов. Только в вилайете Тунис в 1968 г. имелось 34 предкооператива, включавших 1851 человека [12, 4—6; 7, 16.V.1968; 5, 11.VII.1968].

Как заявил в 1967 г. Ахмед Бен Салах, бывший в то время министром планирования, финансов и национальной экономики, кооперативами было охвачено 20% всего самостоятельного населения страны [8, 30]. Только в производственных кооперативах состояла $\frac{1}{10}$ часть сельского населения [8, 31].

В 1968 г. в сельском хозяйстве Туниса имелось 867 производственных кооперативов всех типов и они охватывали общую площадь примерно в 1 408 554 га. Кроме того, при оценке размеров кооперативного сектора надо учитывать еще 228 коопе-

ративов обслуживания с суммарной площадью 1 019 762 га. Таким образом, в 1968 г. кооперативный сектор в сельском хозяйстве страны насчитывал 1095 кооперативов и в общей сложности охватывал около 2,5 млн. га [18; 20, 463, 465].

Организация труда в кооперативах, как уже отмечалось, предусматривала совместную обработку земли. Тунисские производственные кооперативы не ставили целью обобществление средств производства. Члены кооператива сохраняли право частной собственности на основное средство производства — землю, свой земельный участок, который являлся их паевым взносом. Согласно закону, в случае роспуска кооператива они могли получить этот участок обратно. При создании предкооперативов предполагалось, что их члены в конечном счете выкупят государственную землю и она перейдет в их полную собственность.

О первоначальной принадлежности кооперативного земельного фонда можно судить, например, по таким данным. В середине 1969 г. общий земельный фонд производственных единиц на Севере, равный 374,3 тыс. га, на 42,4% состоял из частновладельческих земель и на 57,6% — из государственных [7, 7.IX.1973]. В 1964 г. в 8 из 10 обследованных вилайетов Туниса государственные земли составляли более половины земельного фонда, принадлежавшего производственным кооперативам, причем в вилайетах Габес, Кайруан и Сус земельный фонд кооперативов полностью состоял из государственных земель [17, 268].

При организации кооператива все земельные участки, оказавшиеся в пределах границ создаваемого кооператива, подлежали обязательному включению в его состав. Землевладелец, который не вступил в кооператив, обязан был либо продать, либо сдать свой участок в аренду кооперативу.

Полностью избежать аренды при создании новых кооперативов не удавалось из-за высокой степени парцелляции земельной собственности. В некоторых кооперативах доля арендованных земель превышала половину их земельного фонда. Часто кооперативы арендовали землю, принадлежавшую собственникам, которые являлись членами другого кооператива.

В 1963 г. 12 производственных единиц на равнине в районах Эль-Кеф и Серс (вилайет Эль-Кеф) арендовали 32,2% всех обрабатываемых ими земель, а 17 кооперативов в районе Эбба-Ксур (также в вилайете Эль-Кеф) — 62,2% [16, 187].

В 1964 г. земельный фонд кооперативов в 10 обследованных вилайетах распределялся следующим образом [17, 268]:

государственные земли	93,8 тыс. га (63%)
взносы кооператоров	39,2 тыс. га (27%)
арендованные земли	14,6 тыс. га (10%)

Всего . . . 147,6 тыс. га (100%)

Став средством мобилизации частных земель для кооперативных хозяйств, аренда тем не менее явилась источником значительных затруднений для кооперативов, так как ложилась тяжелым бременем на их бюджет. Арендная плата, которая выплачивалась кооперативами, часто превышала 10% их валового дохода [16, 216]. Она поглощала столь значительную часть кооперативных средств, что было решено выплачивать ее лишь после распределения доходов по основным фондам. Следует отметить, что эта мера ударила в первую очередь по мелким и мельчайшим собственникам, так как арендные поступления составляли важнейший источник их существования. В вилайете Эль-Кеф, например, собственники, сдавшие в аренду кооперативу менее 1 га, стали получать в виде арендной платы не более 1—2 ц пшеницы, что равно было лишь 4,5—9 динарам в год [16, 216].

Весьма своеобразно решался вопрос о членстве в производственных кооперативах. Максимальный размер земельного пая при вступлении устанавливался по закону в 50 га. Землевладельцы, имевшие более 50 га, в кооператив не принимались. В принципе кооператорам не запрещалось увеличить свой пай до предельной нормы за счет земли того владельца, который не мог или не хотел вступать в кооператив и был обязан продать свой участок или сдать его в аренду кооперативу либо кому-нибудь из его членов. Таким образом, состоятельные крестьяне (владельцы участков более 20 га) могли, используя кооператив, весьма значительно расширить свою земельную собственность и тем самым (при рентабельности кооператива) ощутимо увеличить свои нетрудовые доходы.

Закон о кооперации в сельском хозяйстве не содержал каких-либо оговорок относительно минимального земельного участка, который можно внести в качестве пая. При организации кооперативов предполагалось лишь, что общая площадь земельных угодий создаваемого кооператива должна быть достаточной для обеспечения ежегодного минимального дохода в 250 динаров на семью. Во всяком случае, средняя площадь в расчете на одну семью в производственном кооперативе на Севере должна была составлять не менее 10 га. Уставы ряда отдельных кооперативов на Севере содержали условия относительно минимального размера земельного пая. Так, в уставах кооперативов Джедиди и Харруба в районе Меджез-эль-Баб этот минимум устанавливался в 2 га. Однако опрос, проведенный среди крестьян в этих кооперативах, показал, что в них принимались и безземельные крестьяне, работавшие прежде в хозяйствах колонистов. В кооперативе Джедиди, где насчитывалось 63 члена, 54 человека ранее имели землю и внесли ее, а 9 человек прежде были батраками. В кооперативе Харруба числилось 65 членов, его общая площадь была равна 1093 га. Ядром кооператива стало крупное хозяйство бывшего француз-

ского колониста, 60 человек внесли от 2 до 15 га земли каждый, 5 человек были безземельными [15, 729, 740].

Согласно закону о кооперации, распределение доходов в производственных кооперативах, чему придавалось очень важное значение, осуществлялось не только в соответствии с выполненной работой, но и пропорционально внесенным земельным паям. Порядок распределения ежегодных доходов кооператива был таков: до 10% дохода выплачивалось как вознаграждение членам кооператива за проделанную работу в зависимости от количества проработанных дней, а до 60% чистого дохода подлежало распределению среди членов кооператива пропорционально внесенным паям [7, 24.IX.1969]. Работа кооператоров должна была оплачиваться исходя из официального минимума заработной платы для сельскохозяйственных рабочих, установленного тунисским законодательством в 350 миллионов в день.

Очевидно, что существовавший в тунисских кооперативах принцип распределения доходов не способствовал ликвидации имущественного неравенства: большие доходы получали крестьяне, внесшие больший пай, что давало им и иные преимущества. Перед состоятельными крестьянами, например, открывалась возможность увеличить свои доходы путем аренды дополнительных участков земли. Правда, не всегда и эти крестьяне были в выигрыше, ибо большинство кооперативов сводило бюджет с дефицитом и доходы в них вообще не распределялись. Для производственного кооперирования крестьянства в широких масштабах необходимы, как известно, создание соответствующей материально-технической базы, большая организационная и разъяснительная работа, преодоление традиционной крестьянской психологии, имmobильности и привычки работать по старинке, достижение определенного культурного уровня. Не подготовленное таким образом кооперирование может скомпрометировать самую идею его и нанести вред сельскому хозяйству. Между тем в Тунисе необходимых для массового производственного кооперирования предпосылок создано не было, и большинство производственных кооперативов оказались неэффективными и не смогли обеспечить необходимых накоплений.

Государство предоставляло кооперативам по линии Национального сельскохозяйственного банка ссуды и кредиты на жилищное и культурно-бытовое строительство, а также на покупку сельскохозяйственного инвентаря, скота, удобрений, семян. С целью повышения общеобразовательного уровня крестьян-кооператоров правительство осуществляло строительство школ в сельских местностях, открывало специальные школы для подготовки механиков по ремонту сельскохозяйственной техники и других специалистов, организовывало курсы по ликвидации неграмотности. В 1963 г. в стране был открыт Нацио-

нальный кооперативный институт. Однако всего этого было недостаточно.

Почти все тунисские производственные кооперативы испытывали нехватку средств, особенно в период сельскохозяйственных работ. Во избежание дискредитации кооперирования неблагоприятное финансовое положение многих кооперативов скрывалось, их отчеты не публиковались, а правительство вынуждено было все больше и больше увеличивать свою финансовую помощь. Из данных о результатах хозяйственной деятельности, которые были опубликованы по производственным кооперативам Севера уже после фактического распада большинства кооперативов в 1969 г., видно, что доходы этих кооперативов в подавляющем большинстве случаев не покрывали их расходов. Так, в 1963/64 хозяйственном году дефицит бюджета 95 производственных кооперативов составил 626 тыс. дин., в 1965/66 г. этот дефицит у 212 кооперативов был равен 340,7 тыс. дин., а в 1966/67 г. у 302 кооперативов он достигал 1238,6 тыс. дин. В 1967/68 г. дефицит бюджета 331 кооператива равнялся 650,5 тыс. дин. Лишь на 1964/65 г. у 146 кооперативов было отмечено положительное сальдо до 140 тыс. дин. [18, 2].

Несмотря на предпринятые правительством усилия в области образования, в кооперативах не хватало квалифицированных специалистов, технических кадров, счетно-финансовых работников. По данным на 1969 г., в производственных кооперативах один сельскохозяйственный инженер обслуживал 70 тыс. га земли, а один механик — 260 тыс. га [18, 4].

Первый опыт производственного кооперирования, создание кооперативов на бывших колониальных фермах, принятие в них безземельных батраков и малоземельных феллахов, стремление правительства улучшить положение трудящихся масс были с одобрением встречены всеми прогрессивными силами страны. Однако положительный опыт начального периода кооперирования, когда организации кооперативов предшествовало внимательное предварительное изучение аграрной структуры и природных особенностей того или иного района, определение численности и состава кооператоров, был по существу сведен на нет последующей спешкой и нажимом на крестьян, вовлекавшихся в кооперативы во многих случаях вопреки их желанию.

При создании производственных кооперативов нарушался один из основных принципов кооперирования — принцип добровольности. Большинство новых кооперативов, насаждавшихся часто в административном порядке, были плохо организованы и не могли нормально функционировать. Быстрое расширение кооперативного сектора не имело необходимой экономической и финансовой базы. Тунисское правительство испытывало затруднения с финансированием множества вновь создававшихся кооперативов и сильно зависело в этом отношении от помощи

извне. Между тем западные кредиторы, в частности крупные международные финансовые организации, которые предоставляли Тунису средства, неохотно шли на финансирование кооперирования.

Успешное развитие производственного кооперирования предполагает проведение властями политики, направленной на защиту интересов широких масс трудового крестьянства. Экономическая же политика правящей Социалистической дестуровской партии (СДП), во многом двойственная и противоречивая, хотя и не поддерживала всецело частный капитал, поскольку предусматривала широкое применение методов государственного регулирования, все же объективно, как отмечал один из видных деятелей Тунисской коммунистической партии Мухаммед Хармель, была «благоприятна для новой буржуазии в ущерб интересам рабочих и крестьян» [4, 54].

Вовлечение крестьян в кооперативы против их желания, особенно усилившееся в конце 60-х годов, не могло не дискредитировать саму идею кооперирования и оттолкнуло от нее значительные массы феллахов. Не случайно поэтому в 1968—1969 гг. усилилось сопротивление крестьян правительственной политике кооперирования: они выступали против представителей властей, продавали за бесценок или резали скот и вырубали оливковые деревья (символ жизни и благополучия для тунисского феллаха), чтобы не передавать их кооперативам, отказывались выполнять необходимые работы.

Созданные на базе государственных земель тунисские производственные кооперативы могли бы стать основой для действительно демократических преобразований в сельском хозяйстве в интересах широких крестьянских масс, для наиболее безболезненного перевода безземельных и малоземельных крестьян на рельсы крупного механизированного производства. Как коллективные организации кооперативы могли бы сыграть большую положительную роль в объединении крестьян и приобщении их к коллективному труду. Производственные единицы, отмечал видный деятель компартии Туниса Мухаммед эн-Нафаа, «при другой структуре и другом управлении могли бы явиться катализатором настоящего кооперативного движения на селе» [3, 346]. Однако сложившаяся в Тунисе система взаимоотношений между государством и кооперативами не способствовала реализации положительных потенций кооперирования.

В развивающихся странах государство играет большую роль в развитии кооперации. Для Туниса было характерно не только активное государственное руководство производственными кооперативами, но и непосредственное вмешательство государства в их хозяйственную деятельность, что по существу сближало их с государственными фермами. Государство выступало как основная сила в организации и развитии кооперации, оно, как уже отмечалось, оказывало кооперативам материальную и

финансовую поддержку, осуществляло подготовку необходимых кадров. Производственные кооперативы создавались по решению соответствующих министерств: министерства планирования и финансов и министерства сельского хозяйства.

Несмотря на то что в кооперативах функционировали административные советы (советы управления), формально ответственные за их деятельность, кооперативы фактически были лишены хозяйственной самостоятельности. По существу все решения и расходы кооперативов должны были согласовываться с местными властями. Важнейшие финансовые и хозяйственные вопросы, включая бюджет, земельные сделки (покупка и обмен парцелл), мероприятия по борьбе с эрозией почвы и по ирригации, даже севооборот и ассортимент культур, подлежали утверждению специальных финансовых и технических инспекторов, назначавшихся властями. Имелась специальная должность технического директора, который также назначался сверху и нес ответственность за вопросы производственного характера. В каждом кооперативе создавалась ячейка СДП, и зачастую председатель ячейки являлся одновременно и директором кооператива.

Производственным кооперативам отводилась важная роль в деле мобилизации средств на нужды развития. Этого предполагалось достигнуть через непосредственный контроль властей над их прибылями и распределением заработной платы. Как отмечает экономист Грисса, изучавший сельскохозяйственные кооперативы в Тунисе в связи с проблемой занятости в стране, в тунисской экономике существовали и доходные кооперативы, в частности в сфере торговли, но и они редко распределяли какие-либо прибыли среди своих членов. В большинстве случаев прибыли этих кооперативов изымались и инвестировались в развитие других отраслей, например, таких, как дающие быструю отдачу туризм, строительство отелей. Причем рядовые члены кооперативов даже не ставились об этом в известность [14, 90—99]. Данный аспект отношений государства с кооперацией замалчивался. Весьма вероятно, что аналогичное положение существовало и в сельскохозяйственных кооперативах, хотя большинство их вообще оказались неэффективными².

Массовое кооперирование потребовало создания громадного управленческого аппарата. Многочисленные директора, контролеры, инспектора, члены административных советов подбирались скорее по принципу лояльности, нежели опыта и знания дела. Занимая менее оплачиваемые должности по сравнению с чиновниками госаппарата, они в то же время получали заработную плату, значительно превышавшую доходы рядовых коо-

² Подтвердить статистическими данными изъятие доходов из сельскохозяйственных кооперативов и направление их в другие отрасли не представляется возможным, так как статистика по данному вопросу не публиковалась.

ператоров. Выходцы из других мест, они в большинстве своем были далеки от повседневных нужд и интересов мелких феллахов и сельскохозяйственных рабочих. К тому же в кооперативные органы часто избирались в силу традиции наиболее состоятельные феллахи, которые использовали эти посты в своих корыстных целях. Все это создавало барьер между управленческой прослойкой и рядовыми членами кооперативов, интересы которых при консультациях с властями и принятии решений часто попросту игнорировались.

Отсутствие моральных и материальных стимулов порождало среди кооператоров настроения апатии и бесперспективности, что вело к снижению производительности труда. Порою не выполнялись даже самые необходимые работы. Имевшаяся техника использовалась в кооперативах недостаточно, машины часто ломались и простаивали во время страды из-за отсутствия запасных частей. Постоянное вмешательство чиновничества в хозяйственные и финансовые дела кооперативов имело следствием в конечном счете безынициативность кооператоров и низкую эффективность производства.

Сделав ставку на преобразование традиционного сектора методом кооперирования крестьянских хозяйств, правительство и СДП не нашли демократических средств, чтобы привлечь к управлению хозяйством широкие крестьянские массы. Производственные кооперативы превратились в бюрократические организации. Власти оказались бессильными разрешить с их помощью как острые социальные проблемы, так и одну из главных задач, декларированных десятилетним планом развития: повысить рентабельность сельского хозяйства и увеличить производство сельскохозяйственной продукции. Несмотря на значительную финансовую поддержку за счет государственного бюджета, экономическая эффективность большинства кооперативов оказалась очень низкой, что привело к снижению жизненного уровня крестьян — членов кооперативов.

Особенно тяжелым было положение кооператоров-бедняков, которые оказались по существу низведенными до уровня обычных сельскохозяйственных рабочих. Действительное же их положение было еще хуже, чем вторых, так как они не имели в кооперативах ни гарантированной занятости, ни установленно-го законом минимума заработной платы.

Безземельным крестьянам, вошедшим в кооператив, предоставлялась возможность по истечении определенного срока (как правило, пять лет) выкупить принадлежащую государству землю. Эта возможность, однако, была чисто теоретической, так как реализовать ее на заработную плату сельскохозяйственного рабочего невозможно. К тому же прием безземельных крестьян в кооперативы был скорее исключением, чем правилом. Обследование, проведенное в 30 кооперативах в вилайете Эль-Кеф (районы Эль-Кеф, Серс, Эбба-Ксур), показало, что из 1373 их

членов только 73 были безземельными и являлись прежде сельскохозяйственными рабочими в колонистских хозяйствах. Не владели землей до вступления в кооператив также 23 члена молодежной организации СДП [16, 208].

При приеме безземельных крестьян в кооперативы предпочтение отдавалось лицам, имевшим высокую квалификацию. Опрос членов 12 кооперативов в вилайете Беджа (где до 1969 г. уровень кооперирования крестьян был наиболее высоким) показал, что квалифицированные рабочие составляли в среднем лишь 7% от имевшейся в них рабочей силы [22, 19].

В целом производственные кооперативы смогли поглотить лишь крайне малую часть сельских безработных или не полностью занятых тружеников, причем наиболее квалифицированных из них. За бортом оставалась также основная масса parcelных крестьян, поскольку владельцев мелких нежизнеспособных хозяйств (менее 1—2 га) в кооперативы обычно не принимали из-за боязни не обеспечить минимальный доход на каждого члена кооператива. В случае если совладельцами небольшого участка, включенного в состав кооператива, были несколько человек, в члены кооператива принимали лишь одного из них, а остальные имели право на долю дохода с этого участка. Если учесть, что многие участки были крайне малы, а большинство кооперативов оказались вообще нерентабельными, станет ясно, что значительная часть феллахов, не принятых в кооперативы, осталась практически без средств к существованию. Согласно материалам обследования 12 кооперативов в вилайете Беджа, число глав семей, имеющих право на владение землей, но не включенных в эти кооперативы, составило 327, а с учетом членов семей — 2 183 человека [22, 26].

Следует отметить, что и феллахам, вступившим в кооперативы, фактически не обеспечивалась гарантированная занятость. Как показали результаты первых нескольких лет деятельности производственных кооперативов на Севере, продолжительность рабочего года в них составила в расчете на одного члена кооператива в среднем 109 дней [21, 48]. Обследования, проведенные в кооперативах в конце 60-х годов, свидетельствовали, что их члены были заняты в большинстве случаев не более 150 дней в году, т. е. фактически они были полубезработными [19, 3].

Опрос 72 лиц в 12 производственных кооперативах в вилайете Беджа выявил, что кооператоры в среднем были заняты по 13 дней в месяц (156 дней в году). Из опрошенных лишь 11 человек работали более 17 дней в месяц (или более 200 дней в году). Это были главным образом либо кооператоры, имеющие высокую квалификацию (трактористы, комбайнеры, садоводы), либо члены административного совета [22, 18].

Как отмечается в докладе специальной комиссии Национального собрания, изучавшей результаты кооперативного движе-

ния в Тунисе, около 85% кооператоров работали менее 15 дней в месяц (менее 180 дней в году) и выполняли работу обычных поденщиков [18, 3].

Таким образом, создание производственных кооперативов не разрешило проблему занятости. Возможность же для кооператоров получить работу вне кооперативов была ограничена, потому что дополнительная рабочая сила в сельском хозяйстве требовалась, как правило, во время сельскохозяйственной страды, т. е. когда и в самих кооперативах загрузка была максимальной.

В целом доходы кооператоров были очень низкими. В кооперативах нарушался принцип материальной заинтересованности. По данным обследования 12 кооперативов в вилайете Беджа, заработная плата 61 кооператора из 72 (или около 85%) в среднем составляла не выше 175 милл. в день [22, 32]. Наиболее высокую заработную плату получали лица, занятые большее количество дней, т. е. те же административные работники и квалифицированные рабочие.

Фактически же доходы кооператоров не зависели ни от количества проработанных дней, ни от произведенной продукции. Даже если крестьяне в кооперативах были заняты полный месяц, оплачивались все равно не все дни работы. Круг необходимых сельскохозяйственных работ и количество рабочих дней, подлежащих оплате, определялись не самими кооперативами, а сельскохозяйственными инженерами и агрономами для каждого кооператива в отдельности по согласованию с опекающими кооперативы государственными органами.

Для подавляющего большинства кооператоров заработная плата являлась единственным средством к существованию. Распределение ежегодных доходов было, как правило, редким исключением из-за убыточности большинства кооперативов, о чем уже говорилось, и из-за произвола администрации. Так, в 12 обследованных в вилайете Беджа кооперативах распределение доходов состоялось один раз в кооперативе «Аль-Азима» и два раза в кооперативе «Ар-Раджа» [18, 3].

Скот, который для многих кооператоров был важным источником дохода, облагался высокими налогами. Крестьяне должны были ежемесячно выплачивать кооперативу по 1 дин. за корову и по 200 милл. за овцу [18, 3]. Поэтому перед вступлением в кооператив крестьяне предпочитали тайком либо продать свой скот, либо забить его. Это увеличивало реальную опасность сокращения поголовья скота в стране, которое и без того уменьшалось при засухах.

В результате мизерных доходов жизненный уровень крестьян-кооператоров в большинстве случаев был очень низким, даже понизился по сравнению с периодом до вступления крестьян в кооператив. Почти весь семейный бюджет шел на удовлетворение потребностей в продовольствии. Основными продук-

тами питания по-прежнему оставались хлеб, оливковое масло, бобовые. Потребление мяса было очень низким: более 44% кооператоров из 12 обследованных кооперативов Беджи имели возможность есть мясо не чаще раза в 2—3 месяца. Треть от общего числа семей совсем не употребляла рыбу [22, 37—39]. Все это вело к росту недовольства крестьян. Вступление в кооператив ассоциировалось с потерей собственности и средств к существованию. Получилось так, что кооперативы, одной из целей создания которых было провозглашено улучшение условий жизни и труда обездоленного крестьянства, на деле из-за их плохой организации и ошибок при проведении кооперирования стали причиной ухудшения материального положения крестьян.

К концу 60-х годов ситуация в сельском хозяйстве сильно осложнилась вследствие исключительно неблагоприятных погодных условий — засух, поражавших страну в течение нескольких лет подряд и вызвавших снижение уровня производства. Тем не менее, несмотря на трудности, переживаемые кооперативным движением, и сопротивление крестьян, вылившееся в ряде случаев в непосредственные столкновения с полицией, правительство продолжало наращивать темпы кооперирования.

В январе 1969 г. президент Бургиба провозгласил создание Национального союза кооперации. Это положило начало второму этапу кооперирования в сельском хозяйстве независимого Туниса. Процесс производственного кооперирования в деревне резко усилился. С января по середину сентября в стране было кооперировано 4,5 млн. га земли, т. е. в несколько раз больше, чем за весь период с 1962 по 1968 г. [7, 20.IX.1969].

Тогдашний министр планирования, финансов и национальной экономики Бен Салах, горячий сторонник структурных преобразований в сельском хозяйстве, принял решение распространить кооперативы (преимущественно производственные) на все сельскохозяйственные земли [1а, 65], т. е. практически осуществить в Тунисе всеобщее кооперирование.

Развитие кооперативного движения происходило в обстановке, когда все более отчетливо проявлялась оппозиция прогрессивным по своему характеру структурным преобразованиям со стороны сил, выступающих за свертывание государственного руководства. Меры по усилению государственного вмешательства в экономику и расширению производственного кооперирования в деревне наталкивались на сопротивление представителей новой буржуазии, укрепившей после завоевания независимости свои позиции в частном и государственном секторах. Массовое кооперирование и идея сплошного кооперирования вызывали активное противодействие не только крупных землевладельцев, но и представителей хозяйственно самостоятельного крестьянства, поддерживавшего СДП, однако недовольного контролем и ограничениями государства в области сбыта. Активизировавшиеся прокапиталистические силы умело использовали объек-

тивные затруднения и недовольство кооперированием в деревне для того, чтобы заставить правительство изменить курс экономической политики. Произошло размежевание внутри правительства и правящей партии, и соотношение сил изменилось в пользу кругов, ориентирующихся на развитие частного сектора в сельском хозяйстве с привлечением иностранного государственного и частного капитала. При рассмотрении в Национальном собрании разработанного Бен Салахом законопроекта о завершении кооперирования последний был забаллотирован³.

Искусственное расширение кооперативного сектора привело к перенапряжению финансовой системы. Потребности кооперативов в государственных субсидиях все время росли, и на 1969/70 г. они оценивались в 111 млн. дин. Для того, чтобы обеспечить проведение сельскохозяйственных работ, государство должно было предоставить уже основанным кооперативам 34 млн. дин., которых у него не было [18, 4].

По свидетельству бывшего генерального секретаря СДП Ладхама, около 80% производственных кооперативов оказались убыточными, и у них не было средств для уплаты своих долгов государству. Из 380 кооперативов, созданных на Севере, убыточными оказались около 300 кооперативов. На 1 октября 1969 г. общая задолженность всех видов производственных кооперативов на Севере составила свыше 44,5 млн. дин. [7, 28.XI, 3.XII.1969; 18, 2].

22 сентября 1969 г. в стране был принят закон о реформе аграрных структур. С опубликованием этого закона начинается новый этап в сельскохозяйственном кооперировании в Тунисе, вылившийся в быстрое свертывание кооперативного сектора. В законе говорилось о трех формах эксплуатации земель: государственной, кооперативной и частной. Объявлялся принцип равенства и сосуществования трех секторов в сельском хозяйстве. Предусматривалось, что коллективное использование сельскохозяйственных земель должно осуществляться преимущественно в зерновых районах Севера; частному сектору отводилась ведущая роль в оливководстве, садоводстве и огородничестве. Закон восстанавливал принцип добровольности при вступлении в кооперативы и подробно регулировал условия деятельности сельскохозяйственных производственных кооперативов [7, 24.IX.1969].

Формально правительство не отказалось от сельскохозяйственного кооперирования, однако на деле главный упор в аграрной политике был сделан на развитие частного сектора. Сразу же после обнародования закона 1969 г. начался массовый отлив «освобожденных» от кооперативов крестьян, и подавляющая часть кооперативов распалась. Внесенные в качестве паев в ко-

³ Позднее Бен Салах был арестован, осужден по обвинению в государственной измене и приговорен к 10 годам каторжных работ [1а, 65—66].

оперативы земли, таким образом, вновь перешли к частным лицам. Кооперативы сохранились лишь на государственных землях, а создание новых производственных кооперативов прекратилось.

Изменение курса аграрной политики, фактический отход от производственного кооперирования и акцент на развитие частного сектора в сельском хозяйстве был на руку крупным хозяевам и сельским предпринимателям. Процесс концентрации земельной собственности, косвенно приостановленный распространением кооперативов, после их распада возобновился с удвоенной силой. Крупные хозяева и кулаки смогли увеличить свои владения как за счет покупки государственных земель, так и за счет присоединения парцелл разорившихся мелких собственников.

Одним из далеко идущих последствий резкого свертывания производственного кооперирования явилось ускорение социальной дифференциации и обезземеливания крестьянства. Об этом свидетельствуют такие факты, как сокращение числа самостоятельных мелких хозяев и распространение после 1969 г. издольной аренды. Включение крестьянских хозяйств в кооперативы привело к разрушению общественно-экономических связей и отношений, которые были свойственны массе таких хозяйств, когда они входили в традиционный сектор. В изменившихся условиях, после выхода из кооперативов, большинство мелких собственников уже не могли прожить на доходы от своих парцелл и были вынуждены сдать их в аренду сельским богачам. Это очень выпукло подтверждается соответствующими данными проведенного в 1970 г. повторного опроса феллахов — бывших членов уже упоминавшихся выше 12 кооперативов в вилайете Беджа.

Из общей площади этих кооперативов, составлявшей 116 тыс. га, 70 тыс. га частновладельческих земель были взяты обратно вышедшими из кооперативов крестьянами. Опрос показал, что 47 тыс. га, или $\frac{2}{3}$ общей площади крестьянских парцелл, сдавались после 1969 г. в издольщину богатым землевладельцам. До организации в этом районе производственных кооперативов большая часть земельной площади, сдаваемой ныне в аренду, принадлежала самостоятельным хозяевам. Ответы 20 бывших кооператоров гласили, что для вышедших из кооперативов крестьян не существовало иного способа прокормить себя и свою семью, кроме как сдать свою землю в аренду богатому соседу. Подобное положение существовало не только в Бедже, но и в других основных зернопроизводящих районах Севера [22, 47—49].

Обычно мелкие собственники сдавали свои участки за $\frac{1}{3}$ урожая, а сами нанимались батраками. Сдача земли в аренду сопровождалась, как правило, предоставлением арендатором такому собственнику натуральной или денежной ссуды, которую

бедняк не мог выплатить и становился должником, а затем терял свою землю.

Кооперативы, основанные на государственных землях, оказались более жизнеспособными главным образом потому, что их членами являлись в основном безземельные крестьяне, которые, безусловно, выиграли в материальном отношении и были заинтересованы в развитии кооперативного хозяйства. Таким образом, производственные кооперативы сохранились лишь там, где не были нарушены объективные предпосылки, необходимые для их создания и развития. В сельском хозяйстве Туниса к осени 1973 г. насчитывалась 241 производственная единица с общей площадью 217,7 тыс. га. В этих кооперативах было занято 10,8 тыс. человек [7, 7.IX.1973].

Правительство после 1969 г. предприняло энергичные меры с целью укрепления оставшихся производственных единиц и улучшения в них организации труда. В результате пахотные кооперативные земли возросли с 27,2 тыс. га в 1970 г. до 34,2 тыс. в 1973 г. Плантации фруктовых и оливковых деревьев расширились с 24,3 тыс. га в 1970 г. до 29,7 тыс. в 1973 г. Площадь, занятая под интенсивными кормовыми культурами, увеличилась за указанный период на 70%, достигнув к 1973 г. почти 1 тыс. га [7, 11.IX.1973].

Помощь государства и благоприятные погодные условия позволили повысить выход продукции, в связи с чем укрепилось финансовое положение и возросли доходы кооперативов, которые составили 1,2 млн. дин. в 1970 г. и 2,2 млн. в 1972 г. В 1969/70 г. кооперативы выплатили своим членам в виде заработной платы 1,8 млн., а в 1971/72 г. — 2,6 млн. дин. Кроме того, среди кооператоров было распределено 286,3 тыс. дин. в 1969/70 г., 311,3 тыс. в 1970/71 г. и 660,3 тыс. дин. в 1971/72 г. В результате средний доход каждого члена кооператива повысился со 187 дин. в 1969/70 г. до 310 в 1971/72 г. [7, 7.IX.1973].

Было решено укреплять сохранившиеся производственные единицы и одновременно расширять сеть кооперативов обслуживания. Рассматривается вопрос о предоставлении административным советам больших прав в хозяйственном отношении, однако Управление государственных земель — организация, в ведении которой находятся принадлежащие государству земли, — сохраняет право контроля правильности использования в кооперативах земли.

* * *

Итак, можно выделить три основных и неравнозначных этапа в динамике кооперирования сельского хозяйства в независимом Тунисе. Первый — 1962—1968 гг. — этап наращивания темпов сельскохозяйственного кооперирования; второй — с января по сентябрь 1969 г. — этап массового форсированного коопери-

рования; третий, начавшийся с сентября 1969 г.— этап перемены в ориентации аграрной политики, распада производственных кооперативов и приостановки производственного кооперирования в деревне.

Правящая партия и правительство Туниса провозгласили одним из принципов экономической политики государственное регулирование экономики. Государству принадлежала значительная роль в организации производства в аграрном секторе и руководстве им, в частности в процессе преобразования мелкого производства через сельскохозяйственную кооперацию.

Характер государственной политики в кооперативном строительстве определялся сочетанием нескольких факторов, важнейшими из которых были: 1) отстранение трудящихся, в том числе самого многочисленного класса современного Туниса — крестьянства, от управления; 2) сильное влияние идеологической надстройки — национал-реформистской доктрины «дестуровского социализма», пропагандируемой правящей партией; 3) сильная зависимость в развитии кооперации от иностранного государственно-монополистического и частного капитала. Эти факторы в целом обусловили эволюцию государственно-кооперативной собственности не в интересах трудящихся масс, а в русле интересов имущих слоев, стремившихся направлять страну по капиталистическому пути.

При всем этом в 60-е годы кооперативный сектор в сельском хозяйстве Туниса, характеризовавшийся значительной концентрацией экономического потенциала, превратился в преобладающий. Одновременно в результате вмешательства государства в хозяйственную деятельность и неуклонного расширения кооперативного сектора свободное развитие частнохозяйственного капитализма в сельском хозяйстве было до определенной степени приостановлено.

Но кооперация, вызванная к жизни настоятельной потребностью хозяйственного и общественного прогресса страны, стала объектом острой борьбы различных социальных сил, в разной степени допускавших ее существование и развитие. В результате этой борьбы после 1969 г. были значительно расширены возможности для роста частнохозяйственного капитализма, который в результате неудач кооперации и непоследовательной политики правящих кругов, содействующей его усилению, получил новый толчок для развития. Несмотря на меры правительства по стабилизации положения, ускорился процесс разложения мелкотоварного уклада, разорения мелких производителей. Произошло значительное отступление кооперативного сектора в сельском хозяйстве. Политика правительства в настоящее время направлена на преимущественное развитие частного капитализма при сохранении регулирующей роли государства в области сбыта сельскохозяйственной продукции через сеть специальных управлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал, т. III.— Т. 25, ч. II.
- 1а. Видясова М. Ф. Рабочий класс в социальной структуре Туниса. М., 1975.
2. Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе. М., 1971.
3. Эн-Нафаа М. Куда идет тунисская политика развития? — «Документы коммунистических и рабочих партий стран Ближнего Востока и Северной Африки», ч. II, М., 1970.
4. Хармель М., Тунисский путь: миф и действительность. — «Проблемы мира и социализма», 1968, № 8.
5. «Аль-Амаль».
6. «Act № 63-19 Relating to Co-operation in the Agricultural Field. May 27, 1963». — «Food and Agricultural Legislation», 1965, vol. XIII, № 3.
7. «L'Action».
8. Ashford D. Succession and Social Change in Tunisia. — «International Journal of Middle East Studies», 1973, vol. 4, № 1.
9. Attia H. L'évolution des structures agraires en Tunisie depuis 1962. — «Revue tunisienne des sciences sociales», 1966, № 7.
10. Bourguiba H. Production Units. First Stage of a Revolution in Agriculture. Speech Given at the National Assembly on the 5th of October 1962. Tunis, 1962.
11. Charbonnier F. Les réformes agraires en Afrique du Nord. 1. La Tunisie, Paris, 1964.
12. «Deuxième rapport au gouvernement de la Tunisie en matière du statistique coopérative». BIT, Genève, 1968.
13. Duwaji Gh. Economic Development in Tunisia. The Impact and Course of Government Planning. New York, 1967.
14. Grissa A. Agricultural Policies and Employment. Case Study of Tunisia. Paris, 1973.
15. Guérin A. Tunisie: les coopérateurs parlent. Enquête. — «Les temps modernes», 1966, № 245.
16. Makhlouf Ez. Structures agraires et modernisation de l'agriculture dans les plaines du Kef. Les unités coopératives de production. Tunis, 1968.
17. Mendras H. et Tavernier Y. Terre, paysans et politique. Structures agraires, systèmes politiques et politiques agricoles. Paris, 1970.
18. «Rapport de la commission parlementaire d'investigation sur les agissements de Ahmed Ben Salah». — Supplément a «L'Action», 31.III.1970.
19. «Report on the 1960 World Census of Agriculture», vol. 1, Pt C. Census Results by Countries. FAO, Rome, 1970.
20. Simmons J. Agricultural Cooperatives and Tunisian Development. — «The Middle East Journal», 1970, vol. 24, № 4.
21. «Yearbook of Agricultural Co-operation 1968». Oxford, 1968.
22. Zamiti Kh. Les obstacles matériels et idéologiques à l'évolution sociale dans les campagnes tunisiennes. — «Revue tunisienne des sciences sociales», 1970, № 21.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

В. В. Крылов

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В УСЛОВИЯХ НТР

Современная научно-техническая революция означает развитие качественно новой структуры производительных сил. Если в натурально-традиционной системе главную роль играют природные элементы, а в индустриальной она принадлежит созданным самим трудом объективным факторам производства, то в научно-технической системе такая роль переходит к науке, а в ее лице — к субъективным, духовным факторам труда. С изменением места и роли различных элементов производительных сил в их совокупной системе меняется место и роль в обществе различных классов и слоев, связанных с этими разнородными элементами. Этот процесс распространяется не только на данное отдельное общество, но и на всю систему международных производственных отношений.

Вследствие мирового характера современных экономических процессов и неравномерного распределения их разнородных факторов в различных странах меняется также и место этих стран в мирохозяйственных структурах. В несоциалистической части мира НТР положила начало такому международному разделению и комбинированию труда, в котором зависимость развивающихся аграрно-сырьевых стран от индустриально-капиталистических сменяется зависимостью развивающихся обществ, становящихся индустриально-аграрными, от развитых капиталистических стран, все более концентрирующих у себя новый научно-технический потенциал.

На долю развитых капиталистических стран уже сейчас приходится 98% затрат несоциалистического мира на научно-технические цели. Однако специфической особенностью нынешнего состояния мирового капиталистического хозяйства является то, что формирование новой, научно-технической монополии Запада идет быстрее, чем утрата им своей прежней индустриальной монополии. Ведь до сих пор на все развивающиеся страны приходится около 11% производства мировой промышленной продукции. Монополистический капитал не очень-то

«спешит» расстаться со своей традиционной промышленной монополией. Он повышает цены на промышленные товары и препятствует перемещению промышленности из развитых «центров» на развивающуюся «периферию», тормозит рост цен на сельскохозяйственное сырье и ограничивает таким образом возможности развивающихся стран модернизировать свое сельское хозяйство.

Данная статья не претендует на какой-либо исчерпывающий анализ влияния современного научно-технического прогресса на аграрные процессы развивающихся стран. Ее цель — указать на некоторые, представляющиеся автору важными, аспекты эволюции аграрных структур в развивающихся обществах, прямо или опосредованно связанные со становлением нового типа производительных сил.

Среди множества проблем автор стремится обратить внимание, во-первых, на такое развитие сельского хозяйства, когда его абсолютный рост сопровождается углублением его относительной отсталости, когда решение аграрных проблем деревни развивающихся стран во все возрастающей мере начинает зависеть от активности государства и вообще несельских слоев и классов; во-вторых, на локальный характер современной технологической модернизации сельского хозяйства в условиях НТР и главную роль неэкономических преобразований в его доиндустриальных секторах; в-третьих, на развитие антикапиталистических потенций трудящихся масс, связанных с этими секторами.

* * *

С тех пор как деревне развивающихся стран стала противостоять не только индустриально-городская структура развитых капиталистических государств, но и промышленно-урбанистический сектор внутри самого развивающегося общества, резко изменилось положение аграрной отрасли в системе ее связей с прочими отраслями экономики как внутри отдельного общества, так и в международном масштабе. В сравнении с новыми возросшими потребностями в сырье и продовольствии со стороны национальной и мировой промышленно-урбанистической структуры относительная отсталость сельского хозяйства развивающихся стран, несмотря на некоторый абсолютный его прогресс, увеличилась. Разрыв в уровне и темпах развития аграрной и промышленной сфер экономики уже во второй половине 60-х годов вызвал во многих развивающихся странах попытки ускоренного подтягивания сельскохозяйственного производства до уровня новых потребностей несельскохозяйственных секторов, что нашло свое яркое выражение в «зеленой революции».

Форсированное развитие отдельных, так сказать, «локальных» секторов сельского хозяйства, не подготовленное пред-

шествующим естественным развитием аграрной сферы, но вызванное скорее изменением ее места в отраслевой структуре национального и мирового хозяйства, так же как и промышленное развитие, осуществлялось в значительной мере не за счет внутренних для самого сельского хозяйства накоплений, а за счет регулируемого государством перелива финансовых средств из других отраслей экономики. По всему видно, что из источника финансирования промышленного развития, чем было сельское хозяйство во многих ныне развитых странах в прошлом, оно само превращается в объект финансирования за счет накоплений в прочих отраслях хозяйства¹. Если в настоящее время вопреки настоятельной необходимости финансировать развитие сельского хозяйства из источников несельскохозяйственных мы встречаемся с прямо противоположными явлениями, то именно это и составляет одно из важнейших противоречий аграрного развития освободившихся стран, само протекающее из нынешних «ненормальных» условий осуществления ими ускоренного роста за счет внешних источников накопления, ныне далеко не полностью удовлетворяющих потребности в них. В результате модернизация сельского хозяйства развивающихся стран становится в конечном счете процессом сугубо локальным, не затрагивающим большую часть аграрной сферы. Социальные изменения в последней оказываются не детерминированными технологической модернизацией в самом производственном процессе и в будущем могут протекать по-прежнему стихийно или «организованно», не под давлением технологических императивов, а под влиянием того или иного политического курса правительства, его административного вмешательства и т. п.

Несмотря на заметное оживление частнопредпринимательской активности в районах «зеленой революции» (с усилением соответствующих социальных контрастов), здесь ярко выступает фундаментальная роль государства в обеспечении как технологических, так и социальных условий для успешного развития этого процесса. Простая индустриализация отдельных секторов аграрной сферы в развивающихся странах, так же как и развитие промышленности, имеет не совсем такие же социальные результаты, какие отмечались в прошлом при аналогичной индустриализации сельского хозяйства в ныне развитых капиталистических странах. Об этом свидетельствует и целый ряд особенностей, характерных для аграрных реформ в развивающихся странах.

Именно потому, что потребность в изменениях в данном случае вызывается в значительной степени сдвигами, происходя-

¹ «Если сельское хозяйство,— писал известный американский экономист и социолог П. Ф. Дракер,— в XIX в. обеспечивало капиталовложения в промышленность... то в настоящее время оно само требует больших капиталовложений» [21, 118].

щими за пределами самого сельского хозяйства, в других областях совокупной отраслевой структуры (в результате чего изменяется и роль сельского хозяйства в ней), аграрные реформы начинают осуществляться силами, внешними для аграрного сектора. Реформы проводятся, как правило, сверху, самим государством. Это заметно отличает нынешние аграрные преобразования от распространенных ранее преобразований, осуществлявшихся чаще явочным порядком, снизу. Теперь в большей степени, чем раньше, радикальность и глубина преобразований зависит не только от социальных устремлений самих сельских классов, но и от факторов, выходящих за рамки деревенских условий, таких, как соотношение сил в городах, социально-политическая природа власти [19, 110; см. также 10; 11; 16].

Например, в не меньшей мере, чем аграрные реформы, упадку роли традиционной знати в деревне, как и в развивающихся обществах в целом, способствовала техническая модернизация армии. Использование вооруженными силами развивающихся стран современного вооружения привело в армию большой слой технических специалистов, что содействовало усилению разночинной прослойки в их офицерском корпусе. При нынешней роли государственного аппарата принуждения эти изменения имели далеко идущие последствия для ослабления политических позиций тех консервативных классов и слоев, которые издавна являлись носителями ныне изживших себя архаических форм собственности и институтов.

Такая роль государства в аграрных преобразованиях имеет своим результатом юридическую фиксацию особых его прав в сфере землевладения и землепользования. Как правило, передача помещичьих земель крестьянам расчленяется на две операции: сперва помещичьи земли отчуждаются в пользу государства, и только потом, уже из рук государства, крестьяне получают их. Это позволяет государству создавать юридические и моральные основания для ограничения абсолютного права частной собственности на землю всякого рода законодательными актами. Часто государство не сразу передает землю в полную собственность крестьянам, но растягивает выкупные платежи на длительный срок, в течение которого крестьяне не являются полными собственниками полученных ими земель. Или получение прав на землю оговаривается всякого рода условиями: обязанностью исполнять постановления властей относительно характера производимых культур, агротехнических методов использования земель, вступления в кооперативные объединения и т. п. Несоблюдение этих оговоренных условий может повлечь за собой обратное отчуждение земли у собственников. Все эти юридические права государства в сфере землевладения и землепользования призваны обеспечить реальную возможность вмешательства государства в сами экономи-

ческие процессы в деревне с целью координации последних с общим направлением национального хозяйственного развития.

Итак, развитие индустриально-урбанистических процессов в современных развивающихся государствах осуществляется в таких общественных формах, которых не знали в свое время ныне развитые капиталистические страны. В значительной степени именно поэтому преобразование традиционных структур в ходе осуществления более или менее радикальных реформ, особенно в аграрной сфере, не сопровождается ныне соответствующим замещением прежних порядков чисто предпринимательской частнокапиталистической деятельностью, но дает то или иное место развитию всякого рода государственно-кооперативных форм, утверждающихся в результате как экономических, так и административных мер государства.

* * *

Уже проявившееся влияние научно-технической революции на развивающиеся страны позволяет уточнить основные линии развития в них аграрной сферы в ближайшие десятилетия. Повидимому, технологическая модернизация здесь охватит лишь меньшую часть сельского населения, а большая останется сферой доиндустриальных форм экономической деятельности; и хотя в границах этой отсталой сферы будут происходить изменения в сторону унификации исторически разнотипных форм социально-экономического быта, обусловленные общемировыми и общенациональными процессами, само существование такой отсталой сферы аграрного сектора предполагает возможность сохранения в нем и значительных пережитков натурального хозяйства.

К концу 60-х годов сельское хозяйство развивающихся стран, занимая около 65% всего их населения, давало от 25 до 28% валового национального продукта². Столь низкая производительность труда в этой важнейшей отрасли хозяйства молодых государств во многом объясняется широким распространением в ней докапиталистических способов производства. Считается, что с докапиталистическими укладами в освободившихся странах связана большая половина населения, при этом для 6—10% населения существенную роль продолжают играть отношения общинно-племенного типа. Приблизительные расчеты показывают, что к 2000 г. доля сельского хозяйства в валовом национальном продукте может упасть до 15—18%, при снижении занятого в этой отрасли населения лишь до 50—55%; валовой

² Об этом можно судить по данным распределения валового продукта в этих странах в середине 60-х годов и динамике его изменения за предшествующие 15 лет [22, 31; см. также 15].

вой сельскохозяйственный продукт на душу населения может повыситься с нынешних 45—50 долл. до 115—120 долл.³.

Снижение доли сельского хозяйства в валовом национальном продукте указывает здесь на возможное заметное усиление экономических связей этой отрасли с прочими сферами экономики. Оно предполагает увеличение товарного выхода сельскохозяйственной продукции и закупок сельским сектором на стороне. Прямо противоположную тенденцию предполагает незначительный рост душевого производства сельской продукции. Чисто статистическими методами было установлено, что докапиталистические способы труда и натуральная замкнутость хозяйства прочно удерживаются в условиях, когда производство на душу населения не превышает 200—250 долл. [25, 36—37]. Только неэкономические (рентальные, налоговые и т. п.) меры позволяют в этих условиях увеличить товарный выход продукции часто в ущерб личному потреблению самих производителей. Ожидаемое углубление аграрных реформ и падение роли внеэкономических методов повышения товарного выхода продукции сельского хозяйства, естественно, в большей, чем прежде, мере ставят этот выход в зависимость от самой величины душевого производства сельскохозяйственной продукции. Но как раз этот показатель в конце текущего столетия предполагается вдвое меньшим, чем та «критическая масса» душевого производства, с которой начинается естественно-экономический отход хозяйства от натуральной замкнутости. Короче, снижение доли сельского хозяйства в валовом продукте вызывает необходимость усиления товарных связей этой отрасли с остальной экономикой, а недостаточный рост душевого производства сельского хозяйства за тот же прогнозируемый период, напротив, свидетельствует об отсутствии «нормальных» экономических предпосылок для необходимого увеличения товарного выхода.

Как показывает опыт осуществления «зеленой революции» в ряде азиатских стран, разрешение конфликта между этими двумя, казалось бы, противоположными тенденциями выражается в том, что модернизации подвергается лишь незначительная (в Индии не более 20% хозяйств в зонах проведения преобразований) часть сельскохозяйственного производства, а преобладающая его часть влачит прежнее, архаическое существование [24]. «Зеленой революцией» охвачено не более 10—15% территории развивающихся стран Азии [10, 18]. Есть веские основания ожидать такую локализацию процессов сельскохозяйственной модернизации и в предстоящие десятилетия, а поэтому и предполагать сохранение существенного влияния докапиталистических способов труда и натуральности хозяйства. Более того, учитывая демографические процессы, можно ожидать

³ Эти данные были рассчитаны нами для доклада на конференции «Деревня современного Востока: основные пути эволюции», состоявшейся 3—4 мая 1973 г. [подробнее см. 14, 50—51].

даже увеличения роли традиционных секторов, по крайней мере в отношении численности охватываемого ими населения.

Уже здесь начинает обнаруживаться тот поразительный факт, что так называемые пережитки докапиталистических способов труда и натурального хозяйства далеко не во всем и не всегда являются просто не успевшими исчезнуть остатками доколониальных и колониальных времен, а представляют собой нечто, генерируемое и воспроизводимое в освободившихся странах законами их современного развития. Разве не об этом свидетельствует превращение многих развивающихся стран в послевоенные годы из экспортеров продовольственных ресурсов в их чистых импортеров, а местами даже усиление в них натурально-хозяйственных тенденций? Вот почему проблема влияния натуральных секторов хозяйства этих стран на общий процесс воспроизводства привлекает все большее внимание исследователей и практиков, а само содержание понятия «натуральность хозяйства» требует более глубокого экономического объяснения.

Во все исторические эпохи люди воспроизводили себя не только посредством сил своей собственной деятельности, но также и благодаря «производительной силе самой природы» [3, 472]. «...Земля,— писал К. Маркс,— сама производительна (в смысле потребительной стоимости) и сама является живой производительной силой (обладающей потребительной стоимостью или служащей для производства потребительных стоимостей)» [3, 513]. Будет ли природа выступать в трудовом процессе человека в качестве лишь предмета труда или она будет функционировать и в качестве его орудия труда — это зависит от развития прочих, исторически приобретенных элементов производительных сил. «Сама земля,— отмечал К. Маркс,— есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы» [1, 190]. Таким образом, любая историческая система производительных сил включает в себя «производительные силы труда,— как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самой природой» [1, 524]. Природные, натуральные или, что все равно, «естественные элементы» [7, 472] производительных сил в отличие от экологической среды представляют собой непосредственный фактор труда людей в качестве его предмета или орудия, но в отличие от факторов труда, созданных с участием самого труда, воспроизводятся в ходе стихийного протекания природных процессов. «В земледелии,— указывал К. Маркс,— земля в своих химических и т. п. действиях уже сама является машиной, которая делает более производительным непосредственный труд и поэтому раньше дает избыток, дает потому, что здесь раньше применяют машину, а именно — природную машину» [5, 84—85].

Основное противоречие естественных элементов производительных сил состоит в том, что по своей функции они уже социальные, т. е. используются в труде, а по своей субстанции — еще природны, не производятся самим трудом. Снятие этого противоречия в достаточно широких масштабах ведет на известной ступени общественного развития к становлению индустриальной системы производительных сил, в которых главную роль играют объективные средства труда, созданные самим трудом, т. е. объективированный, прошлый труд.

«Люди,— констатировал К. Маркс,— начинают трудиться на определенной основе — сперва на естественно возникшей, затем создается историческая предпосылка труда» [4, 486—487]. До тех пор пока они не успели своим трудом достаточно переделывать природу, определяющим фактором человеческого воспроизводства во всех его материальных, социальных и духовных качествах были такие средства труда, которые представлены естественными элементами производительных сил. «В земледелии, в его докапиталистических формах,— писал К. Маркс об этой решающей сфере традиционной экономики,— человеческий труд выступает скорее лишь как помощник природного процесса, который им не контролируется» [6, 553].

Достаточно хорошо известно, какую большую роль играют в развивающихся странах годы «тощих и тучных коров» в формировании общего размера валового продукта. При таких заметных колебаниях урожая, вызванных чисто стихийными причинами, рост исторически созданных элементов производительных сил в сельском хозяйстве статистически улавливается лишь через сравнение средних за несколько лет показателей.

Таким образом, в границах «производства, первоначально возникшего как чисто натуральное, обусловленное исключительно природой производство» [5, 19], сама натуральность хозяйства определяется не только предназначением продукта для собственного потребления, но еще и отмеченным приматом природных факторов труда над исторически созданными его факторами в самих глубинных пластах производства. Вся прочая структура натуральной системы производительных сил (преобладание живого труда над овеществленным и их нерасчлененность; главная экономическая роль эмпирического опыта работника, а не науки; неразвитость субъективных качеств работников и функционирование людей в своем собственном процессе воспроизводства не как субъекта, а как «неорганического условия производства» [4, 478] и т. п.), а следовательно, и решающие характеристики функционирования натуральной экономики предопределяются этим приматом природных факторов труда над всеми прочими, отчего данный тип хозяйственной деятельности и назван Марксом «натуральным» (природным).

Перенесение основного внимания наших экономистов со сферы распределения продукции в традиционной экономике на сфе-

ру самого процесса производства в ней позволило им по-новому взглянуть на основные итоги предшествующих изменений в деревне развивающихся стран.

Исследование структуры крестьянских хозяйств в Индии и некоторых других развивающихся странах, проведенное В. Г. Растянниковым, показало, что значительная часть покупаемых крестьянами продуктов идет на их личное потребление, а не на воспроизводственные нужды их хозяйств. Натуральность хозяйств по роли в них природных факторов труда оказалась значительно большей, нежели об этом можно было судить по размерам крестьянских покупок и продаж. Это позволило автору сделать вывод об имевшей место в нашей литературе переоценке степени развития как мелкотоварных, так и капиталистических отношений в деревне развивающихся стран. «...Рынок,— писал В. Г. Растянников об Индии,— непомерно „вздувался“ за счет продукта, отчуждаемого в форме натуральной земельной ренты и прочих неоплачиваемых изъятий в натуре, обращавшихся в меновую стоимость и навсегда уходивших из сектора сельскохозяйственных производителей. Таким образом, вся разница между массой продукта, поступавшей на рынок, и обратными товарными компенсациями, возвращавшимися в этот сектор с рынка,— а эта разница составляла 15—20% всей продукции растениеводства и от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ товарного продукта этой отрасли—представляла собой дань в основном докапиталистическим группам общества (а также государствам). Однотипные процессы происходили и в соседних с Индией странах—Пакистане и Бирме (хотя в последней в ином варианте). При господствующей весьма низкой производительности труда выкачка такой огромной дани крайне задерживала общественное разделение труда в аграрной экономике этих стран и вызревало на этой основе товарного производства...» [17, 17; подробнее см. 18, 108—120, 180—250, 385—400].

Являющиеся побочным продуктом научно-технического прогресса в развитых странах современные отрасли экономики в развивающихся странах с самого начала характеризуются высоким органическим строением производительных фондов. Их низкая трудоемкость, кажется, в принципе устраняет возможность занятости всего трудоспособного населения в современном материальном производстве. В развитых капиталистических странах выталкиваемое из материальных сфер производства население по возможности сосредоточивается в его нематериальных сферах, где создаются социальные и духовные предпосылки труда, новые технологии, новые формы организации производства и т. п. Отсталость и бедность развивающихся стран таковы, что здесь это «лишнее» для современных видов материального производства население не может быть использовано таким же образом и в таких же масштабах. Оно остается в существующих рядом традиционных секторах. В сочетании

с «излишней» рабочей силой, выталкиваемой процессами распада традиционных экономических форм, низкая трудоемкость современного сектора еще более обостряет проблему занятости, усиливает разрыв и несвязанность между предметно-вещественными и личными факторами производства⁴.

Такого удивительного переплетения процессов, когда экономический прогресс сопровождается не сокращением сферы традиционного труда, а ее разбуханием, история еще не знала.

Революционные изменения в средствах транспорта и связи в сочетании с внедрением современных отраслей в городскую и сельскую («зеленая революция») среду заметно усиливают «демонстрационный эффект» и ведут к «демократизации» новой системы потребностей, к охвату этой системой все больших масс населения. И дело не только в распространении потребностей с узких господствующих групп на более широкие слои населения. Важно то, что с такой демократизацией сами потребности претерпевают качественный сдвиг. Современные потребности господствующих классов имели чисто потребительский, «недеятельный» характер, ибо эти слои общества могли переложить труд на работающие массы. Когда носителем новых потребностей становятся сами трудящиеся, им не на кого переложить свой труд, и для удовлетворения своих новых потребностей трудовое население развивающихся стран нуждается в новом образе жизни, в новых формах производительной деятельности, в модернизации всех объективных и субъективных условий своего экономического бытия.

Демократизация новой системы потребностей, помимо чисто количественных изменений, означает их одновременный сдвиг от потребностей в продуктах деятельности к потребностям в новых формах самой этой деятельности. Она активизирует прежде пассивные пласты населения развивающихся стран. Распространение новых потребностей на все более широкие слои народа, с одной стороны, ведет к новым формам пролетаризации населения, заключающимся не только в физической утрате работником своих мелких средств труда, но еще и в «моральной уценке» прежних рудиментарных условий производства по сравнению с вновь развившимися потребностями работника. С другой стороны, оно вызывает в границах разбухающего традиционного сектора тенденцию к стиранию исторических и локальных особенностей экономического быта, порожденного в прошлом разнотипными докапиталистическими укладными формами: этот традиционный сектор, по-видимому, может превратиться в недалекой перспективе в такой унифицированный сектор бедности и допромышленных форм труда, с которым мы уже встречаемся в Латинской Америке.

⁴ Ожидается, что за 1970—1980 гг. число незанятых возрастет с 78 млн. еще на 226 млн., так что в 1980 г. необходимо будет обеспечить работой более 300 млн. незанятых [23, 769].

Тот факт, что в ходе современных аграрных преобразований в развивающихся странах ограничение или ликвидация докапиталистических укладных форм далеко не для всего сельского населения расчищает путь к технологической модернизации (так что не охваченные техническим прогрессом сектора сельского хозяйства претерпевают изменения под влиянием внеэкономических, административных мер государства, а не стихийного развития капиталистических отношений в деревне), следует учитывать и при определении антикапиталистических потенций сельских трудящихся, связанных с традиционными укладами.

Разрушая местные традиционные формы, ведущие начало из доколониального прошлого, капитализм создавал на своей периферии более приспособленные к его нуждам порядки, но эти порядки в большинстве случаев не были капиталистическими сами по себе. Значительная часть традиционных отношений колониального периода была создана на базе доколониальных отношений самим капитализмом как его собственные регрессивные, аномальные формы. С точки зрения взаимодействия укладов противоречие между колониями и метрополиями было поэтому не только противоречием между действительно докапиталистическими укладами и укладом капиталистическим, но в значительной степени и внутренним противоречием самой капиталистической системы, противоречием между развитыми и аномальными формами капитализма. Эти регрессивные, аномальные формы капитализма в развивающихся странах и устраняются не только как исторически предшествующие капитализму, действительно докапиталистические формы, т. е. в ходе буржуазно-демократических преобразований, но еще и как его собственные аномальные формы, т. е. в ходе некапиталистических преобразований.

Именно потому, что традиционализм капиталистического происхождения в настоящих условиях играет столь значительную роль в развивающихся государствах, основная часть демократических преобразований осуществляется в качестве одной из антикапиталистических задач. И напротив, демократические преобразования буржуазного содержания, имеющие дело с действительно доколониальными порядками, весьма незначительны и в условиях капиталистически ориентированного развития носят верхушечный и куций характер. Демократические преобразования в современных развивающихся странах утрачивают свое буржуазное содержание и наполняются содержанием антикапиталистическим. Некапиталистическая трансформация в таких условиях представляет собой органический сплав демократических и антикапиталистических мероприятий и этим существенно отличается от той трансформации, в которой демо-

кратические преобразования предшествуют социалистическим и перерастают в них лишь по мере своего осуществления.

Современная революционная демократия проводит такие демократические реформы, которые с учетом социально-исторической перспективы антикапиталистичны. В XIX в. революционная демократия под флагом «социалистической» идеологии на деле выступала за радикальные реформы буржуазно-демократического содержания. Как раз сторонники таких только буржуазно-демократических реформ в современных развивающихся государствах революционной демократией названы быть не могут. Они в лучшем случае составляют здесь либеральное крыло в национальном движении. Изменение укладного содержания демократических реформ изменило и социальную природу революционно-демократического движения.

Так как традиционные уклады нынешних освободившихся стран во все возрастающей мере развивались не только по своим внутренним законам, но еще и под влиянием вначале господствующего над ними извне капитализма, а ныне и противоборствующих мировых систем — социалистической и капиталистической, поведение классов и слоев таких укладов определяется не только специфическими противоречиями последних, но и глобальными конфликтами современности.

В рамках мелкотоварного уклада, попавшего в орбиту влияния законов капитализма, также начинает развиваться противоречие между трудом и капиталом, хотя юридически собственником и того и другого является сам производитель. В настоящее время это противоречие продолжает быть источником антикапиталистических тенденций в развивающихся странах, но в существенно модифицированном виде. С одной стороны, произошла пролетаризация огромной части мелких хозяев, усиливаемая ныне процессами «моральной уценки» примитивных средств труда в сравнении с новыми потребностями работника. С другой стороны, нехватка производственных фондов, а следовательно, и рабочих мест в современных секторах, наряду с развитием именно капиталоемких, а не трудоемких отраслей, приводит к тому, что лишь меньшая часть этих пролетариев имеет своим нанимателем действительного капиталиста или государство. Наибольшая их часть продолжает работать на мелкого хозяйчика, у которого в современных условиях практически нет перспективы пополнить ряды собственно буржуазии. Ясно, что этот тип наемного труда не может выражать действительную капиталистическую эксплуатацию, ибо здесь в отношениях между нанимателем и нанимающимися отсутствует капитал в качестве одного из агентов. Какова же его истинная укладная природа?

Обмен между живым трудом и овеществленным, для капитализма характерный, имел место и в докапиталистических классовых формациях. «Спорадически, — писал К. Маркс, — ран-

ний рабочий класс может встречаться также и на более ранних ступенях производства, но не как всеобщая предпосылка производства» [6, 77]. На эту категорию работников обратили внимание исследователи как древневосточной, так и греко-римской структур. В средневековых городах Западной Европы она состояла в основном из тех представителей не организованной в цехи и гильдии «городской черни», которые из поколения в поколение жили наемным трудом.

Маркс отличал этот «докапиталистический пролетариат» от пролетариата буржуазного общества. «Обмен овеществленного труда на живой труд,— писал он,— еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда — на другой. Весь класс так называемых *слуг*, начиная с чистильщика сапог и кончая королем, относится к этой категории. Сюда же относился и свободный поденщик, которого мы спорадически встречаем повсюду, где либо азиатская община, либо западная община, состоящая из свободных собственников земли, распадается на отдельные элементы...» [4, 454].

Подчеркивая отличие этих нанимающихся работников от капиталистического наемного труда, К. Маркс уточняет, к какого рода докапиталистическому отношению может быть отнесен данный наем. Он «может принадлежать» прежде всего к «*отношению простого обращения*» [4, 454]. Это есть обмен одной потребительной стоимости (живой труд как услуга, как средство удовлетворения личных потребностей покупателя) на другую (жизненные средства в их денежной или натуральной форме).

Участвуют ли в этом обмене живой труд на овеществленный деньги или нет, в любом случае он не конституирует капиталистического отношения. «Обмен *денег как дохода*, как всего лишь средства обращения, на живой труд никак не может превратить деньги в капитал, а следовательно, никак не может превратить труд в наемный труд в экономическом смысле» [4, 456].

Даже в том случае, когда покупаемая рабочая сила используется в производстве, но само это производство, как мелкое хозяйство крестьянина или хозяйство нанимающего рабочих на доходы от ренты помещика, рассчитано на собственное потребление, наем не является капиталистическим по своей укладной природе; «он *au fond* представляет собой всего лишь замаскированную покупку чужого труда для непосредственного потребления, т. е. покупку этого труда в качестве потребительной стоимости... эти свободные работники могут также появляться... и опять исчезать, не изменяя при этом способа производства» [4, 459].

Марксов метод определения укладной природы наемного труда служит предостережением против поспешного отнесения всякого продающего свою рабочую силу работника к категории капиталистически эксплуатируемого рабочего. Если нани-

мателем является широко распространенный в развивающихся странах мелкий хозяйчик, стремящийся лишь к удовлетворению личных потребностей, восточный помещик, тратящий основную часть дохода на роскошь и исполнение ритуальных обычаев, или крупный латифундист Латинской Америки, проматывающий деньги на потребление импортных продуктов-люкс,— во всех этих случаях в обмене живого труда на овеществленный работники выступают не как капиталистически эксплуатируемые рабочие, а как агенты простого товарного обращения. Такие работники, несмотря на свою пролетаризацию, остаются агентами мелкотоварного уклада, если они нанимаются к мелкому производителю. Эти рабочие также могут эксплуатироваться нанимателем, но не по законам присвоения прибавочной стоимости, а по законам отклонения цены товара (рабочей силы) ниже его стоимости. Однако в некоторых случаях возможно отклонение цены товара выше его стоимости, и тогда рабочие могут получать более того, чем сами произвели: крестьянину, нанимающему поденщиков на период страды, выгоднее переплатить им, чем понести более крупные расходы в результате не вовремя убранный урожай.

В нынешних условиях антикапитализм мелкотоварного происхождения выражает, следовательно, не только двойственность отдельного мелкого производителя, его конфликт как труженика с самим собой как собственником, но в пределах всего мелкотоварного уклада — еще и противоречие пролетаризованных слоев этого уклада с теми его слоями, которые остались собственниками. Современная революционная демократия является носителем антикапиталистических потенций трудящихся докапиталистического типа в их более зрелом виде. Социальной базой такой революционной демократии, в отличие от положения дел в XIX в. в метрополиях, являются не только мелкие товаропроизводители сами по себе, но и лица наемного труда докапиталистического типа. Не всякая пролетаризация в освободившихся странах означает развитие именно капиталистического найма и создание социальной базы для перехода лидерства от социалистов народнического толка к пролетарским социалистам.

Если продающие рабочую силу неимущие слои, пролетарии, оказываются в развивающихся государствах неоднородными по своей укладной природе, то в не меньшей степени это относится и к владеющим мелкими средствами труда производителям. К концу 60-х годов лица наемного труда составляли около 17—18% всего активного населения освободившихся стран против 14—15% в конце 50-х годов [20а, 3—10; см. также 16; 12]. Противопоставление им всех остальных трудящихся как мелких буржуа представляется неверным, ибо мелкие производители современных развивающихся обществ сами являются агентами различных социально-экономических укладов. Короче, в

развивающихся странах мало различать наемных рабочих вообще и крестьян вообще; необходимо еще выделять в обеих этих группах принадлежащие к разным укладам различные классы нанимающихся рабочих и мелких производителей. Не одинаковы поэтому и социальные роли таких разноукладных рабочих и крестьян. Положение усложняется еще и тем, что физически одни и те же общественные субъекты чаще всего находятся сразу в нескольких укладных отношениях с представителями иных слоев: одна и та же крестьянская семья, например, относится к соседней такой же семье как сообщинник, к находящемуся рядом помещику — как арендатор земли, к какому-либо нанимателю, эксплуатирующему уходящих на заработки членов семьи, — как нанимающийся работник, и т. п.

К мелким буржуа относятся только такие мелкие производители, которые работают на *свободный* рынок. «Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — подчеркивал В. И. Ленин, — вот два признака, составляющие понятие „мелкого буржуа“... Сюда подходят, таким образом, и крестьянин, и кустарь... так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства» [8, 413]. «Товарное производство, — отмечал он, — есть работа на *неизвестный* и *свободный* рынок» [9, 319].

Не вызывает никакого сомнения, что значительные слои крестьянства, тесно связанные с натуральными формами производства и отрезанные от прямых связей с рынком посредством «таких твердо установленных платежей, как налоги, земельная рента и т. д.» [2, 265], не могут быть отнесены к категории мелких буржуа. Они являются агентами не мелкотоварного уклада, но скорее феодального, общинно-племенного и т. п.

Труднее понять, почему не всякий торгующий мелкий производитель в развивающихся странах относится к мелким буржуа. Здесь уже встает вопрос о характере реализации продукта, созданного мелким производителем.

В современную эпоху крестьянство развивающихся стран в значительной степени работает на закупочные центры частных компаний или вытесняющего их государства с его заранее фиксированной ценой, а то и квотой закупаемой продукции. Сбыт крестьянином своих монопродуктов через систему государственно-кооперативной закупки или сеть закупочных оффисов частных компаний во многом близок «работе на заказ», а не на свободный и неизвестный рынок. «Работа на заказ, т. е. соответствие предложения предшествующему спросу, как *общее или преобладающее* положение не соответствует крупной промышленности и никоим образом не вытекает как условие [процесса производства] из природы капитала», — писал К. Маркс [5, 26—27].

Хотя в отличие от буржуа-капиталиста мелкий буржуа про-

изводит свой капитал (мелкий) сам, на свободном рынке он выступает, так сказать, против истинного капиталиста не как трудящийся, а как собственник товара, как тоже капиталист. Буржуа грабит мелкого буржуа — более слабого как капиталиста — через конкуренцию. И только потому, что этот мелкий капитал произведен собственным трудом мелкого буржуа, последний подвергается грабежу еще и как труженик.

По-другому обстоит дело с производителем монопродуктов, предназначенных для продажи по твердым ценам на закупочные центры. Эти цены имеют такие размеры, что заранее предполагают отчуждение значительной части прибавочного и даже необходимого труда мелких производителей. Предназначенные для мирового рынка монопродукты, как правило, не обладают потребительной стоимостью для местного населения, и их производитель не может выбрать себе покупателя. В результате юридическое право собственности на мелкие вещественные условия труда у таких торгующих местных производителей экономически не реализуется и оказывается чисто юридической фикцией. Это — тип не мелкого буржуа с его двойственной природой, а скорее рабочего рассеянной капиталистической или государственной мануфактуры. В экономическом смысле это фиктивные собственники, для которых уже не подходит закон «раздвоения», имеющий силу для мелких буржуа. В своей торговле с закупочными оффисами производитель монопродукта в отличие от мелкого буржуа противостоит крупному капиталу или государству не как собственник, пусть даже мелкий, но непосредственно как трудящийся.

Выступая в условиях капиталистически ориентированного развития против низких закупочных цен, предлагаемых частными закупочными центрами, производители монопродукта фактически способствуют снизу процессу национализации закупочной сети, производимой сверху государством. Выражая недовольство условиями государственной закупочной системы этих стран, они в конечном счете выступают за установление примата общественных функций госсектора над частнособственническими, в чем и состоит главным образом процесс некапиталистической трансформации природы государственной собственности. Их негативное отношение к некоторым перегибам в странах некапиталистической ориентации позволяет властям точнее определить оптимальное соотношение между коллективной и личной формой необходимого продукта общества, оптимальную пропорцию накопления и потребления и т. п. Как антикапиталистическая сила эти слои выступают иначе, нежели агенты мелкотоварного уклада, мелкие буржуа.

Таким образом, если даже принять тезис о том, что «прогрессивная и даже революционная роль мелкой буржуазии в третьем мире резко возросла» [13, 114], то следует учитывать и то, что далеко не всякая революционность мелких производи-

телей в развивающихся государствах является революционностью мелкобуржуазной.

* * *

Развитие аграрной сферы в освободившихся странах в условиях НТР отмечено множеством не известных для модернизации европейского сельского хозяйства в прошлом противоречий. Это и заметный абсолютный рост сельского хозяйства при одновременном относительном отставании его от прочих отраслей национальной экономики; и огромный исход сельского населения в города, не сопровождающийся, однако, уменьшением его численности в самой деревне; и острейший кризис производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья, вызванный особой отсталостью именно аграрных сфер; и порождаемая этим кризисом гораздо большая нестабильность всей общественной структуры, нежели нестабильность самого сельского мира, и т. д. и т. п. Именно потому, что нерешенность аграрных проблем влечет за собой более острые противоречия и более глубокие диспропорции в межотраслевом пространстве, чем в границах самого сельского хозяйства, главным инициатором аграрных преобразований все более начинает становиться государство и вообще несельские слои, опережающие своими действиями движения самих сельских трудящихся слоев. Становится понятным, почему инициатива внешних по отношению к деревне прогрессивных общественных сил в вопросе об аграрных преобразованиях проявляется здесь прежде, чем движения самих сельских масс примут угрожающие размеры. Антикапиталистические тенденции сельских трудящихся слоев проявляются в этих, так сказать, заранее заданных параметрах.

Все это подтверждает, что не следует рассматривать современные аграрные преобразования в развивающихся странах, осуществляемые в эпоху кризиса мирового капитализма и укрепления мировой социалистической системы, всего лишь с точки зрения перехода от докапиталистических аграрных порядков к капиталистическим. Такой взгляд на эти процессы был бы не более чем некритическим наложением представлений о законах развития сельского хозяйства европейских стран в прошлом на ситуацию в современных развивающихся странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал, т. 1.— Т. 23.
2. Маркс К. Капитал, т. 2.— Т. 24.
3. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. 3.— Т. 26, ч. III.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов, ч. I.— Т. 46, ч. I.

5. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов, ч. 2.— Т. 46, ч. II.
6. Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов. Т. 47.
7. Маркс К. [Капитал]. Вторая книга. Процесс обращения капитала.— Т. 49.
8. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе).— Т. 1.
9. Ленин В. И. Введение социализма или раскрытие казнокрадства?— Т. 32.
10. «Деревня современного Востока: основные пути эволюции». М., 1973.
11. Крылов В. В. О социально-экономической природе наемного труда в городах афро-азиатских стран.— «Средние (городские) слои в развивающихся странах Азии и Африки». Ч. 2. М., 1972.
12. Кузнецова С. И. Социальная структура африканского города. М., 1971.
13. Левковский А. И. «Третий мир» в современном мире. М., 1970.
14. «Народы Азии и Африки», 1974, № 1.
15. «ООН. Проблемы и вопросы промышленного развития. Международный симпозиум по промышленному развитию. Афины. 29 ноября—20 декабря 1966», 1967.
16. «Рабочий класс Африки». М., 1966.
17. Растянников В. Г. Проблемы аграрной эволюции в многоукладной экономике (опыт независимой Индии). Автореферат докт. дисс. М., 1971.
18. Растянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
19. Растянников В. Г. Проблемы капиталистического развития в деревне современного Востока.— «Мировая экономика и международные отношения». 1974, № 5.
20. «Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки». М., 1969.
- 20а. «Формирование рабочего класса стран Азии и Африки». М., 1971.
21. Drucker P. F. The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. New York, 1968.
22. «Etudes des conditions économiques en Afrique. 1960. 1961. 1962. 1963. 1964». ONU, New York, 1968.
23. «Europa Archiv». 1973, № 20.
24. «Five Years of Research on Dwarf Wheats». Indian Agricultural Research Institute. New Delhi. 1968.
25. «Futurologie. Fragen. Probleme, Resultate der Zukunftsforschung». Hause Rissen. Hamburg, 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Раздел I. Традиционные социально-экономические структуры: формирование, функционирование, разложение	6
В. П. Данилов, Л. В. Данилова, В. Г. Растянников. Основные этапы развития крестьянского хозяйства	6
Ю. М. Кобищанов. Община или класс? (Формирование и социальное функционирование аристократических кланов в Тропической Африке)	49
В. В. Трубецкой. Трансформация традиционной социально-экономической структуры кочевых и полукочевых племен Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки	73
Ж. Д. Смирнская. Наследие традиционного общества и общинное крестьянство: особенности общественного сознания (на примере некоторых районов Явы середины XX в.)	106
Раздел II. Экономические проблемы аграрной эволюции	137
Ю. Г. Александров. Аграрное перенаселение в развивающихся странах (на примере стран Юго-Восточной Азии)	137
А. Д. Давыдов. Новые черты хозяйственной эволюции в помещичьих имениях Афганистана (60—70-е годы)	157
Раздел III. Пути аграрных преобразований	177
П. П. Моисеев. Аграрные преобразования в Алжире	177
В. В. Лепяхин. Община и аграрные преобразования в Гвинейской Республике	196
А. И. Демин. Социально-экономические преобразования в иранской деревне (60-е — первая половина 70-х годов)	214
Л. П. Зудина. Этапы сельскохозяйственного кооперирования в Тунисе	242
Раздел IV. Научно-техническая революция и аграрная эволюция	262
В. В. Крылов. Традиционализм и модернизация деревни развивающихся стран в условиях НТР	262

АГРАРНЫЕ СТРУКТУРЫ СТРАН ВОСТОКА

Генезис, эволюция, социальные преобразования

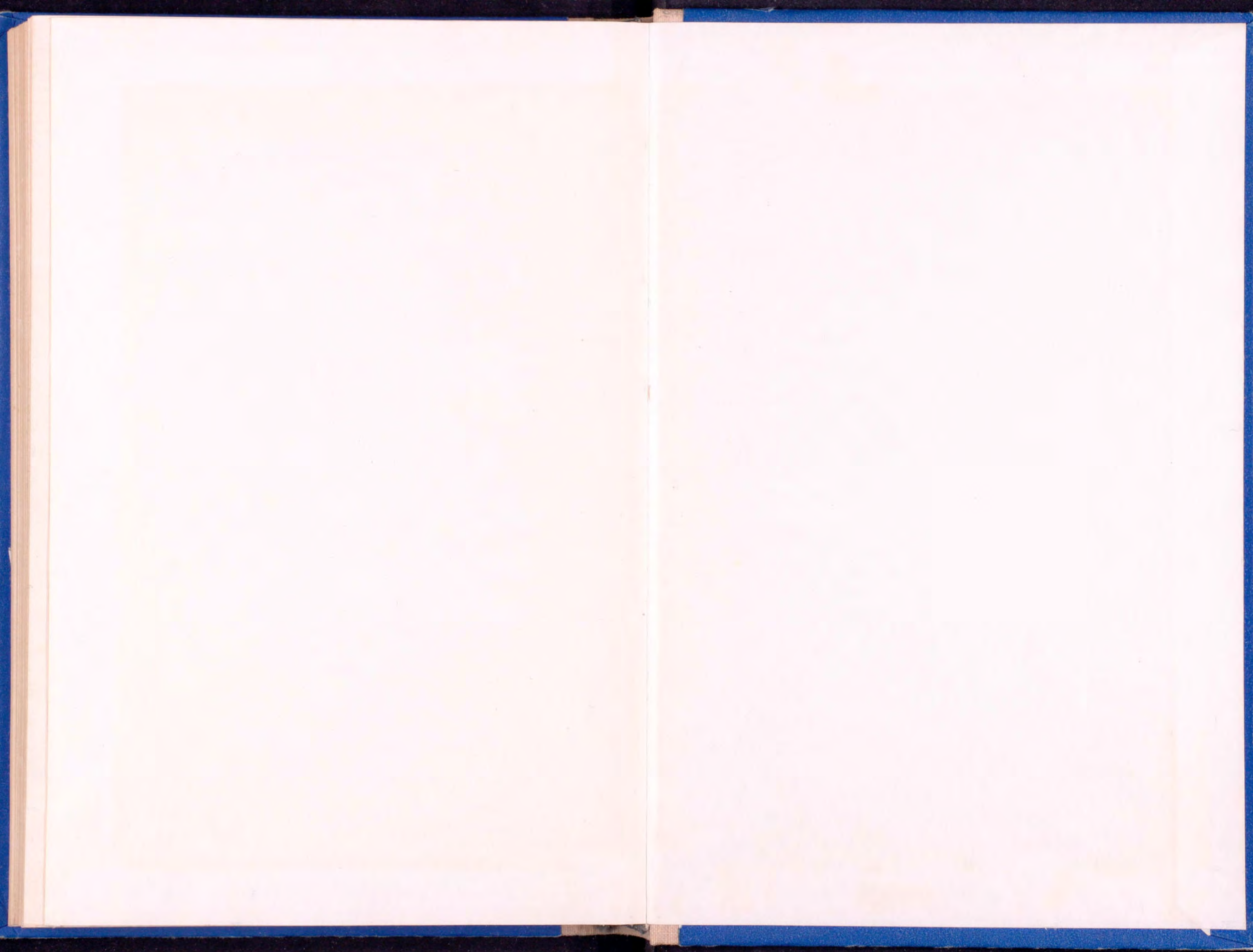
Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор А. Г. Лиознов. Младший редактор И. А. Бодянская. Художник А. Г. Кобрин.
Художественный редактор И. Р. Бескин. Технический редактор В. П. Стуковнина.
Корректор Э. Н. Раковская

Сдано в набор 29/IX 1976 г. Подписано к печати 25/II 1977 г. А-01126. Формат 60×90¹/₁₆.
Бум. № 1. Печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 21,09. Тираж 2000 экз. Изд. № 3910. Зак. 760.
Цена 2 руб. 25 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 2 р. 25 к.